МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «ОДЕССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ГАРАДЖАЕВ Джейхун Ясин оглы

УДК 340.131(479.24)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

специальность 12.00.02 – конституционное право;
муниципальное право

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант –
Мишина Наталья Викторовна,
доктор юридических наук, профессор

Одесса – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ …….…… 5

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИИЧЕСКИЙ БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ …….. 22

1.1. Методология исследования Конституционного Суда Азербайджанской Республики и перспектив использования опыта Суда Европейского Союза для его усовершенствования ……. 22

1.2. Конституционное развитие Азербайджанской Республики и становление Конституционного Суда …….. 47

1.3. Конституционное развитие Европейского Союза и становление Суда Европейского Союза ……. 77

Выводы по Разделу 1 …… 107

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА …… 113

2.1. Историография конституционно-правовых исследований Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Суда Европейского Союза ……. 113

2.2. Концептуальные подходы к исследованию Конституционного Суда Азербайджанской Республики (конституционный статус исследуемого органа) …….. 141

2.3. Место Конституционного Суда в системе органов государственной власти Азербайджанской Республики …. 161

Выводы по Разделу 2 …… 190

РАЗДЕЛ 3. ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ФОРМИРОВАНИЕМ ……..….. 195

3.1. Квалификационные требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики ……..… 195

3.2. Порядок формирования Конституционного Суда Азербайджанской Республики …….…….. 208

3.3. Перспективы использования опыта Суда Европейского Союза для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с его формированием……..……. 224

Выводы по Разделу 3 …… 235

РАЗДЕЛ 4. ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ …….. 240

4.1. Правовой статус судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики ……. 240

4.2. Структура Конституционного Суда Азербайджанской Республики …….. 293

4.3. Перспективы использования опыта Суда Европейского Союза для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с его

внутренней организацией ……..……. 303
Выводы по Разделу 4 …… 315

РАЗДЕЛ 5. ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ …….. 321
5.1. Функции и компетенция Конституционного Суда Азербайджанской Республики ……. 321
5.2. Организация работы Конституционного Суда Азербайджанской Республики ……..... 344
5.3. Юридическая сила актов Конституционного Суда Азербайджанской Республики ……..... 367
5.4. Перспективы использования опыта Суда Европейского Союза для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с его деятельностью……. 385
Выводы по Разделу 5 …… 409

ВЫВОДЫ ……. 417

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ……. 423

ПРИЛОЖЕНИЯ ……..…. 478

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В своем приветственном послании по случаю юбилея Конституционного Суда Президент Азербайджанской Республики господин Ильхам Алиев отметил, что Суд «играет значительную роль в применении в национальном праве современных идей, связанных с правами человека, в частности принципов, закрепленных Европейской конвенцией по правам человека, в интеграции нашей страны в европейское правовое пространство, принятыми постановлениями оказывает влияние на развитие правовой системы и повышение правовой культуры, активно участвует в укреплении правовых основ государства в целом» [310].

В настоящее время созданный в 1998 г. Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – АР) занял значимое место в системе органов государственной власти страны; среди важнейших направлений его деятельности – толкование Конституции и законов, контроль за соответствием нормативно-правовых актов Основному Закону, защита прав и свобод человека и гражданина. С каждым годом количество запросов, обращений и особенно конституционных жалоб в Конституционный Суд Азербайджана увеличивается, особый интерес представляет защита социальных прав (см., например, [21]). Если в конце 1990-х годов при формировании Конституционного Суда юридическая общественность страны обсуждала место и роль органа конституционного контроля в системе государственной власти, то в настоящее время предметом дискуссии являются наиболее эффективные пути его функционального реформирования. Кроме того, обобщается судебная практика, систематизируются правые позиции Суда [400].

С каждым годом количество запросов, обращений и особенно конституционных жалоб в Конституционный Суд Азербайджана увеличивается. Если в конце 1990-х годов при формировании

Конституционного Суда юридическая общественность страны обсуждала место и роль органа конституционного контроля в системе государственной власти, то в настоящее время предметом дискуссии являются наиболее эффективные пути его функционального реформирования. Кроме того, обобщается судебная практика, систематизируются правые позиции Конституционного Суда АР.

Следует отметить, что комплексные монографические исследования конституционного статуса Конституционного Суда АР отсутствуют не только в украиноязычной и русскоязычной, но и в азербайджаноязычной литературе. В числе работ, в которых затронуты отдельные вопросы формирования и функционирования Конституционного Суда АР: монография Ф. С. Абдуллаева «Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики (1998 – 2012 годы) (г. Баку, 2012 г.) и его диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Ф. С. Абдуллаева на тему «Теоретические и практические проблемы конституционного производства в Азербайджанской Республике» (г. Баку, 2001 г.), диссертации Х.И.Ф. Гаджиева на тему «Толкование норм Конституции и закона конституционными судами: на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации» (г. Москва, 2001 г.), Т.Б. Эйнуллаева на тему «Место постановлений Конституционного Суда Азербайджанской Республики в правовой системе Азербайджана (вопросы теории и практики)» (г. Баку, 2010 г.) и др. Однако, конституционный статус Конституционного Суда АР до сих пор не стал предметом научного анализа на монографическом уровне.

При выборе темы исследования важную роль сыграло то, что динамика развития Конституционного Суда АР, увеличение его роли в системе сдержек и противовесов актуализирует вопросы дальнейшего усовершенствования его конституционного статуса. Речь идет и о снижении нагрузки на Конституционный Суд АР вообще и на его судей в частности, о введении процедуры отбора кандидатов на должности судей и пр. Изучение практики преодоления этих проблем за пределами Азербайджана привлекло внимание к

соответствующему опыту Суда Европейского Союза (далее – ЕС), именуемому учеными многофункциональным органом, который является в том числе конституционным судом ЕС. Актуальность использования опыта именно Суда ЕС для формулирования концепции усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджана обусловлена рядом причин: а) интенсификация интеграционных процессов в современном мире и глобализация в основных сферах общественной жизни сосредоточили поиск эффективных способов решения национальных проблем не только в практике зарубежных стран, но и в наднациональной практике; б) Суд ЕС, как один из элементов институциональной системы ЕС, играет важную роль в сохранении национальной идентичности в процессе межгосударственной интеграции. Даже учитывая то, что Азербайджан пока не стремится к евроинтеграции, опыт защиты национальной идентичности в условиях глобализации крайне ценен; в) Суд ЕС вносит огромный вклад в создание целостной, непротиворечивой системы права ЕС, и этот опыт также очень важен для Конституционного Суда Азербайджанской Республики; г) демократический государственный режим в Азербайджане постоянно эволюционирует и укрепляется в том числе через право, а Суд ЕС имеет значительную практику в этой сфере (речь идет о наиболее новых странах-членах ЕС, о так называемых постсоциалистических странах); д) Судом ЕС наработаны способы использования в своей практике решений Европейского Суда по правам человека. А Конституционный Суд Азербайджана зачастую своими решениями имплементирует в национальную правовую систему положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; е) в процессе создания и дальнейшего реформирования Суда ЕС учитывался лучший опыт европейских государств-членов ЕС в соответствующей функциональной сфере.

Следует отметить, что до настоящего времени в юридической литературе преобладали либо сравнительные исследования национальных органов конституционного контроля европейских государств, либо анализ формирования и функционирования Суда ЕС. Наиболее весомый вклад в

сравнительные исследования национальных органов конституционного контроля европейских государств внесла Е.А. Гагаева диссертационным исследованием на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Влияние европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы», 2010 г.), а также монографией на тему «Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы» (2013 г.), в соавторстве с И. Г. Дудко. Наиболее содержательные исследования формирования и деятельности Суда ЕС принадлежат авторству Т. В. Комаровой («Юрисдикция Суда Европейского Союза», 2010 г.), М. В. Кривовой («Организация и юрисдикция Суда ЕС: теория и практика», 2004 г.), Ю. М. Орловой («Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями», 2005 г.), Я. П. Андриенко («Роль Суда ЕС в формировании европейского правового пространства», 2004 г.). Однако в настоящее время в украиноязычной, русскоязычной и в азербайджаноязычной литературе отсутствуют исследования, в которых проводился бы сравнительный анализ конституционного статуса национального органа конституционного контроля с многофункциональным наднациональным судебным органом, в число полномочий которого входит осуществление конституционного контроля.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках: научно-исследовательской темы кафедры конституционного права «Конституционная реформа и модернизация в условиях интеграционного развития Украины», которая связана с планом научных исследований Национального университета «Одесская юридическая академия» на 2016–2020 гг. «Стратегия интеграционного развития Украины: правовое и культурное измерение» (государственный регистрационный номер 0116U001842); научно-исследовательской темы кафедры конституционного права «Конституционная модернизация и реформирование в Украине», которая связана с планом научных исследований Национального университета «Одесская юридическая

академия» на 2011–2015 гг. «Теоретические и практические проблемы обеспечения устойчивого развития украинской государственности и права (государственный регистрационный номер 0110U000671); научно-исследовательской темы кафедры конституционного права «Конституционная модернизация и реформирование в Украине», которая связана с планом научных исследований Национального университета «Одесская юридическая академия» на 2006–2010 гг. «Традиции и новации в современной украинской государственности и правовой жизни» (государственный регистрационный номер 0106U004970).

Цель и задачи исследования. Цель дисертационного исследования состоит в характеристике конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики и выявлении перспектив его усовершенствования на основании изучения опыта Суда Европейского Союза в части осуществления им конституционного контроля.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

критически осмыслить существующие конституционно-правовые исследования Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Суда Европейского Союза;

охарактеризовать конституционное развитие Азербайджанской Республики и становление Конституционного Суда АР;

раскрыть конституционное развитие Европейского Союза и становление Суда Европейского Союза;

сформулировать методологию исследования Конституционного Суда Азербайджанской Республики и перспектив использования опыта Суда Европейского Союза для его усовершенствования;

обосновать целесообразность выбора такого концептуального подхода к исследованию Конституционного Суда Азербайджанской Республики, который состоит в изучении конституционного статуса иисследуемого органа;

сформулировать понятие «конституционный статус Конституционного Суда Азербайджанской Республики»;

обосновать роль места Конституционного Суда Азербайджанской Республики как предстатусного элемента;

определить элементы, формирующие конституционный статус Конституционного Суда Азербайджанской Республики;

сгруппировать элементы конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики в зависимости от того, связаны ли они с его формированием, с его внутренней организацией или с его деятельностью;

охарактеризовать элементы конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанные с его формированием (Квалификационные требования к кандидатам на должности судей, порядок формирования);

охарактеризовать элементы конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанные с его внутренней организацией (правовой статус судей, структура исследуемого органа);

охарактеризовать элементы конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанные с его деятельностью (функции и компетенция, организация работы и юридическая сила его актов);

концептуализировать перспективы использования опыта Суда Европейского Союза для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с его формированием, внутренней организацией и деятельностью.

Объектом исследования является конституционный контроль в Азербайджанской Республике.

Предметом исследования является Конституционный Суд Азербайджанской Республики: теория и практика.

Методы исследования. При проведении диссертационного исследования для получения достоверных научных результатов были использованы аксиологический, антропоцентрический, диалектический, синергетический, телеологический, цивилизационный и др подходы. Для достижения цели исследования были использованы преимущественно: сравнительный метод (как «по вертикали», так и «по горизонтали», причем в последнем случае, – лишь после обоснования сравнимости исследуемых объектов вследствие их функциональной схожести, п. 2.2, разделы 3–5); историко-правовой метод (при анализе опыта конституционного развития и конституционного контроля в АР и в ЕС, п.п. 1.2, 1.3); формально-логический метод (для формулировки и оценки дефиниций, классификаций, иных авторских разработок, а также для аргументации выводов и предложений, сформулированных в исследовании, п.п. 1.1, 2.2–2.3, 3.1, 4.1–4.2, 5.1); методы индукции и дедукции (для анализа сходства и различия объектов и явлений, для сопоставления объектов, соотносящихся между собой как целое и часть, для поиска эмпирических зависимостей между ними, п.п. 1.1, 2.1, разделы 3–5); методы анализа и синтеза (для формирования модели конституционного статуса рассматриваемого органа и для последовательного рассмотрения соответствующего опыта Суда ЕС; при осуществлении описанной последовательности действий использовались также методы абстрагирования и моделирования, п.п. 2.2-2.3, разделы 3–5); системный метод (для поэлементной характеристики конституционного статуса Конституционного Суда АР и для формулирования предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства АР о конституционном контроле, п.п. 3.1-3.2, 4.1–4.2, 5.1–5.3); функциональный метод (для аргументации сравнимости Конституционного Суда АР и Суда ЕС, а также для характеристики целей деятельности, функций и компетенции этих органов, п. 1.1, 2.3, 5.1, 5.3); герменевтический метод (при обращении к полномочиям Конституционного Суда АР и Суда ЕС, предполагающих осуществление официального толкования конституции, а также в совокупности со сравнительным методом

при сравнении правовых систем АР и ЕС, п. 1.2–1.3, 5.1, 5.3); статистический метод (при изучении вопросов количества дел, рассматриваемых Конституционным Судом АР, предельного возраста нахождения на должности судей Конституционного Суда АР, длительности их пребывания на должности, п. 3.1, раздел 5), др.

Теоретической основой диссертационного исследования стали научные разработки таких украинских и зарубежных авторов, как Ф.С. Абдуллаев, Я.П. Андриенко, М.В. Афанасьева, З.М. Багиров, Ю.Г. Барабаш, Д. А.Басангов, О.В. Батанов, Д.Н. Бахрах, М.М. Бирюков, Ю.Н. Бысага, Н.А. Богданова, Х.Н. Бехруз, Н.В. Витрук, Е.А. Гагаева, Х.И. Гаджиев, Д.В. Ганя, К. Ю. Голуб, Р.Б. Гулиев, Л.Г. Гусейнов, А.С. Головин, М.А. Дамирли, В.В. Дудченко, С.В. Ершов, Р.Ю. Зеленов, Н.Ю. Ильин, И.И. Забокрицкий, С.П. Казанков, А.М. Кальяк, С.В. Кивалов, О.Ю. Киреева, А.А. Клишас, В.П. Колесник, Т. В. Комарова, И.А. Кравец,М.В. Кривова, А.Р. Крусян, Н.Н. Курова, Е.В. Лунгу, П.Н. Любченко, Н.Ф. Мамедов, Н.В. Мамченко, О.В. Марцеляк, А.Н. Мироненко, Н.В. Мішина, С.Э. Несмеянова, Т.А. Николаева, М.А. Нудель, Ю.Н. Оборотов, О.В. Опря, М.Ф. Орзих, Ю.М. Орлова, П.М. Рабинович, С.М. Рзаев, В.П. Тихий, Н.Д. Савенко, М.В. Савчин, М.Н. Самедов, Э.Н. Самедов, К.А. Сасов, М.А. Свистунова, А.А. Селиванов, В.Е. Скомороха, А.А. Стрижак, Д.А. Сулейманов, С.В. Сулимский, И.А. Тимченко, О.Д. Тихомиров, П.Н. Ткачук, А.С. Фастовец, Т.Я. Хабриева, А.О. Четвериков, В.Н. Шаповал, Ю.С. Шемшученко, С.В. Шевчук, О.В. Щербанюк, К.В. Энтин,Т.О. Яшникова и др.

Нормативно-правовой базой диссертационного исследования являются Конституция Азербайджанской Республики, Конституционный Закон АР «О нормативно-правовых актах», Закон АР «О Конституционном Суде», Внутренний Устав (Регламент) Конституционного Суда АР, др., а также Договор о Европейском Союзе 1992 г., Договор о функционировании Европейского Союза 2007 г., Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза, другие протоколы к этим договорам и т.д.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют практика рассмотрения дел Конституционным Судом АР, Судом ЕС, справочные издания, статистические данные и материалы средств массовой информации.

Научная новизна полученных результатов. Диссертация является первым комплексным исследованием конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики и перспектив его усовершенствования, сформулированных на основании изучения опыта Суда Европейского Союза в части осуществления им конституционного контроля.

Научная новизна выражается в таких основных положениях:

впервые:

доказана сравнимость национального органа конституционного контроля (на примере Конституционного Суда АР) с Судом ЕС в части формирования и деятельности этого наднационального судебного органа при осуществлении конституционного контроля с учетом: а) использования европейской модели конституционного контроля; б) принадлежности исследуемых органов к органам судебной власти; в) сущностного и содержательного совпадения полномочий этих органов, связанных с осуществлением конституционного контроля;

разработана методология проведения комплексного конституционно-сравнительного исследования национального органа конституционного контроля (на примере Конституционного Суда АР) с Судом ЕС в части формирования и деятельности этого наднационального судебного органа при осуществлении конституционного контроля;

предложено в Основном Законе АР закрепить основы конституционного статуса Конституционного Суда АР не в одной из статей Главы VII «Судебная власть», а в отдельной главе «Конституционный Суд Азербайджанской Республики», а также разработаны комплексные изменения и дополнения в Основной Закон АР, направленные на более четкое разграничение статуса судебных органов общей и конституционной юрисдикции;

аргументирована целесообразность заимствования опыта формирования Суда ЕС в части предварительного отбора кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР специально созданным Комитетом экспертов при Президенте АР – для учета таких оценочных требований, как безупречная репутация, владение навыками практического применения норм конституционного права и др.; разработаны предложения о персональном составе этого Комитета;

обоснована необходимость повышения с 5 до 10 лет стажа работы по юридической специальности, необходимого для занятия должности судьи Конституционного Суда АР;

рекомендована прямая рецепция опыта Суда ЕС в части включения в состав Конституционного Суда АР генеральных адвокатов, в т.ч предложено: а) на основании сравнения количества судей с количеством генеральных адвокатов в Суде ЕС создать в Конституционном Суде АР 4 вакансии генеральных адвокатов; б) считать основной функцией генеральных адвокатов Конституционного Суда АР представление заключений по рассматриваемым Судом делам; в) возложить распределение дел между генеральными адвокатами на Председателя Конституционного Суда АР; г) предъявлять к кандидатам на должности генеральных адвокатов Конституционного Суда АР требования, аналогичные требованиям к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР; д) установить порядок формирования корпуса генеральных адвокатов Конституционного Суда АР, аналогичный порядку формирования судейского корпуса исследуемого органа; е) предусмотреть одинаковый срок полномочий для судей и для генеральных адвокатов Конституционного Суда АР – пожизненное занятие должности до достижения предельного возраста нахождения на ней (70 лет);

предложено классифицировать гарантии независимости судей Конституционного Суда АР в зависимости от их содержания на организационные (несовместимость, беспристрастность, неприкосновенность личности и жилища, иммунитет от юрисдикции, особый порядок

формирования Конституционного Суда АР), процессуальные (особое мнение судьи, самоотвод судьи, тайна совещательной комнаты) и социальные (материальное обеспечение судей и их социальная защита);

обоснована целесообразность рецепции опыта Суда ЕС в части отказа от исчерпывающего перечня оснований для отвода судей Конституционного Суда АР и необходимость закрепления в Законе АР «О Конституционном Суде» нормы, предусматривающей, что судья имеет право подать заявление о самоотводе в случае, если по какой-либо особой причине не может принимать участия в рассмотрении дела;

установлено, что к функциям Конституционного Суда АР в настоящее время относятся контрольная, интерпретационная, арбитражная, правозащитная, церемониальная функции;

аргументирована целесообразность передачи от Конституционного Суда АР Верховному Суду АР полномочий по толкованию законов и иных нормативных актов с тем, чтобы единственный орган конституционной юрисдикции АР осуществлял официальное толкование лишь норм Основного Закона АР, что позволит ему уделять большее внимание теоретическому обоснованию принимаемого решения, в т. ч. толкуя Основной Закон с точки зрения прямо закрепленных в нем конституционных принципов, а также заложенных в его тексте ценностей и принципов конституционализма;

предложено закрепить в Законе АР «О Конституционном Суде», что: а) постановления о толковании нормативно-правовых актов с позиции их соответствия Основному Закону АР не ограничены в ретроспективном применении; б) правовые позиции, изложенные постановлениях Конституционного Суда АР, в т.ч. и в мотивировочной части, имеют обязательный характер; в) определения Пленума Конституционного Суда АР, содержащие требования материального характера, имеют обязательный характер;

сформулировано предложение о целесообразности сокращения в Законе АР «О Конституционном Суде» количества норм процессуального характера с

тем, чтобы регламентацию своей деятельности осуществлял Конституционный Суд АР принимаемым судейским корпусом Внутренним Уставом (Регламентом); в контексте этого предложения обосновано отсутствие необходимости принятия Конституционного процессуального кодекса АР;

доказана целесообразность внесения в Закон АР «О Конституционном Суде» изменений, направленных на усовершенствование его структуры, в т.ч.: а) объединить в одну главу нормы трех глав, касающиеся организации функционирования исследуемого органа; б) изложить требования к судьям Конституционного Суда АР и требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР не в одной, а в разных статьях; в) разместить нормы о гарантиях независимости судей Конституционного Суда АР в статьях главы «Статус судей Конституционного Суда»; г) присоединить статьи 12-14 к Главе второй «Основы организации и деятельности Конституционного Суда» (таким образом нормы, содержащие требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда, а также регламентирующие избрание судей Конституционного Суда, начало и срок их полномочий, будут располагаться логически верно – непосредственно перед нормами, закрепляющими статус судей Конституционного Суда АР), др.;

усовершенствовано:

положение о том, что место Конституционного Суда АР в системе органов публичной власти имеет предстатусный характер и определяет структуру конституционного статуса исследуемого органа;

структура конституционного статуса органа конституционного контроля (на примере Конституционного Суда АР), которая включает элементы, связанные с его формированием (квалификационные требования к судьям и порядок формирования), внутренней организацией (структура и правовой статус судей) и деятельностью (функции и компетенция, организация его работы и юридическая сила его актов);

положение о том, что в настоящее время применительно к ЕС преждевременно вести речь о реализации принципа разделения властей,

используемого суверенными государствами; система органов ЕС строится с учетом принципа институционального баланса;

аргументация о нецелесообразности применения классификации полномочий органов конституционного контроля в зависимости от их важности на основные и дополнительные к полномочиям Конституционного Суда АР с учетом чрезвычайной важности каждого из полномочий;

получили дальнейшее развитие:

предложение заменить избрание судей Конституционного Суда АР на 15-летний срок пожизненным избранием;

аргументация искусственности разграничения понятий «конституционный статус» и «конституционно-правовой статус» и целесообразности использования в литературе понятия «конституционный статус» для минимизации громоздких словесных конструкций в юридических текстах;

предложение именовать Конституционный Суд АР не «высшим», а «единственным» органом конституционной юрисдикции в государстве;

обоснование целесообразности выделения в наднациональной системе права ЕС отрасли конституционного права ЕС;

положение о существовании Конституции ЕС, которая в настоящее время имеет консолидированный характер и состоит из учредительных договоров ЕС с изменениями и дополнениями и Хартии фундаментальных прав.

Практическое значение полученных результатов состоит в том, что они могут быть использованы в:

научно-исследовательской деятельности – при дальнейшем изучении конституционного статуса Конституционного Суда АР в частности и органов конституционного контроля в целом, а также при анализе осуществления Судом ЕС полномочий в сфере конституционного контроля; для развития учения о конституционном контроле и правовом статусе органов конституционного контроля (Акт внедрения результатов диссертационного

исследования в учебную и научно-исследовательскую деятельность Национального университета «Одесская юридическая академия» от 1 марта 2017 г.);

законотворческой сфере – в процессе дальнейшего усовершенствования нормативно-правовых актов АР, нормы которых используются для регламентации формирования и функционирования Конституционного Суда АР; для усовершенствования законодательства о конституционном контроле в АР (Справка о внедрении результатов диссертационного исследования в деятельность Комитета Милли Меджлиса АР по вопросам правовой политики и государственного строительства от 30 марта 2017 г.);

правоприменительной сфере – при заимствовании АР лучшего опыта осуществления конституционного контроля государств-членов ЕС, который уже нашел свое применение на наднациональном уровне при регламентации формирования и организации работы Суда ЕС в части осуществления им полномочий в сфере конституционного контроля; для обеспечения эффективной деятельности органов судебной власти АР (Справка о внедрении результатов диссертационного исследования в деятельность Конституционного Суда АР от 30 марта 2017 г.; Справка о внедрении результатов диссертационного исследования в деятельность Бакинского Административно-Экономического Суда №1 АР от 30 марта 2017 г.);

учебном процессе – при подготовке учебников, пособий, иных учебно-методических материалов по дисциплинам: «Конституционное право Азербайджанской Республики», «Конституционное право зарубежных стран», спецкурсов, посвященных конституционному контролю, а также проблематике прав и свобод человека и гражданина. Отдельные положения диссертационного исследования применялись во время проведения лекций и практических занятий в Бакинском государственном университете (Азербайджанская Республика), а также подготовки соответствующих разделов учебников, учебных пособий и методических рекомендаций по указанным дисциплинам (Акт внедрения результатов диссертационного исследования в

учебную и научно-исследовательскую деятельность Национального университета «Одесская юридическая академия» от 1 марта 2017 г.).

Личный вклад соискателя. Диссертационное исследование выполнено соискателем самостоятельно. В опубликованных работах, написанных в соавторстве, соискателем самостоятельно подготовлены: в учебнике «Конституционное право зарубежных стран» (г. Харьков, 2015 г.), написанном в соавторстве с И.О. Бондаренко, Д.Е. Волковой, Н.А. Дерус, А.Р. Крусян, Н.В. Мишиной и др. – тема 16 «Конституционное право Республики Азербайджан» (с. 496-528); в т. 2 «Особенная часть» учебника «Конституционное право зарубежных стран» (г. Днепропетровск, 2014 г.), написанном в соавторстве с А.М. Бориславской, Н.А. Дерус, А.А. Езеровым, Н.В. Мишиной и др., – тема 16 «Конституционное право Республики Азербайджан» (с. 4-29). Научные идеи, принадлежащие соавторам опубликованных работ, в диссертации не используются.

Апробация результатов диссертации. Основные положения научного исследования, теоретические и практические выводы, содержащиеся в диссертации, докладывались во время выступлений на 42 международных, всеукраинских научных и научно-практических конференциях, круглых столах, научных семинарах, слушаниях, среди которых: «Совет Европы – Европейский суд по правам человека» (г. Страсбург, 13-14 ноября 2001 г.), Информационный семинар для работников юстиции в контексте стандартов Европейского комитета по вопросам предотвращения пыток и нечеловеческого либо унижающего достоинство поведения или наказания (CPT) (г. Баку, 28-29 октября 2002 г.), «Государственные гарантии защиты прав и свобод каждого» (г. Баку, 1-2 октября 2003 г.), «Уголовное правосудие и Европейская Конвенция по правам человека» (г. Баку, 26-27 мая 2004 г.), «Конституции Азербайджана – 10 лет» (г. Баку, 11 ноября 2005 г.), «Конституция Азербайджана и современные реформы» (г. Баку, 12 ноября 2005 г.), «Правовая жизнь современной Украины» (г. Одесса, 26 апреля 2006 г.), «Третьи Прибужские юридические чтения» (г. Николаев, 23-24 ноября 2007 г.); «Зона

свободной торговли Украина – Европейский Союз и европейская интеграция: правовые и экономические аспекты» (г. Одеса, 8 июня 2007 г.); «Демократическое законодательство» (г. Вена, 6-7 ноября 2008 г.), «Четвертые Прибужские юридические чтения» (г. Николаев, 28-29 ноября 2008 г.); «Верховенство права в развивающемся мире» (г. Киев, 22-27 марта 2009 г.); «Дети в конфликте с правом» (г. Анкара, 27-29 апреля 2009 г.), «Пятые Прибужские юридические чтения» (г. Николаев, 27-28 ноября 2009 г.); «Государство и право в условиях глобализации: реалии и перспективы (г. Симферополь, 16-17 апреля 2010 г.); «Институт особого мнения в конституционно-судебном процессе» (г. Батуми, 15-20 сентября 2010 г.); «Обеспечение прав человека в процессе конституционных реформ» (г. Баку, 12 ноября 2010 г.); «Эффективные механизмы имплементации Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека» (г. Баку, 10 декабря 2010 г.); «Механизм применения Закона «О борьбе с бытовым насилием» от 22 июня 2010 года» (г. Баку, 11 марта 2011 г.); «Влияние Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека на процесс конституционного контроля в Азербайджанской Республике» (г. Баку, 20 апреля 2011 г.); «Защита прав женщин, пострадавших от бытового насилия» (г. Баку, 21 мая 2011 г.); XV международный Конгресс конституционных судов европейских стран (г. Бухарест 22-28 мая 2011 г.); XVIII международный семинар, организованный Международным союзом юристов (г. Баку, 27-28 сентября 2011 г.); «Актуальные проблемы юридической науки» (г. Баку, 30 марта 2012 г.); «Правовые системы современности» (г. Одесса, 27 апреля 2012 г.); «Правовая жизнь современной Украины» (г. Одесса, 16-17 мая 2012 г.); «Конституционный контроль в системе разделения властей» (г. Тирана, 7-8 июня 2012 г.); «Право на равенство: рамки конституционной защиты» (г. Батуми, 6-8 июля 2012 г.); «Эффективность и качество правосудия: современные технологии и подходы» (г. Минск, 27-28 сентября 2012 г.); «Актуальные проблемы защиты прав человека в процессе глобализации: теория и практика» (г. Баку, 2 ноября 2012 г.); «Актуальны вопросы

правосудия в Германии» (г. Берлин, Франкфурт, Лейпциг, Потсдам, 14-23 мая 2013 г.); «Суд присяжных и справедливость в уголовном процессе» (г. Вашингтон, Дель Рио, Сан Антонио, 13-23 июня 2013 г.); «Правовое обеспечение эффективного выполнения решений и применение практики Европейского суда по правам человека» (г. Одесса, 20-21 сентября 2013 г.); «Компетенция конституционного суда: пределы и возможности расширения» (г. Рига, 25-28 сентября 2013 г.); «Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы» (г. Москва, 26-28 ноября 2013 г.); Кутафинские чтения (г. Москва, 28 ноября 2013 г.); «Азербайджан 2020: Эффективные средства защиты прав человека в контексте взглядов на будущее» (г. Баку, 30 ноября 2013 г.); 3-ий Конгресс Конституционных судов стран мира (г. Сеул, 28 сентября – 2 октября 2014 г.); «Актуальные проблемы обеспечения конституционных прав и свобод человека» (г. Баку, 7 ноября 2014 г.); «Свобода и безопасность: повышение эффективности конституционной жалобы» (г. Батуми, 27-28 июня 2015 г.); «Правовые и институционные механизмы обеспечения развития государства и права в условиях евроинтеграции» (г. Одесса, 20 мая 2016 г.); «Конституционный контроль и процессы демократической трансформации в современном обществе» (г. Киев, 7-8 октября 2016 г.); «Современные тенденции в юридической науке Украины» (г. Харьков, 24-25 января 2017 г.).

Публикации. Основные теоретические положения, выводы, предложения и рекомендации диссертационного исследования изложены в 82 научных публикациях, среди которых: монография, 22 статьи в научных изданиях Украины, 21 статья в зарубежных изданиях и изданиях Украины, включенных в международные научно-метрические базы, 35 тезисов докладов и сообщений на международных, азербайджанских, всеукраинских научных и научно-практических конференциях, круглых столах, научных семинарах и слушаниях.

РАЗДЕЛ 1.
ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИИЧЕСКИЙ БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ

1. 1. Методология исследования конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики и перспектив использования опыта Суда Европейского Союза для его усовершенствования

Вопросы методологии имеют важное значение при проведении любого исследования. Как отметил А. В. Батанов, «каждая обществоведческая наука имеет свой методологический инструментарий, при помощи которого она изучает соответствующие социальные процессы, делает выводы и дает предложения для практики. Методология относится к отрасли наиболее актуальных и сложных проблем юридической науки» [25, с. 152]. Не является исключением и наука конституционного права.

Методология – это учение об организации деятельности [235, с. 6]. Н. А. Богданова сформулировала, что «методология науки конституционного права – это область знания данной науки, представляющая собой теоретическое объяснение оснований и принципов познания ее предмета и предлагающая логические способы и приемы исследования с целью формирования объективного, всестороннего, системного конституционно-правового знания» [36, с. 63]. Кроме Н. А. Богдановой, методологические аспекты конституционно-правовых исследований в своих научных трудах анализировали А. В. Батанов, В. В. Дудченко, Н. В. Мяловицкая, И. С. Самощенко и др. Следует также отметить, что и авторы учебно-методической литературы по конституционному праву редко обходят вниманием проблематику методологии этой науки.

Целью проводимого автором исследования является формулирование концепции усовершенствования конституционного статуса Конституционного

Суда АР с использованием опыта Суда ЕС. Вопросы использования опыта наднационального органа власти для дальнейшего усовершенствования различных аспектов создания и функционирования национального органа власти освещены в литературе крайне фрагментарно, а работы по методологии сравнительных конституционных исследований институтов национального и наднационального уровней в настоящее время отсутствуют. Соответственно, авторские разработки будут способствовать развитию методологии аналогичных конституционно-сравнительных исследований.

Итак, методология научного исследования традиционно рассматривается как совокупность подходов и методов изучения явлений и объектов окружающей действительности (среды), с помощью которых, по мнению ученого, возможно достижение максимально обоснованного результата. Важность вопроса методологии научного исследования обусловлена не только ее непосредственным влиянием на то, насколько успешно будут решены поставленные исследователем задачи и насколько практически полезным будет полученный результат, но и на то, насколько достоверными будут итоги использования методов моделирования, научного прогнозирования. Именно методология научного исследования определяет и обуславливает сам процесс проведения исследования – начиная от сбора и обработки необходимой информации, заканчивая ее осмыслением и использованием для достижения сформулированной цели исследования. Так как процесс научного познания является субъективным, знание методологической основы исследования крайне важно для понимания и оценки результатов работы ученого.

Актуальность проводимого исследования повышается в связи с тем, что примерно с конца XX в. в контексте изучения опыта создания и функционирования Суда ЕС ученые ведут речь о «вертикальном» и «горизонтальном» сотрудничестве в европейском конституционном пространстве [367, с. 13]. Соответственно, предмет осуществляемого исследования лежит преимущественно в сфере конституционного права, однако, выходя за ее пределы, находится «на стыке» конституционного права и

европейского права. Понятие «конституционное право ЕС» вследствие транзиции, которую Л. Г. Матвеева определила как «непрерывное развитие» [200, с. 20], особенно активно протекающей в начале XXI ст., стало повседневной правовой реальностью, существование которой не оспаривается. По конституционному праву ЕС издаются книги и учебники (например, [460;458]), разрабатываются курсы для студентов-юристов (например, в Гарвардской школе права [428], в Центральноевропейском университете [422]). Издательство Кембриджского университета *Cambridge University Press Law* выпускает периодический журнал, посвященный конституционному праву ЕС (*The European Constitutional Law Review (EuConst*)) [466]. Появление конституционного права ЕС повышает интерес к использованию в его исследованиях цивилизационного подхода. С помощью этого подхода появляется возможность изучить и критически оценить достижения различных правовых систем и сделать выводы об эффективности заимствования соответствующего опыта.

При проведении исследования широко использовался синергетический подход. Обращение к этому подходу обусловлено, во-первых, междисциплинарностью проводимого исследования в той части, которая касается рассмотрения вопросов о рецепировании опыта Суда ЕС для дальнейшего совершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР. Во-вторых, анализируемые органы являются элементами соответствующих национальной и наднациональной систем, и, следовательно, при их изучении важны наработанные синергетикой объективные принципы самоорганизации сложных систем, влияния системных связей на структуру изучаемых объектов. К тому же и система органов публичной власти АР, и институционная система ЕС постоянно эволюционируют[1], что происходит в т. ч. с учетом синергетических закономерностей. Важным для исследования

[1] Существование в АР многоуровневой системы органов в публичной власти и наличие сложной институциональной системы в ЕС послужили причиной избрания в качестве одной из методологических основ исследования институционного подхода.

является и то, как рассматриваемые системы изменяются под влиянием внешних факторов, сохраняют ли свои характерные признаки, приобретают ли новые и пр. Синергетический подход стал особенно важным при изучении Конституционного Суда АР, поскольку этот орган был создан относительно недавно (с точки зрения теорий поведения самоорганизующихся систем) и ему только предстоит проходить в своем развитии точки бифуркации. В этом отношении опыт Суда ЕС очень ценен и важен, поскольку позволяет предвидеть возможные кризисы и прогнозировать последствия этих изменений установившегося режима работы системы.

В исследовании важное место занимал аксиологический подход. Сравнение национальной и наднациональной правовой систем, когда речь идет о Европейском Союзе и об Азербайджанской Республике, не являющейся членом этого Союза, делает актуальным обращение к культурно-историческому релятивизму как в историческом аспекте, так и в аспекте современной практики функционирования соответствующих органов. В. И. Анишина отметила, что «ни одна система права не может развиваться без определения ее базисных ценностей и целей, к которым она стремится, … эти цели и ценности должны быть легально и формально определены и обнародованы в виде принципов как основополагающих, движущих начал. Кто определяет состав и содержание принципов права, тот и обладает механизмом регулятивного воздействия на общество и государство» [12, с. 27]. Рассматриваемый подход очень важен для проведенного анализа, особенно в контексте с определением содержания принципов права. Следует отметить, что аксиологический подход в своих трудах детально осветил Ю.Н. Оборотов (см., например, [262;263]).

Аксиологический подход в исследовании проблем Конституционного Суда АР использовался в тесной связи с герменевтическим методом. В. В. Дудченко определяет его связь с герменевтикой таким образом: «важно не то, чтобы люди непрерывно имели целью абстрактные правила и превращали свою жизнь в механическое подведение своих поступков под

букву законов. Важно, чтобы в душах людей жило и действовало естественное право и чтобы законы адекватно и правильно отображали содержание свободной воли человека: тогда позитивное право будет совпадать с естественным правом» [95, с. 149]. Постоянная ориентация как Конституционного Суда АР, так и Суда ЕС на правовые ценности и демократические принципы обусловила важную роль, которую в этом исследовании сыграл аксиологический подход. Также этот подход использовался при изучении создания и становления Конституционного Суда АР в период смены общественных ценностей, которому сопутствовало провозглашение независимости АР.

В связи с поставленной целью важная роль в исследовании была отведена телеологическому подходу. При формулировании каждого предложения об использовании опыта формирования и функционирования Суда ЕС для дальнейшего совершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР оно анализировалось с использованием основных вопросов телеологического подхода: «С какой целью?», «Зачем?». Телеологический подход был использован при обосновании актуальности темы и значимости сформулированных предложений об использовании опыта Суда ЕС для дальнейшего совершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР – этот подход тесно связан с антропоцентризмом.

Антропоцентрический подход является важным элементом методологической основы любого конституционно-правового исследования, если речь идет о демократическом государственном режиме, ведь антропоцентризм исходит из того, что право видится скорее не регулятором общественных отношений, а способом создания максимально благоприятных условий для человека в обществе. Соответственно, государство с помощью принципов конституционализма прибегает к определенным самоограничениям, провозглашая человека своей наивысшей ценностью. Именно на антропоцентрическом подходе строят свою деятельность и Конституционный Суд АР, и Суд ЕС. Антропоцентрический подход – это именно тот подход,

недостаток которого сильнее всего прослеживался в конституционно-правовых исследованиях периода СССР. Ведь он предполагает предоставление личности максимальной свободы, а не «опеку» государства над личностью, пусть даже если речь идет о гарантированной реализации широкого перечня социальных и культурных прав.

Наконец, одной из важнейших методологических основ исследования Конституционного Суда АР стал диалектический подход, в соответствии с которым использованы логически дополняющие его принципы системности исследования, единства объективного и субъективного, взаимоотношения целого и части, общего и особенного, количества и качества, комплексности и развития. Принцип развития применялся как в его классическом понимании, с учетом сформулированных Гегелем трех основных законов развития (принципа единства и борьбы противоположностей; закона перерастания количественных изменений в качественные; закона отрицания отрицания), так и исходя из современных тенденций его рассмотрения (в частности, учитывалось телеологическое развитие).

Особое влияние диалектический подход к исследованию оказал на используемые в нем методы, связанные с логикой. Так, большинство событий и явлений действительности анализировались с точки зрения формальной логики, а проблемы, связанные с толкованием правовых норм, – с точки зрения диалектической логики. Это особенно важно с учетом все возрастающей роли принципов права в развитии государства и общества. На функционировании органов конституционного контроля это отражается в виде все чаще встречающегося стремления учитывать не только «букву» закона, но и его «дух». А формальная логика, часто именуемая «элементарной» [101, с. 11], не всегда способна предоставить соответствующий инструментарий. Связь между толкованием правовых норм и диалектической логикой подчеркивается исследователями начиная с середины XX в. Так, П. Е. Недбайло, один из родоначальников теоретических исследований в сфере толкования норм права, в отношении соответствующей методологии высказывался следующим

образом: «во-первых, принципы диалектической логики позволяют определить систему методов, при помощи которой возможно полное и правильное уяснение смысла правовых норм… Во-вторых, принципы диалектической логики, будучи глубинной, сущностной стороной методов толкования права, способствуют правильному определению основных направлений и пределов разработки данных методов. [322, с. 197-198]. И действительно, традиционно группа методов, с помощью которых проводится исследование, формируется на основании выбранной методологической основы научного исследования.

Следует согласиться с Н. А. Богдановой в том, что «методология науки конституционного права в самом широком смысле – это учение о путях познания предмета этой науки, способах решения стоящих перед ней задач. Отсюда основным предназначением методологии выступает обслуживание познавательной функции, выполняемой наукой. С этой целью методология предполагает, во-первых, мировоззренческие ориентиры, … на которых формируется научное знание, во-вторых, логический инструментарий изучения конституционно-правовых явлений и процессов» [36, с. 62]. Таким образом, после выбора мировоззренческих ориентиров (подходов) необходимо определиться с методами исследования.

На этапе формирования группы методов для проводимого анализа большое значение имеет соответствие методов исследования цели исследования и формулирование проблемы (объективно существующего противоречия, на решение которого направлено внимание исследователя). Следует отметить, что исследование конституционного статуса Конституционного Суда АР не само по себе, а в контексте возможности применения практики деятельности Суда ЕС для дальнейшего совершенствования его формирования и деятельности обуславливает частичную междисциплинарность поставленной задачи, что существенным образом усложняет совокупность применяемых в исследовании методов. Так, методов, традиционных для конституционно-правовых исследований, для достижения поставленной цели явно недостаточно – необходимо прибегнуть и

к методам, получившим распространение в теории государства и права в части изучения национальных и наднациональных правовых систем, сравнительного правоведения. Это ставит вопрос о сравнимости Конституционного Суда АР и Суда ЕС, а также о целесообразности использования для формулирования предложений по дальнейшему усовершенствованию работы Конституционного Суда АР соответствующего опыта именно Суда ЕС.

Из изложенного выше очевидно, что важным методом для проводимого исследования стал сравнительный метод. Следует отметить, что достаточно часто в конституционно-правовых исследованиях авторы не уделяют значительного внимания их методологии (исключениями являются в большинстве своем лишь диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук). В ряде случаев такой подход справедлив, преимущественно если выбор метода очевиден, так как он обуславливается объективной необходимостью. Например, если для проведения исследования необходимо изучить массив числовых данных, логичным является выбор статистического метода. Однако предпосылки к использованию сравнительного метода очевидны далеко не всегда. Сравнительный метод относится к тем методам, возможность использования которых в научном исследовании необходимо обосновывать. Не являются исключениями и конституционно-правовые исследования.

Специалисты по сравнительному правоведению достаточно часто обсуждают вопрос о соотношении сравнительного правоведения и сравнительного (компаративного) метода. Ю. О. Баранова отметила, что «в сравнительно-правовом познании доминирует сравнительно-правовой метод, который применяется в соединении с другими методологическими инструментами» [22, с. 6]. По этому поводу А. Д. Тихомиров в работе «Юридическая компаративистика: философско-методологические основы» рассуждает так: «многочисленные попытки проведения сравнительно-правовых исследований без их достаточного философского и наукозначимого осмысления привели к преимущественной интерпретации сравнительного

правоведения как сравнительно-правового метода, изучению отдельных аспектов развития правовых семей (кругов, типов, классов), их соотношения – между собой или с международным правом, «распылению» по отдельным юридическим научным дисциплинам» [353].

В ходе проведения настоящего исследования автор не ставил перед собой задачу создать работу по сравнительному правоведению. Целью было, оставаясь в рамках науки конституционного права, обогатить ее потенциал, используя сравнительный метод. Популярность сравнительного метода в конституционно-правовых исследованиях связана с тем, что «различные проблемы, возникающие в процессе реализации норм конституционного права, часто решаются при помощи материалов компаративистских исследований, ведь анализируя … зарубежный опыт, часто можно прийти к выводу о возможных путях их решения» [209, с. 101]. М. А. Дамирли отмечает перспективность выделения сравнительного конституционного права, а в его рамках – сравнительного парламентского права, сравнительного избирательного права и т. д. [84, с. 264].

Итак, несмотря на многообразие особенностей конституционализма в каждом государстве, ученые все более часто обращаются к зарубежному опыту. Причин для этого существует несколько: это и интенсифицирующиеся процессы глобализации, континентальной интеграции, и желание объективно оценить собственные достижения, и необходимость поиска вариантов для реформирования национальных институтов конституционного права, и др. В случае, если речь идет о выходе конституционно-правовых исследований за пределы национальных границ, важнейшую роль играют сравнения национальных институтов с наднациональными, так как чаще всего при создании и функционировании наднациональных институтов используется лучший опыт (т. е. фактически они формируются и действуют с учетом результатов, полученных при проведении сравнительных исследований).

Конституционно-сравнительные исследования чрезвычайно ценны для науки, в первую очередь, в связи с их наукоемкостью и трудоемкостью. Также

они требуют определенного уровня языковой подготовки ученого. В то же время не любое конституционно-сравнительное исследование обладает ценностью для науки. Для аргументации этого тезиса сначала обратимся к классификации сравнительных исследований по такому основанию, как временной промежуток проводимого сравнения. В зависимости от этого различают «вертикальные» и «горизонтальные» исследования. Целью «вертикальных» исследований является отслеживание качественных и количественных изменений, происходящих с одним и тем же конституционным институтом во времени. Целью «горизонтальных» исследований – сравнение однородных институтов, функционирующих в одно и то же время.

Целесообразность использования сравнительного метода очевидна для «вертикальных» исследований, за редкими исключениями. Проиллюстрировать одно из исключений можно на примере материалов института конституционного контроля: конституционно-сравнительное исследование конституционного контроля в СССР и в Азербайджанской Республике вряд ли будет целесообразным. Ведь в СССР конституционный контроль практически в течение всего периода существования государства осуществлялся не специализированным органом (органами), и к тому же носил явно идеологический характер. Итоги такого конституционно-сравнительного исследования будут чрезвычайно комплементарными для института конституционного контроля в АР, однако не более того. Вряд ли в результате такого исследования можно будет сформулировать выводы и предложения, направленные на прогресс в соответствующей сфере.

Целесообразность использования сравнительного метода для «горизонтальных» исследований, напротив, чаще всего нуждается в обосновании. Иногда на первый взгляд она весьма сомнительна, в связи с чем аргументация автора исследования имеет научное и практическое значение. Примером может служить сравнительное исследование конституционного контроля в АР и в ЕС.

Однако Азербайджан в рамках Восточного партнерства достаточно активно изучает опыт государств – членов ЕС. Например, в течение 2010-2011 гг. в рамках программы *Twinning* ЕС осуществлял поддержку и сотрудничество с Парламентом АР, судами и другими государственными органами.

Тем не менее такое исследование можно рассматривать как вклад в развитие науки конституционного права, который особенно актуален вследствие интенсификации глобализационных и интеграционных процессов в современном мире. В частности, исследование направлено на расширение конституционно-правовой методологии. Н. В. Мяловицкая высказалась в поддержку того, что «обязательным условием повышения практического потенциала науки конституционного права является постоянное углубление ее методологической базы. Именно укрепление теоретических основ какой-либо отрасли знаний позволяет, с одной стороны, выявить механизмы ее внутренней дифференциации, а с другой – интеграции со смежными науками» [223, с. 29]. Итак, сравнительное исследование опыта работы Конституционного Суда АР и аналогичных аспектов функционирования Суда ЕС будет носить преимущественно конституционно-правовой характер с учетом выбранного объекта исследования.

Актуальность исследования повышает тот факт, что институты ЕС и право ЕС редко изучаются конституционалистами, даже несмотря на существование такой отрасли, как конституционное право ЕС. В то же время, по справедливому замечанию А. О. Четверикова, «право Европейского Союза … содержит немало … элементов, которые могли бы быть полезными при дальнейшем развитии … как в сфере конституционного, так и других отраслей публичного и частного права. Обнаружить их и определить направления практического использования возможно посредством новых исследований отечественных конституционалистов, ученых-правоведов – представителей других юридических наук» [380, с. 197].

Постановка цели исследования и выбор его предмета обусловлены тем, что для дальнейшего совершенствования конституционного статуса

Конституционного Суда АР большое значение имеет изучение зарубежного и наднационального опыта с целью рецепции отдельных его положений. Причем если в XX в. в литературе речь шла лишь о рецепции как таковой, то с усилением процессов глобализации исследователи стали уделять этому понятию большее внимание, что привело к классификации рецепции по различным основаниям. Так, М. А. Пшеничнов справедливо отмечает, что «в зависимости от характера наступившего результата различаются две разновидности рецепции: позитивная и негативная (исключающая). Первая характеризуется тем, что во внутреннем праве появляется новая норма – аналог международно-правовой… Вариант негативной рецепции сопровождается отменой существующей нормы внутреннего права» [301, с. 123-124]. Исследование опыта Суда ЕС в большей степени ориентировано на позитивную, а не на негативную рецепцию, если речь идет о дальнейшем совершенствовании конституционного статуса Конституционного Суда АР.

В свою очередь, позитивная рецепция проявляется в форме прямой или косвенной рецепции. Следует согласиться с И. А. Кравцом в том, что «прямая или косвенная рецепция конституционных институтов возможна, если она не вступает в явный конфликт со сложившейся традицией, сохранение которой желательно в процессе политико-правовой трансформации» [169, с. 58]. При проведении конституционно-сравнительного исследования по заявленной теме авторские выводы позволили сформулировать предложения об использовании как позитивной прямой, так и позитивной косвенной рецепции, с обоснованием выбора того или иного вида заимствования. Например, позитивная прямая рецепция рекомендована в отношении закрепления основ конституционного статуса Конституционного Суда АР в отдельной главе Основного Закона АР. А позитивная косвенная рецепция будет целесообразна, в частности, если речь идет об отборе кандидатов на занятие должностей судей Конституционного Суда АР.

Использование сравнительного метода в данном исследовании является целесообразным еще и с учетом того, что при создании Конституционного

Суда АР была избрана европейская модель конституционного контроля. Следовательно, наибольший интерес с этой точки зрения представляют аналогичные по своим функциям органы европейских государств, особенно тех, которые имеют давний опыт работы, – Конституционный Суд Австрии, Конституционный Совет Франции, Федеральный Конституционный Суд ФРГ и т. д. Однако намного более эффективным является изучение практики формирования и функционирования органа, при создании и реформировании которого систематически используются наиболее эффективные наработки европейских государств – т. наз. «старых демократий». Этим органом как раз и является Суд ЕС.

При создании и организации работы Суда ЕС инкорпорировался лучший опыт судов всех государств-членов ЕС, в большинстве которых используется европейская модель конституционного контроля. Причем это опыт создания и функционирования и судебных органов общей юрисдикции (так, институт генеральных адвокатов известен Кассационному Суду Французской Республики), и органов конституционного контроля (так, организация работы Суда ЕС практически полностью совпадает с организацией работы Федерального Конституционного Суда ФРГ). Соответственно, изучение опыта Суда ЕС является своего рода «экономией усилий» – его исследование намного более эффективно, чем анализ опыта каждого в отдельности органа конституционного контроля государств-членов ЕС.

Аналогичного мнения придерживается и А. О. Четвериков. Исследуя институты Европейского Союза, он пишет о Суде ЕС следующее: «Хотя Европейские Сообщества и Союз являются новым политико-правовым образованием в Западной Европе, они, равно как и их правовая система, «впитали» в себя целый ряд элементов государственной и правовой организации стран-членов ЕС» [380, с. 139], подтверждая тем самым ценность изучения именно опыта создания и функционирования институтов ЕС, в т. ч. Суда ЕС. Ученый также утверждает, что в качестве «модели» устройства Суда ЕС была избрана судебная власть Французской республики [380, с. 139].

Похожую аргументацию о целесообразности использования сравнительного метода при исследовании конституционного контроля в ЕС и в отдельно взятом государстве, не являющемся членом Европейского Союза, в своем исследовании предложил и С. А. Нотин. Его размышления касаются сравнительного исследования формирования и функционирования Конституционного Суда Российской Федерации и Суда ЕС: «При создании Суда ЕС и Конституционного Суда Российской Федерации учитывался опыт построения и деятельности органов конституционного контроля государств-членов ЕС. Это предопределяет наибольшее сходство функций Суда ЕС и Конституционного Суда Российской Федерации по сравнению с другими высшими судебными органами Российской Федерации» [238, с. 8]. Следует согласиться и с его выводом о том, что «сравнение между решениями судов Российской Федерации и ЕС в настоящее время возможно лишь в тех областях, где … законодательство … гармонизировано» [238, с. 8]. По аналогии демократический характер принципов европейского конституционализма и азербайджанского конституционализма делает сравнение в данной сфере правовой жизни уместным и актуальным.

Когда речь идет об исследовании конституционного контроля в Азербайджанской Республике и в Европейском Союзе, еще одним аргументом в пользу актуальности использования сравнительного метода может послужить то, что «акты ЕС высокоэффективны для формирования единообразного законодательства. С их помощью осуществляется унификация национальных законодательств. ЕС постепенно подходит к задаче составления единых кодексов и отраслевых сводов» [392, с. 153]. С этой точки зрения опыт ЕС не только имеет достаточно продолжительный во времени характер, но и постоянно обогащается благодаря экстенсивному территориальному развитию Европейского Союза. Большинство «новых» государств-членов ЕС имеют постсоциалистическое прошлое, как и АР. В связи с этим большой интерес представляет приведение их национальных законодательств в соответствие с демократическими стандартами, на которых строится право ЕС. Также следует

отметить, что стремление АР постоянно повышать уровень демократизма в государственной и общественной жизни иногда сталкивается с проблемой нормативно-правовых актов, которые базируются на социалистических принципах, идеях и т. п. Конституционный Суд АР играет важную роль в создании целостного, единообразного национального законодательства, которое строится на демократических принципах в их современном понимании. И с этой точки зрения опыт Суда ЕС ценен и интересен.

Отдельного внимания заслуживает и тот аргумент, что и Конституционный Суд АР, и Суд ЕС не с самого начала своего функционирования достаточно активно использовали практику Европейского Суда по правам человека, однако впоследствии признали ее ценность и необходимость для защиты прав человека в соответствующих правовых системах. С этой точки зрения опыт Суда ЕС крайне интересен, ведь, как отметила И. В. Суродейкина, «практика Суда ЕС показывает, что Суд ЕС на основе своих собственных решений признает обязательную силу судебной практики Европейского Суда по правам человека в рамках ЕС, тем самым подчеркивая особое положение Европейского Суда по правам человека в сфере обеспечения защиты прав человека и основных свобод в Европе. Положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, как это вновь подтверждено в Лиссабонском договоре, формулируют общие принципы защиты прав человека и основных свобод, образуя… общие принципы права ЕС» [341, с. 12]. Этот аргумент касается роли анализируемых органов в обеспечении защиты прав и свобод личности в соответствующих государствах.

Следует принимать во внимание и тот факт, что ЕС является межправительственной организацией *sui generis* («особого рода»). Очевидно, что в настоящее время, с учетом интенсификации процессов глобализации и интеграции, каждая страна является членом ряда международных организаций. Поэтому не только в отношении ЕС, но и в отношении иных межправительственных организаций, пусть и в немного меньшей степени, применимы рассуждения С. В. Ершова, который отмечает стремление

государств не утратить свою суверенную идентификацию в результате передачи своих полномочий наднациональным организациям и органам, с одной стороны, и с другой – максимально использовать наднациональные механизмы в своих целях и потому активно развивать их. Продолжая размышлять, он отмечает, что в этом отношении «уникальный опыт европейского интеграционного процесса в рамках Европейских сообществ и Европейского Союза, успешный по всеобщему признанию, но до сих пор проходящий стадию активного прогрессивного развития, привлекает особое внимание» [99, с. 3]. Не является исключением и АР, и, следовательно, более детальное изучение возможностей сохранения национальной идентичности в сочетании с использованием потенциала международных организаций будет уместно при выстраивании взаимоотношений не только с ЕС, но и с другими международными организациями, членом которых является АР.

Исследование конституционного статуса Конституционного Суда АР и выявление перспектив его дальнейшего усовершенствования на материалах опыта Суда ЕС проведено с использованием и иных методов научного познания. К ним относятся историко-правовой метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и системный методы, другие.

С использованием историко-правового метода были рассмотрены основные вехи конституционного развития Азербайджанской Республики и конституционного развития Европейского Союза, а также история создания и становления Конституционного Суда АР и Суда ЕС. Основное значение историко-правового метода в этом исследовании заключается в том, что с его помощью, во-первых, были выявлены и обоснованы наиболее характерные черты конституционных актов Азербайджанской Республики и Европейского Союза, а также Конституционного Суда АР и Суда ЕС, и, во-вторых, исследование исторического прошлого позволило с большей вероятностью прогнозировать эффективность использования в Азербайджанской Республике определенных норм, применяемых в настоящее время для регламентации

формирования и функционирования Суда ЕС. Параллельный анализ конституционного развития и становления конституционного контроля позволил более полно выявить особенности Конституционного Суда АР и Суда ЕС, обусловленные происходящим в соответствующие периоды общественным развитием.

При помощи формально-логического метода анализировались дефиниции, разрабатывались авторские определения тех или иных понятий, выявлялись основания для проведения классификаций исследуемых объектов правовой действительности, аргументировались авторские выводы и предложения. Важное значение при этом имели методы дедукции и индукции. В этой связи уместно обратиться к тому, какое важное место этой деятельности в процессе познания отводил П. Е. Недбайло. Он высказал мнение, что «теории, понятия, принципы и закючения юридической науки … являются своеобразными опорными пунктами познания. Их методологическое значение состоит в том, что они фиксируют результаты исследования, определяют задачи и границы исследования, позволяют научно подойти к решению ряда вопросов о роли и назначении государства и права в общественной жизни» [227, с. 14-15]. Кроме того, методы индукции и дедукции способствовали формированию выводов к каждому из разделов исследования.

Что же касается методов анализа и синтеза, то они позволили структурировать сравнение Конституционного Суда АР и Суда ЕС. Сравнение двух институтов, один из которых является национальным, а другой – наднациональным, достаточно затруднено само по себе. Одновременно оно осложнялось тем, что Суд ЕС в отношении права ЕС является не только лишь органом конституционной юрисдикции – его функции намного шире. Таким образом, для проведения сравнительного анализа в интересующей сфере была выбрана определенная структура: за основу была взята модель конституционного статуса органа власти. В частности, выявлено, что элементами конституционного статуса Конституционного Суда АР являются его функции и компетенция; порядок формирования; квалификационные

требования к судьям; правовой статус судей; структура; организация деятельности; юридическая сила актов Конституционного Суда АР.

Последовательное рассмотрение норм о Суде ЕС, имеющих отношение к каждому из выявленных выше элементов, позволило провести заявленное конституционно-сравнительное исследование.

Сравнимость деятельности Конституционного Суда АР и отдельных аспектов деятельности Суда ЕС обуславливается преимущественно тем, что среди их полномочий есть аналогичные полномочия, однако эти органы осуществляют их на разных уровнях (в данном случае Конституционный Суд АР – на государственном уровне, а Суд ЕС – на наднациональном уровне). В этом аспекте их сравнимость была доказана с помощью функционального метода. При этом те стороны деятельности Суда ЕС, которые не имеют отношения к осуществлению конституционного контроля, практически не анализировались. Таким образом, изучение опыта Суда ЕС осуществлялось выборочно, с применением метода абстрагирования.

Как упоминалось выше, автор определил конечной целью данного исследования формулирование концепции дальнейшего усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР с использованием опыта Суда ЕС. Важную роль в оформлении авторских наработок сыграли системный метод и метод моделирования.

С помощью анализа и синтеза осуществлялось изучение элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР и опыта формирования и деятельности Суда ЕС, который было бы целесообразно рецепировать. С применением метода моделирования был сделан вывод о том, что понятия «конституционный статус» и «модель» не тождественны. Конституционный статус отображает преимущественно реальное состояние того или иного объекта, в то время как модель – предполагаемое идеального состояние. Такой же точки зрения придерживается Н. А. Богданова. В частности, она пишет, что «доктринальный конституционно-правовой статус следует сопоставить с *моделью* как результатом теоретического обобщения в науке

конституционного права. Будучи приемом логического познания, моделирование дает возможность в соответствии с конкретной задачей исследования построить теоретическое представление об изучаемом предмете, оптимально и адекватно отвечающее цели исследования и его практическим потребностям. Модель … становится идеальным выражением характеристики широкого круга конституционно-правовых явлений, норм, институтов, процессов в отличие от статусных характеристик только субъектов конституционно-правовых отношений. Модель – это то идеальное, которое выводится из реального и в нем должно находить воплощение. В этом и проявляется, с одной стороны, связь, с другой – различие модели и статуса. Однако модель всегда будет оставаться тем, что должно быть, а статус – тем, что есть» [36, с. 91]. Кроме того, метод моделирования использовался при формулировании конкретных предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство Азербайджанской Республики.

Что же касается системного метода, то он использовался на нескольких этапах исследования. Сначала с его помощью были проведены ретроспективный анализ и оценка современного фактического состояния изучаемых объектов – Конституционного Суда АР и Суда ЕС. После этого было установлено место Конституционного Суда в системе органов публичной власти АР и по аналогии – место Суда ЕС в институциональной системе ЕС. При изучении структуры анализируемых органов особое внимание уделялось тому, чтобы не упустить ни один из ее элементов и проанализировать их системно. И наконец, системный метод был чрезвычайно важен при формулировании предложений по усовершенствованию конституционного статуса Конституционного Суда АР с использованием опыта Суда ЕС.

Следует отметить, что системный метод получил широкое распространение при проведении конституционно-сравнительного исследования национального (государственного) института с

наднациональным (надгосударственным) институтом[1] в сфере конституционного контроля. Одной из наиболее перспективных составляющих системного метода применительно к конституционному праву ученые называют конституционную инженерию. Е. А. Гагаева в контексте изучения влияния европейского права на конституционное право государств Восточной Европы определила, что:

1) конституционная инженерия представляется наиболее юридически обоснованной формой европеизации конституционного законодательства;

2) конституционная инженерия – это правовая деятельность в области конституционного строительства, осуществляемая специализирующимся в данной области учреждением, направленная на определение содержания европейского конституционного наследия и на его включение в конституционное законодательство государств;

3) к характерным чертам конституционной инженерии относится в том числе, во-первых, то, что важнейшей составляющей конституционной инженерии является содействие в создании конституционных судов и равнозначных им органов, которые, в свою очередь, становятся гарантами сохранения и развития конституционных ценностей, и, во-вторых, то, что конституционная инженерия осуществляется «профессионально», так как ее субъект – Венецианская комиссия – имеет в своем составе признанных специалистов в области конституционного права, занимающихся изучением конституционного законодательства и конституционной практики государств [60, с. 190-195].

Венецианская комиссия Совета Европы «За демократию через право» неоднократно рассматривала вопросы, связанные с формированием и функционированием Конституционного Суда АР по обращениям органов публичной власти Азербайджана. Впервые необходимость в авторитетном

---

[1] Пусть даже речь идет о сравнении с Судом ЕС национального органа конституционного контроля Азербайджанской Республики, не являющейся членом Европейского Союза.

мнении Венецианской комиссии возникла при создании Конституционного Суда АР, в 1996 г. [442; 443]. Ценность мнения экспертов при моделировании Конституционного Суда привела к разработке и одобрению Программы сотрудничества Венецианской комиссии с Азербайджаном, существующей с 2001 г. В рамках этой программы осуществлялось дальнейшее усовершенствование нормативно-правовых актов, при помощи которых функционирование единственного органа конституционной юстиции в Азербайджане совершенствовалось с использованием в том числе и опыта государств-членов ЕС. В рамках Программы сотрудничества:

- эксперты Венецианской комиссии анализировали проекты нормативных актов, совершенствовавших конституционный статус Конституционного Суда АР (см., например, Внутренний доклад о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» CDL(2001)116-e [415]; Внутренний доклад о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики», заслушанный Венецианской комиссией на 49-й пленарной сессии (г. Венеция, 2001 г.) [417]; Доклад о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» CDL(2001)110-e [456]; Доклад о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» [416]; Комментарий к проекту Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» CDL(2001)114-e [407]; Проект заключения о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» CDL (2002) 25 rev [418]; Заключение о проекте Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики», принятое Венецианской комиссией на 50-й пленарной сессии (г. Венеция, 2002 г.) [441]; Проект заключения о Регламенте Конституционного Суда Азербайджанской Республики CDL (2004) 057 [419]; Заключение о Регламенте Конституционного Суда Азербайджанской Республики, принятое Венецианской комиссией на 59-й пленарной сессии (г. Венеция, 2004 г.) [446]);

- представители Азербайджана выступали на конференциях, проводимых Венецианской комиссией по тематике конституционного контроля,

рассказывая о достижениях Конституционного Суда АР (см., например, доклады Х. Гаджиева «О системе защиты прав человека» (‘*On Human Rights Protection System’)* от 21 ноября 2002 г. в г. Бишкек [455], Р. Гулиева «Подходы к решению проблемы исполнения решений Конституционного Суда Азербайджанской Республики» (‘*Approaches to the Issue of the Execution of the Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan*’) от 19 июня 2009 г. в г. Таллин [427], Л. Гусейнова «Роль Конституционного Суда Азербайджанской Республики в имплементации Европейской конвенции о правах человека» от 9 сентября 2013 г. в г. Страсбург [79].

Наконец, в ходе исследования широко использовался герменевтический метод. Это связано с несколькими причинами.

Первой причиной послужило то, что в XXI в. этот метод приобретает все большую популярность в конституционно-правовых исследованиях. В 2002 г. И. А. Кравец в своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики» предложил ввести в российскую правовую науку понятие «конституционная герменевтика» [167]. В соответствии с его наработками, конституционная герменевтика – это искусство и теория истолкования норм конституции в процессе ее реализации и осуществления различных функций органом конституционного правосудия или органом судебного надзора, а также философское и теоретико-правовое обоснование и выявление конституционного смысла и значения различных нормативно-правовых актов, попадающих в сферу деятельности конституционной юстиции [169, с. 31].

С точки зрения исследования органов конституционного контроля, эти разработки И.А. Кравца ценны тем, что, по его меткому замечанию, «длительное время в отечественной юриспруденции герменевтические проблемы не имели самостоятельного значения и исследовательского интереса применительно к конституционному праву» [168, с. 65], хотя органы конституционного контроля уже были созданы и функционировали достаточно

эффективно. Проводимая И.А. Кравцом популяризация конституционной герменевтики как «особого случая юридической герменевтики, применяемой по отношению к писаной конституции или конституционным законам» [168, с. 65], призвана ликвидировать этот выявленный им недостаток и оказать позитивное влияние на работу органов конституционного контроля.

Во-вторых, исследование предполагает наличие в нем конституционно-сравнительной составляющей. Новые горизонты для использования герменевтического метода в юриспруденции были открыты П. М. Рабиновичем, который посвятил этой проблеме ряд своих работ. В них он неоднократно подчеркивал важность использования герменевтического метода в совокупности со сравнительным методом, особенно если речь идет о сопоставлении национальной правовой системы с иной правовой системой (в его трудах преимущественно – с правовой системой как раз Европейского Союза, см., например, [305, с. 8,302;303]). М. А. Дамирли отмечает, что уже сформировались методологические правила применения герменевтического метода в сравнительном правоведении [82, с. 42].

Третьей причиной послужили функциональные характеристики исследуемых органов – Конституционного Суда АР и Суда ЕС. Ведь, как отметил А.С. Головин, «использование юридической герменевтики в качестве методологии позволяет адекватно толковать содержание правовых норм, обеспечивает их эффективную реализацию» [69, с. 51]. Именно официальное толкование правовых норм, интерпретационная деятельность и является одним из полномочий, возложенных как на Конституционный Суд АР, так и на Суд ЕС (ведь «посредством толкования конституционных норм появляется возможность развития права и устойчивая направленность правоприменительной практики» [432, с. 153]).

Даже если в процессе принятия решения у органа конституционного контроля не возникает дилеммы, связанной с необходимостью выразить в нем либо «дух», либо «букву» закона, герменевтический метод используется достаточно широко. Д. А. Гаврилов отмечает, что «современная философская

герменевтика является философско-логической базой теории толкования права, что означает:

1. Герменевтика разработала систему всеобщих принципов интерпретации текстов, которые могут быть использованы в процессе толкования юридических текстов.

2. Герменевтика сформировала некоторые модели «предварительного образа» решения юридического дела – методологические и познавательные приемы, позволяющие путем взаимного уточнения и конкретизации знаний о фактах и правовых нормах правильно разрешить юридическое дело.

3. Герменевтика сформулировала понятие толкования права как особой разновидности познавательной деятельности, сопутствующей процессу человеческого бытия в правовой сфере общественной жизни. Данный взгляд может обогатить наши представления и помочь по-новому взглянуть на традиционные проблемы интерпретации права» [58, с. 32].

Использование герменевтического метода, равно как и других методов и методологических принципов, при толковании права не является новеллой в современной юридической литературе. Еще в середине XX в. П. Е. Недбайло, анализируя традиционные способы толкования законов, отнес к ним толкование «словесное (грамматическое), систематическое, логическое (сопоставительное), историческое и телеологическое» [227, с. 22]. Как следует из названий большей части способов толкования, в их основе лежат соответствующие методологические разработки. Исследуя связь между методологическими проблемами науки и методами толкования права, И.С. Самощенко в 1980 г. выдвинул гипотезу о том, что методы толкования права основываются на двух началах: принципах диалектики и теоретических положениях юридической науки [322, с. 196, 199]. До настоящего времени практика органов конституционного контроля свидетельствует в пользу истинности этой гипотезы.

Использование герменевтического метода в указанном контексте важно и для выявления особенностей, присущих конкретному органу,

осуществляющему официальное толкование. Например, в отношении Суда ЕС А. Я. Капустин отметил, что большую роль в активизации его деятельности «играет широко используемый им метод толкования «права Сообщества», который получил наименование целевого, или телеологического. Известно, что Суд ЕС отрицательно воспринял попытки заставить его использовать исторический метод толкования» [123, с. 183]. А А. М. Бернюков высказал мысль о необходимости «создания такого специализированного направления исследования, как герменевтика правосудия» [30, с. 39].

Интересным является и то, что В. В. Дудченко подчеркивает своеобразие герменевтики как метода «наук о духе» [95, с. 5]. Кроме того, что юридические науки по классификации, приведенной в ее книге, относятся к «наукам о духе», не лишним будет вспомнить, что в процессе своего функционирования органы конституционного контроля часто стоят перед выбором – следовать «духу» закона или «букве» закона. Именно поэтому большинство исследователей анализирует практику органов конституционного контроля, используя герменевтический метод (например, [304;210;214]).

Наконец, герменевтический метод важен при определении юридической силы актов органов конституционного контроля, несмотря на то, что они не всегда признаются нормативными актами, ученые отмечают «перерастание интерпретационной функции в нормотворческую» [95, с. 176].

В завершении подраздела следует отметить, что наименее востребованными методами исследования в юридических науках вообще и в конституционном праве в частности являются математические методы познания. Существует весьма незначительное количество работ, конкретизирующих потенциал этих методов в конституционно-правовой сфере (см., например, [211-213]). В проведенном исследовании лишь немногие вопросы можно было осветить более наглядно и аргументированно, используя математические методы. Например, при рассмотрении усовершенствования компетенции Конституционного Суда АР для аргументации выводов и предложений был использован статистический метод.

Итак, получение объективных и достоверных результатов исследования возможно в случае использования современного методологического инструментария. Комплекс охарактеризованных выше подходов и методов исследования, каждый из которых имеет как преимущества, так и недостатки, позволяет изучить предмет исследования всесторонне и глубоко. Кроме того, авторские методологические разработки призваны способствовать становлению новой для юридической науки методологии сравнительных конституционных исследований органов, функционирующих на национальном уровне, с органами, функционирующими на наднациональном уровне. Это будет способствовать модернизации конституционно-правовой методологии с учетом современных тенденций развития общества и государства, особенно в связи с тем, что «особенностью современного состояния конституционной теории и практики является некоторая неопределенность методологических … основ» [15, с. 69].

1. 2. Конституционное развитие Азербайджанской Республики и становление Конституционного Суда

Конституционное развитие АР имеет давние исторические корни. На него оказала влияние многовековая история государственности Азербайджана, которая в большей степени связана с зависимостью от влияний различных империй на Южном Кавказе, – лишь в 1918 г. страна впервые приобрела независимость в границах, максимально приближенных к современным.

В контексте темы работы следует отметить тот факт, что в течение многовековой истории развития Азербайджан или части его территории никогда не находились под влиянием европейских конституционных традиций. Однако история свидетельствует о том, что АР и часть европейского континента, на которой в настоящее время расположены некоторые страны-члены ЕС, дважды находились в составе одного государства.

Впервые общее влияние на рассматриваемые территории прослеживается в период нахождения современной территории АР и части Восточной Европы в составе единого государства – Монгольской империи. Однако, во-первых, речь идет об очень давних событиях, имевших место в XIII в., а во-вторых, до нашего времени не дошло подлинников законодательных актов Монгольской империи, в т. ч. наиболее известного акта – Ясы (Великой Ясы). Упоминания о ней в сохранившихся источниках дают основания для заключения о том, что это был комплексный документ, регламентировавший основы государственной жизни и повседневного общественного уклада, а также уделявший особое внимание военной проблематике.

В начале XV в. на территории современной Азербайджанской Республики формируются два государства – Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Именно этим периодом датируется возникновение азербайджанской культуры, национальной самобытности и, соответственно, окончание формирования азербайджанской нации. Дальнейшее культурное развитие нации происходило в составе государства Сефевидов, под сильным иранским и персидским влиянием. И лишь ослабление государства Сефевидов в середине XVIII в. привлекло внимание к территории современной Азербайджанской Республики двух соседних империй – Оттоманской и Российской. Начинается период, в течение которого наблюдается поочередное усиление то турецкого, то российского влияния.

В этот период во второй (и в последний до настоящего времени) раз наблюдается общее влияние на рассматриваемые территории одной и той же правовой системы. Это происходит в период нахождения части территории современной Азербайджанской Республики в составе Османской империи. В это же время Османская империя контролировала часть восточной и центральной Европы – значительную часть Австрии, Хорватии, Словении, Венгрии. Однако экспансия не сопровождалась распространением мусульманского права на эти территории, т. к. влияние Османской империи на них было неустойчивым и фрагментарным.

В этот же период происходит временное восстановление государственности азербайджанской нации, правда, не в границах единой страны: формируется около 10 ханств (Бакинское, Шекинское, Нахичеванское, Карабахское и др.). Провал попыток объединения этих ханств в единое государство влечет за собой постепенную утрату ними своей независимости – они поочередно включаются в состав Российской империи. Этот процесс завершился после подписания Туркманчайского мирного договора по итогам русско-персидской войны 1826-1828 гг.

Лишь приблизительно через столетие азербайджанский народ получает следующую возможность создать собственное национальное государство. Революция 1917 г. привела к распаду Российской империи, сопровождавшемуся в том числе провозглашением Азербайджанской Демократической Республики. 28 мая 1918 г. была принята Декларация независимости (Акт независимости Азербайджана). Таким образом, за более чем пять веков своего существования, впервые было реализовано стремление азербайджанского народа к созданию собственного государства. Следует подчеркнуть, что это была первая демократическая республика в этом регионе.

В Декларации независимости были закреплены основополагающие принципы, которые, несомненно, нашли бы свое подтверждение и развитие в конституции, если бы таковая была принята. Кроме принципа национального суверенитета, к ним относились:

- принцип республиканизма: «формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая Республика» [7];

- принцип юридического равенства: «Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различения национальностей, вероисповедания, социального положения и пола» [7];

- принцип свободы, с вытекающим из него принципом национального суверенитета: «Азербайджанская Демократическая Республика всем

народностям, населяющим её территорию, предоставит широкий простор для свободного развития» [7].

Азербайджанская Демократическая Республика просуществовала вплоть до вхождения этой территории в состав СССР как части Закавказской федерации (ЗСФСР). Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика была создана 28 апреля 1920 г. И лишь 5 декабря 1936 г. была образована Азербайджанская Советская Социалистическая Республика (просуществовала до 30 августа 1991 г.). В составе Азербайджанской ССР было 2 автономии – Нахичеванская Автономная ССР и Нагорно-Карабахская автономная область.

Поскольку в течение долгого времени Азербайджан входил в состав СССР, то правовая культура, отраженная в конституциях Азербайджанской ССР советского периода, «соответствует стандарту социалистической правовой культуры, в которой содержатся как достижения общецивилизационного уровня (например, право на труд), так и ограниченность» [132, с. 11] (например, если речь идет о конституционном контроле). В советский период в Азербайджанской ССР было принято 4 конституции: Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики 1921 г. [150]; Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики 1927 г. [151]; Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1937 г. [148]; Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1978 г. [149]. В настоящее время азербайджанские ученые все чаще высказывают мысль о том, что «пора, наконец, пересмотреть … отношение к «советским» правовым доктринам» [319, с. 9]. Развитие конституционного контроля как раз и является шагом вперед в этом направлении.

В тексте Конституции (Основного Закона) Азербайджанской Социалистической Советской Республики 1921 г. прослеживается сильное влияние Конституции Российской Советской Федеративной Республики

1918 г., в тексте Конституций Азербайджанской ССР 1927 г., 1937 г. и 1978 г. – Конституций СССР соответственно 1924 г., 1936 г. и 1977 г.

Как правило, подобные замечания в литературе – о практически полной идентичности конституций СССР и союзных республик – всегда носят на себе отпечаток негативного отношения к этому факту. Следует отметить, однако, что аналогичные положения в их структуре и содержании во многом обусловлены тем, что речь идет о сопоставлении конституций государства и его части – субъекта федерации. Негативного отношения скорее заслуживает декларативный характер ряда норм перечисленных выше Основных законов. Как справедливо отметил И. А. Кравец, «для советского конституционализма, носившего во многом мнимый, номинальный характер, были характерны следующие черты: закрепление социалистических ценностей и социалистического правосознания, которые не признавали идеалов правового государства и гражданского общества; … наличие системы советской власти, которая строилась на основе принципа демократического централизма, обеспечивавшего подчинение вышестоящим советам нижестоящих, и принципа полновластия советов, который носил номинальный характер и предназначался для легального камуфлирования фактического господства правящей партии и советской номенклатуры; … отрицание естественно-правовой природы прав человека» [169, с. 63]. Все эти недостатки были присущи конституциям Азербайджанской ССР как конституциям субъекта федерации – СССР. А ведь П.Н. Любченко справедливо отметил: «Как показал опыт многих стран, … решение сложных общественных проблем связано не только лишь с построением национальной государственности, а и со становлением гражданского общества» [185, с. 30].

Еще одним негативным фактом являлось то, что все четыре упомянутые конституции Азербайджанской ССР весьма поверхностно отражали самобытность азербайджанской нации. Фактически национальная самобытность проявлялась лишь в Преамбуле, содержавшей короткую историческую справку, а также в нормах, регламентирующих языковые

вопросы, местонахождение столицы субъекта федерации и устанавливающих такие символы субъекта федерации, как герб, флаг и гимн.

Азербайджанская Республика вернулась на демократический путь развития при первых проявлениях тенденций распада СССР. Так, 30 августа 1991 г. Верховным Советом Азербайджанской ССР была принята Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики [243]. Среди основных ее принципов были принципы национального суверенитета, республиканизма и юридического равенства: гарантировались предусмотренные международными актами права и основные свободы человека всем гражданам Азербайджанской Республики независимо от национальной принадлежности и вероисповедания [87].

18 октября 1991 г. положения Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики были конкретизированы в Конституционном Акте о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики. Последняя статья Конституционного Акта устанавливала, что «Конституционный Акт служит основой для разработки новой Конституции Азербайджанской Республики» [146]. Помимо предусмотренных Декларацией принципов, в Конституционном Акте получили свое закрепление принципы государственного суверенитета (ст. 5, 12, 14), народного суверенитета (ст. 9), народовластия (ст. 10), демократизма (ст. 11-12), верховенства закона (ст. 11), унитаризма (ст. 12, 14), разделения властей (ст. 13), приоритета прав и свобод личности перед интересами государства (ст. 17), социального государства (ст. 17) и единого гражданства (ст. 18).

Разработка Конституции на основе Конституционного Акта о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики продолжалась около 5 лет. 2 мая 1995 г. Общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев возглавил Комиссию по подготовке проекта новой Конституции, в состав которой вошли известные общественно-политические деятели, ученые, профессиональные юристы. Исследователи

отмечали, что подготовленный проект «отличается своим демократизмом и создает всестороннюю почву для обеспечения прав и свобод граждан в нашей стране, сохранения прогресса … независимой государственности» [194, с. 16].

За очень короткий срок был изучен и проанализирован опыт конституционного строительства зарубежных стран (наибольшее влияние на текст оказал конституционный опыт Франции). Затем проект был представлен на всенародное обсуждение (см. [14, с. 15]). Роль Гейдара Алиева в принятии Конституции АР была незаменимой. Только благодаря его безупречному авторитету и признанию проект Конституции был обсужден в кратчайший период и вынесен на всенародное голосование.

Конституция Азербайджанской Республики была принята на референдуме 12 ноября 1995 г. и является ныне действующим Основным Законом страны. Основной Закон 1995 г. играет крайне важную роль в государственной и общественной жизни в связи с тем, что он является первой демократической Конституцией АР за долгие годы.

В контексте проводимого исследования важным является замечание Э. Мамедова о том, что «с принятием в 1995 году Конституции Азербайджан отказался от судебной системы, доставшейся ему в наследство от советских времен, и республика приступила к судебной реформе (с учетом общепринятых мировых стандартов)» [193, с. 7]. Кроме того, как справедливо отметил Э. Самедов, «конституционные положения играют важную роль и в деле защиты основ государства, а также имеющихся в обществе и государстве институтов. Они устанавливают объекты, охраняемые и защищаемые ими, в качестве которых выступают такие высшие социальные ценности, как права и свободы человека и гражданина (ст. 12), суверенитет народа (ст. 2), неприкосновенность и неделимость территории Азербайджанского государства (ст. 11), социальное развитие (ст. 16) и др.» [321, с. 45]. При разработке текста Конституции АР 1995 г. учитывался как негативный тоталитарный опыт прошлых лет, так и современные демократические ценности, и первые годы после ее принятия характеризовались «противостоянием двух правопорядков:

старого и нового, основным разграничением которых становится отношение к Конституции» [33, с. 55]. Впоследствии это вызвало необходимость во внесении в текст Основного Закона изменений и дополнений.

В настоящее время Конституция Азербайджанской Республики является источником национального права, имеющим высшую юридическую силу. Конституция воплотила идеи национальной государственности и провозгласила в Преамбуле цель утверждения в стране справедливости, свободы и безопасности. Также она играет ведущую роль в преодолении кризисных политических и экономических ситуаций в стране, если речь идет об использовании для этого правовых, юридических средств. В этом контексте Е. В. Клейменова справедливо отмечает, что «роль Конституции первостепенна, но она еще более вырастает в переходные периоды, когда речь идет о конкретных переменах не только в политической системе общества, но и в его экономической инфраструктуре» [132, с. 4]. Ф. Абдуллаев отмечает, что, «выступая в качестве юридической базы для развития всех отраслей права, действующая Конституция закрепляет и регулирует процесс создания правовых норм и актов, которыми обеспечивается проведение политических, культурных и социально-экономических преобразований в обществе» [3, с. 36].

Структура Конституции АР включает 5 разделов, 12 глав и 158 статей. Первый раздел определяет основы конституционного строя и закрепляет общие положения об Азербайджанской Республике. Второй раздел содержит широкий перечень основных прав и свобод человека и гражданина. Ф. Абдуллаев подчеркнул, что «согласно статье 12 Конституции, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни граждан Азербайджанской Республики – высшая цель государства» [1]. А Р. Книпер отметил, что, помимо положений относительно государственного устройства и гарантий основных свобод и прав на защиту от государственного принуждения, Конституция АР охватывает экономические и социально-политические аспекты жизни [135, с. 76].

Третий раздел определяет систему органов государственной власти на основе принципа ее разделения на три ветви. В частности, «Глава 7 под названием «Судебная власть» Конституции Азербайджанской Республики выступает как конституционная основа судебной власти страны» [124, с. 66].

Четвертый раздел устанавливает конституционно-правовой статус органов местного самоуправления (муниципалитетов).

Пятый, заключительный раздел, называется «Право и закон». Он устанавливает иерархию системы законодательства и определяет порядок внесения изменений и дополнений в текст Конституции.

В частности, ст. 147 «Юридическая сила Конституции Азербайджанской Республики» наделяет Основной Закон высшей юридической силой и провозглашает его прямое действие, а также утверждает Конституцию АР в качестве основы системы законодательства АР.

Статья 148 «Акты, входящие в систему законодательства Азербайджанской Республики» закрепляет структуру этой системы, а именно: 1) Конституция; 2) акты, принятые референдумом; 3) законы; 4) указы; 5) постановления Кабинета Министров АР; 6) нормативные акты центральных органов исполнительной власти [157]. При этом учитывается, что «референдум, несмотря на его значимость для демократии, применяется не повсеместно» [18, с. 3].

Как и ряд других статей Основного Закона, эта статья нуждается в дополнительной конкретизации: в частности, в ней не устанавливается юридическая сила актов Конституционного Суда АР, что представляется важным с точки зрения предмета этого исследования. Ведь Конституция АР, как и конституции иных демократических государств, развивается в двух основных направлениях: через внесение изменений и дополнений и через официальное толкование ее норм компетентными органами. И гораздо менее ресурсоемкий способ придания нового качественного состояния объекту (конституционным нормам) – это не внесение изменений и дополнений в Основной Закон, а проявляющийся в интерпретационных актах

Конституционного Суда АР судейский активизм. Опыт страны, благодаря инновациям которой в судебной сфере конституционное правосудие в настоящее время является достаточно распространенной деятельностью, – США – убедительно демонстрирует, что любая «Конституция как программный правовой акт является противоречивой, поскольку в ходе исторического развития изменяется социальная среда применения ее положений. Поэтому при реализации Конституции важную роль играет конституционная юстиция» [317, с. 63]. Незначительное количество поправок, внесенных в Конституцию США 1787 г. демонстрирует приоритетность этого направления динамики Основного Закона[1].

Итак, первым направлением развития Конституции АР является внесение в нее изменений и дополнений. Основы его нормативной регламентации заложены в Главе XI «Изменения в Конституцию Азербайджанской Республики» и Главе XII «Дополнения в Конституцию Азербайджанской Республики» Основного Закона АР.

Д. П. Таран считает необходимым при внесении изменений и дополнений в конституции с целью их защиты устанавливать обязательные материальные критерии качественных характеристик изменений в Основные Законы, сформулированные негативным способом [344, с. 11]. В соответствии со ст. 152 Основного Закона, изменения в Конституцию АР принимаются только путем референдума; при этом инициатива изменений в Конституцию отягощена рядом условий. К их числу относятся (ст. 155): запрет вносить изменения в статьи Основного Закона, предусматривающие принципы народного и национального суверенитета, демократизма, унитаризма, республиканизма, разделения государственной власти, запрет отмены прав и свобод человека и гражданина, включенных в первоначальный текст Конституции, или об их «ограничении в более высокой степени, чем

[1] В настоящее время Конституция США насчитывает 27 поправок. За время своего действия она изменялась 17 раз (10 поправок были внесены в 1789 г. как Билль о правах), т.е. в среднем изменения происходили каждые 13 с половиной лет.

предусмотрено международными договорами, участником которых является АР» [157].

В процессе изменения текста Основного закона АР важная роль отводится Конституционному Суду АР. Так, если изменения предлагаются парламентом (Милли Меджлисом АР) либо Президентом АР, то их дальнейшее рассмотрение невозможно без соответствующего положительного заключения Конституционного Суда АР. В то же время Конституционный Суд АР ограничен в своих полномочиях, а именно: он «не может принимать решения по изменениям в тексте Конституции Азербайджанской Республики, принятым путем референдума» (ст. 154) [157] (следует отметить достаточно высокую распространенность аналогичных случаев в зарубежных странах: например, «в правовой системе России не предусмотрена возможность аутентического толкования Конституции в связи с тем, что она была принята на референдуме» [168, с. 85]).

Однако даже этот объем полномочий делает Конституционный Суд АР единственным органом публичной власти, который задействован в развитии Основного Закона по двум направлениям: ведь он не только участвует в процессе внесения в него изменений (первое направление), но и осуществляет официальное толкование норм Конституции (второе направление).

Подытоживая изложенное выше о порядке изменения Конституции АР, следует согласиться с мнением Д. А. Сулейманова, который считает, что сложный порядок изменения Конституции АР обеспечивает стабильность Конституции, являющейся актом долгосрочного действия [338, с. 3].

В отличие от изменений, дополнения в текст Конституции АР могут вноситься путем принятия Милли Меджлисом конституционных законов квалифицированным большинством голосов (95 голосами) на двух голосованиях, причем промежуток между голосованиями должен составлять не менее 6 месяцев. По итогам каждого голосования поддержанный квалифицированным большинством голосов депутатов конституционный закон подлежит передаче на подпись Президенту. Конституционный закон вступает в

силу после подписания его Президентом АР по итогам второго голосования в Милли Меджлисе. Инициаторы внесения дополнений в текст Основного закона – Президент или не менее 63 депутатов Милли Меджлиса – ограничены в праве законодательной инициативы тем же кругов вопросов, что и субъекты внесения изменений в Конституцию. Пункт 5 ст. 156 Основного закона предусматривает, что «конституционные законы являются неотъемлемой частью Конституции Азербайджанской Республики» [157]. В контексте проводимого исследования необходимо отметить, что Закон АР «О Конституционном Суде» не является конституционным законом, а отнесен к числу текущих, обычных законов.

Итак, Конституционный Суд АР не участвует в процессе внесения дополнений в текст Конституции. Однако на практике еще не было случая, чтобы в Основной Закон АР вносились лишь дополнения, без сопутствующих им изменений. Соответственно, во всех случаях, когда текст Основного Закона АР подвергался пересмотру, Конституционный Суд был участником этого процесса.

По состоянию на 1 ноября 2016 г. в Конституцию АР 1995 г. изменения и дополнения вносились трижды. Практика свидетельствует о том, что до настоящего времени не удавалось разграничить дополнения и изменения в Конституцию – каждый из трех раз в текст Основного закона вносились как изменения, так и дополнения. Соответственно, было проведено три общегосударственных референдума: 24 августа 2002 г., 18 марта 2009 г. и 26 сентября 2016 г. [156]. Некоторые изменения и дополнения затронули и нормы о Конституционном Суде Азербайджанской Республики: например, «проведенным 24 августа 2002-го года референдумом были внесены изменения в Конституцию, после чего все суды общей юрисдикции получили право обращения в Конституционный суд по вопросам толкования Конституции и законов в связи с осуществлением прав и свобод человека» [192, с. 170].

В изложенных выше способах внесения поправок в Основной Закон АР привлекает внимание следующее:

- для внесения изменений в Конституцию АР необходимо проведение всенародного голосования – референдума, а для внесения дополнений – нет;

- при внесении изменений в Конституцию АР необходимо участие Конституционного Суда АР, а при внесении дополнений – нет.

В связи с этим важно подчеркнуть, что народовластие является, пожалуй, основной ценностью, защищаемой Конституцией АР. В Преамбуле речь идет о том, что одна из целей Конституции – гарантировать демократический строй, а Глава I Раздела I носит название «Народовластие». Она завершается ст. 6, последний пункт которой гласит, что присвоение власти является тягчайшим преступлением против народа. Таким образом, изменение как этих, так и иных положений Конституции возможно только на референдуме и при участии Конституционного Суда АР, что является дополнительной юридической гарантией народовластия. А системное закрепление в тексте Конституции АР 1995 г. принципа народовластия (при помощи обращения к принципу разделения государственной власти с системой сдержек и противовесов, приоритета прав и свобод личности и пр.) позволяет не опасаться, что этот принцип может быть нарушен путем внесения в Основной Закон лишь дополнений, без изменений существующего текста. Это делает оптимальным отказ от референдума, если речь идет о внесении дополнений в Конституцию.

Т. Я. Хабриева в своих работах связывает вопросы внесения изменений и дополнений в «жесткие» Конституции с проблемами интерпретации их норм и приходит к выводу о необходимости толкования норм Конституции в связи со сложностью процедуры внесения поправок в Основной Закон [363, с. 52]. Именно в связи с этим в литературе сложилось мнение о том, что конституционное правосудие – это инструмент социоисторической модернизации Конституции, генератор «живого» конституционализма [39, с. 25], а Конституционный Суд – это визитная карточка конституционализма [282, с. 33]; «институт демократических преобразований, функционирующий практически во всех посттоталитарных государствах в целях защиты новых

конституционных ценностей, обеспечивающий определенную стабильность конституции и плановость конституционного развития» [113, с. 32].

Вторым направлением динамики Конституции АР является официальное толкование ее норм Конституционным Судом АР. Л.В. Лазарев констатирует, что «Конституция действует в условиях постоянно развивающихся и усложняющихся общественных отношений», и считает, что сохранить при этом роль Конституции в качестве фактора стабильности общественного и государственного устройства и без изменения ее текста обеспечить динамизм воздействия на общественно-политическое развитие возможно посредством ее толкования Конституционным Судом и выявления им конституционно-правового смысла законов, иных нормативно-правовых актов [179, с. 15]. Таким полномочием наделен Конституционный Суд АР.

Созданию Конституционного Суда АР предшествовал анализ не только зарубежной, но и национальной практики формирования и деятельности органов конституционного контроля (следует согласиться с предложением А. В. Молотова о том, что «понятие конституционного контроля следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле конституционный контроль (нормоконтроль) представляет собой проверку компетентным государственным органом соответствия нормативного правового акта конституции государства. В широком смысле конституционный контроль есть деятельность по проверке, выявлению, констатации, оценке и устранению несоответствия конституции не только различных правовых актов, но и отдельных процедур и действий» [216, с. 5]).

Если говорить о появлении этого института как такового, то О. В. Опря высказала мнение, что «возникновение идеи конституционного контроля обычно связывают с деятельностью Тайного совета при британском монархе в XVIII веке, который признавал статуты легислатур колоний недействительными, если они противоречили законам английского парламента или английскому праву» [266, с. 20]. Однако следует отметить, что впервые подобное наблюдение было сформулировано М. А. Нуделем. В частности, в

автореферате своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук он, рассматривая возникновение конституционного надзора, пишет о практике Тайного совета, проверявшего местные законы британских колоний с точки зрения их соответствия колониальным хартиям [240, с. 6]. Однако, если речь идет об Азербайджанской Республике, исторические корни конституционного контроля в государстве не настолько давние.

Акт о независимости Азербайджана 1918 г. был документом, состоящим из 6 небольших по объему статей, содержащих наиболее важные положения. Ни одно из них не касалось будущей Конституции (которая так и не была принята) и, соответственно, конституционного контроля.

Ситуация несколько изменилась лишь после вхождения Азербайджана в состав СССР, где конституционный контроль существовал в достаточно «усеченном» виде с точки зрения перечня полномочий осуществлявших его «множественных субъектов права конституционного контроля» [125, с. 82]. Фактически имел место не конституционный контроль, а конституционный надзор (в литературе используются оба понятия, причем как в литературе советского периода, так и в более современных публикациях об этом историческом периоде). Основным направлением деятельности был анализ соответствия законодательства субъектов федерации – союзных республик – законодательству СССР.

В законодательстве СССР упоминание о конституционном надзоре впервые появляется в Конституции СССР 1924 г. Именно она, по мнению Е. Ю. Киреевой, заложила традицию существования в стране множественности субъектов конституционного надзора, сосредоточив основную массу работы по его осуществлению в Президиуме ЦИК СССР как в постоянно действующем органе [125, с. 68]. Ученая продолжает: «В свою очередь, ЦИК союзных республик и их Президиумы по ст. 59 получили право опротестовывать в Президиум ЦИК СССР декреты и постановления наркоматов СССР при явном несоответствии данных актов союзной Конституции, законодательству» [125, с. 68-69]. Это полномочие было обоснованным, учитывая весьма сложную

форму государственного устройства СССР. В частности, если анализировать все акты с наименованием «конституция», действовавшие в период нахождения территории современной АР в составе Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, то к ним относились: Конституция СССР, Конституция Закавказской СФСР, Конституция Азербайджанской ССР, а на территории Нахичеванской Социалистической Советской Республики – дополнительно и Конституция Нахичеванской ССР. После образования 5 декабря 1936 г. Азербайджанской Советской Социалистической Республики из этого перечня была исключена Конституция ЗСФСР (в Конституции Азербайджанской ССР 1937 г. в связи с этим появилось упоминание о том, что на высший представительный орган республики возлагается еще и толкование законов Азербайджанской ССР). Таким образом, противоречия между всеми действующими конституциями были вполне вероятны.

В связи с этим в Конституции Азербайджанской ССР 1927 г. (п. «м» ст. 19) к ведению Азербайджанского Съезда Советов и Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета Советов отнесена «отмена постановлений Съезда Советов Нахичеванской Социалистической Советской Республики и Автономной Области Нагорного Карабаха, нарушающих настоящую Конституцию» [151]. Аналогичные положения содержали и последующие конституции Азербайджанской ССР.

Как отметила С. Э. Несмеянова, «в СССР функция конституционного контроля долгое время исполнялась высшими представительными органами государственной власти, контроль в основном был направлен на проверку законодательства союзных республик. Сам контроль, естественно, был ограниченным, так как парламент не в должной мере контролировал сам себя» [230, с. 2]. Аналогичное мнение об исторических корнях конституционного контроля в постсоветских государствах высказал и Б. А. Страшун. В частности, он отметил, что для этих стран «история института конституционного контроля … восходит к Основному закону (Конституции) СССР от 31 января

1924 г. В разделе втором той Конституции «Договор об образовании СССР» пункты «в» – «д» статьи 43 предусматривали в качестве полномочий Верховного Суда СССР, в частности, вынесение заключений о законности постановлений союзных республик с точки зрения Конституции, разрешение судебных споров между союзными республиками и рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по исполняемой должности» [335, с. 107]. Не была исключением и Азербайджанская ССР.

В частности, п. «в» ст. 33 Конституции Азербайджанской ССР 1937 г., а впоследствии и п. 6 ст. 114 Конституции Азербайджанской ССР 1978 г. устанавливали, что «Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР дает толкование законов Азербайджанской ССР» [148;149]. Аналогичные положения содержали конституции всех союзных республик. Комментируя аналогичные нормы конституций Украинской ССР, профессор В. Н. Шаповал пишет: «Нельзя серьезно воспринимать тезис о том, что Президиум Верховного Совета УССР осуществлял конституционный контроль… Осуществляемый Президиумом «контроль» имел форму рассмотрения этим органом вопросов выполнения всеми иными органами союзной республики (кроме Верховного Совета) так называемых конституционных требований. Президиум не был уполномочен отменять на основе неконституционности акты «подконтрольных» органов и совершать иные действия соответствующего характера на тех же основаниях» [384, с. 47].

Таким образом, в СССР существовал конституционный надзор – вряд ли возможно вести речь о наличии конституционного контроля в современном его понимании. Институт конституционного контроля в СССР имел некоторые перспективы для успешного становления в соответствии с существовавшим в тот период влиянием зарубежных тенденций лишь в 20-е гг. – первой половине 30-х гг. XX в. Т. А. Яшникова пояснила это так: «В течение примерно пятнадцати лет конституционный контроль получил в СССР значительное развитие. В дальнейшем институту конституционного контроля стало придаваться меньше значения. Это было связано прежде всего со сложившимся

к концу 30-х годов культом личности Сталина» [398, с. 59]. И развитие конституционного контроля в направлении заимствования положительного зарубежного опыта, наработки опыта национального практически прекратилось. Из текста предыдущих конституций в текст последующих Основных Законов переносились практически идентичные положения, касающиеся конституционного надзора. Подтверждение этим словам находим в работе Т. М. Пряхиной. В 1991 г., рассматривая деятельность верховных представительных органов Советского государства в области конституционного контроля, она пришла к выводу о необходимости совершенствования законодательного регулирования конституционного контроля и практических мер по его реализации. Т. М. Пряхиной было предложено на конституционном уровне закрепить не только право, но и обязанность верховных представительных органов осуществлять конституционный контроль [299, с. 12-13]. Подобная новелла логично вписывается в концепцию конституционного надзора, однако противоречит сущности конституционного контроля.

В середине 1980-х гг. в СССР начали происходить демократические изменения. Однако они лишь в незначительной части коснулись конституционного надзора. Вероятнее всего, такая ситуация сложилась в связи с тем, что «в период «перестройки» … распространенной была мысль, что конституционный контроль противоречит принципу верховенства законодательной власти, а соответственно – и принципу народного суверенитета. Поэтому считалось, что наделение особого юрисдикционного органа конституционного контроля правом отменять акты Верховного Совета – единственного органа, который выступал от имени народа, превратит принцип народного суверенитета в фикцию» [69, с. 3]. Итак, несмотря на начало демократических преобразований, приоритет по-прежнему отдавался конституционному надзору, а не конституционному контролю. Об этом свидетельствует и название созданного в конце 1980-х гг.

специализированного органа в исследуемой сфере – Комитета конституционного надзора СССР.

Оценивая влияние «перестройки», А. Н. Мироненко отметил: «Со стороны истории отечественной конституционной юрисдикции, самыми важными изменениями и дополнениями в Основной Закон СССР, внесенными 1 декабря 1988 г., была новая редакция ст. 125, которая создавала и закрепляла статус Комитета конституционного надзора СССР» [204, с. 466].

В частности, было предусмотрено, что «Комитет конституционного надзора СССР избирается Съездом народных депутатов СССР сроком на десять лет из числа специалистов в области политики и права в составе Председателя, заместителя Председателя и 21 члена Комитета, включая представителей от каждой союзной республики» [152]. Кроме этого, закреплялась независимость членов Комитета и устанавливался запрет на одновременное пребывание в составе Комитета и поднадзорных ему органов. Комитет наделялся правом законодательной инициативы, а также правом при выявлении противоречия акта или его отдельных положений Конституции СССР или законам СССР направить органу, издавшему акт, свое заключение для устранения допущенного нарушения. О том, что Комитет был органом конституционного надзора, а не конституционного контроля, свидетельствует и тот факт, что в Основном законе были предусмотрены последствия направления такого заключения, а именно: принятие Комитетом такого заключения приостанавливало исполнение противоречащего Конституции СССР или закону СССР акта либо его отдельных положений.

Кроме того, закрепленный в ст. 125 Конституции перечень полномочий Комитета свидетельствует о том, что это орган конституционного надзора, а не конституционного контроля. В частности устанавливалось, что «Комитет конституционного надзора СССР: 1) по собственной инициативе или по поручению Съезда народных депутатов СССР представляет Съезду заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов СССР, подлежащих рассмотрению Съездом; 2) по собственной инициативе, по

поручению Съезда народных депутатов СССР, по предложениям Верховного Совета СССР, высших органов государственной власти союзных республик представляет Верховному Совету СССР заключения о соответствии актов Верховного Совета СССР и его палат, а также проектов актов этих органов Конституции СССР и законам СССР, принятым Съездом народных депутатов СССР; 3) осуществляет наблюдение за соответствием Конституции СССР и законам СССР конституций и законов союзных республик, постановлений и распоряжений Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик; 4) по собственной инициативе или по поручению Съезда народных депутатов СССР, по предложениям Верховного Совета СССР, его палат, Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Верховного Совета СССР, постоянных комиссий палат и комитетов Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, высших органов государственной власти союзных республик дает заключения о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов других государственных органов и общественных организаций» [152].

Следует отметить, что в ст. 125 Конституции СССР неоднократно вносились изменения. Впервые это произошло 23 декабря 1989 г., практически через год после учреждения Комитета. Заслуживают внимания такие новеллы, как увеличение численности членов Комитета с 24 до 27, отмена возможности Комитета по собственной инициативе рассматривать проекты законов и законы на предмет соответствия их Конституции СССР (а лишь по поручению Съезда народных депутатов СССР). Дополнительно Комитет получил право по поручению Съезда народных депутатов СССР, по предложениям Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета СССР, высших органов государственной власти союзных республик представлять Съезду народных депутатов СССР или Верховному Совету СССР заключения о соответствии Конституции СССР конституций союзных республик, а законов союзных республик – также и законам СССР. В Конституции появилась норма о том, что заключение Комитета может быть отклонено лишь решением Съезда

народных депутатов СССР, принятым двумя третями голосов от общего числа народных депутатов СССР [154]. Редакция Конституции СССР от 14 марта 1990 г. не затронула содержание ст. 125, однако изменила ее порядковый номер со 125 на 124 [153]. Наконец, последняя редакция Конституции СССР от 26 декабря 1990 г. не затронула ни содержание, ни порядковый номер анализируемой статьи [155].

Конституция СССР 1978 г. предусматривала, что организация и порядок деятельности Комитета конституционного надзора СССР определяются Законом о конституционном надзоре в СССР. Одноименный закон был принят 23 декабря 1989 г. и вступил в силу с 1 января 1990 г. Закон «О конституционном надзоре в СССР» очень интересен с точки зрения сравнения его с современными законами об органах конституционного правосудия в постсоветских странах, в т. ч. в Азербайджанской Республике.

Во-первых, привлекает внимание небольшой объем этого Закона – 31 статья, 2670 слов (в среднем 86 слов в статье). Для сравнения: в действующем Законе АР от 23 декабря 2003 г. «О Конституционном Суде» – 79 статей, 9165 слов (в среднем 1166 слов в статье). Таким образом, при рассмотрении соотношения между ст. 125 (124) Конституции СССР и самого Закона возникает вопрос о крайне невысокой степени детализации.

Во-вторых, Закон предусматривал, что создание органов конституционного надзора будет осуществлено не только на союзном уровне, но и в субъектах федерации: «конституционный надзор в СССР осуществляют Комитет конституционного надзора СССР и органы конституционного надзора союзных и автономных республик» [245]. Тем не менее, функционировал лишь Комитет конституционного надзора СССР – в период с 1989 г. по конец 1991 г., когда он *de facto* перестал существовать в связи с распадом СССР. В этом органе Азербайджанскую ССР представлял Мирзоев Сафа Аббас оглы – доцент Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова, кандидат юридических наук.

Следует напомнить, что независимость Азербайджана была восстановлена 30 августа 1991 г. Важным с точки зрения настоящего исследования является ст. 13 Конституционного Акта о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики, в которой речь шла о том, что «судебная власть осуществляется независимыми судами и в высшей инстанции – Конституционным Судом Азербайджанской Республики, Верховным Судом Азербайджанской Республики и Высшим Арбитражным Судом Азербайджанской Республики – каждым в пределах своих полномочий» [146].

Появление в Азербайджанской Республике института конституционного контроля является не исключением, а правилом, если сравнить азербайджанский опыт с зарубежным. Так, С. Н. Пастернак в процессе исследований этого феномена пришла к выводу, что «возникновение института конституционного контроля современные исследователи связывают с появлением писаных конституций» [275, с. 19]. Следует отметить, что Конституционный Суд АР был создан лишь после принятия Конституции 1995 г. и начал свое функционирование 14 июля 1998 г. Как справедливо отметил Р. Гулиев, «Конституционный суд не входит в систему общих судов» [78, с. 110] (судов общей юрисдикции – Дж. Г.).

При закреплении конституционного статуса Конституционного Суда АР широко использовался как опыт зарубежных стран, так и консультации европейских институтов, в частности Венецианской комиссии. В 1996 г. Венецианская комиссия сформулировала итоги совместной работы над соответствующими статьями Конституции АР и Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики» в двух документах [442; 444]. Ее эксперты подчеркнули: «Комиссия находит, что предоставленные проекты (изменений в Конституцию и Закона «О Конституционном Суде Азербайджанской Республики». – Дж. Г.) направлены на гарантирование принципа верховенства Конституции путем создания Конституционного Суда, состоящего из независимых членов, в соответствии со стандартами

современных демократических государств и стремления к защите прав человека и уважению принципа верховенства права» [444; 442, с. 2].

В Основном законе АР 1995 г. не существует отдельного раздела о Конституционном Суде АР. Конституционному Суду АР посвящена лишь ст. 130, размещенная в Главе VII «Судебная власть». Кроме того, о нем упоминается в ст. ст. 95, 101-104, 107, 109, 125, 128, 153-154 Конституции. В связи с этим следуем отметить, что Венецианская комиссия рекомендовала выделить нормы Основного Закона о Конституционном Суде АР в отдельный раздел. По мнению экспертов этого органа, «существование в Конституции … раздела о Конституционном Суде сделает очевидным особую природу Конституционного Суда» [449, с. 6].

Однако большинство замечаний экспертов Венецианской комиссии в отношении нормативно-правовой регламентации создания и функционирования Конституционного Суда АР были учтены, в т. ч. их мнение о том, что «обычно, если государство желает ввести конституционную юстицию в правовую систему впервые, вероятно, в связи с новой Конституцией, предпочтительно создать специальный институт, нежели возлагать функцию конституционного контроля на обычные суды» [463, с. 27] (Х. Штейнбергер (*H. Steinberger*)). Этот аргумент при выборе европейской, а не американской модели конституционного контроля был не единственным.

Исторически первой появилась американская модель конституционного контроля, основные черты который обусловлены особенностями Конституции США 1878 г. Т. А. Николаева сформулировала, что «американская модель конституционного контроля характеризуется следующими основными общими признаками: а) всеобъемлющим характером, включающим любые нормативные правовые акты; б) контроль чаще всего осуществляется децентрализовано, любым судом, не систематически, а при рассмотрении любого конкретного дела, если нормативный правовой акт касается конкретных интересов стороны в деле; в) имеет относительный характер, поскольку решение суда обязательно только для сторон и обычно не

распространяется на все поле правоприменения» [234, с. 21]. Таким образом, как справедливо отмечает С. Владыченко, «для судов не существует особой категории конституционных дел, поскольку процедура конституционного контроля нарушается только в ходе рассмотрения конкретного судебного дела, в котором одна из сторон считает, что требование другой стороны базируется на неконституционной норме» [55, с. 33]. Очевидно, что американская модель конституционного контроля не подразумевает наличия специальных требований к тем лицам, которые осуществляют этот контроль, поскольку этими лицами являются судьи общих судов. Также к характерным чертам американской модели конституционного контроля следует отнести невозможность вынесения решений по абстрактным вопросам – каждое анализируемое судом дело основано на уже свершившемся юридическом факте. Последнее может быть как преимуществом, так и недостатком этой модели конституционного контроля.

Недостатками американской модели конституционного контроля Е. Ю. Киреева считает то, что «субъектами обращения в суд являются преимущественно граждане, а не государственные органы, которые практически не могут реагировать на нарушения конституции. Далее, судьи при рассмотрении дела связаны исковыми требованиями, самостоятельно расширить предмет рассмотрения они не могут. Еще одним негативным фактором является то обстоятельство, что в первую очередь судьи выясняют фактические обстоятельства дела, а затем уже осуществляют проверку на конституционность. И последнее, неконституционный акт не отменяется на основе судебного решения, он просто не подлежит применению, поскольку судебное решение по данному делу становится прецедентом» [125, с. 61].

По мнению С. П. Казанкова, к основным недостаткам американской модели конституционного контроля относится то, что: а) возможен только последующий конституционный контроль; б) вопрос о конституционности решают не всегда судьи – профессионалы по конституционным вопросам; в) решения общих судов часто не обжалуются; доведение дела до Верховного

Суда США требует многих лет и большого количества денег [118, с. 30]. По поводу того, что проблемы конституционно-правового характера решают не всегда судьи – специалисты в сфере конституционного права следует отметить, что и в случае существования в стране европейской модели судьи общих судов часто включаются в состав органа конституционного контроля по квоте от судебных органов, а проблема, связанная с тем, что решения общих судов часто не обжалуются из-за отсутствия временных и материальных ресурсов, отчасти нивелируется самой возможностью такого обжалования. В странах же с европейской моделью конституционного контроля пересмотр решений органов конституционного контроля не предусматривается действующим законодательством.

Т. А. Николаева, рассматривая недостатки американской модели конституционного контроля, отмечает и «тот факт, что суды действуют изолированно и независимо друг от друга, что может привести к противоречивости контроля. Лишь на самой «вершине» судебной власти может осуществляться какая-то ориентация, но и верховные суды связаны конкретными обстоятельствами» [234, с. 22]. Следует отметить, что ученая недостаточно критично относится к выделенной ею особенности американской модели конституционного контроля, рассматривая ее исключительно как недостаток. Она не упоминает о ряде достоинств этой особенности, а именно: рассмотрение дел несколькими независимыми друг от друга судебными органами позволяет с большей вероятностью избегать судейских ошибок, а также коррупционного влияния на суд. И, конечно же, эта особенность повышает скорость рассмотрения дел и существенно облегчает доступ субъектов права обращения в органы конституционного контроля к этим органам. С. Э. Несмеянова конкретизирует, что «американская модель конституционного контроля позволяет более широко пользоваться судебной системой, дает возможность обращаться по конкретным вопросам как в нижестоящие суды, так и в Верховный Суд» [231, с. 44].

Последнее является настолько важным, особенно с точки зрения существенного облегчения доступа физических лиц в соответствующие органы для защиты своих прав, что может возникнуть вопрос о целесообразности заимствования соответствующего опыта. Тем не менее эта особенность вряд ли может быть воспринята в АР на современном этапе развития конституционного контроля. Она является основным критерием, по которому проводится различие между американской и европейской моделями конституционного контроля, и ее рецепция будет связана со сменой существующей в стране европейской модели конституционного контроля на американскую.

История становления конституционного надзора в советское время стала причиной того, что вариант рецепции американской модели конституционного контроля после провозглашения независимости АР практически не рассматривался. Как продемонстрировано в этом подразделе, в советский период существования конституционного надзора его никогда не осуществляли суды общей юрисдикции. И. Ю. Остапович пояснил это так: «В целом европейская модель конституционного контроля является максимально близкой к той, которая построена …, что обусловлено как общими закономерностями развития права и законодательства, так и разработкой … законодателями института конституционного контроля с учетом именно европейского опыта» [274, с. 77]. Таким образом, выбор европейской модели стал наиболее логичным для всех государств – бывших республик СССР. Кроме того, в настоящее время большинство независимых государств отдают предпочтение европейской, а не американской модели конституционного контроля, что также сыграло свою роль в выборе модели конституционного контроля в АР.

Итак, выбор Азербайджанской Республикой европейской модели конституционного контроля обусловили:

- исторические предпосылки (в прошлом на территории Азербайджанской Республики использовались элементы лишь европейской модели конституционного контроля);

- текущая внешнеполитическая ситуация (в период распада СССР и «социалистического лагеря» ни одна из постсоветских стран не отдала предпочтение американской модели конституционного контроля);

- рекомендации экспертов, в частности экспертов Венецианской комиссии, о том, что на современном этапе становление института конституционного контроля в государстве происходит более эффективно, если речь идет о европейской модели его осуществления;

- анализ зарубежной практики с использованием математических методов, в ходе которого было выявлено численное превалирование государств, использующих европейскую модель конституционного контроля, над количеством стран, использующих его американскую модель.

Для европейской модели конституционного контроля, по мнению К. А. Половченко, характерным является: наличие конституционных судов; автономное положение судов в иерархии судебных органов; самостоятельная процессуальная форма отправления правосудия; рассмотрение и разрешение дел, содержащих исключительно конституционно-правовые вопросы; особая юридическая природа актов конституционного правосудия; особая система законодательства, регулирующего конституционное правосудие [283, с. 8]. Следует отметить и особый правовой статус судей органов конституционного контроля, и возможность осуществления как предварительного, так и последующего конституционного контроля. Большое значение в условиях становления АР как нового независимого государство имела и бóльшая (по сравнению с американской моделью) гибкость в решении вопросов политического характера.

По мнению А. А. Клишаса, к недостаткам европейской модели относятся следующие: «во-первых, конституционный контроль европейского типа по процессуальным процедурам «не совсем судебный»; во-вторых, происходит

сосредоточение полномочий в одном органе; в-третьих, все остальные судебные институты лишаются полномочий по конституционному контролю и теряют в этой связи известную часть своей независимости, поскольку они обязаны следовать толкованиям, даваемым официальным органом конституционного контроля» [134, с. 224]. Последний факт не является достаточно убедительным, ведь не только судебные институты «обязаны следовать толкованиям, даваемым официальным органом конституционного контроля», а и другие органы публичной власти. И вряд ли это каким-то образом влечет потерю «известной части их независимости» – в этом случае соблюдение Конституции и законов (по аналогии) так же может рассматриваться как ограничение независимости. Следует подчеркнуть второй выделенный А. А. Клишасом недостаток европейской модели – о сосредоточении полномочий по осуществлению конституционной юрисдикции в одном органе. Не столько само по себе это, сколько часто возникающая вследствие такого положения вещей невозможность пересмотра решений этого единственного органа конституционной юрисдикции является основным недостатком европейской модели конституционного правосудия, который может быть устранен путем использования элементов опыта стран, применяющих американскую модель.

Еще одним существенным недостатком европейской модели является возможность органа конституционного контроля рассматривать не только конкретные, но и абстрактные вопросы. Последнее делает возможной политизацию его деятельности и способствует успешности попыток вовлечь орган конституционного контроля в противоречия, которые могут возникать в треугольнике «глава государства – парламент – правительство». Однако устранить либо минимизировать этот недостаток вряд ли возможно, используя наработки стран, имеющих американскую модель конституционного контроля, по крайней мере в АР. За весь период существования Азербайджанской Республики Конституционный Суд рассматривал преимущественно дела, вытекающие из проблем абстрактного, а не конкретного характера, и внес

существенный вклад в развитие правовой системы страны в соответствии с такими принципами конституционализма, как верховенство права, разделение властей и др. В связи с этим отказ от решения проблем абстрактного характера Конституционным Судом АР вряд ли может быть признан целесообразным.

В юридической литературе сложилось две точки зрения по поводу номенклатуры моделей конституционного контроля. Ряд специалистов считает, что конституционный контроль в современных государствах осуществляется с использованием одной из двух моделей – европейской либо американской. В частности, к такому выводу пришел Р. М. Мырзалимов. По его мнению, «в доктрине конституционного права в настоящее время преобладает представление, основанное на дуализме двух основных моделей конституционной юстиции («американская» (англо-саксонская) и «европейская» (австрийская)» [222, с. 8]. Эта точка зрения представляется более убедительной, чем предпринимаемые в литературе попытки обосновать существование также и иных моделей.

Например, в связи с тем, что моделью для действующей Конституции АР послужил в т. ч. текст Конституции Французской Республики 1958 г., может показаться привлекательной позиция Н. В. Даниловой, предлагающей выделять французскую модель конституционной юстиции. Ведь сходство между текстами конституций могло бы стать дополнительным аргументом в пользу первоочередного изучения опыта формирования и функционирования Конституционного Совета Французской Республики для дальнейшего усовершенствования конституционного контроля в АР.

Н. В. Данилова предлагает выделять французскую модель конституционного контроля, поскольку «ряд специфических особенностей, изначально присущих модели специализированного органа конституционного контроля, созданной в середине XX в. во Франции (особое место в системе государственных органов, особый статус членов Конституционного Совета, наличие специфических полномочий, отсутствие по общему правилу гласности и состязательности процесса и т. д.), не позволяет безоговорочно отнести ее …

к континентальной модели конституционного правосудия» [85, с. 9]. Однако каждый из приведенных в скобках аргументов Н. В. Даниловой как раз и характерен для государств, использующих европейскую модель конституционного контроля. Так, единственный орган конституционного контроля занимает особое место в системе государственных органов (либо выделен из системы судов общей юрисдикции, либо выведен из числа органов, образующих триаду ветвей государственной власти). На членов органа конституционного контроля не распространяются (либо не обязательно должны распространяться) те же требования, что и на судей судов общей юрисдикции. Органы конституционного контроля наделяются специфическими полномочиями, которые они осуществляют в особом процессуальном порядке.

На наш взгляд, правильнее вести речь о конвергенции американской и европейской моделей конституционного контроля (наиболее ярким примером является Суд ЕС). Исследования результатов процесса такой конвергенции привлекательны тем, что для нивелирования недостатков европейской модели конституционного контроля могут быть использованы достоинства американской модели, ведь смешение характеристик обеих моделей уже опробовано на практике (Суд ЕС), что доказывает его реальность и в ряде случав эффективность. Кроме того, изучая результаты конвергенции, с помощью метода прогнозирования можно с высокой степенью вероятности предположить, какие именно недостатки каждой из моделей могут быть нивелированы достоинствами другой модели.

Как справедливо отметил М. Н. Самедов, «вступление Азербайджанской Республики в Совет Европы и признание юрисдикции Страсбургского Суда стали основой установления нового правового положения в Азербайджане, повысили престиж и доверие к ее государственной власти и правосудию. И надо сказать, что Азербайджан в целом успешно выдержал первое испытание европейского партнерства, а также пристальный экспертный контроль Совета Европы за ходом национальной судебно-правовой реформы. Однако надо

заметить, что членство в европейских структурах – не разовый приемный экзамен, остается проблематичным удержание возрастающей планки требований к нашим международным обязательствам в области защиты прав и свобод человека» [319, с. 6-7]. Х. Гаджиев резюмировал, что Конституция Азербайджанской Республики «оказала позитивное воздействие на преобразования в стране, послужила ориентиром, указывающим общее направление процесса формирования правового государства. Именно Конституция стала основой для масштабного обновления законодательства, повлияла на правотворчество и правоприменение» [62, с.21].

1. 3. Конституционное развитие Европейского Союза и становление Суда Европейского Союза

Изучая Лиссабонский договор, И. Пернис (*I. Pernice*) отметил, что «евроинтеграция затрагивает и изменяет и договора о создании ЕС, которые конституируют ЕС, и национальные конституции. Этот процесс: революционный, т. к. он идет вразрез с традиционными концепциями о политической организации обществ; рассматривается как вызов теориям о государстве и конституциях, а также о конституционализме на разных уровнях управления; многообещающий, в связи с формированием на наднациональном уровне такой организации власти, которая направлена на реализацию интересов большинства населения» [453, с. 3]. В связи с этим в литературе активно обсуждается вопрос о возможности использования понятия «Конституция ЕС»; при этом Конституцией ЕС предлагается считать учредительные договора ЕС (см., например, [83]). Для аргументированного ответа целесообразно рассмотреть историю конституционного развития ЕС. С этой проблемой тесно связан вопрос о том, насколько корректно именовать осуществляемое Судом ЕС разбирательство дел, связанное толкованием и применением учредительных договоров, «конституционным контролем».

Когда речь идет о судебной системе ЕС, в русскоязычных исследованиях существует терминологическое многообразие. Это связано с тем, что в настоящее время понятие «Суд справедливости ЕС» (*the EU Court of Justice, ECJ)* включает в себя всю судебную систему Европейского Союза, состоящую из трех элементов:

1) Суд справедливости (*the Court of Justice*, исторически первый элемент системы, функционирующий с 1952 г.);

2) Общий суд ЕС (*the General Court*, созданный в 1998 г. для рассмотрения дел преимущественно по первой инстанции, в связи с чем до вступления в силу Лиссабонского договора даже именовался Европейским судом первой инстанции; необходимость его создания была обусловлена расширением предмета правового регулирования права ЕС);

3) Трибунал гражданской службы ЕС (*the Civil Service Tribunal*, созданный в 2004 г. для рассмотрения споров между институтами ЕС и их работниками).

Для обозначения первого элемента этой системы – Суда справедливости – также используются наименования «Европейский Суд Правосудия» [288, с. 31]; «Суд» [289, с. 142]. Наименование «Люксембургский Суд» (по местонахождению) носит неофициальный характер и позволяет легко отличить Суд ЕС от т. наз. «Страсбургского Суда» – Европейского Суда по правам человека. Авторы комментируют выбор того или иного наименования достаточно редко; одним из таких исключений являются размышления Ю. М. Орловой: «В литературе зачастую можно встретить дословный перевод данного института – «Суд справедливости», но нам представляется, что данный перевод не совсем корректен, так как само понятие «суд» связано в сознании людей с олицетворением справедливости. Что же касается наименования «Европейский суд», то, учитывая наличие в Европе нескольких судов международных организаций, его применение может вызвать разные ассоциации, поэтому в данной работе мы предпочитаем использовать термин Суд европейских сообществ или просто Суд ЕС» [270, с. 16]. Следует

согласиться с предложением автора о том, что правильно вести речь именно о «Суде ЕС», и отметить, что отсутствие единого мнения по поводу наименования этого наднационального судебного органа во многом связано с особенностями его появления и становления. В частности, он был сформирован и развивался с учетом лучшего национального опыта государств – членов ЕС, имеет почти полувековую историю. Это позволяет говорить о целесообразности изучения опыта формирования и функционирования Суда ЕС для дальнейшего усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР.

Люксембургский Суд был создан на основании Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали – Парижского договора, который в настоящее время утратил силу (действовал с 25 июля 1952 г. в течение 50 лет). Практическая реализация Плана министра иностранных дел Франции Р. Шумана[1] об объединении нескольких отраслей промышленности Франции и ФРГ привела к созданию первого объединения, учредительные документы которого предусматривали определенный уровень экономической европейской интеграции. Оно получило название Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и включило в свой состав Бельгию, Италию, Люксембург, Нидерланды, Францию и ФРГ, с 1 января 1973 г. – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Данию, Ирландию, с 1 января 1981 г. – Грецию.

Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (Парижский договор) был подписан на 50 лет и вступил в силу 25 июля 1952 г.[2]. Союз именно в этой сфере объяснялся важностью угольной и металлургической промышленности в изготовлении вооружения. Таким образом, объединение преследовало цель – недопущение новой войны на континенте благодаря в т. ч. контролю за этими сферами производства.

---

[1] План Р. Шумана был обнародован 9 мая 1950 г., в настоящее время день 9 мая отмечается как День Европы.

[2] Срок действия Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали истек 23 июня 2002 г.

Именно Парижский договор положил начало современным интеграционным процессам на европейском континенте, ведь «интеграция предполагает согласование государственных интересов на основе формирования общего экономического, правового и информационного пространств и создание с этой целью различных международных структур, организаций и органов. Одной из важнейших составляющих интеграционных процессов является тесная координация между государствами в сфере правовой политики. В зависимости от потребностей и готовности государств к подобной координации она может простираться от согласования отдельных правовых решений до формирования единого правового пространства» [10, с. 3]. С точки зрения формирования единого правового пространства важно отметить, что Парижский договор предусматривал создание нескольких наднациональных органов (Высшего руководящего органа и Совета министров, а также Ассамблеи и Суда), Высший руководящий орган стал прообразом ныне действующей Европейской комиссии, Совет министров – Совета ЕС (Совета Министров ЕС), Ассамблея – Европейского парламента, а Суд – Суда ЕС.

С точки зрения рассмотрения Суда ЕОУС как прообраза Суда ЕС важным являются такие характеристики:

- наделение Суда ЕОУС правом не только рассматривать споры, возникающие на основании Договора, но и толковать положения Договора;

- право анализировать акты Высшего органа на предмет их соответствия Договору, а в случае превышения Высшим органом своих полномочий, нарушения процедуры принятия решения или рекомендации и др. – признавать такой акт не имеющим юридической силы;

- важное место в институционной системе ЕОУС, обусловленное наличием аналогичных возможностей Суда по отношению к актам Ассамблеи и Совета его;

- ответственность за невыполнение решений Суда.

Следует отметить, что в это время Суд ЕОУС не был органом, одним из направлений деятельности которого являлся бы конституционный контроль. Я. П. Андриенко справедливо отметил, что «Суд исполнял роль международного трибунала в любом споре между государствами – членами ЕОУС относительно применения Договора, который не мог быть урегулирован в Совете министров или прямыми дипломатическими переговорами» [11, с. 15]. Европейское объединение угля и стали в первые годы после своего создания было классической межправительственной организацией. Оценивая учредительные договоры на самом первом этапе европейской интеграции, Н. Ю. Ильин пишет: «Учредительные договоры – типичные международно-правовые акты. Они являлись результатом согласования интересов суверенных государств, совместного формулирования статей и норм» [114, с. 38].

Итак, первым шагом европейской интеграции стало объединение в сфере угольной и металлургической промышленности. За ним последовали и другие шаги. В частности, с развитием науки огромную важность с точки зрения обороны и вооружения приобрели атомные разработки. Необходимость сотрудничества в этой сфере, а также контроля за ней привели к подписанию в 1957 г. Договоров о ликвидации всех преград на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала (Римские договора, в настоящее время с учетом последующих изменений и дополнений они объединены в один документ и известны под названием Договора, учреждающего Европейское Сообщество). Они способствовали реализации следующего этапа европейской интеграции, выразившегося в экстенсивном развитии, диверсификации сотрудничества и распространения его не только на оборону, вооружение (углублению, интенсификации сотрудничества в оборонном направлении и созданию Европейского оборонного сообщества препятствовали успехи более масштабного международного проекта – Организации Североатлантического договора (НАТО)). Римские договора предусматривали создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии.

Европейское сообщество по атомной энергии (Евроатом) функционирует до настоящего времени, координируя работу государств-членов в сфере энергетической политики вообще и, в частности, ядерной энергетики, атомной энергетики. Членами Евроатома являются все государства – члены ЕС. В соответствии с Римскими договорами 1957 г. были созданы такие органы Евроатома, как Комиссия, Совет, Ассамблея и Суд. Система органов была сформирована по аналогии с уже эффективно функционировавшей системой органов ЕОУС, однако впоследствии достаточно часто реформировалась. Интересно, что Суду Евроатома при его учреждении было уделено значительно большее внимание, чем в свое время, при подготовке Договора об учреждении ЕОУС, Суду ЕОУС. Так, неотъемлемым приложением к Римскому договору, учреждавшему Евроатом, стал Протокол № 2 «О статусе Суда Европейского сообщества по атомной энергии».

Аналогичная Евроатому система органов была предусмотрена и для третьего объединения, ставшего основой ЕС, – для Европейского экономического сообщества, координировавшего усилия государств – членов этой организации по созданию единого рынка, унификации либо отмене пошлин и др. (т. наз. «общего рынка»).

Римские договора неоднократно пересматривались, в т. ч. в той их части, которая касалась органов Евроатома и ЕЭС. Постепенно произошла интеграция их органов с органами ЕОУС. Наиболее важным с этой точки зрения стал Брюссельский договор (Договор о создании Единого Совета и Единой Комиссии Европейских Сообществ, подписанный в Брюсселе 8 апреля 1965 г. и вступивший в силу 1 июля 1967 г.). В соответствии с этим Договором, Комиссия ЕЭС и Совет ЕЭС заменяли Комиссию и Совет Евроатома, а также Высший руководящий орган и Совет министров Европейского объединения угля и стали. Институты трех европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС и Евратома) слились воедино: одна Комиссия, один Совет министров и Европейский парламент. Этот договор получил неофициальное название «Договор слияния»

и рассматривается некоторыми исследователями как акт, положивший начало существованию Европейского Союза.

На первый взгляд, ЕОУС, ЕЭС и Евратом носили экономический характер. Однако при их создании ставились и политические цели, закладывались политические перспективы. На каждом этапе в договорах предусматривалась возможность присоединения новых членов (географическое расширение). С точки зрения науки конституционного права важно, что евроинтеграция была не только экстенсивной (заключалась в распространении норм договоров на все новые страны), но и интенсивной, т. е. предусматривала расширение объема полномочий органов ЕС, что все больше влияло на государственный суверенитет государств-членов ЕС (по этому поводу Ш.М. Алиев отметил, что «притязания на государственный суверенитет несовместимы с международным правом» [9, с. 438]).

По похожему вопросу М. Н. Самедов справедливо отметил, что «в современный период интеграционные процессы сопровождаются … повышением роли международно-правовых норм при решении внутригосударственных вопросов… Такой подход к вопросу о применении международно-правовых стандартов в рамках национального права является, на наш взгляд, не ущемлением государственного суверенитета, а, наоборот, наполнением его оптимальным содержанием, содействующим утверждению демократии и гражданского согласия в обществе. Другими словами, сегодня для национальных правотворческих и правоприменительных органов очень важен учет положений международных документов, которые выступают в качестве своего рода «общепринятого правового стандарта» для страны, вступившей на путь демократии. Вместе с тем государство в силу суверенитета свободно в определении собственной государственно-правовой системы» [318, с. 21]. Его мнение актуально при рассмотрении не только международных, но и европейских норм.

Итак, приблизительно в этот период – в середине 1960-х гг. – впервые появилось мнение о том, что европейская интеграция осуществляется в

границах структуры, выходящей за рамки традиционного объединения межправительственных организаций. В этой связи следует отметить, что в 1964 г. Суд ЕС в решении по объединенному делу *Commission of the European Economic Community v Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of Belgium* указал, что «Договор (Договор об учреждении Европейского сообщества. – Дж. Г.) не ограничивается созданием взаимных обязательств между различными физическими и юридическими лицами, которых он касается, однако устанавливает новый правопорядок, регулирующий полномочия, права и обязанности упомянутых лиц, а также определяет необходимые процедуры по признанию и наказанию за его нарушение» [408]. Именно словосочетание «новый правопорядок» послужило причиной того, что Европейский Союз в литературе чаще всего описывается как организация «особого рода» (*sui generis*; см., например, одноименную статью [76]). Такой подход имеет как своих сторонников, так и противников. На современном этапе следует признать убедительной точку зрения А. О. Четверикова, который считает, что «объявление Союза (Европейского Союза. – Дж. Г.) уникальной организацией, имеющей «особую природу», без всяческих попыток сравнить его с другими политическими образованиями, фактически не объясняет, а лишь искусственно снимает проблему, не давая никакой новой и полезной информации» [380, с. 42]. Действительно, подчеркивание уникальности ЕС все же не выходит за рамки признания его международной организацией, пусть даже и «особого рода».

Вскоре после объединения органов трех сообществ у ряда политиков появилось желание осуществлять дальнейшую интеграцию. Результатом этой идеи стал разработанный в 1980-х гг. проект Европейской конституции А. Спинелли (*Altiero Spinelli*), который пропагандировал европейский федерализм, обосновывая его необходимость кризисом национальной государственности на континенте [431, с. 9]. Он положил в основу Европейской конституции идею общественного договора, однако углубил ее,

предложив рассматривать Европейскую конституцию как договор не только между людьми, но и между странами [431, с. 12].

Идеи А. Спинелли опередили свое время более чем на 30 лет; следует отметить, что и на современном этапе развития ЕС вести речь о «континентальном европейском федерализме» [93, с. 131] было бы преждевременным.

Проект А. Спинелли не нашел поддержки у большинства государств – членов Сообществ, однако дальнейшая интеграция все же продолжилась подписанием Единого европейского акта 1986 г. Этот акт внес существенные изменения в Римские договора 1957 г., которые имели в большей степени экономический характер, интенсифицируя процессы формирования единого европейского рынка, и лишь в меньшей степени – конституционный характер (изменили порядок голосования в Совете Европейского Союза, не затронув остальные органы, в т. ч. Суд).

Следующая «волна» интереса к принятию европейской конституции датируется началом 1990-х гг. Ее причинами стали объединение ФРГ и ГДР, а также дальнейшее расширение Сообществ за счет вступления в них новых государств-членов. Однако сторонники идеи принятия Конституции ЕС снова остались в меньшинстве – результатом их лоббистских усилий стало подписание не Конституции, а лишь очередного договора – Договора о Европейском Союзе 1992 г. (Маастрихтского). Этот договор учредил Европейский Союз, отделив его от Сообществ, а также ввел общую внешнюю политику и общую политику в сфере безопасности, сотрудничество правоохранительных и судебных органов в области уголовного права (внутренние дела и правосудие). Как пишет И. Пернис (*I. Pernice*), «Маастрихтский договор не был удовлетворительным решением для тех, кто поддерживал эффективный и демократический Союз, который основывался бы на «настоящей» Конституции – тексте, который содержит лишь самые важные положения, обычно включаемые в конституции, и который назывался бы

«конституция» со всеми юридическими и политическими последствиями, вытекающими из этого понятия» [454, с. 356].

Следующим шагом в эволюции ЕС стало подписание и ратификация государствами-участниками в 1997 г. Амстердамского договора об изменении Договора о Европейском Союзе, а также договоров, основывавших Европейские Сообщества, и ряда связанных с ними актов. Ученые отмечают, что «особое международно-правовое значение Амстердамского договора состоит, прежде всего, в том, что он, заложив основу для последующего движения в направлении всеобъемлющей реформы ЕС, сформулировал основные вопросы, имеющие первоочередное значение для дееспособности расширенного Союза, и снабдил государства-члены инструментарием для принятия соответствующих решений» [339, с. 7-8].

По мнению исследователей, «благодаря Амстердамскому договору Суд Европейских сообществ получил важные дополнительные полномочия, из которых, главным образом, следует указать на усиление роли Суда Европейских сообществ при защите основных прав и свобод, а также в третьей опоре Европпейских сообществ и на контрольные полномочия в отношении «гибкости». Кроме того, задачей Суда Европейских сообществ является устанавливать, в каком масштабе протоколы, которые одновременно прилагаются к новой редакции ДЕС (договора о Европейском Союзе. – Дж. Г.) и к одному или всем договорам об учреждении Сообщества, должны рассматриваться как право Сообщества» [380, с. 71].

Кроме того, Амстердамский договор продемонстрировал, что более глубокие институциональные реформы не нашли поддержки большинства государств-членов ЕС, равно как и проекты, связанные с разработкой и возможным принятием Конституции ЕС. Вследствие того, что эти вопросы так и остались нерешенными, вскоре после принятия Амстердамского договора последовало подписание в 2001 г. Ниццского договора (Ниццкий договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе, в Договоры,

учреждающие Европейские сообщества, и в некоторые связанные с ними акты).

Положения Ниццского договора в отношении Люксембургского Суда предусматривали возможность оптимизации его функционирования за счет появления возможности формирования специализированных трибуналов (в настоящее время работает лишь Трибунал публичной службы ЕС).

С точки зрения настоящего исследования, наиболее значимые положения Ниццского договора состоят в том, что:

- были предприняты шаги, направленные на все большее отдаление природы ЕС от природы международных организаций (а именно, «договор Ниццы развил достижения Амстердамской конференции, максимально расширив сферу применения процедуры квалифицированного большинства при решении ряда экономических и финансовых вопросов и, определив дальнейшие реформы руководящих органов Сообществ, создал предпосылки для решения вопросов международной правосубъектности и места ЕС в системе международных отношений» [339, с. 7-8]);

- был достигнут определенный консенсус в отношении такой важной для каждой конституции группы норм, как нормы о правах человека (в частности, «Европейский саммит в Ницце приветствовал провозглашение … Хартии фундаментальных прав, объединяющих в одном тексте гражданские, политические, экономические и социальные права, до настоящего времени закрепленные в различных международных, европейских и национальных источниках» [11, с. 20]).

Тем не менее принятая вместе с Ниццким договором Хартия фундаментальных прав, несмотря на широкий спектр закрепленных в ней прав и свобод, не получила официального статуса. Наделить ее юридической силой планировалось позднее, а именно с принятием Конституционного договора.

В период подготовки проекта Конституционного договора в литературе активно стали писать о том, что начиная с 1970-хх гг. Европейский Союз

прошел значительный путь развития, и его эволюция не могла не сказаться на его правовой природе.

С. В. Ершов предложил считать ЕС международно-правовой федерацией [100, с. 16] и обобщил аргументы в поддержку точки зрения о том, что в случае с ЕС имел место «переход от статуса межгосударственного образования к единому гомогенному образованию, близкому по свойствам к государству (федерации или конфедерации)» [392, с. 25]. В частности, он писал: «Европейский Союз постепенно стал существенно отличаться от других международных межправительственных организаций, напоминая конструкцию государства… У ЕС имеется: единая (функциональная) территория, на которую распространяются юрисдикция органов власти Союза; население, имеющее единое гражданство, равные права и обязанности; органы публичной власти, акты которой обладают приоритетом по отношению к актам государственных органов членов Союза; своя система права, свой правопорядок, своя судебная система» [100, с. 90]. Однако невозможность ратификации всеми странами-членами ЕС Конституционного договора продемонстрировала преждевременность такой точки зрения.

Следует согласиться с теми исследователями, которые признают, что ЕС находится в процессе эволюции, уже трансформировавшись из международной организации в конфедерацию, и продолжая трансформироваться – из конфедерации в федерацию, однако пока преобразования не завершены. М. М. Бирюков отметил, что «постлиссабонский» Евросоз … является больше чем конфедерацией, не став при этом федеративным государством» [32, с. 49].

Р. Ю. Зеленов высказал мнение о том, что «вопрос о правосубъектности и правовой природе ЕС, остающийся одним из центральных в современной международно-правовой науке, напрямую связан с развитием институционной структуры Евросоюза в целом и соответствующим правовым положением отдельных его органов. Краткий обзор содержания институционной структуры ЕС ясно показывает, что она отличается от организационной структуры типичных, традиционных или классических международных

межправительственных организаций, к которым обычно относят ООН и ее специализированные учреждения. Она, скорее, напоминает структуру внутригосударственного механизма» [110, с. 15].

А. О. Четвериков считает, что «Европейский Союз (еще) не обладает чертами правовой структуры государства в обычном смысле слова» [380, с. 50], и обращает внимание на тот факт, что «важнейшей чертой, которая определяет политическую сущность Европейского Союза как организации, обладающей признаками государственно-правового союза (федерации) западноевропейских стран и народов, является наличие в нем системы органов политической власти, в лице которых Европейский Союз осуществляет перешедшие к нему от государств-членов суверенные полномочия по руководству экономической, политической, правовой и другими сферами общественной жизни на территории Западной Европы» [380, с. 21]. Подобная сдержанная оценка учеными текущего состояния евроинтеграции по состоянию на начало 2000-х гг. нашла свое подтверждение в ситуации с Конституционным договором ЕС.

Попытки разработать и принять Конституционный договор[1] – т. наз. Конституцию ЕС – начались через несколько лет после принятия Ниццкого договора. С точки зрения конституционно-правового исследования, важными представляются такие причины, повлекшие за собой разработку Конституционного договора:

- необходимость урегулирования вопроса прав и свобод личности в ЕС;

- необходимость повышения эффективности функционирования институтов ЕС в связи со все большим расширением Союза, особенно в сфере принятия решений (на начальном этапе существования Сообществ многие

[1] Следует обратить внимание на тот факт, что ни один из упомянутых выше договоров (и ни один из тех договоров, речь о которых пойдет далее) не носил названия «конституционный» или аналогичное. Договора всегда именовались с использованием географического критерия – Брюссельский, Парижский, Римский, Ниццкий, впоследствии – Лиссабонский. Предметный критерий никогда не использовался ни до, ни после создания текста Конституционного договора.

решения для их принятия требовали единогласия, что становилось все более и более затруднительным по мере увеличения числа стран-участниц).

Следует отметить, что название «конституционный договор» было выбрано абсолютно верно. Если рассматривать предмет регулирования отрасли конституционного права применительно к отдельным государствам, то традиционно его составляет две крупные группы общественных отношений: те, что связаны с правовым положением личности, и те, которые касаются юридической организации публичной власти.

Интересно, что в период между подписанием Конституционного договора в 2004 г. и его ратификацией отдельными странами у ученых даже не возникало сомнений в том, что ратификационные процессы на национальном уровне не увенчаются успехом. О Конституционном договоре писали, как о свершившемся факте. Например, Р. Ю. Зеленов в своем исследовании «Правовые основы процесса принятия решений в системе институтов Европейского Союза» (2005 г.) отмечал: «С учетом того, что европейское право эволюционировало как качественно, регламентируя все новые и новые группы общественных отношений, так и количественно, наращивая базу источников, Конституционный договор как документ, воплощающий итоги более чем полувекового функционирования Европейских Сообществ, а затем и Европейского Союза, подтвердил устойчивую тенденцию к формированию нового правопорядка, появлению и развитию европейского права. Посредством норм этого права государства-члены добровольно ограничили свои суверенные права в нескольких областях и учредили систему наднациональных органов» [110, с. 6-7]. Из приведенной цитаты следует, что автор не имел не малейших сомнений в том, что Конституционный договор будет успешно ратифицирован всеми государствами-членами ЕС.

Об этом свидетельствует еще один сформулированный им вывод, а именно: «Конституционный Договор подтверждает и развивает правовую природу европейского права как права особого типа. Следует особо подчеркнуть при этом наблюдаемую стойкую тенденцию повышения

самостоятельности и верховенства европейского права по отношению к национальному праву государств-членов. Конституционный Договор вносит много нового и существенного в первичное право Европейского Союза и заметно расширяет базу для принятия норм вторичного права» [111, с. 7]. И в этой цитате автор ведет речь о Конституционном договоре как об уже вступившем в силу документе.

В текст Конституционного договора в полном объеме с целью придать ей высшую юридическую силу была включена Хартия фундаментальных прав. Как отметил И. Пернис (*I. Pernice*), «лишь одна составляющая … Конституционного договора пережила пересмотр практически без изменений – Хартия фундаментальных прав» [453, с. 236]. Следует отметить, что именно этот факт отчасти стал причиной того, что Конституционный договор остался лишь на уровне проектных работ и так и не был принят – даже в настоящее время Хартия фундаментальных прав ратифицирована некоторыми государствами со специальными оговорками.

В литературе существуют и другие мнения. Так, Н. В. Мамченко считает, что основной причиной отклонения Конституционного договора было «отсутствие четкого правового механизма регулирования компетенций государств-членов и Европейского Союза» [195, с. 108]. Ю. Крук в этом контексте обращает внимание на то, что отклонение стало «результатом недовольства как общими тенденциями развития Европейского Союза и снижения его эффективности, так и внутриполитическими проблемами каждой из стран» [172, с. 41]. Конечно же, не следует отрицать значимость этих факторов.

Кроме того, существовала еще одна серьезная претензия к Конституционному договору. Его проект был подготовлен с использованием той же юридической техники, что и тексты всех предыдущих договоров (Римского, Ниццкого и т. п.). Однако, по мнению большинства ученых и политиков, само название «Конституционный договор» предполагает такую юридическую технику, которая обеспечила бы максимально доступное для

широкого круга лиц изложение нормативного материала. А. О. Четвериков отметил, что проблема существовала и до того, как началась разработка проекта Конституционного договора: «упрощение учредительных договоров являлось важной задачей Межправительственной конференции, которая внесла вклад в реализацию принципа прозрачности путем внесения ясности в тексты договоров, ставших трудно читаемыми вследствие многочисленных модификаций» [380, с. 29].

Оба критических замечания были учтены авторами текста Лиссабонского договора, который воспринял многие положения Конституционного договора. По этому поводу К. Ю. Голуб писал: «Очередная волна расширения Европейского Союза (2004-2007 гг.), сопровождавшаяся вступлением в него 12 новых государств-членов, неизбежно затруднила и замедлила политические процессы принятия общеевропейских решений; согласование 27 суверенных воль государств-членов на основе консенсуса представляется чрезвычайно сложной задачей. Отчасти решение заключалось в выработке Договора, устанавливающего Конституцию для Европы. Однако непреодолимые трудности с его одобрением привели к выработке нового, Лиссабонского договора, подписанного в 2007 г., который воспринял значительное число конституционных новаций» [70, с. 4]. Под трудностями с одобрением Конституционного договора автор имел в виду то, что этот акт, подписанный в 2004 г. и получивший высокую оценку со стороны не только политиков, но и специалистов в сфере европейского права, не прошел ратификацию на референдумах в ряде государств-членов ЕС, в частности во Франции и в Нидерландах.

А под «конституционными новациями» имеются в виду именно нормы из проекта Конституционного договора. Их использование обусловлено также тем, что ветирование Конституционного договора на вышеупомянутых референдумах привело к кризисным явлениям в ЕС. Например, именно из Конституционного договора в Лиссабонский договор была перенесена идея

слияния трех опор ЕС[1]. В связи с этим Суд ЕС получил более широкие полномочия в сфере «третьей опоры», которая, по мнению С. Дуглас-Скотт (*S. Douglas-Scott*) «имеет очевидное отношение к правам человека» [414, с. 646]. Также по сравнению с Конституционным договором в Лиссабонском договоре отсутствует кодификация процедур Суда ЕС. Большинство норм материального права, касающихся функционирования этого органа, размещены в Протоколе, устанавливающем Статут Суда Европейского Союза (Протоколе № 3, в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.) [298].

Однако ряд новелл Конституционного договора – например, нормы о Флаге ЕС, Гимне ЕС – так и не нашли своего закрепления в Лиссабонском договоре. Не получило поддержки и предложение о том, чтобы определенные акты вторичного законодательства ЕС получили название «законы». Некоторые ученые считают, что положения Конституционного договора «были ориентированы на усиление общности государств-членов ЕС и фактически на создание единой европейской конфедерации со своими символами, правовой и судебной системой» [288, с. 23]. Также Конституционный договор предполагал присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Но самое главное – Конституционный договор предусматривал интеграцию в своем тексте всех предыдущих учредительных договоров, в то время как Лиссабонский договор лишь внес в них изменения и дополнения (как это традиционно происходило в ЕС до тех пор).

Ратификация Конституционного договора всеми государствами – членами ЕС была бы сродни революционным изменениям в ЕС. В настоящее время вектор развития указывает на то, что отдельные нормы, содержавшиеся в Конституционном договоре, воплощаются в учредительных актах ЕС с меньшей скоростью, но весьма последовательно, эволюционно. По этому

---

[1] Первая опора – сотрудничество в рамках учредительных и иных документов европейских сообществ, вторая опора – общая внешняя политика и совместное решение вопросов безопасности, третья опора – сотрудничество правоохранительных и судебных органов в области уголовного права (внутренние дела и правосудие).

проводу Р. Н. Имангалиев и Э. Т. Рангулова пишут: «Можно утверждать, что те благие цели, которые ставили перед собой разработчики указанного проекта Конституции ЕС, несомненно, будут в свое время достигнуты. Однако происходить это будет главным образом в ходе последовательного, во многом рутинного продолжения практики интеграционного строительства… Во многом это будет происходить, как и в прошлые периоды европейской интеграции, эволюционным образом» [115, с. 214].

Что же касается Хартии фундаментальных прав, то вопрос о придании ей юридической силы был решен лишь за день до принятия Лиссабонского договора, т. е. 13 декабря 2007 г. Первоначальный проект Лиссабонского договора (как и проект Конституционного договора) включал в себя текст Хартии. Однако было решено подписать ее как отдельный документ, что дало возможность сопроводить Лиссабонский договор Протоколом № 30 «О применении Хартии Европейского Союза об основных правах к Польше и Соединенному Королевству» [294]. Тем не менее, как отмечают исследователи, «при этом формально Хартия остается самостоятельным источником права и не входит в структуру учредительных договоров. Такой подход отличается от подхода проекта Европейской конституции 2004 г., который предполагал инкорпорацию Хартии в текст Договора в качестве одной из его составных частей» [341, с. 67].

С принятием Лиссабонского договора, вобравшего в себя значительную часть норм из проекта Конституционного договора, в литературе появляются мнения о том, что он существенно изменил природу ЕС. Н. Ю. Ильин писал: «Сообщества, связанные первоначально во многом по образу и подобию международных организаций, существенно продвинулись по пути трансформации в структуры, все больше сопоставимые с конфедеративными государственными образованиями» [114, с. 45]. Следует отметить, что это цитата 2002 г., и в настоящее время ЕС находится в процессе трансформации из конфедерации в федерацию.

Д. Ю. Матвеев в отношении права ЕС справедливо отмечает, что «на самых ранних стадиях это право представляло собой совокупность норм межгосударственных договоров регионального характера и формировалось на основе права международных организаций … ситуация заметно изменилась и явно выходит за рамки международного права» [199, с. 17]. Аналогичное мнение высказал и Я. П. Андриенко: «По мере углубления европейской интеграции право ЕС все больше дистанцировалось от международного права и формировалось как автономная правовая система» [10, с. 13-14]. В литературе отмечалось, что «по своей юридической природе право Евросоюза представляет особую, третью систему права, которая действует вместе с международным и внутренним правом» [289, с. 55]. К. Ю. Голуб считает, что европейское право отличается от международного права по субъектному составу и по объекту регулирования, а от национальных правовых систем – по источникам права и методам правового регулирования. Он характеризует право ЕС как интеграционное право» [71, с. 38]. Аналогичное мнение содержится в решении Суда ЕС по делу *Flaminio Kosta v E.N.E.L.* от 15 июля 1964 г. В нем речь идет о «собственном автономном правовом порядке» Европейского Союза [424].

Итак, праву ЕС в настоящее время присущи черты как международного права, так и национального права. По мере эволюции природы ЕС, а именно все большего отдаления Союза от международной организации и приближения к государственному образованию, эволюционирует и право ЕС. Исследователи приходят к заключению: право ЕС «не является правовой отраслью, а правовой системой (которая включает в себя правовые отрасли)» [289, с. 31]. Соответственно, правовая система ЕС все более отдаляется от международного права и приближается по своим характеристикам к национальным правовым системам. Аналогичную точку зрения высказал Н. Ю. Ильин. Ученый отметил: «Право Сообществ, исходившее в момент своего зарождения из международного договора, все больше и больше становится правом,

сопоставимым с внутригосударственным, а в целом развивается как самостоятельная система норм [114, с. 45].

Одним из проявлений сближения национальных правовых систем и наднациональной системы права ЕС является, в частности, то, что в рамках права ЕС все чаще и чаще выделяют отрасль конституционного права. Еще в 1990-х гг. Т. Хартли писал о конституционном и административном праве ЕС [365], С. М. Ратушный – о конституционном праве ЕС [307, с. 460], а Ю. В. Фомин аргументировал наличие европейского конституционного пространства [362, с. 1059]. В юридической литературе стали появляться упоминания о том, что отрасль конституционного права ЕС имеет свои источники – это источники первичного права ЕС. Источниками первичного права ЕС считаются учредительные договора ЕС, договора о присоединении государств-членов к ЕС, т. е. по своей юридической природе источники первичного права ЕС представлены нормативными договорами международного (межгосударственного) характера. В частности, это Амстердамский, Ниццкий, Лиссабонский и др. договоры. В отношении этой группы источников К. Ю. Голуб отмечает, что «акты первичного права обладают высшей юридической силой в правовой системе ЕС и составляют ядро его юридической организации, подобно конституции суверенного государства» [71, с. 38]. Следует согласиться с К. Ю. Голубом во всем, кроме неточного использования понятия «акты», ведь первичное право ЕС составляют нормативные договоры, а не нормативные акты.

В литературе сложилась точка зрения, согласно которой «первичное право ЕС – это документы основополагающего характера, которые обладают высшей юридической силой в его правовой системе» [286, с. 47]. К таким договорам относят не только Договор о функционировании ЕС (в редакции Лиссабонского договора), Римский договор и др., но и приложения к ним, в т. ч. Протокол о Статуте Суда ЕС № 3. Также существуют предложения разделять первичное право на основное и дополнительное. Исследователи считают, что учредительные Договоры и Хартия фундаментальных прав ЕС

образуют основное первичное право. Дополнительное первичное право включает в себя ревизионные договоры и договоры о присоединении. [286, с. 51]. Авторский коллектив учебника «Право Европейского Союза» сформулировал мнение о том, что «в нормативном измерении как конституционное право выступает так называемое «первичное право» ЕС» [289, с. 31], а Я. П. Андриенко считает, что первичное право ЕС можно называть «конституционным» [11, с. 86].

Содержание основных источников первичного права ЕС выше было охарактеризовано достаточно лаконично. Тем не менее этой характеристики достаточно для того, чтобы утверждать: в них содержатся нормы, системно регулирующие те группы общественных отношений, которые в совокупности составляют предмет отрасли конституционного права в его традиционном понимании: те, что связаны с правовым положением личности, и те, которые касаются юридической организации публичной власти. Соответствующим нормам в праве ЕС присущ не национальный, а наднациональный характер.

Существование наднационального конституционного права ЕС обосновывает И. И. Забокрицкий, определяя его как систему правовых норм, которые регулируют способ организации власти ЕС и основы правового статуса личности и гражданина в рамках ЕС и их взаимоотношения с органами Союза [104, с. 4].

В своих работах И. И. Забокрицкий называет семь основных признаков, которые указывают на конституционную природу права ЕС [104, с. 12-13]. Следует отметить, что точнее было бы именовать их «признаки отрасли конституционного права ЕС». Представляется верным выделять такие признаки, как: а) верховенство права ЕС; б) создание и развитие права ЕС на основе конституционных идей демократии, которые закреплены и прослеживаются в учредительных актах ЕС; в) наличие гражданства ЕС свидетельствует о возникновении правовых отношений на уровне «гражданин ЕС – Европейский Союз» (в лице своих органов), существовании взаимных прав и обязанностей; г) учредительные Договоры и Хартия фундаментальных

прав ЕС является своеобразной современной наднациональной Конституцией; д) существование компетенции ЕС, которая разделяется на исключительную, совместную и дополнительную компетенцию; е) реализация суверенитета на уровне ЕС, своеобразное его ограничение или передача от стран-членов к Союзу, источником которого являются граждане – члены ЕС, поскольку именно из идеи суверенитета вытекает возможность осуществления власти, а осуществление и (что является главным в современном обществе) ограничение власти является центральным предметом конституционного права [104, с. 12-13]. В качестве самого первого (и очевидно, наиболее значимого) признака отрасли конституционного права ЕС И. И. Забокрицкий назвал «существование институционного механизма, подобного тому, который существует в странах, таким образом, на уровне ЕС реализуется традиционная конституционная теория разделения властей» [104, с. 12]. Детальнее речь об этом пойдет далее, однако следует признать справедливость утверждения о том, что к органам публичной власти ЕС применяется не распространенная на национальном уровне теория разделения властей, а принцип институционального равновесия. Принцип институционального равновесия является характерным для наднационального уровня, отличая наднациональный конституционализм от национального.

Следует согласиться с высказанным Н. Шишковой мнением о существовании конституционализма «на разных уровнях осуществления публичной власти» [389, с. 351] и, соответственно, с тем, что вполне справедливым будет существование как конституционного права ЕС, так и конституционного права государств – членов ЕС. Однако такая точка зрения разделяется не всеми исследователями этой проблемы.

Оригинальное мнение по вопросу о существовании конституционного права ЕС высказал А. О. Четвериков. В свою работу «Основные органы Европейского Союза: конституционно-правовой аспект» (1999 г.) он включил подраздел ««Конституционное» право Европейского Союза и конституционное право государств-членов» [380, с. 62], используя и в его названии, и в тексте

этого раздела прилагательное «конституционное» в кавычках, когда речь идет о конституционном праве ЕС. Сам автор поясняет это следующим образом: «Термины «конституция» и «конституционный» применительно к Европейскому Союзу в настоящей работе будут использоваться только в кавычках. Исходя из общепринятых представлений отечественной науки конституционного … права, мы считаем, что конституция … имеется только у государства, каковым Европейский Союз все же не является. В то же время и учредительные договоры, и другие источники права Европейского Союза устанавливают основы организации публичной власти» [380, с. 62-63] (на момент завершения А. О. Четвериковым его исследования Хартия фундаментальных прав еще не была ратифицирована).

Можно привести два весомых аргумента «против» высказанной А. О. Четвериковым точки зрения о том, что вряд ли корректно говорить о конституционном праве ЕС как таковом, он считает, что это возможно лишь в том случае, если прилагательное «конституционное» будет заключено в кавычки.

Первый аргумент – это учет всех тех евроинтеграционных событий, которые произошли с 1999 г. по настоящее время. Как указывалось выше, была подписана и ратифицирована государствами – членами ЕС Хартия фундаментальных прав, а также другие важные источники первичного права ЕС.

Второй аргумент связан с тем, что далеко не все исследователи придерживаются такого же формального, как А. О. Четвериков, подхода к определению понятия «конституция», хотя подобные мнения встречаются в литературе. Так, Н. Ю. Ильин пишет: «Учредительные договоры в юридической литературе все чаще сравнивают с конституцией. Разумеется, такое сравнение носит условный характер. Формально ни один официальный правовой акт Сообщества не именует учредительные договоры конституцией, это понятие ни разу не применялось по отношению к ним Европейским Судом. И для этого нет никаких юридических оснований. Приданием же на практике

учредительным договорам конституционного ранга подчеркивается их роль и значение в жизни Сообществ, их место в союзном правопорядке. Это – политическая оценка учредительных договоров. Развитие Сообществ со временем все больше укрепляет конституционный смысл договоров» [114, с. 38-39]. Фактически речь идет о нескольких вариантах ответа на вопрос: в какой форме может (должна) быть выражена наднациональная конституция?

Подход «конституция – единый документ» в настоящее время выступает в качестве правила, из которого существуют исключения. Такими исключениями являются как писанные консолидированные конституции (например, во Франции), так и неписанные конституции (например, в Соединенном Королевстве).

Авторами учебника «Право Европейского Союза» было высказано мнение о том, что «учредительные документы ЕС можно в определенной мере сопоставить с неписанной Конституцией Великобритании или некодифицированными конституционными актами Швеции. Подобно государству, ЕС обладает общей для 28 стран территорией с единой границей, общим визовым и таможенным режимом»; таже авторы подчеркивают наличие единого внутреннего рынка, общесоюзной валюты – евро – и единого Европейского центрального банка, а также единой наднациональной системы институтов, органов и учреждений [286, с. 62]. Однако следует отметить, что по своей форме Конституция ЕС является скорее писаной консолидированной, нежели неписанной.

Теория конституционного права не отрицает возможности выражения конституции полностью либо ее части в виде договора. Так, в неписанную конституцию Соединенного Королевства входят договоры, в т. ч. международные. Согласно ст. 7 Конституции Итальянской Республики 1947 г., взаимоотношения между государством и католической церковью регламентируются Латеранскими соглашениями, и внесение в них изменений и дополнений при условии согласия обеих сторон не требует процедуры, предусмотренной для осуществления конституционных поправок [411]. Из

этого вытекает, что Латеранские соглашения признаются частью Конституции. Это достаточно важно в связи с тем, что аналогичная ситуация в настоящее время сложилась с Протоколом, устанавливающим Статут Суда Европейского Союза, – изменения и дополнения в него вносятся в упрощенном порядке.

Наконец, примером конституции, получившей внешнее выражение в договоре, является Конституция П. Орлика, полное название которой звучит как «Правовой уклад и Конституции о правах и вольностях Войска Запорожского, заключенные между ясновельможным паном Пилипом Орликом – новоизбранным гетманом Войска Запорожского, и генеральной старшиной, полковниками, а равно и самим Войском Запорожским, одобренные обеими сторонами и скрепленные наияснейшим Гетманом на свободных выборах торжественной присягой года Божьего 1710 апреля пятого дня в Бендерах». В частности, именно этот пример описан А. Р. Крусян в ее работе «Публичный договор в конституционном праве Украины» [173, с. 52-53]. В контексте анализа публичных договоров в конституционном праве автор (А. Р. Крусян) уместно анализирует и теорию общественного договора. Однако она справедлива в отношении национальных конституций. Если же речь идет о наднациональной конституции, представляется, что в случае добровольного объединения суверенных государств вряд ли возможна конституция, не выраженная в виде договора.

Изложенные аргументы представляются достаточно убедительными для того, чтобы согласиться: по формальным признакам договоры, составляющие первичное право ЕС, в совокупности могут рассматриваться как Конституция ЕС. Кроме того, для источников первичного права ЕС предусмотрена особая процедура принятия и внесения в них изменений и дополнений (по сравнению с актами вторичного и третичного права ЕС). Это усиливает сходство с национальными конституциями.

Источники первичного права ЕС в совокупности могут быть признаны Конституцией ЕС не только по формальным, но и по содержательным признакам. В отношении правового положения личности в ЕС в них

содержатся нормы о гражданстве ЕС и об основных правах личности в ЕС. В отношении юридической организации публичной власти в ЕС в них содержатся нормы об органах ЕС. Конечно же, эти примеры весьма схематичны, и можно пойти «от обратного», подчеркивая те традиционные элементы в содержании национальных конституций, которых нет в Конституции ЕС. Таким образом поступил К. Ю. Голуб. Он пишет: «Учредительные договоры сами по себе нельзя признать Конституцией ЕС в полном значении этого слова. Их нормативное содержание в значительной степени декларативно, лапидарно; они носят целеполагающий и рамочный характер. Если сравнивать их с конституцией в традиционном понимании этого термина, то они окажутся очень несовершенными и архаичными. В них не содержится общей нормы о приоритете союзного права, что свойственно практически всем конституциям федеративных государств… в них не содержится положений, относительно четко и ясно устанавливающих разделение полномочий по горизонтали между союзным уровнем и уровнем государств-членов. В них нет никаких гарантий основных прав и свобод человека и механизма их защиты. Они, наконец, не гарантируют разделения властей по вертикали в классическом понимании этой концепции» [71, с. 137]. Во-первых, многие из отмеченных ученым вопросов регламентируются решениями Суда ЕС, в которых осуществлено толкование учредительных договоров ЕС (приоритет права ЕС, отсутствие «вертикального» разделения властей). Во-вторых, вряд ли наднациональная конституция, полностью дублирующая содержание национальных конституций, будет необходима. Конституция ЕС ломает представление о традиционных правовых понятиях, и (в начале подраздела уже приводилась эта цитата И. Перниса) может рассматриваться «как вызов теориям о государстве и конституциях, а также о конституционализме на разных уровнях управления» [453, с. 3].

В связи с этим возникает вопрос о возможности сосуществования национальных конституций и наднациональной конституции. В современных исследованиях европейской интеграции существуют сторонники концепции

«многоуровневого конституционализма» или «многослойного конституционализма» [169, с. 49]. В случае с ЕС имеет место два уровня – национальный и наднациональный. С. В. Ершов отмечает, что «право ЕС (европейское интеграционное право) в основе своей является правом наднациональным. Практика институтов ЕС (сообществ), в особенности Суда ЕС, расширяет сферу такой наднациональности, которая, как институт права ЕС, действует в интересах народов государств и самих государств – членов ЕС и носит функциональный характер, не умаляя суверенитета государств, а лишь ограничивая его реализацию (суверенную компетенцию) по определенным вопросам» [100, с. 136;99, с. 6]. Итак, если суверенитет государств ограничивается, то весьма целесообразной выглядит идея существования наднациональной конституции, призванной защищать как права и свободы личности, так и национальную идентичность государств, давших согласие на ограничение суверенитета. Необходимо соблюсти баланс между интеграцией конституционно-правовых институтов (например, института гражданства в государствах – членах ЕС, института прав и свобод личности в этих же государствах) и сохранением национальной идентичности, основные положения о которой как раз и содержатся в нормах конституционного права. Думается, что в ЕС это удалось – именно благодаря «многоуровневому конституционализму». Азербайджанской Республике еще предстоит отвечать на такой вызов. Причем совершенно необязательной является европейская интеграция АР, ведь любые интеграционные и глобализационные процессы, затрагивающие такую отрасль национального права, как отрасль конституционного права, влекут за собой угрозу национальной идентичности, особенно если речь идет не об участии в создании интеграционного объединения, а о последующем к нему присоединении. Х. Бехруз по этому поводу отметил, что «глобализационные процессы, определяющие в последнее время тенденции и направления развития общества в политической, экономической, культурной, экологической, гуманитарной и, конечно же, в

правовой сферах, обуславливают необходимость диалога правовых систем» [31, с. 278].

По меткому замечанию И. Г. Дудко, «влияние, которое оказывает право Европейского Союза на конституционное право государств, желающих присоединиться к организации, … особенно значительно в силу исполнения условий государствами, стремящимися присоединиться к Европейскому Союзу» [94, с. 42]. При этом важно помнить, что европейские государства вносят поправки в свои конституции не только при присоединении к ЕС, но и после принятия очередного договора – Лиссабонского, Маастрихтского и т.д.

Однако первичное право ЕС (Конституция ЕС) эволюционирует не только в результате вносимых изменений и дополнений. Точно так же, как и национальные конституции, Конституция ЕС развивается благодаря активному функционированию Суда ЕС. Аналогичную параллель провел К. Ю. Голуб, отметив, что «развитие первичного права ЕС протекало посредством его конкретизации, толкования и практического совершенствования. Это механизмы, известные праву многих государств» [71, с. 138]. Ученый продолжает: «Государства-члены доверили толкование норм учредительного акта, носивших общий и целеполагающий характер, наднациональному и независимому судебному органу и тем самым позволили Суду ЕС самостоятельно заниматься развитием, наполнением и переосмыслением норм первичного права» [71, с. 20]. Фактически К. Ю. Голуб пишет о Суде ЕС как об органе, выполняющем функции конституционного суда, и в своей работе он именует его «конституционным судом ЕС». Ученый аргументирует свою точку зрения так: «Это подтверждается не только формальной компетенцией, которой Суд ЕС наделен в соответствии с учредительными договорами ЕС: проверка соответствия положений производного права нормам первичного права и вынесение постановлений в рамках процедуры преюдициального запроса. В пользу этого говорит практика Суда ЕС: при вынесении решений Суд ЕС чаще всего обращался к функциональным методам толкования, прежде всего рассматривая общие цели учредительных договоров для выявления

замысла законодателя, что характерно, в первую очередь для органов конституционного правосудия» [71, с. 9-10]. Такого же мнения придерживаются и иные ученые, в частности:

- Я. П. Андриенко убежден: «Суд ЕС позиционирован и как конституционный суд: государства-члены могут вынудить Суд изменить его позицию, только изменяя конституционный документ, то есть договор» [11, с. 92];

- Н. Ю. Ильин пишет, что «Суд ЕС фактически является органом конституционного контроля, рассматривает и разрешает дела, связанные с толкованием и применением учредительных договоров» [114, с. 100];

- в некоторых изданиях полномочия Суда ЕС авторы характеризуют лишь в части тех, которые аналогичны полномочиям органов конституционного правосудия. Так, в учебнике «Право Европейского Союза» (Киев, 2010 г.) авторский коллектив, характеризуя полномочия Суда ЕС, конкретизирует лишь осуществляемое им толкование договоров и правовых норм ЕС, а также процедуру преюдициального рассмотрения; остальным полномочиям посвящен всего лишь один абзац – рубрика «иные полномочия Европейского Суда Правосудия» [288, с. 32-33].

Наконец, А. О. Четвериков, последовательно отстаивая свою позицию о правильности вести речь о «конституционном» праве ЕС, пишет: «На всем протяжении юрисдикционной деятельности Европейского суда в его прецедентном праве получила отчетливое выражение тенденция «конституционализации» учредительных договоров, что выразилось и в признании Договора о Европейском сообществе его «конституционной хартией», а самого себя – «конституционным» судом» [380, с. 23]. Тем самым и он не отрицает чрезвычайную близость некоторых функций Суда ЕС с функциями национальных органов конституционного контроля.

В завершении этого подраздела следует отметить, что в конце 2015 г. было заявлено о реформе судебной системы ЕС, которая коснется Общего суда

ЕС и будет происходить поэтапно в течение нескольких лет, затронув в том числе количественный состав судейского корпуса этого органа.

Интересно, что одной из причин проведения реформы стала перегруженность Суда ЕС и Общего суда ЕС вследствие ежегодно возрастающего количества рассматриваемых судом дел, что стало сказываться на длительности их рассмотрения. Как отмечено в пресс-релизе Люксембургского Суда от 28 апреля 2015 г., если в 2000 г. количество дел составляло 398, то в 2014 г. – уже 912 [455].

Итак, с 25 декабря 2015 г. происходит поэтапная реформа Общего суда ЕС, которая предусматривает несколько последовательных стадий в период с 2015 по 2019 гг., и в итоге количество судей будет увеличено до 56 судей. Изначально планировалось введение лишь 12 новых судейских вакансий, однако, как отметил Д. Робинсон (*D. Robinson*), количество судей пришлось удвоить из-за разногласий между государствами – членами ЕС при «разделе» новых вакансий между ними [458]. Поэтому существовавшее количество судей (28 человек) было удвоено, чтобы предоставить каждому государству – члену ЕС в Общем суде ЕС по две судебные вакансии вместо одной.

Если основная позитивная черта этого решения состоит в повышении эффективности работы Суда ЕС (и, конечно же, Общего суда ЕС), то самая очевидная негативная черта – значительное увеличение затрат на содержание такого штата судей. Однако критики не последовало ни от одно государства – члена ЕС, за исключением Соединенного Королевства. «Лишь Великобритания проголосовала «против» удвоения количества судей», – пишет М. Бекфорд, попутно отмечая, что лишь Соединенному Королевству принятое решение обойдется приблизительно в 1 млн. фунтов стерлингов [404]. Однако это произошло еще до британского референдума 23 июля 2016 г., получившего название «*Brexit*».

Подчеркивая важность этой реформы, отметим, что она существенно снижает загруженность Суда ЕС в части тех дел, которые не касаются осуществления им функций конституционного контроля. Тем самым Суд ЕС

будет иметь возможность уделять большее внимание этому важному направлению своей деятельности.

Роль Суда ЕС сложно переоценить еще и потому, что, как справедливо отметил М. Н. Самедов, «включение международных договорных норм в правовую систему конкретного государства является историческим шагом огромной важности, которое коренным образом меняет понятие национальной правовой системы, ее структуру, ставит по-новому вопрос о соотношении, иерархии правовых норм» [320, с. 66]. Его замечание справедливо и по отношению к включению норм права ЕС в национальные правовые системы. Именно этому процессу во многом способствует функционирование Суда ЕС.

Выводы по Разделу 1.

1. Особенности методологии исследования обусловлены его конечной целью – необходимостью разработки концепции усовершенствования статуса Конституционного Суда АР с использованием опыта Суда ЕС. Для достижения поставленной цели при проведении исследования использовались следующие основные подходы: а) аксиологический (при рассмотрении общественных ценностей, нашедших выражение в основных принципах права АР и ЕС, а также при исследовании практики Конституционного Суда АР и Суда ЕС в сфере защиты прав личности); б) антропоцентрический (при определении функциональной направленности деятельности Конституционного Суда АР и при исследовании интерпретационной практики и практики в сфере защиты прав личности); в) диалектический (при изучении конституционного развития АР и ЕС, генезиса конституционного контроля в АР и ЕС; кроме того, исследуемые явления, процессы и объекты рассматривались в динамике, с учетом постоянного совершенствования их создания и функционирования под влиянием политических и иных противоречий); г) синергетический (при рассмотрении закономерностей развития, в т.ч. последствий прохождения точек бифуркации, как системы органов публичной власти в АР, так и

институциональной системы органов ЕС); д) телеологический (для проверки целесообразности рекомендации тех или иных изменений, направленных на дальнейшее совершенствование правового статуса Конституционного Суда АР, в т.ч. с использованием опыта Суда ЕС); е) цивилизационный (при анализе конституционного права ЕС и практики Суда ЕС в сфере конституционного контроля и толкования норм первичного права ЕС).

2. Для достижения цели исследования были использованы преимущественно: а) сравнительный метод (использовался как «по вертикали», так и «по горизонтали», причем в последнем случае, - лишь после обоснования сравнимости исследуемых объектов вследствие их функциональной схожести); б) историко-правовой метод (при анализе опыта конституционного развития и конституционного контроля в АР и в ЕС); в) формально-логический метод (для формулировки и оценки дефиниций, классификаций, иных авторских разработок, а также для аргументации выводов и предложений, сформулированных в исследовании); г) методы индукции и дедукции (для анализа сходства и различия объектов и явлений, для сопоставления объектов, соотносящихся между собой как целое и часть, для поиска эмпирических зависимостей между ними); д) методы анализа и синтеза (для формирования модели конституционного статуса рассматриваемого органа и для последовательного рассмотрения соответствующего опыта Суда ЕС; при осуществлении описанной последовательности действий использовались также методы абстрагирования и моделирования); е) системный метод (для поэлементной характеристики конституционного статуса Конституционного Суда АР и для формулирования предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства АР о конституционном контроле); ж) функциональный метод (для аргументации сравнимости Конституционного Суда АР и Суда ЕС, а также для характеристики целей деятельности, функций и компетенции этих органов); з) герменевтический метод (при обращении к полномочиям Конституционного Суда АР и Суда ЕС, предполагающих осуществление официального толкования конституции, а также в

совокупности со сравнительным методом при сравнении правовых систем АР и ЕС); и) статистический метод (при изучении вопросов количества дел, рассматриваемых Конституционным Судом АР, предельного возраста нахождения на должности судей Конституционного Суда АР, длительности их пребывания на должности, др.).

3. На территории современной АР первая попытка объединить в границах одной страны государственные образования была предпринята 28 мая 1918 г. – Актом независимости Азербайджана было провозглашено создание Азербайджанской Демократической Республики. Она просуществовала до 28 апреля 1920 г., после чего эта территория вошла в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. 5 декабря 1936 г. современная территория АР была выделена из состава ЗСФСР и до 30 августа 1991 г. находилась в составе СССР в качестве субъекта федерации – Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

4. Выявлено, что основы существовавшего в СССР подхода к осуществлению конституционного надзора множественными и неспециализированными органами заложила Конституция СССР 1924 г. В течение большей части этого периода конституционный контроль на территории Азербайджанской ССР осуществлялся как государственными органами СССР (преимущественно в части соответствия актов субъекта федерации общегосударственному законодательству), так и органами Азербайджанской ССР (преимущественно в части толкования законов Азербайджанской ССР). Особенности рассматриваемого института в СССР дают основание считать, что в этот период осуществлялся не конституционный контроль, а конституционный надзор. Основными аргументами в пользу этой точки зрения являются следующие: а) наибольшую активность в изучаемой сфере до конца 1980-х гг. проявляли представительные органы государства и субъектов федерации; б) созданный в 1988 г. специализированный орган в этой сфере получил название «Комитет конституционного надзора СССР», он был наделен полномочиями в случае выявления противоречий нормативного акта

или его отдельных положений Конституции или законам СССР направить органу, издавшему такой акт, заключение с требованием об устранении выявленного несоответствия, причем принятие заключения приостанавливало исполнение соответствующей нормы права; в) с 1 января 1990 г. вступил в силу Закон «О конституционном надзоре в СССР».

5. Закон СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» предусматривал создание органов конституционного надзора как на государственном уровне, так и в субъектах федерации. Выявлено, что в Азербайджанской СССР эти органы не были сформированы в связи с восстановлением независимости 30 августа 1991 г.

6. Провозглашенные 30 августа 1991 г. Декларация о восстановлении государственной независимости АР и 18 октября 1991 г. – Конституционный Акт о восстановлении государственной независимости АР стали основой для разработки Конституции АР, принятой на общегосударственном референдуме 12 ноября 1995 г. Несмотря на упоминание о Конституционном Суде АР в Конституционном Акте 1991 г., этот орган начал свое функционирование лишь 14 июля 1998 г., вскоре после вступления в силу Основного Закона. Для осуществления конституционного контроля в АР была выбрана европейская модель. Сформулировано, что выбор этой модели конституционного контроля обусловили: а) исторические предпосылки (на территории АР в прошлом использовались элементы этой модели конституционного контроля); б) опыт постсоветских государств (в период распада СССР и «социалистического лагеря» ни одна из постсоветских стран не оказала предпочтение американской модели конституционного контроля); в) международные рекомендации (в частности, мнение экспертов Венецианской комиссии о том, что на современном этапе становление института конституционного контроля в государстве происходит более эффективно, если воспринята европейская модель его осуществления); г) анализ зарубежной практики с использованием математических методов, выявляющий численное превалирование государств с

европейской моделью конституционного контроля, над количеством стран с американской моделью.

7. Сформулировано, что использование опыта Суда ЕС для дальнейшего совершенствования порядка формирования и деятельности Конституционного Суда АР с исторической точки зрения обосновывается событиями, происходившими начиная с 1990-х гг. Исследование истоков конституционного развития АР дает основания утверждать, что в прошлом современная территория АР и часть европейского континента, на которой в настоящее время расположен ряд государств-членов ЕС, дважды находились в составе одних и тех же империй: а) Монгольской империи в XIII в.; б) Османской империи в XVIII в. Тем не менее, значительная площадь этих империй в период их максимальной экспансии делала влияние на правовую систему новоприсоединенных территорий весьма незначительным.

8. Европейская интеграция, результатом которой стало создание Европейского Союза, началась в 1952 г. с принятием Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали. В настоящее время ЕС, появившись как международная организация, находится на пути эволюции от конфедерации к федерации. Правовая система ЕС является интеграционной по своему происхождению, наднациональной по своей сущности (располагается между национальным и международным правом) и в настоящее время имеет уникальный характер. Резюмировано, что право ЕС уже не рассматривается как международное право (они различаются по субъектному и объектному составам), однако пока не может быть отнесено к национальным правым системам (в связи с использованием иной системы источников права и методов правового регулирования).

9. Сформулировано, что во многом в связи с терпящими поражение с 1980-х гг. попытками принять Конституционный договор ЕС, существование отрасли конституционного права ЕС было очевидным не всегда. Выявлено, что значительная роль в становлении отрасли конституционного права ЕС принадлежит Суду ЕС. В частности, именно этот орган определяет содержание

принципов конституционализма ЕС. Резюмировано, что в настоящее время первичное право ЕС – совокупность учредительных договоров – признается большинством исследователей консолидированной Конституцией ЕС. Усовершенствована аргументация этого утверждения, в пользу которого свидетельствуют: а) формальные признаки: существование писаных конституций, форма которых имеет консолидированный характер; практика включения договоров в состав конституций); б) содержательные признаки: регламентация источниками первичного права ЕС общественных отношений, традиционно относимых к предмету конституционного регулирования; усложненный порядок внесения изменений и дополнений в документы, являющиеся источниками первичного права ЕС (по сравнению с источниками вторичного и третичного права ЕС).

10. Судебный орган, послуживший прообразом возглавляющего судебную систему ЕС Суда ЕС, – Суд Европейского объединения угля и стали – был создан в 1952 г. и претерпел множество реформ. Выявлено сходство Суда ЕС с органами конституционного контроля по функциональным признакам – на него возложено осуществление конституционного контроля на уровне ЕС и толкование норм первичного права ЕС. Акты Суда ЕС входят в число источников третичного права ЕС.

РАЗДЕЛ 2.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

2. 1. Историография конституционно-правовых исследований Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Суда Европейского Союза

В азербайджанской юридической литературе вопросы, связанные с конституционным контролем и его органами, изучались такими учеными, как Ф. С. Абдуллаев, З.А.Аскеров, Т.Б. Эйнуллаев и др.

Комплексный вклад в исследование деятельности Конституционного Суда АР внес Ф. С. Абдуллаев. В 2001 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические и практические проблемы конституционного производства в Азербайджанской Республике».

Основные результаты диссертационного исследования отражены в монографии с аналогичным названием, опубликованной в 2009 г. в г. Баку. Книга состоит из четырех разделов. Раздел 1 «Возникновение и правовой статус Конституционного Суда Азербайджанской Республики» посвящен исторической и теоретической базе проведенного исследования. В нем автор уделил особое внимание таким важным вопросам, как возникновение и развитие Конституционного Суда АР, его место в системе государственных органов, основы правового статуса Конституционного Суда АР, а также проанализировал роль Конституционного Суда АР как органа правосудия.

Логическим продолжением Раздела 1 является Раздел 2 «Содержание и специфическая особенность конституционного производства».

Ф. С. Абдуллаев проанализировал конституционные процессуальные нормы, содержащиеся в законодательстве АР, раскрыл понятие конституционного производства, его принципы, нормативные основы конституционного производства, после чего уделил внимание участникам конституционного производства и их правовому статусу. Завершают Раздел 2 авторские разработки о доказательствах и процессе доказывания в Конституционном Суде АР.

Третий раздел монографии озаглавлен «Стадии, способы и виды конституционного производства». В нем автор рассмотрел понятие и виды стадий производства в Конституционном Суде АР, после чего последовательно проанализировал каждую из стадий, вплоть до вынесения решения, а также особое производство. Последний раздел посвящен актам Конституционного Суда АР и охватывает проблемы дефиниции актов, их классификации и юридической силы [399].

Вторая монография Ф. С. Абдуллаева «Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики (1998 – 2012 годы)» была опубликована в 2013 г. в г. Баку. Исследование было приурочено к 15-летию Конституционного Суда АР, что и определило его архитектонику: в книге обобщена практика Конституционного Суда АР за 15 лет его функционирования. Правовые позиции Конституционного Суда АР были систематизированы по различным сферам общественной и государственной жизни (по гражданско-правовым вопросам, по уголовно-правовым вопросам, по трудовым вопросам, по семейным вопросам и т. д.) [400].

Работу З. А. Аскерова «Конституционное право» [421] следует признать определённым вкладом в исследование вопроса конституционного контроля и правового статуса Конституционного Суда АР. В разделе «Судебная власть» автор выделил исследованию вопроса конституционного контроля в Азербайджанской Республики два объемных параграфа. В параграфах «Конституционный контроль» и «Органы и виды конституционного контроля» З. А. Аскеров определил место

Конституционного суда АР в конституционной системе органов государственной власти, функции и компетенцию высшего органа судебной власти.

Т.Б. Эйнуллаев разрабатывал проблематику юридической силы решений Конституционного Суда АР. В своем исследовании он не затрагивал вопросы правового положения Конституционного Суда, однако важность выводов и предложений Т.Б. Эйнуллаева сложно переоценить, особенно в связи с тем, что он уделил значительное внимание каждому из видов решений Конституционного Суда АР (постановлениям и определениям), изучив различия в их правой природе, их влияние на правовую систему, их место в системе национального права. Автор посвятил этой проблеме свое диссертационное исследование.

Первый раздел диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Т.Б. Эйнуллаева на тему «Место постановлений Конституционного Суда Азербайджанской Республики в правовой системе Азербайджана (вопросы теории и практики)» посвящен вопросу юридической силы решений Конституционного Суда АР. Во втором разделе автор раскрыл нормотворческий характер решений Конституционного Суда АР. Третий раздел исследует вопросы правовых последствий решений, и четвертый раздел был посвящен законодательному регулированию места решений Конституционного Суда АР [423].

Значительно чаще институт конституционного контроля в т. ч. в сравнительном аспекте анализируется в украиноязычной и русскоязычной юридической литературе. Пожалуй, лишь в советское время исследования конституционного надзора, конституционного контроля и органов, их осуществляющих, носили единичный характер. В них преимущественно анализировался зарубежный опыт, а поскольку в СССР и в так называемых социалистических странах органы конституционного контроля до конца 1980-х гг. не создавались – рассматривалась практика так называемых капиталистических стран, в основном с критической точки зрения. Среди

первых авторов, разрабатывавших проблематику органов конституционного контроля, следует отметить представителя одесской юридической школы Михаила Абрамовича Нуделя. Начиная с 1960-хх гг. он читал в Одесском государственном университете им. И. И. Мечникова курс лекций, посвященных проблемам конституционного надзора (см. [241]). Разработки М. А. Нуделя легли в основу его монографии «Конституционный контроль в капиталистических государствах» (1968 г.) [239], а в 1969 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Конституционный надзор в капиталистических государствах» [240].

Оценивая творческое наследие М. А. Нуделя с современной точки зрения, следует отметить, что наибольший интерес представляют те части его работ, которые наименее идеологизированы. В первую очередь, это касается исторических очерков об истории конституционного контроля и надзора, а также авторских рассуждений о юридической силе актов органов конституционного контроля и надзора. Так, М. А. Нуделем впервые в русскоязычной литературе было сформулировано, что «конституционный контроль в подлинном смысле этого слова возник только в условиях буржуазного государства при наличии писаной конституции… Лишь в этом случае создавалась почва для выдвижения тезиса о недействительности законов, противоречащих конституции, и, следовательно, о проверке законов с точки зрения их соответствия конституции» [239, с. 16]. А также, исследуя корни конституционного контроля в США, он отметил, что еще в период колониальной зависимости «суды колоний … восприняли практику Тайного совета» [239, с. 17]. В работе уже отмечалось, что именно эта цитата иногда встречается у русскоязычных исследователей проблематики конституционного контроля без ссылки на первоисточник – работы М. А. Нуделя.

Что же касается рассуждений о юридической силе актов органов конституционного контроля и надзора, то интересны утверждения М. А. Нуделя о том, что их «деятельность по характеру своему фактически представляет собой деятельность нормотворческую, а решения органов

надзора превращаются в источник права», что «такие решения судов равнозначны закону или даже обладают большей силой, чем закон», что «решения судов по конституционным вопросам обладают большей силой, чем обычные законы, и, по крайней мере, равны конституционным законам» [239, с. 17-18]. В настоящее время в АР место актов Конституционного Суда АР в иерархии источников права пока еще не определено, а также не решен и вопрос о том, являются ли они источниками права. Таким образом, отдельные положения исследований М. А. Нуделя остаются актуальными.

Тем не менее, с точки зрения изучения конституционного контроля и его органов в демократическом государстве следует отметить, что актуальных положений в трудах этого ученого меньше, чем тех, которые устарели. В частности, в настоящее время не вполне отвечает современной доктрине конституционализма высказанная им критика осуществления конституционного контроля специально созданным для этого органом: «возможно два принципиально различных решения: 1) осуществление конституционного контроля самим народом путем референдума, парламентом либо, наконец, иным органом, несущим политичесую ответственность перед парламентом или непосредственно перед избирательным корпусом, и 2) осуществление конституционного контроля судом или другим бюрократическим органом, не несущим никакой ответственности» [239, с. 34]. Основной недостаток второго подхода ученый усматривает в том, что «судебная проверка конституционности законов, влекущая прекращение судом их действия, представляет собой одно из средств ограничения верховенства парламента и тем самым посягает на права народа, избирающего парламент … Конституционный контроль, осуществляемый внепарламентским органом и влекущий внепарламентскую фактическую отмену законов, несовместим с идеей верховенства парламента, рассматриваемого в качестве носителя национального суверенитета» [239, с. 208]. Следует отметить, что в настоящее время, в эпоху кризиса парламентаризма, судебная проверка конституционности законов обрела актуальность и значимость.

В украиноязычной и русскоязычной юридической литературе о конституционном контроле достаточно часто используются разработки еще одного классика юридической мысли советского периода – П.Е. Недбайло. С этой точки зрения наибольший интерес представляет его монография «Применение советских правовых норм» (1960 г.), написанная на материалах успешно защищенной в 1956 г. диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук с практически аналогичным названием (см. [229]).

Структурно работа «Применение советских правовых норм» включает в себя 5 глав, однако наибольший интерес для исследователей конституционного контроля представляет Глава IV «Толкование советских законов и других актов, содержащих правовые нормы». В этой главе П.Е. Недбайло дает определение толкованию правовых норм и анализирует его виды (официальное и неофициальное, распространительное и ограничительное, толкование по аналогии), а также юридическую силу интерпретационных актов.

По мнению П. Е. Недбайло, «толкование … правовых норм есть уяснение и разъяснение государственной воли советского народа, выраженной в законах и других правовых актах, в целях правильного и единообразного понимания содержащихся в них правовых норм и точного и неуклонного применения их в каждом конкретном случае» [228, с. 328]. Очевидно, что дефиниция основывается на классовом подходе и в ней отдается явное предпочтение виду толкования, который П. Е. Недбайло определил как «словесное толкование» («имеет своей задачей выяснить волю законодателя в правовой норме на основании смысла слов, из которых оно состоит» [228, с. 364]). В настоящее время это скорее наименее, чем наиболее распространенный вид толкования, используемый при осуществлении конституционного контроля, особенно Судом ЕС. А вот конечная цель толкования – правильное и единообразное понимание правовых норм для их точного и неуклонного применения в каждом конкретном случае – сформулирована четко и лаконично.

Значительный интерес при изучении толкования норм органами конституционного контроля представляют рассуждения П. Е. Недбайло,

касающиеся выделенных им видов толкования. Особенно детально в его работе охарактеризована классификация видов толкования в зависимости от используемого способа толкования. Исследователь выделял такие основные способы толкования: словесное (имеет своей задачей выяснить волю законодателя в правовой норме на основании смысла слов, из которых оно состоит); систематическое (содержание нормы выясняется через ее связь с другими нормами, определяемую общими и в то же время специфическими признаками раздела правового акта, в котором она помещена, и общими принципами и назначением акта в целом); логическое (раскрытие смысла норм в их взаимной связи на основе общих принципов законодательства); историческое (путем сопоставления с ранее действовавшими актами); телеологическое (смысл нормы раскрывается не только в соответствии с ее юридическим основанием, но и в соответствии с теми объективными результатами социалистического строительства, которые составляют ее цель и к достижению которых законодатель стремился, устанавливая данную норму) [228, с. 360-410].

Резюмируя, П. Е. Недбайло отметил, что «при толковании исходной является воля законодателя, выраженная в содержании нормы» [228, с. 331], однако для того, чтобы «избежать односторонности в выяснении смысла норм, необходимо пользоваться всеми известными способами их толкования» [228, с. 410]. Также для последующих частей этого исследования важным является мнение этого авторитетного ученого о юридической силе интерпретационных актов, а именно: «официальное толкование имеет силу того акта, в котором оно выражено» [228, с. 346].

В настоящее время в украиноязычной и русскоязычной юридической литературе достаточно распространены исследования органов конституционного контроля. При этом некоторые авторы отдают предпочтение исследованиям лишь одного органа конституционного контроля (например, Я.П. Андриенко, Т. В. Комарова, М. В. Кривова, Ю. М. Орлова, К. В. Энтин, др.), а некоторые проводят сравнительно-правовой анализ, изучая опыт

нескольких стран (например, Х. И. Ф. Гаджиев, И. В. Гордеев, А. М. Кальяк, Т. А. Николаева, др.).

Однако сравнительное исследование органа конституционного контроля постсоветского государства (в данном случае Конституционного Суда АР) и Суда ЕС является новым в азербайджанской, украинской и российской юридической литературе. В связи с этим, анализируя историографию исследований в этой сфере, следует охарактеризовать работы авторов по двум направлениям: во-первых, рассмотреть степень изученности проблематики формирования и функционирования Конституционного Суда АР; во-вторых, проанализировать степень изученности вопросов, связанных с Судом ЕС, отдавая приоритет работам специалистов в сфере конституционного права. Наименее исследованным из перечисленных направлений является первое. В настоящее время в украинской и российской литературе не существует работ монографического характера, которые были бы посвящены исключительно Конституционному Суду АР.

В этом контексте следует отметить исследование, в котором проводится сравнение функционирования Конституционного Суда АР и Конституционного Суда Российской Федерации. Это диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Х. И. Ф. Гаджиева «Толкование норм Конституции и закона Конституционными Судами: на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации» (г. Москва, 2001 г.). Объектом этого исследования являются «общественные и правовые отношения, связанные с деятельностью Конституционного Суда Азербайджанской Республики и Конституционного Суда Российской Федерации по толкованию норм Конституции и законов, а его предметом – проблемы судебного толкования и пути их решения, а также конституционно-правовые акты, принимаемые Конституционными Судами» [63, с. 8].

Диссертационная работа Х. И. Ф. Гаджиева включает в себя три главы. В первой главе «Понятие, цели, необходимость толкования права» рассмотрены вопросы понятия толкования и его значения (п. 1), дано определение объектов

и субъектов толкования (п. 2), охарактеризованы виды толкования (п. 3), уточнены цели и принципы толкования (п. 4). Эта глава, соответственно, имеет более теоретический характер, чем остальные части диссертации.

Глава 2 «Место и значение толкования Конституции и законов в деятельности Конституционного Суда» посвящена анализу правовой природы органов конституционного контроля (п. 1), процессуальным особенностям толкования норм Конституции и законов Конституционным Судом (п. 2), а также проблемам разграничения компетенции между Конституционным Судом и иными судами при толковании Конституции и законов (п. 3).

Наконец, Глава 3 «Механизм реализации права Конституционного Суда толковать нормы Конституции и закона» включает в себя авторские наработки относительно способов толкования нормативно-правовых актов Конституционным Судом (п. 1), пределов толкования норм Конституции Конституционным Судом (п. 2), правовой природы постановлений Конституционного Суда по делам о толковании норм Конституции и закона (п. 3).

Выводы автора и сформулированные им предложения послужили существенным теоретическим базисом для совершенствования деятельности Конституционного Суда АР. Тем не менее с тех пор, как работа была успешно защищена, теория конституционного права в целом и практика конституционного контроля в АР в частности развивались весьма интенсивно, что подчеркивает актуальность новых исследований в выбранном направлении.

В остальном в украинской и российской юридической литературе имеют место лишь исследования, проведенные на материалах ряда государств, обычно постсоветских. В этих исследованиях уделяется внимание и работе единственного органа конституционного контроля в Азербайджанской Республике. Как правило, в данном случае примерами служат диссертации на соискание ученой степени кандидата либо доктора юридических наук.

Например, анализируя статус судей в СССР и современное законодательство по этому вопросу, М. И. Мумлева уделила внимание

практически каждой бывшей союзной республике СССР, в т. ч. Азербайджанской ССР [219]. И. В. Гордеев в диссертационном исследовании «Конституционная юстиция в государствах-членах СНГ» (Москва, 2007 г.) опирается на опыт функционирования конституционных судов Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Молдовы, Украины [72, с. 4]. Опыт работы Конституционного Суда АР использован также в работах А. М. Кальяк «Исполнение решений конституционных судов: вопросы теории и практики: на материалах постсоциалистических государств» (Томск, 2006 г.) [122], Т. А. Николаевой «Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ» (Москва, 2008 г.) [234].

Кроме того, Конституционный Суд АР и опыт его функционирования отражен в ряде публикаций в юридических журналах. К их числу относятся (в хронологическом порядке):

- статьи Ф. Абдуллаева «Влияние прецедента Европейского Суда на конституционное правосудие в Азербайджане», 2005 г. [6] и «Механизм защиты прав человека в Конституционном Суде Азербайджанской Республики», 2011 г. [2];

- статья В. Скоморохи «Правовые формы участия Конституционного Суда Украины в законотворчестве», 2006 г. [331]; автор обращается к зарубежному опыту других стран, в числе которых и АР;

- статья О. И. Кадыкало «Толкование как функция конституционных судов», 2009 г. [117]; исследователь ссылается на практику деятельности Конституционного Суда АР для обоснования своих выводов и предложений;

- статья Л. Гусейнова «Роль Конституционного Суда Азербайджанской Республики в имплементации Европейской конвенции по правам человека», 2013 г. [142].

Таким образом, институт конституционного контроля в АР вообще и проблемы конституционного статуса Конституционного Суда в АР в частности в украинской и российской литературе практически не исследованы. Начиная с

2005 г. в юридической литературе отмечается возрастание интереса к опыту АР в сфере конституционного контроля, что проявляется как в монографических доктринальных публикациях, так и в статьях в научных журналах. Сведения о формировании и функционировании Конституционного Суда АР используются преимущественно авторами, которые осуществляют сравнительно-правовой анализ институтов конституционного правосудия вообще либо отдельных проблем их деятельности в частности.

Значительно более популярными в украинской и российской юридической литературе являются исследования, посвященные Суду ЕС. Однако следует отметить практически полное отсутствие публикаций, написанных специалистами в сфере конституционного права. Одной из немногих монографических работ по специальности 12.00.02, посвященных проблематике институционализации Европейского Союза, является исследование А. О. Четверикова на тему «Основные органы Европейского Союза: конституционно-правовой аспект» (г. Москва, 1999 г.). В своей диссертации автор уделил значительное внимание историческим причинам создания и эволюции ЕС: этому вопросу посвящена Глава I «Экономическая и политико-правовая обусловленность формирования новой организации политической власти в Европе (Европейский Союз). В частности, А. О. Четвериков рассмотрел такие проблемы, как основные направления интеграции стран-участниц Европейского Союза и их взаимосвязь (параграф 1), политико-правовая сущность интеграционных процессов в рамках ЕС (параграф 2), но главное – обосновал существование и выделил основные черты концепции европейского конституционного права (параграф 3, [93, с. 56-66]). В частности, А. О. Четвериков подчеркнул важность роли Суда ЕС в развитии европейского конституционного права, обозначив, что «широко известное (в том числе за пределами США) выражение «Конституция представляет собой то, что говорят о ней судьи» вполне может быть отнесено и к Европейским сообществам, судебным органам которых (Суду, а также созданному в 1989 г. Суду первой инстанции) принадлежит исключительная

юрисдикция по толкованию их положений. Фактически Европейский суд не только осуществляет толкование, но и активно развивает в своих решениях нормы учредительных договоров, создавая новые правовые нормы, обязательные и для национальных судов (с которым Европейский суд связан через механизм преюдициальной юрисдикции)» [93, с. 12].

В предыдущих частях работы уже шла речь о том, что, исследуя основные черты концепции европейского конституционного права, А. О. Четвериков пришел к заключению, что при упоминании о конституционном праве ЕС корректно использовать понятие «конституция» по отношению к ЕС лишь в кавычках, а также о том, что «Европейский Союз (еще) не обладает чертами правовой структуры государства в обычном смысле слова» [380, с. 50]. С этими выводами автора следует согласиться лишь по состоянию на 1999 г. С тех пор ЕС проделал значительный путь в направлении дальнейшей интеграции, и в настоящее время кавычки в этом случае вряд ли будут уместными.

Также критического отношения заслуживает и композиция второй части диссертации А. О. Четверикова, которая посвящена поочередному рассмотрению таких институтов ЕС, как Европейский парламент, Совет, Комиссия, Суд и др. Назвав Главу 2 своей работы «Основные органы власти Европейского Союза», автор разделил ее на четыре параграфа: 2. 1. «Органы законодательной власти»; 2. 2. «Органы исполнительной власти»; 2. 3. «Органы судебной власти»; 2. 4 «Элементы разделения властей в системе Европейского Союза». Следует отметить, что применение концепции разделения государственной власти к органам ЕС, не являющегося государством, является несколько преждевременным (этот вопрос будет детальнее проанализирован в следующих частях работы). Снова подчеркнем, что в настоящее время основной причиной, по которой некоторые выводы и предложения автора могут быть подвергнуты критике и/или пересмотру, является принятие после написания работы в 1999 г. ряда важных учредительных документов ЕС (в первую очередь, имеется в виду

Лиссабонский договор 2007 г., изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества)).

Одним из немногих исследований в Украине, посвященных исключительно Суду ЕС, является монография Т. В. Комаровой «Юрисдикция Суда Европейского Союза» (г. Харьков, 2010 г.). Эта работа выполнена на основе одноименного диссертационного исследования, являясь его доработанным и дополненным вариантом. Структурно монография поделена на три раздела, каждый из которых включает несколько параграфов. В работе привлекает внимание тот факт, что она написана с использованием значительного количества источников – 796. Особую ценность представляет то, что автор ввела в научный оборот значительное количество публикаций на английском языке, как научных статей и исследований (88 украинских публикаций, 56 публикаций на русском языке, 320 публикаций на английском языке), так и решений Суда ЕС (270 решений).

Т. В. Комарова защищала кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.11 – международное право. Так, в первом разделе «Суть юрисдикции Суда Европейского Союза» она проанализировала место этого органа в институционной системе ЕС, генезис юрисдикции Суда ЕС, а также систему юрисдикции Суда ЕС и процессуальные формы ее реализации. При этом особый интерес вызывает ее заключение о том, что Суд ЕС «является международным судом, но с присущими лишь ему атрибутами – соединение черт как международных, так и национальных судебных учреждений (федеральных, конституционных, административных судов и т.п.)» [140, с. 12]. Также она отмечает, что Суд ЕС «был смоделирован подобно французскому *Counseil d'Etat*, который … отвечает за пересмотр решений суда и надзор за соблюдением этим правительством пределов своих полномочий» [140, с. 17], в частности, что «институт Генеральных адвокатов был взят по аналогии с должностью французских правительственных комиссаров, которые работают во французском *Counseil d'Etat*» [140, с. 38]. Подобные параллели между Судом ЕС и судебным органом конкретного государства подтверждают

целесообразность использования опыта Суда ЕС для совершенствования работы национальных судебных органов, в т. ч. органов конституционной юрисдикции. Хотя автор совершенно необоснованно сосредотачивает внимание лишь на французском опыте, ведь при создании и в организации работы Суда ЕС использовался и опыт других европейских государств.

Второй раздел Т. В. Комарова посвятила процедурам реализации юрисдикции Суда ЕС. В нем она детально рассмотрела производство об обеспечении принудительного выполнения обязательств (ст. ст. 258-260 Договора о функционировании ЕС), производство по делам об отмене нелегитимных нормативных актов ЕС (ст. 263 Договора о функционировании ЕС), преюдициальные производства по рассмотрению дел по запросам национальных судов (ст. 267 Договора о функционировании ЕС), иные производства Суда ЕС. С точки зрения настоящего исследования наибольший интерес представляет параграф 2 Раздела 2, в котором автор анализирует преюдициальные производства по рассмотрению дел по запросам национальных судов. Совершенно справедливо обозначив в начале этого параграфа, что «Европейский Союз имеет свою специфическую правовую систему, которой не всегда в полной мере отвечают правовые системы государств – членов Союза» [140, с. 156], а также подчеркнув важность преюдиционной процедуры, в дальнейшем автор дает фактически комментарий ст. 267 Договора о функционировании ЕС, опираясь как на мнения исследователей права ЕС (среди которых *A. Arnull, A. Barav, S. Kaleda, S. Lefevre, H. Rasmussen* и др.), так и на дела Суда ЕС, рассмотренные им по этой статье (среди которых *Flamino Costa v E.N.E.L., Luigi Benedetti v Munari F.lli s.a.s, Dzodzi v Belgium, Pretore di Saldo v X, Srl CILFIT and Lanificio di Gavardo Spa v Ministry of Health* и др.). Таким образом, автор не формулирует собственных выводов по вопросу преюдициального производства в Суде ЕС, однако ею проанализировано значительное количество как решений Суда ЕС, вынесенных в соответствии со ст. 267 Договора о функционировании ЕС, так

и взглядов зарубежных ученых на проблемы, возникающие в связи с практическим применением норм этой статьи.

Исследование Т. В. Комаровой завершает Раздел 3 «Решения Суда Европейского Союза: их природа и функции», в котором последовательно проанализированы природа решений суда ЕС, влияние решений Суда ЕС на право и институты ЕС, а также роль Суда ЕС и национальных судов в становлении интеграционного правопорядка. Этот раздел является наиболее интересным для тех специалистов в сфере конституционного права, которые исследуют проблематику функционирования Суда ЕС. В частности, автор не только проанализировала три вида решений Суда ЕС (собственно решения, приказы и заключения, которые в некоторых работах именуются определениями либо постановлениями), но и изложила свои взгляды на природу решений Суда ЕС, обобщив при этом позиции исследователей этой проблемы, охарактеризовала влияние решений Суда ЕС на право и институты ЕС.

Однако Т. В. Комарова изучала влияние решений Суда ЕС на право ЕС лишь в общем. Соответственно, вне поля ее зрения осталось влияние решений Суда ЕС на конституционное право ЕС и на конституционное право государств – членов ЕС. Этот вопрос требует своего дополнительного изучения.

Одно из наиболее полных исследований Суда ЕС как института Европейского Союза принадлежит М. В. Кривовой, которая в 2004 г. успешно защитила диссертацию на тему «Организация и юрисдикция Суда ЕС: теория и практика» (г. Москва, специальность 12.00.10). В своей работе М. В. Кривова проанализировала все аспекты создания и функционирования Суда ЕС. В частности, в первом разделе она рассмотрела место и роль Суда ЕС в становлении и развитии права ЕС, а также перспективы развития судебной системы ЕС. При этом она пришла к выводу о схожести определенных направлений деятельности Суда ЕС с конституционными судами и отметила, что «все чаще в научной литературе высказывается мнение о том, что Суд ЕС выполняет … функции конституционного суда. Ряд исследователей указывает

на то, что конституционные функции Суда ЕС заключаются в выполнении Судом таких возложенных на него задач, как, во-первых, обеспечение соблюдения государствами-членами и институтами границ распределения полномочий между ними и соблюдения институтами пределов предоставленных им полномочий, во-вторых, контроль над соответствием внутреннего законодательства государств-членов, в том числе и актов конституционного характера, действующих и принимаемых в государствах-членах, положениям учредительных договоров, и, в-третьих, защита прав и свобод человека в ЕС» [171, с. 17]. Следует согласиться с этим заключением М. В. Кривовой.

Второй раздел работы посвящен составу и структуре Суда ЕС. Особое внимание автор уделяет:

- обеспечению независимости сформированного судейского состава (в частности, она отмечает отсутствие участия Европейского парламента в формировании состава судей как позитивный факт, обеспечивающий независимость судей, а также анализирует и иные способы обеспечения независимости судей Суда ЕС, относя к таковым и запрет особых мнений) [171, с. 36-63];

- формированию состава генеральных адвокатов, а также их роли в обеспечении права на справедливую защиту в Суде ЕС [171, с. 30-56].

Раздел 3 работы посвящен юрисдикции Суда ЕС. В нем автор характеризует в основном соответствующие процедуры, а наибольший интерес представляет последний параграф этого раздела, в котором проанализированы проблемы перераспределения юрисдикции между звеньями судебной системы ЕС.

Ю. М. Орлова в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями» (г. Казань, 2005 г., специальность 12.00.10) после краткой характеристики Суда ЕС как института Европейского

Союза, юрисдикции Суда ЕС и судопроизводства в нем (в т. ч. правил процедуры) автор детально проанализировала:

- взаимодействие Суда ЕС с международными судебными учреждениями на материалах Международного Суда ООН на мировом уровне и Европейского Суда по правам человека на европейском уровне (Раздел 2);

- взаимодействие Суда ЕС с национальными судебными органами государств Европы с акцентом на применение права ЕС в актах национальных судебных органов (подраздел 3.1) и на преюдициальную процедуру как механизм сотрудничества национальных судебных органов государств-членов с Судом ЕС (подраздел 3.2).

С точки зрения конституционного права наибольший интерес в этой работе представляют два аспекта.

Во-первых, это вывод Ю. М. Орловой о том, что «Суд ЕС с самого начала его формирования превратился в один из основополагающих институтов ЕС, интегрирующих Европейские Сообщества и их органы в единый комплекс развитого международного сообщества независимых государств, в определенной степени обладающих признаком наднациональности. При этом Суд ЕС воплотил в себе функции, характерные для классических международных, конституционных, административных, национальных судебных учреждений» [269, с. 9].

Во-вторых, интересен ее взгляд на взаимодействие Суда ЕС и Европейского Суда по правам человека при защите прав человека в государствах – членах ЕС. Своего рода коллизию, возникшую в этих странах из-за ратификации ими и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и Хартии основных прав ЕС, она характеризует так: «Хартия основных прав ЕС … и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. должны восприниматься не как альтернатива друг другу, а как взаимодополняющие документы» [269, с. 20]. А исследовав взаимодействие между Судом ЕС и Европейским Судом по правам человека, резюмирует: «На сегодняшний день отношения между Судом ЕС и Европейским Судом по

правам человека носят противоречивый характер. Комплексное понимание, изучение и использование Хартии основных прав ЕС 2000 года и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года создаст предпосылки для приведения во взаимное соответствие правовых порядков ЕС и государств-членов, возможно более гармоничного сосуществования этих правовых порядков, а быть может, и объединения последних в единую всеевропейскую структуру в дальнейшей перспективе» [269, с. 10]. Приведенная в работе аргументация этого вывода представляется логичной и убедительной.

Что же касается той части работы, которая посвящена взаимодействию Суда ЕС с национальными судебными органами государств Европы, то в ней автор сосредоточилась не на концептуальных, а на процедурных проблемах. Так, например, ею сделан вывод о том, что количество официальных языков в ЕС вызывает множество трудностей в том числе в судопроизводстве, и в связи с этим предложено сократить количество официальных языков до пяти, а именно: английского, немецкого, французского, нидерландского, итальянского. Обоснование предложения именно этих языков содержится в тексте диссертации [269, с. 10]. Таким образом, Раздел 3 работы практически не представляет интереса с точки зрения конституционно-правовых исследований Суда ЕС.

Соответствующий материал (о взаимодействии Суда ЕС с национальными судебными органами государств Европы) исследован и изложен с высокой степенью его обобщения в работе Я. П. Андриенко «Роль Суда ЕС в формировании европейского правового пространства» (г. Москва, 2004 г., специальность 12.00.10). В частности, он констатировал следующее: 1) «Суд ЕС в своей практике не может применять нормы внутригосударственного права»; 2) «Суд не наделен компетенцией рассматривать законность актов внутреннего права»; 3) «в задачи Суда не входит толкование внутригосударственного права» [11, с. 62].

А также, исследовав роль и место Суда ЕС, юрисдикцию Суда ЕС с учетом признания обязательной юрисдикции Суда ЕС в качестве непременного условия членства в ЕС, охарактеризовав особенности организационного и процедурного порядка суда ЕС, Я. П. Андриенко сформулировал вывод о том, что «Суд лишен возможности отменять нормы внутреннего права государств-членов, противоречащие праву ЕС. Но он может добиваться аналогичного результата косвенным образом – через применение концепции верховенства права ЕС в практике национальных судебных органов. Суд особое внимание уделяет обязанности национальных судебных органов квалифицировать как недействительные положения внутреннего права, противоречащие нормам права ЕС» [11, с. 60]. Этот тезис целесообразно использовать как при рассмотрении функционирования Суда ЕС в целом, так и при анализе преюдициальной процедуры в частности.

Недостаточность в научном обороте информации на украинском и русском языках о функционировании Конституционного Суда АР находит свое отражение и в учебной литературе. В украиноязычной учебной литературе следует отметить обращение к конституционно-правовому опыту АР, в т. ч. к опыту в сфере конституционного правосудия, во втором томе учебного пособия «Государственное право зарубежных стран» (г. Днепропетровск, 2014 г.). Автор исследования входил в состав авторского коллектива учебника и подготовил обзор конституционного права АР; значительное внимание при характеристике национального конституционализма уделено вопросам создания и функционирования Конституционного Суда АР [161, с. 4-29]. Следует отметить и учебник «Конституционное право зарубежных стран» (г. Харьков, 2015 г.), подраздел которого «Основы конституционного права Азербайджанской Республики» написан автором этого исследования. Одной из структурных частей раздела является подраздел «Конституционный контроль в Азербайджанской Республике», в котором охарактеризовано место Конституционного Суда АР в системе органов государственной власти, полномочия этого органа и его роль в правотворческой сфере [142].

Одним из немногих изданий учебно-методического характера на русском языке, в котором в ряде подразделов автор использовал в качестве примера Конституционный Суд АР, является учебное пособие «Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс» Н. В. Витрука (г. Москва, 2012 г.) [50]. В частности, рассматривая полномочия органов конституционных контроля, автор выделяет нетипичные (нестандартные, «экзотические») полномочия конституционных судов, а в качестве иллюстрирующего это утверждение примера он приводит такое полномочие Конституционного Суда АР, как участие в выявлении неспособности выполнять Президентом свои полномочия по состоянию здоровья [50, с. 321].

Несмотря на то, что книга «Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс» имеет подзаголовок «учебное пособие», по сути она является достаточно объемным монографическим исследованием (592 с.), в котором изложены оригинальные идеи ее автора. Важное значение имеют рассуждения и выводы Н. В. Витрука, касающиеся места конституционных судов в системе государственных органов (с. 170 и далее), структурной организации конституционных судов (с. 206 и далее), цели, функций и полномочий конституционных судов (с. 264 и далее).

Анализ учебной литературы, посвященной праву ЕС и органам ЕС, дает основание сделать вывод, что в настоящее время большинство авторских коллективов подходит к раскрытию вопросов, касающихся Суда ЕС и конституционного правосудия в ЕС, достаточно формально, ограничиваясь изложением норм первичного права ЕС (см., например, [288; 289; 290]). Одним из немногих исключений из этого правила является учебник «Право Европейского Союза» под редакцией С. Ю. Кашкина (2014 г.) [286].

Во-первых, значительное внимание в нем уделяется источникам права ЕС вообще и источникам первичного права ЕС в частности (с. 20 и далее). Источники первичного права ЕС классифицированы на основные (Договор о Европейском Союзе, Договор о функционировании Европейского Союза, Хартия об основных правах ЕС) и дополнительные (ревизионные договоры и

договоры о присоединении) [286, с. 51], что способствует более глубокому их анализу.

Во-вторых, значительное внимание уделено Суду ЕС. Авторы начинают с того, что проводят аналогию между отдельными направлениями его деятельности и конституционными судами, «особенно после создания Трибунала ЕС» [286, с. 110-111]. После этого последовательно анализируются:

- регламентация создания и функционирования Суда ЕС (Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза, признается источником первичного права, но авторы обращают внимание на тот факт, что «в отличие от остальных положений учредительных документов нормы Статута (кроме Раздела 1) могут изменяться в упрощенном порядке – путем внесения поправок законодательными институтами ЕС (европейским парламентом и Советом Европейского Союза) без ратификации со стороны государств-членов» [286, с. 115]);

- преюдициальная юрисдикция Суда ЕС (в т. ч. рассматриваются три вида преюдициальных запросов: запрос о толковании; запрос о действительности правовых актов ЕС, запрос о соответствии внутригосударственных актов праву ЕС [286, с. 122]);

- порядок формирования Суда ЕС (при этом внимание уделяется не только судьям, но и генеральным адвокатам, а также особенностям правового статуса председателя Суда ЕС, его вице-председателя и секретаря, Первого адвоката) [286, с. 125]);

- структура Суда ЕС (палаты из 3 и 5 судей, Большая палата, Пленум Суда ЕС).

С точки зрения участия Суда ЕС в защите прав человека большое значение имеет сформулированное авторами понятие «европейское право прав человека». По их мнению, этот термин используется в современной доктрине для обозначения совокупности норм, которые закрепляют и гарантируют основные права личности в «европейском масштабе», т. е. в рамках Европы в целом, или по крайней мере значительного числа расположенных в ней

государств [286, с. 156]. Также значительное внимание уделяется взаимодействию Суда ЕС с Европейским Судом по правам человека. Этот опыт особенно важен для дальнейшего совершенствования форм взаимодействия между Конституционным Судом АР и Европейским Судом по правам человека.

Наконец, существует и учебное пособие, посвященное исключительно Суду ЕС – в настоящее время это самое современное исследование Суда ЕС. Работа «Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза» была издана в 2015 г., и ее авторство принадлежит К. В. Энтину [395]. Учебное пособие состоит из трех частей, из которых наибольший интерес для настоящего исследования представляют Часть 1 «Введение в право Европейского Союза», в которой автор концентрируется на сущности и характеристике права ЕС, на принципах взаимодействия между государствами-членами и институтами ЕС, а также на источниках права ЕС, и Часть 2 «Юрисдикционная защищенность», в которой последовательно проанализированы судебная система ЕС, судебный пересмотр нормативных правовых актов ЕС, прямое действие директив[1].

В контексте проводимого исследования наиболее ценными стали выводы автора, касающиеся:

- вопроса наличия либо отсутствия у ЕС собственной Конституции (К. В. Энтин рассуждает о конституции в формальном и в материальном смысле и подчеркивает, что учредительные договоры предусматривают более сложную процедуру принятия и модификации, нежели остальные нормативно-правовые акты, а их нормы обладают высшей юридической силой по отношению как к другим источникам права ЕС, так и к законодательству и даже к конституциям государств-членов. Автор аргументирует, что по своему содержанию учредительные договоры также соответствуют классическим

[1] В третьей части книги автор на примере конкурентного законодательства рассматривает в контексте практики Суда ЕС решения, касающиеся конкурентного права и четырех свобод (движения товаров, услуг, капиталов и лиц).

конституциям, поскольку в них содержатся положения о функционировании и компетенции органов власти и о правах человека [395, с. 53]);

- процедуры формирования судейского корпуса Суда ЕС (с. 63 и далее), особенно замечания автора о степени реальной важности тех или иных требований, поскольку он совершил несколько ознакомительных поездок в Суд ЕС и имел возможность наблюдать эту процедуру «изнутри». В частности, голосование в Совете К. В. Энтин оценивает как «большей частью формальность», а вот рекомендательное, исходя из актов первичного права о Суде ЕС, мнение Комитета о судье – как «настоящий» контроль, который является рекомендательным лишь формально: «государства слишком дорожат своей репутацией, чтобы позволить себе его проигнорировать, и незамедлительно снимают кандидатов, в отношении которых получено отрицательное заключение» [395, с. 63];

- института генеральных адвокатов. К. В. Энтин видит их арбитрами, которые излагают судьям свое независимое мнение, предлагает им алгоритм решения рассматриваемого дела, и считает, что «заключения генеральных адвокатов позволяют во многом компенсировать отсутствие особых мнений судей, часто давая возможность пролить свет на соображения, которыми руководствовался Суд ЕС при принятии того или иного решения» [395, с. 64-65];

- структуры Суда ЕС и организации его работы, процедуры работы (с. 65 и далее);

- компетенции Суда ЕС, в т. ч. преюдициальной процедуры, которая «обеспечивает единообразное толкование и применение права ЕС на всей территории ЕС» [395, с. 74].

Следует еще раз подчеркнуть, что точка зрения К. В. Энтина имеет значение не только с теоретической, но и с практической стороны, поскольку он является одним из немногих исследователей, который изучал проблематику создания и функционирования Суда ЕС непосредственно в г. Люксембург.

В науке конституционного права вопросы взаимного влияния национального права и наднационального права пока остаются малоисследованными. Наиболее интересными представляются разработки, осуществленные в этом направлении Е. А. Гагаевой и Я. В. Чернопищук.

Сферой научных интересов Е. А. Гагаевой является влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы. Многие из охарактеризованных автором стран были в прошлом социалистическими государствами, что также делает ее работы ценным базисом для дальнейших исследований в выбранной сфере. В 2010 г. Е. А. Гагаева успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Влияние европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы» по специальности 12.00.02 «конституционное право; муниципальное право» [60], а в 2013 г. на материалах диссертационного исследования в соавторстве с И. Г. Дудко опубликовала монографию «Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы» [94].

Как следует из названия, диссертация охватывает лишь государства Восточной Европы, в то время как более поздняя монография – еще и страны Центральной Европы. Структурно и диссертация, и монография состоят из трех глав, содержащих в общей сложности девять параграфов.

В первой главе анализируются различия между правом Совета Европы и правом ЕС, а также содержатся оригинальные авторские разработки о европейском конституционном наследии и европейской конституционной модели. «Европейское конституционное наследие… формируется не только посредством исторического сближения законодательства европейских государств, появления общих ценностей, но и в результате целенаправленной деятельности европейских международных организаций, ставящих целью определение его составляющих, их развитие и распространение на конституционное законодательство государств Восточной Европы. Содержание европейского конституционного наследия обширно, оно

включает: ряд принципов конституционного строя; положения в области регулирования институтов государственной власти; комплекс положений в области регулирования прав и свобод человека. Детальная разработанность положений европейского конституционного наследия в некоторых областях позволяет говорить о формировании его отраслей: европейского избирательного наследия, европейского наследия в области конституционной юстиции, наследия в области референдума и т. д.» [59, с. 11].

Очень важными являются выводы, сделанные Е. А. Гагаевой в своем диссертационном исследовании и воспроизведенные в практически неизменном виде в монографии, о европейском конституционном наследии в области конституционной юстиции. В частности, по мнению автора, «их воплощение в конституционном законодательстве государств позволяет говорить о существовании европейской модели конституционной юстиции, которая характеризуется:

- обособленностью конституционной юстиции от системы судов общей юрисдикции, существованием специального органа конституционной юстиции – конституционного суда или трибунала;

- независимостью конституционных судов и трибуналов;

- участием различных ветвей власти в формировании корпуса судей конституционного судов и трибуналов;

- широким кругом субъектов обращения в конституционный суд;

- наделением индивидов правом обращения в конституционный суд как к высшей инстанции в области защиты гарантируемых конституцией прав и свобод человека;

- окончательным характером решений конституционных судов и их обязательностью для всех субъектов права *erga omnes*» [60, с. 193-194].

Что же касается европейской конституционной модели, то диссертационные выводы Е. А. Гагаевой были доработаны совместно с И. Г. Дудко, и, по их мнению, эту модель характеризуют, кроме существования конституционного контроля, осуществляемого специальными органами, также

и наличие писаной конституции, и защита прав человека, и представительная демократия, в т. ч. практика проведения референдумов, и децентрализация власти, а также сближение функций исполнительной и законодательной властей [94, с. 154].

В Главе 2 диссертации и монографии речь идет о формах влияния европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы (о «принудительной», «рекомендательной» и «добровольной» – в диссертации и о «транзитной», «адаптивной» и «инструментальной» – в монографии). Хотя под «европейским правом» авторы понимают право ЕС и, значит, эти разработки и не имеют прямого отношения к теме проводимого диссертационного исследования, следует отметить: по предложенной классификации в АР в последнее десятилетие наблюдается «инструментальная» форма влияния европейского права на национальное конституционное право, предполагающее «содействие государству в разработке конституционных положений, осуществляемой экспертами в области конституционного права» [94, с. 154-155]. Речь идет об экспертной помощи, оказываемой Венецианской комиссией, ОБСЕ, др.

Глава 3 диссертации и монографии посвящена практическим аспектам воплощения европейского права в конституционном праве исследуемых стран. Особый интерес представляет параграф 3.3. «Восприятие европейского права в сфере конституционной юстиции», в котором сформулирован ряд авторских выводов о роли Венецианской комиссии в развитии конституционного контроля, о способах повышения независимости конституционных судов, о процедурах назначения (избрания) судей и о гарантиях их независимости, о видах (типах) контроля, осуществляемого органами конституционного контроля государств Центральной и Восточной Европы, о субъектах обращения в органы конституционного контроля. Документы Венецианской Комиссии использовались при проведении исследования конституционного статуса Конституционного Суда АР, на выводах экспертов этой организации основывается ряд предложений по его дальнейшему усовершенствованию.

Диссертационное исследование Я. В. Чернопищук на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Конституционализация процесса европейской интеграции Украины» (г. Одесса, 2013 г.) и связанные с ним публикации представляют несколько меньший интерес, чем охарактеризованные выше работы. Это связано с тем, что весьма часто исследователь в работе нередко использует неаргументированные утверждения весьма спорного характера. В частности, лишь анализ основного содержания подраздела 1.1. в его авторском изложении в автореферате диссертации позволяет отметить, что Я. В. Чернопищук считает ЕС «надгосударством», с «аппаратом с преимущественными полномочиями», рассматривает наднациональность как «основной конституционный недостаток права ЕС», а целью введения гражданства ЕС считает «обеспечение мира и благополучия всех стран-участниц» [379, с. 8]. Также вероятно, что терминология ее исследования отчасти была заимствована из англоязычной и др. иностранной литературы и не только не адаптирована к юридическим текстам на славянских языках, но и не всегда осмыслена автором (например, совершенно неясен смысл словосочетания «конституционный недостаток»).

Однако более всего уязвима авторская позиция в отношении предложенного определения понятия «конституционализация процесса европейской интеграции». Во-первых, практическая и теоретическая необходимость введения в научный оборот этого понятия весьма спорна. Во-вторых, определение этого понятия сформулировано таким образом, что вызывает сомнения понимание автором термина «конституционализация». А именно, Я. В.Чернопищук считает, что конституционализация процесса европейской интеграции – это комплекс мер по созданию конституционно-правовых условий и определения основ членства страны в ЕС, которые состоят в закреплении в нормах конституции фундаментальных основ участия государства в Европейском Союзе, толкования органами конституционной юстиции конституции и нормативно-правовых актов в соответствии с

европейским правом, а также надлежащем осознании гражданами политико-правовых отношений между государством и ЕС [379, с. 13-14].

Итак, автор дважды использует слово «основы» (это комплекс мер по созданию конституционно-правовых условий и определения основ членства страны в ЕС, которые состоят в закреплении в нормах конституции фундаментальных основ). Однако, что же имеется в виду под основами, неясно. Достаточно неоднозначны и словосочетания «конституционно-правовые условия», «фундаментальные основы участия государства в ЕС», «надлежащее осознание гражданами» (какое осознание является надлежащим, и почему важно осознание отношений между государством и ЕС лишь гражданами Украины, автор не указывает). Что же касается словосочетания «европейское право», то здесь имеет место подмена терминов: исходя из смысла определяемого понятия, речь явно идет не о европейском праве, а о праве ЕС. Подобная неточность вряд ли допустима в определении понятия, пусть и искусственно синтезированного автором исследования для придания ему элементов научной новизны (снова подчеркнем, что целесообразность введения в научный оборот понятия «конституционализация процесса европейской интеграции» автором не доказана).

Отдельного внимания заслуживает указание автором на такое условие «конституционализации процесса европейской интеграции», как «толкование органами конституционной юстиции конституции и нормативно-правовых актов в соответствии с европейским правом». Кроме подмены понятием «европейское право» понятия «право ЕС», автор снова демонстрирует весьма поверхностное понимание права ЕС. Более верным было бы вести речь не о том, что толкование осуществляется с использованием «буквы закона», а о том, что используется «дух закона». Особый акцент следовало бы сделать на унификации понимания основных принципов конституционализма в ЕС и в Украине. Я. В. Чернопищук демонстрирует явно нормативистский подход, который не был присущ Суду ЕС даже на первых этапах европейской интеграции. Таким образом, исследование дает весьма широкое поле для

научных дискуссий, и, к сожалению, это связано с недостаточно высоким владением автором проанализированным материалом, преимущественно в части права ЕС. Однако не упомянуть об этом исследовании было бы неверным, ведь проблемы «на стыке» национального конституционного права и права ЕС в украинской и российской юридической литературе исследуются крайне редко.

Итак, анализ азербайджанской, украинской и российской юридической литературы по выбранной тематике дает основания резюмировать, что вопросы создания и деятельности Конституционного Суда АР остаются малоисследованными. Что же касается проблем осуществления конституционного контроля в ЕС, то и им не уделялось достаточно внимания авторами – специалистами в отрасли конституционного права. Это делает выбранную тему исследования актуальной и перспективной.

2. 2. Концептуальные подходы к исследованию Конституционного Суда Азербайджанской Республики (конституционный статус исследуемого органа)

Для достижения поставленной цели исследования следует определиться с подходами к формулированию предложений по дальнейшему усовершенствованию конституционного статуса Конституционного Суда АР с использованием опыта Суда ЕС.

Изучение работ правоведов, которые ставят перед собой цель разработать концепцию усовершенствования порядка формирования и деятельности определенного органа, а также предложить перспективную модель его внутренней организации, дает основание сделать вывод о том, что прежде всего ими осуществляется комплексная характеристика исследуемого органа. При комплексной характеристике органов государственной власти в юридической литературе постсоветских государств по сформировавшейся в

середине XX в. традиции речь почти всегда идет об их правовом статусе. По мнению ученых, «без определения правового статуса субъекта права невозможно строить систему его правоотношений с другими субъектами» [291, с. 39]. Охарактеризовать правовой статус того или иного субъекта можно путем последовательного изложения совокупности его характерных черт, получивших название «элементы правового статуса».

Несмотря на то, что понятие «правовой статус» используется учеными уже достаточно давно, до настоящего времени не существует единства мнений ни в отношении его дефиниции, ни в отношении его структуры.

Тем не менее как применение понятия «правовой статус» к субъектам права, так и многокомпонетность этого понятия не вызывают возражений в азербайджанской, украинской и российской литературе. Что же касается англоязычной литературы, то в ней не уделяется внимания проблемам правового статуса и его структуры. Представляется, что существующие различия обусловлены следующим: в украиноязычной и русскоязычной юридической литературе анализируемый подход основывается на разработках середины – конца XX в. Именно в этот период в СССР юридическая наука развивалась весьма изолировано от юридической науки так называемых капиталистических государств.

Несмотря на то, что понятие «правовой статус» представляет собой одно из достижений советской юриспруденции, получившее распространение преимущественно на постсоветском пространстве, следует отметить возможность и целесообразность его использования в современных исследованиях. Рассматриваемое понятие позволяет создать теоретическую модель, с помощью которой легко структурировано и достаточно полно охарактеризовать исследуемый субъект права. В случае же использования компаративного метода значение понятия «правовой статус» возрастает, т. к. оно позволяет не только последовательно охарактеризовать исследуемых субъектов права, но и осуществить их сравнение по каждому из элементов правового статуса.

В литературе понятие «правовой статус» по отношению к субъектам права наиболее часто используется параллельно с понятием «правовое положение». Некоторые исследователи считают, что они соотносятся как часть (правовой статус) и целое (правовое положение), см., например, [51]. Некоторые ведут речь о том, что правовой статус и правовое положение соотносятся как философские категории «содержание» и «форма» [381, с. 77]. Ф. С. Абдуллаев считает, что «статус в праве, в т. ч. в конституционном праве, – это широко используемый термин. Этот термин включает в себя понятие правового положения» [399, с. 50]. Распространенным является и синонимичное использование понятий «правовое положение» и «правовой статус». Следует отметить, что соотношение этих понятий будет зависеть от того, о каких именно субъектах права идет речь. Российский ученый Л. В. Привалова справедливо отмечает, что «само понятие «правовой статус» применимо к различным субъектам права: Российская Федерация; субъект Российской Федерации; муниципальное образование; личность, гражданин, иностранный гражданин; организации; общественные объединения; органы государственной власти, органы местного самоуправления и т. д. При этом в отношении различных субъектов права используют и разные характеристики правового статуса» [291, с. 40]. Действительно, при изучении правового статуса органов публичной власти достаточно затруднено использование элементов правового статуса, выделенных, например, для такого субъекта права, как физическое лицо. С этой точки зрения заслуживают внимания работы Н. В. Витрука, который охарактеризовал различия между правовым положением личности и правовым статусом личности, выделив предстатусные элементы правового положения, собственно правовой статус и гарантии прав и свобод личности как послестатусный элемент [51]. Однако существенные отличия в структуре правового статуса личности и правового статуса органа власти делают его аргументы убедительными лишь в случае, если речь идет о правовом статусе личности.

Аналогичное замечание можно высказать и относительно изложенного в литературе предложения использовать понятие «правовой статус» в широком и в узком смыслах. В связи с этим Н. С. Ельцов пишет: «Сторонники одного подхода относят к нему (к статусу. – Дж. Г.) лишь права и обязанности (применительно к личности) или компетенцию (применительно к органам государственной власти)[1]. Иные институты только дополняют характеристику статуса, однако не включаются в него в качестве структурных элементов. При другом подходе структурное усложнение и содержательное расширение статуса осуществляется за счет включения в него иных элементов, различающихся в зависимости от вида субъекта, правовой статус которого определяется» [97, с. 8]. Фактически Н. С. Ельцов повторяет предложение Н. В. Витрука. Только если в работах Н. В. Витрука речь идет о «правовом статусе» и «правовом положении», то у Н. С. Ельцова – о «правовом статусе в узком смысле» и о «правовом статусе в широком смысле». Поэтому, как и предложение Н. В. Витрука, позиция Н. С. Ельцова является убедительной, лишь когда речь идет о таких субъектах права, как физические лица.

В контексте изучения органов публичной власти большинство современных украинских и российских исследователей по-прежнему отдают предпочтение синонимичному использованию понятий «правовое положение» и «правовой статус» (см., например, [182, с. 5;291, с. 99;65, с. 6;37, с. 13]). Также понятие «правовой статус» нередко соотносят с «правовым модусом», «правовым состоянием» (см., например, [364, с. 5]). Иногда речь идет просто о «статусе» (см., например, [138]). Однако изучение названий монографических исследований органов власти дает основание прийти к выводу, что в настоящее время ни одна из работ не посвящена правовому модусу либо правовому

---

[1] По поводу соотношения таких элементов правового статуса личности, как права и обязанности, с таким элементом правового статуса органа государственной власти, как полномочия, Л. В. Привалова пишет: «права и обязанности в данном случае не воспринимаются как нечто разделенное, они выступают в слитном, спаянном виде как полномочия. Это одна из особенностей данного рода юридического лица» [291, с. 53].

состоянию, либо правовому положению того или иного органа, группы органов. А вот исследований, в наименование которых вынесено понятие «правовой статус», существует значительное количество.

Терминологическая путаница существует и в тех случаях, когда речь идет об отраслевых статусах органов власти. Не является исключением и отрасль конституционного права.

Так, Н. С. Ельцов утверждает, что «статус может быть конституционным, конституционно-правовым, правовым» [98, с. 14-15], правда, не конкретизируя свое утверждение. Оно очевидно лишь в контексте сказанного выше, а именно: правовой статус соотносится с отраслевым как целое с общим. А вот различия между понятиями «конституционный статус» и «конституционно-правовой статус» автор не поясняет.

Более детально к раскрытию соотношения между понятиями «конституционный статус» и «конституционно-правовой статус» подошла Е. В. Лунгу. Она считает, что:

- «конституционный статус в собственном смысле слова представляет собой положение какого-либо субъекта права, урегулированное лишь нормами Конституции» [182, с. 14];

- «конституционно-правовой статус устанавливается не только нормами Конституции …, но и иных нормативных актов» [182, с. 16].

Подобное разграничение понятий «конституционный статус» и «конституционно-правовой статус» представляется весьма надуманным. В таком разделении видится лишь весьма поверхностная теоретическая ценность, а вот практическая ценность не усматривается вообще. Нормы Конституции как Основного Закона являются основополагающими для всех отраслей права в государстве, и, следовательно, конституционный статус того или иного субъекта права будет всегда фигурировать в характеристике административно-правового статуса, гражданско-правового статуса и т. д. Примером такого подхода может послужить исследование административно-правового статуса Правительства Украины, проведенное С. В. Осауленко. В частности, ею

«определено, что ответственность, как составляющая *административно*-правового статуса Кабинета Министров Украины, отсутствует, поскольку Кабинет Министров Украины несет политическую ответственность, которая является составляющей *конституционно*-правового статуса Кабинета Министров Украины» [272, с. 5] (курсив наш – Дж. Г.).

Еще один аргумент «против» выделения «конституционного статуса» субъекта права таков: нормы Конституции являются весьма лаконичными и в большинстве случаев требуют конкретизации в законах и иных нормативных актах. В связи с этим возникает вопрос о возможности полного отражения правовой действительности в том случае, когда элементы правового статуса субъекта права охарактеризованы лишь с использованием норм Основного Закона. Вероятнее всего, конституционный статус субъекта права будет фрагментарным и малорепрезентативным.

Соответственно, более приемлемым видится использование такого подхода, который предполагает характеристику статуса субъекта права, устанавливаемого на основании норм той или иной отрасли права. Н. С. Ельцов и Е. В. Лунгу именуют его «конституционно-правовым статусом» (повторимся: Е. В. Лунгу поясняет, что «конституционно-правовой статус устанавливается не только нормами Конституции …, но и иных нормативных актов» [182, с. 16]). Возражения вызывает лишь наименование этого понятия, а именно «конституционно-правовой статус».

В юридической литературе по конституционному праву наименование понятия «конституционно-правовой статус» уже утвердилось достаточно прочно и широко используется. В частности, Н. А. Богданова ведет речь о том, что «конституционно-правовой статус – это теоретическая конструкция, соединяющая нормативные характеристики, теоретические представления и реальную практику реализации правовых установлений» [35, с. 4-5]. Она считает, что «в структуре конституционно-правового статуса … четыре элемента, а именно: 1) место субъекта в обществе и государстве, его социально-политическая роль и назначение; 2) общая правоспособность;

3) права и обязанности или компетенция и ответственность; 4) гарантии устойчивости и реальности правового состояния субъектов конституционного права» [36, с. 95-99]. Следует отметить, что не со всеми авторскими предложениями можно согласиться.

Во-первых, предложенному Н. А. Богдановой определению понятия «конституционно-правовой статус» присуща настолько высокая степень обобщения, что в нем сложно усмотреть конституционно-правовую составляющую. Такая формулировка представляется более уместной для определения понятия «правовой статус».

Во-вторых, разработанной Н. А. Богдановой структуре конституционно-правового статуса также присуща крайне высокая степень обобщения. В результате вряд ли с помощью этих четырех элементов возможно детально охарактеризовать каждого из многообразных субъектов конституционного права.

В-третьих, представляется, что следует вести речь не о конституционно-правовом статусе, а о конституционном статусе. В украинской и российской юридической литературе достаточно часто наблюдается тенденция усложнять понятия за счет добавления к ним прилагательного «правовой» (конституционно-правовой статус, конституционно-правовое положение и т.п.). Чаще всего это используется для создания весьма надуманного различия между понятиями, как в случае с приведенной выше цитатой о различии между конституционным статусом и конституционно-правовым статусом. Такой подход затрудняет понимание юридического текста, юридической речи, т. к. делает предложения более сложными для восприятия. Громоздкие конструкции являются очень весомым недостатком, если речь идет о конституционном статусе:

– если он рассматривается абстрактно (как в приведенных выше цитатах из работ Н. А. Богдановой), то, обобщив, получаем тавтологичное словосочетание «конституционно-правовой статус субъекта правоотношения»;

– если рассматривается конституционный статус конкретного субъекта права, например представительного органа власти, то значительно более легким для восприятия является не словосочетание «конституционно-правовой статус представительного органа власти», а фраза «конституционный статус представительного органа власти».

Подытожим: для достижения цели данного исследования целесообразно использовать понятие «конституционный статус органа власти».

Следует отметить, что это понятие используется достаточно часто, однако пока еще ученые не пришли к согласию в вопросах его дефиниции и структуры. Обобщение содержания литературы по указанному вопросу дает основания для вывода, что это касается не только конституционного статуса органов власти в целом, но и иных отраслевых статусов. Проиллюстрировать этот тезис целесообразно на примерах из трудов ученых, которые исследовали конституционный и административный статус указанных субъектов права. Дополнительный выбор административного статуса для анализа не случаен. Во-первых, конституционное и административное право имеют достаточно схожие предметы правового регулирования и используют одинаковые методы правового регулирования. Во-вторых, это позволит учесть в конституционно-правовых исследованиях интересные наработки в рассматриваемой сфере, принадлежащие известному специалисту по административному праву Д. Н. Бахраху. В-третьих, междисциплинарность существенно обогащает проводимые исследования в том случае, когда материалов, наработанных учеными в одной отрасли, не вполне достаточно для анализа (как это имеет место в случае изучения проблематики понятия и структуры конституционного статуса органа власти).

В исследованиях, посвященных конституционному либо административному статусу органов государственной власти, достаточно часто встречается следующий подход: автор характеризует статус определенного субъекта, не уделяя внимание дефиниции соответствующего статуса и его структуре ни по отношению к отраслевому понятию вообще, т. е. к понятию

«конституционный (административный) статус», ни по отношению к понятию «конституционный (административный) статус» анализируемого субъекта в частности. Примерами могут служить работы Д. А. Вечернина «Административно-правовой статус федеральных органов налоговой полиции» (Екатеринбург, 1999 г.) [48, с. 2, 4-5], И. Б. Новокшонова «Административно-правовой статус таможенных органов Российской Федерации» (Москва, 1999 г.) [236, с. 2], В. Д. Горобца «Конституционно-правовой статус парламента Российской Федерации» (Москва, 2000 г.) [74, с. 2-3], П. А. Чебоксарова «Конституционно-правовой статус органов местного самоуправления» (Санкт-Петербург, 2001 г.) [378], С. Ю. Зайкова «Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации» (Москва, 2002 г.) [106, с. 2], С. В. Беляковой «Правовой статус органов судебной власти в механизме Российского государства» (Саратов, 2004 г.) [27, с. 2], В. В. Марченко «Конституционно-правовой статус правительства в странах ЕС (на примере Франции, Федеративной Республики Германии, Испании)» (Харьков, 2008 г.) [198], Л. И. Фесенко «Правовой статус Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению уголовных и гражданских дел в системе судебного устройства» (Одесса, 2011 г.) [361, с. 2], других исследователей.

В то же время существует значительное количество ученых, которые тщательно характеризуют понятие и систему конституционного либо административного статуса государственного органа в целом перед тем, как конкретизировать их для определенного субъекта. К ним относятся Д. В. Ганя, И. И. Дахова, Р. А. Жоган, Т. В. Калугина, О. В. Совгиря, О. П. Хамходера, И. В. Целыковский и другие исследователи, цитаты из работ которых используются ниже.

Следует отметить, что как первый, так и второй подходы вызывают возражения. На наш взгляд, в первом случае вряд ли можно считать правильным отсутствие пояснения авторской позиции по поводу структуры отраслевого статуса. Повторимся, что в литературе до сих пор не существует

унифицированного подхода к выделению элементов отраслевых статусов. Что касается второго подхода, при использовании которого делается попытка охарактеризовать конституционный статус органа власти как таковой, следует отметить, что современное многообразие этих органов делает подобные обобщения весьма сложными и придает их результатам чрезвычайную поверхностность. Это не позволяет в должной мере учесть особенности изучаемого органа государственной власти.

Все эти замечания можно отнести к сформулированному И. Ф. Михальчуком понятию «конституционно-правовой статус органов государственной власти». В частности, И. Ф. Михальчук определил, что «конституционно-правовой статус органа государственной власти рассматривается как совокупность норм, закрепляющих его положение в системе органов государственной власти, включая конституционно-правовое регулирование порядка формирования, срок полномочий, процедуру их прекращения, компетенцию, порядок деятельности» [207, с. 8].

Итак, целесообразно сосредоточить внимание на определении конституционного статуса конкретного органа власти. Изучение литературы по этому вопросу позволяет выдвинуть еще один тезис – об отказе от попыток сформулировать дефиницию конституционного статуса конкретного органа власти с помощью перечисления в определении его элементов. Примером могут служить научные наработки И. И. Даховой и О. В. Совгири. Анализируя конституционный статус правительства Украины, О. В. Совгиря определила его как «теоретико-прикладную конструкцию, которая включает комплекс урегулированных нормами права взаимосвязанных элементов (правосубъектность, компетенцию, конституционно-правовые принципы, гарантии, законные интересы, конституционно-процессуальную форму и, в частности, правительствообразующий процесс, юридическую (в т. ч. правительственную конституционно-правовую) ответственность), которые в соединении с правовыми и политическими факторами определяют место и роль высшего органа исполнительной власти в конституционной системе

государства» [333, с. 44]. И. И. Дахова считает конституционный статус правительства «сложной системообразующей государственно-правовой категорией», которая «определяет нормативно закрепленное и реально воплощенное на практике положение правительства в системе властных взаимоотношений с иными субъектами конституционного права, в первую очередь с другими высшими государственными институциями, и составляет совокупность таких основных элементов: правосубъектность правительства, принципы его деятельности, компетенция, состав и статус отдельных членов правительства, ответственность правительства за свою деятельность» [86]. В приведенных выше цитатах определение понятия «конституционный статус правительства» воспринимается достаточно сложно. Более целесообразным было бы вычленить из его состава авторские перечни элементов конституционного статуса правительства.

В приведенных примерах авторские взгляды на структуру конституционного статуса правительства не совпадают. Как уже отмечалось, в литературе в настоящее время не существует единого мнения относительно элементов конституционного статуса органов власти.

Р. А. Жоган, рассматривая конституционный статус прокуратуры в Украине, определяет его как «юридический режим публично-правового положения прокуратуры, обусловленный национальным историческим и международным опытом и характеризующийся совокупностью структурных элементов (правосубъектностью, понятием, признаками, порядком формирования; принципами; компетенцией, задачами и функциями; организационной системой; формами и методами деятельности, гарантиями, ответственностью)» [103]. К этому определению можно отнести высказанные выше возражения, касающиеся перечисления в нем элементов конституционного статуса анализируемого органа. Однако в данном случае значительно больший интерес представляет перечень элементов конституционного статуса прокуратуры, предлагаемых автором.

В частности, в число элементов конституционного статуса прокуратуры Р. А. Жоган включает:

- правосубъектность, основой которой является легитимация в нормативно-правовых актах;
- понятие, признаки, порядок формирования;
- принципы;
- компетенцию, задачи и функции;
- организационную систему;
- формы и методы деятельности;
- гарантии;
- ответственность [103].

Во-первых, вызывает возражения включение в состав элементов конституционного статуса прокуратуры (прокуратуры в частности и любого государственного органа вообще) понятия и признаков. Ведь чаще всего признаки формируются на основе анализа таких элементов конституционного статуса, как задачи, функции, компетенция, формы и методы деятельности и т. д. А дефиниция формируется с учетом признаков, на их основе, ведь она предполагает включение в формулировку тех характерных черт предмета исследования, которые автор определения считает основными. Во-вторых, вряд ли такую теоретическую конструкцию, как конституционный статус, целесообразно перегружать излишними подробностями, к которым, на наш взгляд, относятся формы и методы деятельности. Скорее всего, можно вести речь об организации работы в целом, не настолько детализируя этот элемент конституционного статуса. В-третьих, конституционная правосубъектность различных органов власти является в большинстве своем весьма схожей, а следовательно, выделение этого элемента конституционного статуса указанных органов можно счесть излишним. И, в-четвертых, из предложения Р. А. Жогана неясно, о каких именно принципах в качестве элемента конституционного статуса идет речь.

Обращает на себя внимание тот факт, что в состав элементов правового статуса вообще либо отраслевых статусов в частности нередко включают принципы. Это очень затрудняет понимание авторского взгляда на структуру статуса изучаемого им органа. Например, О. П. Хамходера, перечисляя элементы административно-правового статуса государственных инспекций в Украине, включает в их состав принципы, располагая этот элемент на первом месте. Однако совершенно непонятно, о каких именно принципах (организации, деятельности и т. п.) идет речь: «административно-правовой статус государственных инспекций в Украине состоит из таких частей:

1) принципы;

2) функции и задачи, первые из которых являются для инспекции определяющими;

3) компетенция;

4) структурно-организационный блок» [364, с. 9] (об объединении отдельных элементов правового статуса в блоки см. далее).

Более корректным с этой точки зрения представляется подход И. В. Целыковского, который, характеризуя конституционно-правовой статус Центрального банка РФ, отметил, что «это установленное Конституцией …, конкретизированное в статусно-определяющих и фрагментарно-функциональных нормах правовое положение Центрального банка в системе государственных органов, включающее цель, задачи, а также принципы организации и деятельности, функции и полномочия, реализуемые на основе независимости от иных публичных властных структур» [375, с. 7]. Несмотря на это, сформированный И. В. Целыковским перечень элементов правового статуса Центрального банка РФ представляется недостаточно полным (в частности, он не охватывает порядок формирования, организацию деятельности, др.).

Источник следующего примера – диссертация Т. В. Калугиной «Конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: на примере

Дальневосточного федерального округа». Автор посвятила подраздел 1. 1 вопросам понятия и структуры конституционного статуса этих органов [121, с. 20-40].

Во-первых, Т. В. Калугина предложила авторское определение конституционного статуса изучаемых органов. По ее мнению, под данным термином следует понимать оформленное конституционно-правовыми актами (Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами и иными нормативно-правовыми актами субъектов РФ) положение указанных органов, характеризующее порядок и принципы их формирования, внутренней организации и деятельности [120, с. 9]. К этому определению можно отнести уже упоминавшееся выше возражение о том, что включение в него перечня элементов конституционного статуса делает его громоздким. Дефиниция становится еще более сложной для восприятия в силу того, что автор «утяжеляет» ее дополнительным перечнем – перечнем нормативных актов, содержащим нормы о конституционном статусе исследуемых ею органов. Следует отметить, что желание автора выразить свою позицию в отношении понятия «конституционное законодательство в широком смысле» вполне логично, ведь в литературе существует устоявшееся мнение лишь по поводу понятия «конституционное законодательство в узком смысле», которое включает Основной Закон и иные законы, регламентирующие отношения в сфере правового положения личности и юридической организации публичной власти. Однако вряд ли стоило это делать в одном предложении с определением понятия «конституционный статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов федерации». Уместным было бы сформулировать его отдельно.

Во-вторых, Т. В. Калугиной были выделены следующие элементы конституционного статуса региональных законодательных (представительных) органов государственной власти:

- порядок и принципы их формирования;

- функции указанных органов;

- их компетенция;

- принципы внутренней организации;

- структура;

- формы и принципы деятельности;

- конституционно-правовая ответственность указанных органов [120, с. 9].

В предлагаемом Т. В. Калугиной перечне элементов конституционного статуса региональных законодательных (представительных) органов государственной власти следует обратить внимание на несколько недостатков, а именно: а) автор предлагает рассматривать лишь функции изучаемых ею органов (представляется, что для большей конкретизации необходимо вести речь не только о функциях, но и о компетенции); б) автор включает в число элементов конституционного статуса формы и принципы деятельности указанных органов (замечания по этому поводу см. выше).

В то же время в разработках Т. В. Калугиной заслуживает внимания то большое значение, которое она придала месту принципов среди элементов правового статуса. Обычно исследователи включают лишь одну группу принципов в число элементов правового статуса; как правило, это принципы деятельности субъекта права. Т. В. Калугина же считает чрезвычайно значимыми не только принципы деятельности, но и принципы формирования, и принципы внутренней организации субъекта права. Следует отметить, что предложение включать принципы любого вида в число элементов конституционного статуса не представляется убедительным. Однако вполне возможно и иное мнение, и в этом случае при решении вопроса о целесообразности включения каких-либо из групп принципов, относящихся к субъекту права, в состав элементов его конституционного статуса может быть использована аргументация этого автора.

Достаточно много ученых не считают необходимым включение каких-либо принципов, относящихся к субъекту права, в состав элементов его

правового статуса. Например, Д. В. Ганя относит к элементам правового статуса органа государственного управления:

- учреждение органа государственного управления;

- содержание его компетенции;

- специальную правоспособность органа государственного управления;

- взаимоотношения органа управления с другими государственными органами;

- формы и методы его деятельности;

- ответственность органа государственного управления [65, с. 6, 8].

Следует отметить, что, во-первых, вряд ли целесообразно включать в состав элементов правового статуса учреждение органа государственного управления, ведь под учреждением автор имеет в виду его факт его создания. Более точным было бы вести речь о порядке формирования изучаемого органа: в этом случае подразумевается не однократное действие, а периодическая деятельность.

Во-вторых, вызывает сомнения целесообразность включения в состав правового статуса органа лишь правоспособности, лишь форм и методов деятельности (без обобщения сведений об организации деятельности), лишь компетенции (без функций). Еще раз подчеркнем важность рассмотрения функций в совокупности с компетенцией органа власти. В частности, А. А. Бондаренко уделяет настолько много внимания этим элементам, что отводит им два пункта в списке из четырех элементов, в совокупности составляющих, по его мнению, правовой статус органов исполнительной власти («задачи, функции, компетенция, ответственность») [37, с. 9].

В-третьих, нецелесообразно включать в состав элементов правового статуса органа власти его взаимоотношения с иными органами, несмотря на то влияние, которое они оказывают на статус (тезис будет аргументирован далее).

О. И. Лавренова отмечает, что «административно-правовой статус государственной службы как центрального органа исполнительной власти – это сложная правовая категория, включающая в себя четыре блока элементов:

- целевой (цели, задачи и функции);

- структурно-организационный (нормативное регулирование порядка формирования и ликвидации государственных служб, их подчиненности соответствующим министерствам и организационная структура);

- компетенцию;

- формы и методы деятельности» [178].

В ее предложениях, так же как и в работе иных исследователей административного статуса органов публичной власти (см., например, [364;232]), прослеживается влияние Д. Н. Бахраха, предложившего группировать элементы административного статуса государственных коллективных субъектов в три блока.

Анализируя административный статус государственных коллективных субъектов, Д. Н. Бахрах предложил выделять в нем:

- целевой блок, в который входят юридически закрепленные цели, задачи, функции субъекта;

- структурно-организационный блок, в который входят нормативная регламентация порядка образования, легализации, реорганизации, ликвидации субъекта, его подчиненность и передача из ведения одних организаций в подчинение других, установление и изменение его организационных структур, право на организационное управление, право на официальный символ субъекта;

- компетенционный блок, в который входит совокупность властных полномочий субъекта относительно определенных предметов ведения [26, с. 177].

Сама идея распределения элементов правового статуса по блокам существенно облегчает их изложение и понимание, однако не со всеми выделенными блоками можно согласиться, проводя конституционно-правовое исследование. Во-первых, Д. Н. Бахрахом разработана группировка элементов административного статуса для исследований административно-правовой направленности. Соответственно, ученый исходил из особенностей предмета

правового регулирования этой отрасли права. Во-вторых, предложенное деление элементов административного статуса на целевой, структурно-организационный и компетенционный блоки дает основания предложить объединить целевой и компетенционный блоки в силу целесообразности рассмотрения функций и компетенции субъекта в тесной связи с его властными полномочиями по определенным предметам ведения.

Следует отметить, что предложение Д. Н. Бахраха используется специалистами в сфере конституционного права, но с некоторыми модификациями. В частности, Т. В. Калугина предложила объединить элементы конституционного статуса исследуемых ею органов в три группы:

1) элементы, связанные с формированием законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (порядок и принципы их избрания);

2) элементы, связанные с внутренней организацией региональных законодательных (представительных) органов государственной власти (структура указанных органов, взаимоотношения между их структурными элементами, а также принципы внутренней организации данных органов);

3) элементы, связанные с деятельностью законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (функции и компетенция указанных органов, их правовые акты, конституционно-правовая ответственность указанных органов, принципы и формы их деятельности, а также экономические основы функционирования) [120, с. 9].

Следует согласиться с тем, что характеристика конституционного статуса органа власти будет максимально детальной при учете элементов каждой из трех групп. Однако из разработки Т. В. Калугиной целесообразно позаимствовать лишь обобщение элементов конституционного статуса в три группы. Что же касается элементов, составляющих каждую из трех групп, то их логично выделять с учетом особенностей исследуемого органа.

Нередко ученые предпринимают попытки не только сгруппировать статусные элементы, но и выделить наиболее значимые из них, в частности:

- В. О. Лучин отстаивает точку зрения о том, что конституционный статус государственных органов необходимо рассматривать в соответствии с конституционными целями и задачами деятельности [183, с. 120-121];

- Е. В. Лунгу предлагает ввести в научный оборот понятие «ядро статуса» [182, с. 6];

- Н. С. Ельцов отдает предпочтение понятию «сердцевина статуса» и высказывает мнение о том, что «сердцевиной правового статуса являются такие его элементы, как цели, задачи, функции, конкретные властные полномочия и ответственность» [97, с. 9];

- Ю. Б. Березин утверждает, что наиболее важным элементом правового статуса органов конституционного контроля является вопрос компетенции и полномочий, а вторым по значимости – юридическая сила его решений и их опубликование [28, с. 72-73].

Однако следует согласиться с теми авторами, которые не делают различий между статусными элементами в зависимости от их важности. Более верным представляется подход, согласно которому все элементы статуса одинаково важны и взаимообусловлены, представляя собой систему.

Итак, конституционный статус органа власти включает в себя три группы элементов, связанных: 1) с формированием органа; 2) с его внутренней организацией; 3) с его деятельностью. На наш взгляд, статусные элементы, входящие в каждую из этих групп, будут иметь свои особенности в зависимости от положения анализируемого органа в системе органов публичной власти. Так, Н. С. Ельцов считает справедливой необходимость учета высказанной в литературе точки зрения о том, что правовой статус органов законодательной, исполнительной и судебной власти имеет свои особенности [98, с. 17].

Проиллюстрируем это утверждение примером. Исследуя административно-правовой статус Главного управления государственной службы Украины, О. Н. Стець начал свою работу с того, что определил

структуру этого статуса[1]. По его мнению, структура административно-правового статуса Главного управления государственной службы Украины включает в себя: задачи, принципы, функции, компетенцию, взаимодействие с государственными органами, структуру и организацию деятельности [334]. Также, О. Н. Стець структурировал такой элемент правового статуса изучаемого им органа, как «организация деятельности». Автор считает, что характеристика организации деятельности анализируемого органа должна включать следующие составляющие:

а) планирование деятельности;

б) распределение должностных обязанностей;

в) организацию работы с документами;

г) электронное управление;

д) проведение совещаний;

ж) отчет о деятельности [334].

Вероятно, что выделение этих составляющих при исследовании деятельности органа исполнительной власти является вполне обоснованным. Однако вряд ли при изучении органа конституционного контроля будет уместным рассмотрение планирования деятельности, проведения совещаний или вопросов электронного управления. В связи с этим резюмируем: хотя место анализируемого органа в системе органов публичной власти само по себе не является элементом его правового статуса, оно существенно влияет на перечень статусных элементов.

В связи с этим уместно напомнить, что Н. В. Витрук, исследуя правовое положение личности (физических лиц), пришел к выводу о том, что понятие «правовое положение» шире понятия «правовой статус личности» за счет включения в него ряда элементов, которые автор предложил именовать «предстатусными» (гражданство и др.) и «послестатусными» (гарантии).

---

[1] Исследование О.Н.Стеця было завершено в 2011 г., в настоящее время этот орган именуется «Национальное агентство Украины по вопросам государственной службы».

Н. В. Витрук резюмировал, что предстатусные элементы не являются составляющими правового статуса личности (куда входят права, свободы и обязанности), однако определяет его содержание [51]. Используя рассуждения Н. В. Витрука на эту тему, по аналогии можно предложить рассматривать место изучаемого субъекта в системе органов власти в качестве предстатусного элемента.

При анализе конкретных органов законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти их место в системе иных органов власти должно быть тщательно изучено, поскольку оно является предстатусным элементом, определяющим содержание их отраслевого статуса. По итогам рассмотрения места субъекта в системе органов власти можно сформулировать предложения о том, какие именно элементы конституционного статуса будут входить в каждую из трех групп его элементов (связанных с формированием, с внутренней организацией, с деятельностью субъекта).

Таким образом, конституционный статус Конституционного Суда АР включает в себя три группы элементов, каждая из которых связана соответственно с его созданием, с внутренней структурой и с деятельностью. Уточнить же содержательное наполнение каждой из этих групп представляется возможным лишь после исследования такого предстатусного элемента, как место Конституционного Суда в системе органов власти АР.

Конституционный статус исследуемого органа – это совокупность элементов, характеризующих порядок формирования, особенности внутренней организации и деятельности Конституционного Суда АР.

2. 3. Место Конституционного Суда в системе органов государственной власти Азербайджанской Республики

В литературе для описания места того или иного органа в системе органов государственной власти традиционно используется принцип ее разделения на ветви. Его сущность емко сформулирована И. Н. Максимовской:

«Принцип «разделения властей» не противостоит единству государственной власти. Он не отрицает «единство власти», но отрицает «единовластие». Смысл принципа «разделения властей» состоит, в первую очередь, в разграничении функций ветвей власти, в недопущении сосредоточения всей власти в одной из ее ветвей» [187, с. 68]. С. Каландарли отмечает, что «Конституция Азербайджанской Республики непосредственно закрепляет принцип разделения властей как главенствующий и основополагающий. Целью включения данного принципа в конституции почти всех постсоветских государств является, в первую очередь, нивелирование прежнего постулата единства власти в одностороннем, тоталитарном проявлении этого понятия» [119, с. 68]. А С.В. Кивалов отмечает, что применительно к органам публичной власти внутриорганизационные коллизии, неоднозначные представления об их полномочиях, последствия их решений и т.п. могут быть преодолены только законодательным путем или путем официального толкования Конституционным Судом [130, с. 71]. Ученые соглашаются с тем, что «сущность судебного нормоконтроля можно охарактеризовать как самостоятельный вид государственной деятельности, направленный на обеспечение правильного толкования и реализации положений Конституции и основанных на них законодательных актов, выражающийся в рассмотрении конституционно-правовых вопросов и споров о компетенции путем юридической оценки проверяемых действий (актов) и применения необходимых мер по устранению конституционных нарушений» [278, с. 244].

Большинство исследователей предпринимает попытки использовать принцип разделения властей для определения места органов конституционного контроля в системе органов государственной власти в том случае, если речь идет об использовании его европейской модели.

Органы конституционного контроля всегда занимали особое место в системе органов государственной власти каждой страны. Это связано с тем, что на них возлагалась особая задача, ведь, как утверждает А. Н. Медушевский, «идея конституционного правосудия сформировалась в

условиях перехода от абсолютизма к конституционной монархии» [203, с. 454]. Соответственно, с появлением такого ограничивающего монарха представительного органа законодательной власти, как парламент, возникла необходимость в предотвращении его выхода за пределы своих полномочий и попыток узурпировать государственную власть. В настоящее время ученые считают, что целесообразнее сосредотачивать внимание не на главе государства, а на правительстве: в частности, К. В. Арановский отмечает, что «в триаде властвующих ветвей действуют парламент, правительство и суды» [13, с. 5].

Независимо от того, о каких именно элементах в этой триаде идет речь, Т. Я. Хабриева небезосновательно считает, что «Конституционный Суд создается со специальной целью ограничить все другие органы в произвольном расширении или сужении рамок установленных законодателем норм… С созданием Конституционного Суда возможности, границы и даже обязанности законодателя становятся объектом правосудия и законодатель, таким образом, больше не свободен в том, как понимать Конституцию; он может быть связан ее толкованием, исходящим от Конституционного Суда» [363, с. 90]. Важность вышеописанного придает особую значимость проблеме определения места органов конституционного контроля в странах, использующих его европейскую модель. Тем более что, по мнению ученых, «европейская послевоенная практика свидетельствует о повышении роли органов специализированного конституционного контроля» [134, с. 217]. А. В. Зимин писал о том, что «необходимое условие функционирования полноценного конституционного контроля – разделение властей, установленное нормами конституции, что исключает подмену конституционного контроля самоконтролем субъекта государственной власти» [112, с. 8-9].

Опыт зарубежных стран демонстрирует, что до настоящего времени по вопросу места органов конституционного контроля в системе органов государственной власти не сложилось единой практики. Об этом же свидетельствуют и высказываемые в юридической литературе мнения.

Д. Н. Сергеев считает, что, «когда речь идет о месте органов конституционного контроля, имеющих название «конституционный суд», в системе разделения властей, в литературе не вызывает споров лишь тот факт, что «конституционный суд принадлежит к числу властных институтов, поскольку данный орган, будучи встроенным в систему публичной власти, занимает в ней относительно автономное место и оказывает на нее воздействие» [329, с. 8].

Обобщение наиболее распространенных подходов к определению места органов конституционного контроля в системе органов государственной власти было проведено О. В. Брежневым. Исследователь сформулировал его итоги следующим образом:

- «судебный конституционный контроль является компонентом механизма особой ветви государственной власти – контрольной;

- судебный конституционный контроль организационно относится к судебной власти, но занимает в ней обособленное, автономное положение» [42, с. 43].

В работах ученых – специалистов по теории права и государства – чаще всего встречается отнесение органа конституционного контроля к четвертой, контрольной (в некоторых работах – контрольно-надзорной) ветви власти. Такой точки зрения придерживаются В. С. Витвицкий [53], Е. О. Осадчук [271, с. 98], В. А. Машкин [202, с. 76], В. В. Тароева [345, с. 127], Ю .Л. Шульженко [390, с. 15], др. Следует заметить, что эти ученые исследовали принцип разделения властей как таковой, а не органы конституционного контроля.

В литературе по конституционному праву, написанной исследователями органов конституционного контроля, получил большее распространение подход, в соответствии с которым органы конституционного контроля рассматриваются как органы судебной ветви власти. Такое мнение высказывается исследователями как вообще об органах конституционного контроля, функционирующих в соответствии с европейской моделью, так и о конкретных национальных конституционных судах.

О. В. Опря считает, что «вполне обоснована точка зрения, сторонники которой, исходя из широкого понимания правосудия, включают в него также и специальный судебный конституционный контроль» [266, с. 53-54]. Н. В. Витрук аргументировал такой подход следующим образом: «Конституционный суд осуществляет правосудие, является органом судебной власти и занимает особое место в судебной системе государства, которое определяется не иерархической подчиненностью ему других видов судов, а его компетенцией, характером деятельности, оказывающей существенное влияние на правотворчество и правоприменение» [50, с. 170]. К. А. Половченко видит в принадлежности органов конституционного контроля к судебной ветви власти тот положительный фактор, который «обеспечивает ее самостоятельность и независимость и в то же время диалектически гарантирует независимость самого конституционного суда» [284, с. 55].

Обобщая опыт зарубежных стран, Т.А. Николаева пришла к выводу о том, что «орган централизованного конституционного контроля является частью судебной системы в следующих случаях:

1) конституция страны возлагает данную особую функцию на высший суд системы общих судов (напр., на Кипре принадлежат Верховному Суду),

2) конституция упоминает указанный орган в числе судов, входящих в состав судебной системы (напр., Азербайджан, Белоруссия, ФРГ, Грузия, Польша, РФ, Словакия, Чехия)» [234, с. 18].

В украинской литературе к сторонникам того, что органы конституционного контроля являются органами судебной власти, относятся К. В. Приходько [292, с. 48], А. В. Портнов [285, с. 29], В. Е. Скомороха [330, с. 11], В. П. Тихий [351, с. 215], Ю. С. Шемшученко и Г. А. Мурашин [388, с. 5] и др. В российской литературе в поддержку этого тезиса высказывались С. В. Байрамов [20, с. 22], Н. С. Бондарь [40, с. 83], В. О. Лучин [183, с. 494], Б. А. Малинчев [188, с. 16], Д. С. Петренко [279, с. 10], К. А. Сасов [324, с. 39] и др.

Некоторые специалисты в области конституционного контроля считают, что его органы имеют двойственную природу и лишь отчасти могут считаться органами судебной власти. Например, А. А. Стрижак пишет, что при характеристике Конституционного Суда Украины «в одном случае акцент делается на особом статусе этого государственного органа как носителя судебной власти, который не следует отождествлять с правосудием, поскольку его деятельность функционально не связана с судами общей юрисдикции. В другом – подчеркивается двойственная природа этого органа, который, с одной стороны, рассматривается как орган правосудия, независимый от других, а с другой – как один из высших конституционных органов государства» [337, с. 190]. Автор не отдает предпочтение ни одному из подходов (случаев). Анализируя работу Конституционного Суда Украины, П. Н. Ткачук в 2006 г. отметил: «Несмотря на десятилетнюю деятельность Суда, единого представления о его правовой природе еще нет. Если исходить из процессуальных форм осуществления конституционного контроля, статуса судей, то его можно считать органом судебной власти. Если за основу брать его функции (контрольную, интерпретационную), то можно утверждать, что он является органом, который действует за пределами трех ветвей власти, поскольку должен обеспечивать соблюдение ими конституционной законности» [357, с. 31].

Изучая Конституционный Суд Российской Федерации, И. Н. Максимовская приходит к выводу, что «одной из особенностей Конституционного Суда РФ, как элемента государственно-правового механизма, является его двойственность. С одной стороны, Конституционный Суд РФ – это судебный орган, с другой стороны, это контрольный орган» [187, с. 144]. Похожее мнение высказал В. В. Дмитриев, который считает, что при характеристике места конституционного суда в системе органов государственной власти «следует исходить из его двойственной юридической природы: с одной стороны, данному органу принадлежит особое место в системе органов государственной власти…, не вписывающееся в традиционное

понимание о триаде властей; с другой стороны, преобладающим для него является именно судебная деятельность» [88, с. 29]. В отношении Конституционного Суда Российской Федерации Н. Н. Курова отмечает, что «с одной стороны, Конституционный Суд является органом правосудия… С судебными органами его объединяет характер полномочий (разрешение споров); требование к судейскому составу… и гарантии независимости судей; принципы деятельности…, основы судопроизводства … даже само название – Конституционный Суд… Вместе с тем он существенно отличается от других судов, … не рассматривает конкретные... дела, не применяет правовые нормы к конкретным случаям, как иные суды» [177, с. 67].

Размышляя об органах конституционного контроля, созданных и функционирующих в соответствии с европейской моделью, И. В. Петрова отмечает, что «для разрешения конституционно-правовых вопросов создается специальный орган конституционной юстиции, не входящий в судебную систему или, по крайней мере, занимающий в ней автономное положение» [280, с. 37].

Из приведенных цитат следует, что ученые и практики часто не могут однозначно определить не только место органа конституционного контроля в отдельно взятом государстве (В. В. Дмитриев, И. Н. Максимовская, П. Н. Ткачук и др.), но и в целом (И. В. Петрова и др.).

Аналогичные разработки применительно к Конституционному Суду АР пока отсутствуют. В настоящее время Конституционный Суд АР относится к органам судебной власти, что подтверждается нормами ст. 125 Конституции, а именно:

- в соответствии с ч. II, «судебную власть осуществляют Конституционный Суд Азербайджанской Республики, Верховный Суд Азербайджанской Республики, апелляционные суды Азербайджанской Республики, общие и специализированные суды Азербайджанской Республики»;

- в соответствии с ч. III, «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского и уголовного судопроизводства и других форм, предусмотренных законом» [157].

И статья 125, и большинство норм Основного Закона, посвященных Конституционному Суду АР, сосредоточены в Главе VII «Судебная власть». Следует отметить, что отсутствие в Конституции АР указания на четкое обособление Конституционного Суда как органа конституционной юрисдикции от системы судов общей юрисдикции может привести к отсутствию понимания того, что Конституционный Суд АР входит в состав органов судебной власти, но занимает особое положение.

Обратившись к истории создания Конституционного Суда АР, можно утверждать, что включение его в число органов судебной власти было обусловлено рецепцией лучшего зарубежного опыта: в частности, в процессе формирования института конституционного контроля в АР участвовали специалисты из ФРГ (см. [430]), а Федеральный Конституционный Суд рассматривается исследователями как судебный орган, который «занимает особое положение в судебной системе в целом. В отличие от других судов, он не входит в общий инстанционный порядок и тем самым не является по отношению к ним вышестоящим судом» [325, с. 12]. Также использовались консультации экспертов Венецианской комиссии, придерживавшихся аналогичной точки зрения. Поддерживая факт создания постсоциалистическими, в т. ч. постсоветскими странами, утвердившими демократический режим, специализированного постоянно действующего независимого органа конституционного контроля, эксперты Венецианской комиссии подчеркивали целесообразность его принадлежности к судебной ветви власти [439, с. 10].

В Главе VII «Судебная власть» Конституции АР разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции осуществлено недостаточно четко.

Во-первых, это касается ч. II ст. 125, которая предусматривает, что «судебную власть осуществляют Конституционный Суд Азербайджанской Республики, Верховный Суд Азербайджанской Республики, апелляционные суды Азербайджанской Республики, общие и специализированные суды Азербайджанской Республики» [157].

Представляется целесообразным изложить ее в такой редакции:

«II. Судебную власть осуществляют суды конституционной и общей юрисдикции. Единственным органом конституционной юрисдикции является Конституционный Суд Азербайджанской Республики. К системе судов общей юрисдикции относятся Верховный Суд Азербайджанской Республики, апелляционные суды Азербайджанской Республики, общие и специализированные суды Азербайджанской Республики)».

Во-вторых, ст. 126 «Требования, предъявляемые к кандидатам в судьи» предусматривает универсальные требования, предъявляемые как к кандидатам на должности судей судов общей юрисдикции, так и к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР. Представляется необходимым разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции. Требованиям, предъявляемым к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР, целесообразно посвятить отдельную статью Основного Закона, разместив ее в отдельной, посвященной исключительно Конституционному Суду АР, главе.

В связи с вышеизложенным Главу VII «Судебная власть» рекомендуется переименовать, назвав ее «Суды общей юрисдикции», а Основной Закон дополнить Главой VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики», а ст. 130 «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» исключить (соответственно, статьи 131-133 станут статьями 130-132). Аргументами в пользу существования в Основном Законе АР такой главы является как зарубежный опыт, так и мнения специалистов в сфере конституционного контроля. В частности, Н. В. Витрук писал, что «в силу специфики своей политико-правовой природы конституционный суд может

рассматриваться самостоятельно, отдельно от судебной системы как один из высших органов государственной власти. Поэтому в конституциях ряда государств … вполне обосновано выделяют разделы (главы), посвященные конституционному суду, и они не обязательно должны быть привязаны к разделам, посвященным судебной системе, судебной власти» [50, с. 170]. Следует согласиться с его рассуждениями.

Также важным в этом вопросе является мнение Ф.С. Абдуллаева, который отметил: «Положения Основного Закона, регламентирующие деятельность Конституционного Суда, содержатся в разделе «Судебная власть». Тем не менее причисление Конституционного Суда к судебной ветви власти не раскрывает всю полноту его правовой природы, ввиду того что он отличается от других судебных органов спецификой своей компетенции, организации, характером дел, подлежащих рассмотрению, а также юридической силой принимаемых решений и механизмом их исполнения» [4].

В Приложении 2 к работе размещен разработанный автором текст Главы VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» (на азербайджанском и на русском языках). Текст изменений и дополнений разработан с учетом того, чтобы он не вступал в противоречие со ст. 155 Конституции АР, предусматривающей запрет «вносить изменения в статьи Основного Закона, предусматривающие принципы … разделения государственной власти» [157].

Внесение предложенных изменений в Конституцию АР представляется важным, но не срочным. В связи с этим целесообразно продолжить практику изменения норм Основного Закона «пакетом», т. е. присоединить изменения, касающиеся Конституционного Суда АР, к изменениям и дополнениям, касающимся других вопросов.

Разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции представляется важным в том числе с точки зрения конституционализации отношений между изучаемым органом и Верховным Судом АР. В настоящее время существенная часть принимаемых

Конституционным Судом АР постановлений касается проверки соответствия постановлений коллегий Верховного Суда АР Конституции при рассмотрении конкретных споров. В период с 2012 по 2015 гг. автор исследования выступал судьей-докладчиком по таким делам:

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 24 октября 2011 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе И. Шабановой [253];

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 6 октября 2011 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе А. Эфендиевой и Н. Керимовой [255];

- о проверке соответствия постановления состава суда Верховного Суда АР по вновь открывшимся обстоятельствам от 12 апреля 2015 г. Конституции и законам АР по жалобе А. Шошанова [256];

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда АР от 2 апреля 2014 г. Конституции и законам АР по жалобе Г. Гасанзаде [252];

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда АР от 14 октября 2014 г. Конституции и законам АР по жалобе С. Алекперовой [251];

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда АР от 10 июня 2015 г. Конституции и законам АР по жалобе А. Мирзоевой 18.12.2015 [250];

- о проверке соответствия постановления Гражданской коллегии Верховного Суда АР от 27 апреля 2015 г. Конституции и законам АР по жалобе В. Алескеровой [254].

По этим и аналогичным делам Конституционный Суд АР осуществляет проверку соответствия решений Верховного Суда и его органов по рассматриваемым им делам «букве» и «духу» Основного Закона. Верховный

Суд АР в соответствии со ст. 131 Конституции АР «является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и другим делам, отнесенным к производству общих и специализированных судов; он осуществляет правосудие в кассационном порядке; дает разъяснения по вопросам судебной практики» [157]. Таким образом, все возрастающая активизация работы[1] Конституционного Суда АР в сфере защиты прав и свобод человека делает взаимодействие с Верховным Судом все более и более частым, и разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции представляется важным.

Положительным эффектом разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в АР будет являться и повышение независимости Конституционного Суда АР как при рассмотрении этой категории дел, так и в целом. Тем более что ученые все чаще и чаще пишут о том, что «органы конституционного контроля нуждаются в повышенной самостоятельности. Повышенная самостоятельность данных судов обусловлена их вхождением в классическую триаду законодательных, исполнительных и судебных органов на одном и том же уровне публичной власти…, как следствие – повышенным риском противоправного вмешательства в судебную деятельность со стороны законодательных и исполнительных органов, заинтересованных в исходе юридического дела» [387, с. 130].

Следует отметить еще несколько аргументов в пользу разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в АР.

Во-первых, это аргумент исторического характера: в период зарождения и формирования теории разделения государственной власти конституционный контроль в современном понимании не существовал. Как известно, ученые прослеживают корни этой теории в Древней Греции и в Древнем Риме. Впервые ее целостное доктринальное обоснование было осуществлено

[1] Может быть оценена по количеству рассматриваемых дел аналогичного вида.

Ш. Монтескье. Формулируя свое отношение к учению Ш. Монтескье, Н. М. Коркунов писал: «Взаимное отношение властей Монтескье представляет себе довольно туманно, его теория ближе и точнее всего может быть понята как равенство их, взаимное уравновешивание. Но такое представление о суде, администрации и законе, несомненно, не отвечает существу дела. По самому существу своему судебная власть не может быть равна законодательной: суд решает дела по закону, он законом связан, а закон судом – нет» [165, с. 94]. Именно с точки зрения оптимизации функционирования и повышения уровня независимости Конституционного Суда АР представляется целесообразным уточнить его место среди органов судебной ветви власти, четко разграничив суды общей и конституционной юрисдикции.

Если же обратиться к опыту США, где впервые на практике был реализован принцип разделения государственной власти, то хронология событий выглядит следующим образом: в 1787 г. была принята Конституция США, а «доктрина конституционного судебного контроля в США нашла свое практическое и теоретическое воплощение в ставшем хрестоматийным решении федерального Верховного Суда 1803 г. по делу «Мэрбэри против Мэдисона» [233]. Таким образом, в процессе создания теории разделения властей и при первой попытке ее практической реализации место органов конституционного контроля не могло быть определено в связи с их отсутствием в то время. Это вызывает отсутствие единого мнения по поводу их места в системе органов власти и в случае отнесения их к судебной ветви власти требует разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции.

Во-вторых, И. А. Кравец отметил, что «принцип разделения властей получает свое развитие в теории динамического равновесия, согласно которой для поддержания баланса властей каждая власть наделяется собственной компетенцией независимо от других властей, закрепляется самостоятельность правового статуса каждой ветви власти при осуществлении своих полномочий и каждая ветвь власти наделяется возможностью противопоставить свое

мнение решению другой ветви» [169, с. 263]. С. В. Нарутто высказал идею о том, что «особое место Конституционного Суда … в системе государственной власти обусловлено его компетенцией» [225, с. 1098], и обосновал свою точку зрения следующим образом: «В триаде властей Конституционный Суд занимает особое место, поскольку выступает гарантом сложившегося их равновесия, арбитром между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, призванным постоянно приспосабливать возрастающую государственную структуру к конституционным требованиям, чтобы каждая из ветвей выполняла свою компетенцию и не вторгалась в чужую» [225, с. 1098]. Это объяснение представляется убедительным, учитывая компетенцию органов конституционного контроля. Компетенционными причинами поясняют аналогичную точку зрения и иные исследователи. В частности, А. В. Молотов считает, что «конституционный контроль, будучи следствием реализации в современном государстве принципа разделения властей, является важным условием действенности системы «сдержек и противовесов» и ее существенным элементом, т. к. уравновешивает все ветви власти» [217, с. 29]. Эту точку зрения поддерживает и А. В. Глухов, подчеркивая, что «обосновано рассматривать «контроль» Конституционного Суда … как объективно необходимый и непрерывный процесс не только разделения функций органов государственной власти, но также их взаимовлияния, взаимосдерживания и взаимоограничения» [68, с. 22]. На наш взгляд, компетенция Конституционного Суда АР слишком отличается от компетенции судов общей юрисдикции, что делает необходимым уточнение норм Основного Закона АР в части разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции.

В-третьих, в соответствии с пунктом 8 ч. III ст. 130 Конституции АР, Конституционный Суд по запросам Президента АР, Милли Меджлиса, Кабинета Министров АР, Верховного Суда АР, Прокуратуры АР, Али Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики решает вопросы о разрешении споров, связанных с разграничением полномочий между

законодательной, исполнительной и судебной властями [157]. Это полномочия органов конституционного контроля дают основания характеризовать их как «суды над властью» [38, с. 239;40, с. 94]. Х. Гаджиев, характеризуя Конституционный Суд АР, отметил, что ему принадлежит «особая роль … в обеспечении разделения властей: при разрешении споров между законодательной и исполнительной властью Конституционный Суд, как хранитель демократических ценностей, выступает в качестве арбитра, гарантирующего гражданское согласие и стабильность в государстве» [61, с. 24]. А.А. Езеров отметил, что органы конституционного контроля играют особую роль в обеспечении принципа разделения властей, в системе сдержек и противовесов, одним своим существованием выполняя важную сдерживающую, предупредительную роль при возникновении конституционных конфликтов[1].

Т. Я. Хабриева высказала мнение о том, что «ограничение конституционным правосудием других властей осуществляется путем вмешательства при конкретных обстоятельствах в их прерогативы. В первую очередь это обусловлено целями защиты прав человека от государства и только затем – для защиты того распределения функций между носителями государственной власти, которое определено принципом разделения властей» [363, с. 314]. Для эффективного достижения этой цели выделение в судебной ветви власти двух юрисдикций – конституционной и общей – представляется важным. В связи с этим необходимым видится и разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции.

Следует отметить, что в случае с решением вопроса о месте Конституционного Суда АР в системе органов публичной власти АР опыт Суда ЕС применим лишь отчасти: Суд ЕС обладает как общей, так и конституционной юрисдикцией. Это подчеркивает целесообразность

---

[1] Єзеров А. Конституційний конфлікт як феномен та процес в Україні: Монографія. — О.: Юрид. л – ра, 2008. — 240 с. – С. 192.

нахождения Конституционного Суда АР в числе органов судебной власти АР. Однако опыт ЕС может быть интересен для иллюстрации динамики развития практики конституционализма и науки конституционного права, а именно для опровержения позиции тех ученых, которые считают место органов конституционного контроля настолько важным, что включают его в структуру конституционного статуса этих органов в качестве одного из элементов.

Существование в ЕС собственной правовой системы и собственной отрасли конституционного права делает вполне логичным предположение о том, что институты ЕС взаимодействуют между собой на основе принципа разделения властей. С. В. Ершов считает, что в ЕС реализован принцип разделения властей при наличии системы сдержек и противовесов: «Специфика механизма устройства и разделения властей в ЕС состоит в том, что, во-первых, в ЕС в отличие от классической … триады существует пять ветвей власти (законодательная, исполнительная, судебная, контрольная и контрольно-направляющая); во-вторых, для стабилизации данной структуры вводятся дополнительные связи между ветвями власти путем переноса некоторых функций каждой из ветвей власти на органы других ветвей власти. Такие «ковалентные связи» укрепляют структуру и обеспечивают стабильность всего механизма функционирования надгосударственной власти ЕС» [100, с. 82]. Итак, С. В. Ершов насчитывает в ЕС пять ветвей власти.

По мнению А. О. Четверикова, «характер распределения функций и властных полномочий между органами Европейского Союза … имеет общие черты с классической доктриной разделения властей, сформулированной в учении конституционалистов XVIII-XIX вв., сохраняющей свои позиции в конституционном праве современных государств. Законодательную функцию в Европейском Союзе в настоящее время осуществляют Совет и Европейский парламент; исполнительную – Комиссия; судебную – Суд и Суд первой инстанции» [380, с. 22] (в настоящее время еще и созданный в 2004 г. Трибунал гражданской службы ЕС. – *Дж. Г.*). Более того, ученый подчеркивает, что принцип разделения властей является «основополагающим принципом

организации и функционирования механизма политической власти Европейского Союза». Следует отметить, что тезис не вполне аргументирован: А. О. Четвериков пишет, что «несмотря на то, что данный принцип не получил прямого закрепления в тексте Договора о Европейском сообществе (и других учредительных договоров), он вытекает из системного толкования его норм и последовательно реализуется в прецедентном праве Европейского суда» [380, с. 22]. Так как в его работах не приведены ссылки на конкретные решения Суда ЕС как по рассмотрению споров между институтами ЕС, так и по толкованию актов первичного права ЕС, то убедительность утверждения вызывает серьезные сомнения.

По этому вопросу более приемлемой и аргументированной представляется точка зрения Р. Ю. Зеленова, который утверждает: в отношении ЕС «предпочтительнее говорить о распределении полномочий между институтами, а не о разделении между ними властей» [110, с. 16]. В своих работах он анализирует органы ЕС, после чего приходит к выводу о том, что в их системе имеется лишь некоторое сходство с системой органов в странах, применяющих принцип разделения государственной власти. По этому поводу Р. Ю. Зеленов пишет: «Отмеченная близость институционной структуры ЕС внутреннему устройству государства породила в науке стремление оценивать ее с точки зрения теории конституционного устройства какого-либо абстрактно взятого государства … Однако следует учитывать, что ЕС является международной организацией особого рода, поэтому любые принципы, лежащие в основе его институционной системы, имеют международно-правовой характер» [110, с. 15]. И действительно, наднациональный характер ЕС делает не вполне уместными аналогии с используемым лишь на государственном уровне принципом. Ведь даже одно из общепринятых названий этого принципа звучит как «принцип разделения *государственной* власти».

Приведенные выше мнения исследователей основываются на том, что в ЕС действует принцип разделения властей. Как уже упоминалось, это

утверждение не является аксиоматичным – некоторые ученые пишут об институциональной системе ЕС. Например, К. В. Энтин рассматривает институциональный баланс как юридический принцип [395, с. 14] и конкретизирует, что применительно к ЕС он «не относится к регулирующим принципам, но является термином, используемым для описания, установленного учредительными договорами распределения полномочий между институтами» [395, с. 45]. К этому мнению присоединяются К. Ю. Голуб [71, с. 3, 84], С. В. Сулимский [340, с. 7-8] и др. Эти исследователи, характеризуя взаимоотношения между Европейским парламентом, Европейской Комиссией, Европейским Советом и др., предпочитают вести речь не об «органах», а об «институтах». Такой подход пояснила Т. В. Комарова. В своей работе, посвященной юрисдикции Суда ЕС, она отметила, что «в контексте исследования, говоря об институционной системе (институционной структуре или институционном механизме), имеется в виду именно совокупность институтов ЕС, без включения в эту систему иных вспомогательных органов ЕС, поскольку институты – это основные органы, наделенные властными полномочиями, на которые возложено выполнение основных заданий организации и которые выявляют наиболее характерные связи» [140, с. 15].

Представляется, что демонстрируемая разница в подходах сводится к позиции исследователей по вопросу о природе Европейского Союза. Те авторы, которые считают, что ЕС на современном этапе своей эволюции приближен к государственному образованию, пишут в своих работах о применении в ЕС принципа разделения властей. Ученые же, которые считают, что ЕС по своей природе по-прежнему намного ближе к международной организации, нежели к государственному образованию, ведут речь об институционной системе. Это связано с тем, что характеристика органов любой международной организации осуществляется в соответствии с институционным подходом. Например, А. В. Базов при характеристике места Европейского суда по правам человека в системе органов Совета Европы

сформулировал, что «институционная система Совета Европы представляет собой совокупность элементов (институтов) Совета Европы, на которые возложено достижение соответствующей цели этой организации и которые выявляют наиболее характерные связи как вовне, так и в середине этой организации» [19, с. 9].

Опыт функционирования Суда ЕС и эффективное осуществление им конституционного контроля убедительно демонстрирует, что современный конституционализм развивается в направлении, в соответствии с которым независимость органов конституционного контроля имеет большее значение, чем их место в системе органов власти. В частности, Ф. С. Абдуллаев считает, что, «рассматривая статус конституционного суда, необходимо исследовать проблему его независимости» [399, с. 53]; а Я. П. Андриенко делает вывод о самостоятельности и независимости Суда ЕС как его отличительном качестве, оказывающем положительное влияние на правотворческую деятельность в рамках ЕС [10, с. 9].

Следует отметить, что место органов конституционного контроля в системе иных органов власти оказывает влияние структуру их конституционного статуса. Не является исключением и Конституционный Суд АР.

Исследований правового статуса органов судебной власти в литературе достаточно немного, если сравнивать их с количеством исследований органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления. В настоящее время в украинской и российской литературе существует лишь несколько работ, посвященных органам конституционного контроля, авторы которых проанализировали конституционный статус конституционных судов. Это монографические работы Н. Д. Савенко «Правовой статус Конституционного Суда Украины» (Харьков, 2001 г.), О. Б. Мироновского «Правовой статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации» (Москва, 2001 г.), Ю. Б. Березина «Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах»

(Екатеринбург, 2006 г.), М. А. Свистуновой «Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда» (Москва, 2007 г.). Несмотря на то, что в названиях работ встречается и понятие «конституционный статус», и понятие «правовой статус», знакомство с текстами диссертаций, а также их защита по специальности 12.00.02 «конституционное право; муниципальное право» дают основание сделать вывод о том, что ученые исследовали именно конституционный статус органов конституционного контроля.

В 2001 г. Н. Д. Савенко была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правовой статус Конституционного Суда Украины» [312]. В подразделе 1. 1 «Конституционно-правовой статус Конституционного Суда в государственном механизме Украины» автор рассматривает вопросы места Конституционного Суда в системе органов государственной власти, а также анализирует подходы к классификации полномочий единственного органа конституционной юрисдикции в Украине [313, с. 9-28].

Исходя из плана исследования, Н. Д. Савенко относит к элементам конституционного статуса Конституционного Суда Украины:

- его функции;
- правовой статус судьи Конституционного Суда;
- организацию деятельности этого органа [313, с. 2].

О. Б. Мироновский, анализируя в своем исследовании конституционный статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, также не дает в работе свое понимание этого понятия и его структуры. Сделать вывод о том, какие именно элементы, по его мнению, следует включать в конституционный статус конституционных судов субъектов РФ, можно исходя из плана его работы. Так, он изучил:

- состав и порядок формирования конституционных судов субъектов РФ;
- статус судей;

- компетенцию уставных судов (полномочия по осуществлению проверки конституционности актов органов государственной власти, органов местного самоуправления и договоров субъектов РФ, полномочия по разрешению споров о компетенции, по участию в процедуре досрочного прекращения полномочий высших должностных лиц и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, право законодательной инициативы, официального толкования конституций (уставов) субъектов РФ и иные полномочия конституционных (уставных) судов) [205, с. 2].

С учетом выбранной темы исследования – «Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах» – мало внимания конструкции «правовой статус органа конституционного контроля» уделяет и Ю. Б. Березин. В его исследовании этому вопросу посвящен параграф 2. 1 «Правовой статус организации органов конституционного контроля» [28, с. 68]. По сути, речь в нем идет все же о конституционном статусе органов конституционного контроля. По крайней мере, именно это понятие автор использует в тексте параграфа (см., например, с. 72-73, др.).

К элементам конституционного статуса органа конституционного контроля Ю. Б. Березин относит следующие:

- наименование и положение органа в системе иных органов власти;
- способ его формирования;
- структуру, состав, статус его членов;
- компетенцию и полномочия;
- инициативу конституционного разбирательства;
- юридическую силу решения органа конституционного контроля и его опубликование [28, с. 72].

Однако из плана его исследования вытекает несколько другая структура конституционного статуса органов конституционного контроля. Раздел 1 диссертации имеет во многом традиционный для первой части исследования вводный характер и посвящен вопросам определения понятия конституционного контроля, рассмотрению видов конституционного контроля

и историографии проблемы – анализу возникновения и развития института конституционного контроля. С точки зрения изучаемого вопроса интерес представляет структура разделов 2 и 3:

- Раздел 2 «Элементы правового статуса органов конституционного контроля»:

- 2.1. «Правовой статус организации органов конституционного контроля»;

2.2. «Порядок формирования и структура органов конституционного контроля»;

2.3. «Квалификационные требования и статус членов органов конституционного контроля»;

- Раздел 3 «Компетенция и деятельность органов конституционного контроля»:

3.1. Компетенция органов конституционного контроля;

3.2. Процедура осуществления конституционного контроля;

3.3. Решения органов конституционного контроля и их юридические последствия» [28, с. 2].

Структура разделов 2 и 3 вызывает ряд возражений.

Во-первых, вряд ли целесообразно вести речь о конституционном статусе организации органов конституционного контроля как (фактически) об одном из элементов статуса органов конституционного контроля. Столь громоздкие теоретические конструкции лишь затрудняют понимание текста, к тому же п. 2. 2. охватывает один из вопросов организации органов конституционного правосудия, а именно порядок их формирования.

Во-вторых, можно заметить логическую ошибку, соотнеся сам план и цитату из работы, которая ему предшествует. Дело в том, что название Раздела 2 по сути охватывает не только п.п. 2.1-2.3, но (исходя из авторского взгляда на структуру правового статуса органа конституционного правосудия) также и п.п. 3.1.-3.3.

Кроме того, как было отмечено выше, название п. 2.1 «Правовой статус организации органов конституционного контроля» не отвечает его содержанию. Фактически в этом подразделе идет речь о том, какова, по мнению автора, структура понятия «правовой статус органов конституционного контроля» (саму дефиницию понятия Ю. Б. Березин в работе не дает), а также о том, как в конституциях европейских государств регламентируются вопросы, связанные с организацией конституционного контроля.

В 2007 г. М. А. Свистуновой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда». Интересно, что автор не упоминает ни в диссертации, ни в автореферате диссертации [325] о том, в каком именно значении используется понятие «конституционно-правовой статус» и какие элементы он включает.

Вывод об авторском подходе к определению структуры этого понятия можно сделать на основании плана диссертационного исследования. Работа включает две главы – Главу 1 «Компетенция Федерального конституционного суда ФРГ» и Главу 2 «Организация Федерального конституционного суда ФРГ и конституционное судопроизводство».

В свою очередь, в главу о компетенции Федерального конституционного суда ФРГ включены такие параграфы:

- положение Федерального конституционного суда в системе органов власти и общая характеристика его компетенции;

- проверка конституционности законов и других актов органов государственной власти;

- рассмотрение споров между федеральными органами власти, между Федерацией и землями и между отдельными землями.

Глава об организации Федерального конституционного суда и конституционного судопроизводства разделена на параграфы такого содержания:

- формирование и состав Федерального конституционного суда ФРГ;

- процедура в Федеральном конституционном суде ФРГ;

- особые правила производства в Федеральном конституционном суде [326, с. 2].

Таким образом, по мнению М. А. Свистуновой, конституционный статус Федерального конституционного суда включает следующие элементы:

- компетенцию;

- положение в системе органов власти;

- организацию суда;

- организацию работы суда (процедуру).

На основании проанализированных работ можно прийти к следующим промежуточным выводам:

1) конституционный статус Конституционного Суда АР в настоящее время остается не исследованным;

2) понятие «конституционный статус» по отношению к органам конституционного контроля исследовано недостаточно, в частности, не существует устоявшегося мнения о его элементах.

Точки зрения авторов, работы которых проанализированы выше, по поводу структуры конституционного статуса органов конституционного контроля обобщены в Таблице 2.1.

Проведенное в Табл. 2.1. обобщение взглядов Ю. Б. Березина, О. Б. Мироновского, Н. Д. Саенко и М. А. Свистуновой на структуру конституционного статуса органов конституционного контроля свидетельствует о том, что все четыре автора ни разу не сошлись во взглядах хотя бы на один элемент. Максимальное количество авторов, поддерживающих элемент, – три; это касается таких элементов конституционного статуса

Таблица 2.1.

Предложения о структуре конституционного статуса органов конституционного контроля (Ю. Б. Березин, О. Б. Мироновский, Н. Д. Савенко, М. А. Свистунова)

Элемент конституционного статуса органа конституционного контроля	Исследователи, поддерживающие включение элемента в структуру конституционного статуса органа конституционного контроля
Состав	О. Б. Мироновский, Ю. Б. Березин, М. А. Свистунова
Компетенция	О. Б. Мироновский, Ю. Б. Березин, М. А. Свистунова
Организация деятельности (*процедура осуществления деятельности*)	Н. Д. Савенко, М. А. Свистунова (*Ю. Б. Березин*)
Правовой статус судей	Н. Д. Савенко, О. Б. Мироновский, Ю. Б. Березин
Положение органа в системе иных органов власти	Ю. Б. Березин, М. А. Свистунова
Порядок формирования	О. Б. Мироновский, Ю. Б. Березин
Квалификационные требования к судьям	Ю. Б. Березин
Полномочия	Ю. Б. Березин
Структура	Ю. Б. Березин
Инициатива конституционного разбирательства	Ю. Б. Березин
Юридическая сила решения органа конституционного контроля и его опубликование	Ю. Б. Березин
Функции	Н. Д. Савенко

органов конституционного контроля, как его состав, компетенция, организация деятельности и правовой статус судей. Еще два элемента – положение органов конституционного контроля в системе иных органов власти и порядок формирования – находят поддержку лишь у двух из четырех исследователей. И, наконец, шесть элементов предлагаются лишь отдельными учеными: Н. Д. Савенко предлагает включать в структуру конституционного статуса рассматриваемых органов их функции, а Ю. Б. Березин – квалификационные требования к судьям, полномочия и структуру органов конституционного контроля, инициативу конституционного разбирательства, а также юридическую силу решения органа конституционного контроля и его опубликование.

Следует согласиться с включением в состав конституционного статуса органов конституционного правосудия таких элементов, как:

- функции и компетенция;
- порядок формирования;
- квалификационные требования к судьям;
- правовой статус судей;
- структура;
- организация деятельности;
- юридическая сила актов органа конституционного контроля (вряд ли опубликование решений представляет особый интерес, если речь идет о решениях органов конституционного контроля; будет иметь место чрезмерная детализация составляющих структуры конституционного статуса).

Отсутствие необходимости включения в число элементов конституционного статуса органов конституционного контроля их состава обуславливается тем, что рассмотрение порядка формирования органа конституционного контроля и организации его деятельности подразумевает знакомство с его составом.

Что же касается инициативы конституционного разбирательства, то отсутствие необходимости включения ее в состав элементов конституционного

статуса органов конституционного контроля вызвано тем, что наиболее интересные дискуссии в юридической литературе касаются не столько всех ее субъектов вообще, сколько необходимости наделения ею самих органов конституционного контроля (детальнее см. подраздел 5.2).

Ю. Б. Березин считает справедливым включать в число элементов конституционного статуса органов конституционного контроля полномочия. Действительно, через полномочия органов конституционного контроля реализуются их функции. С этим утверждением соглашается Н. В. Витрук [50, с. 261]. Следует отметить, что детальный анализ всех полномочий конкретного органа конституционного контроля несомненно важен. Однако при изучении конституционного статуса целесообразнее сосредоточить внимание на функциях и компетенции, чтобы избежать чрезмерной детализации структуры конституционного статуса исследуемого органа.

Наконец, роль положения органа конституционного контроля в системе иных органов власти и аргументация отсутствия необходимости ее включения в состав элементов конституционного статуса анализируемого органа была пояснена в предыдущем подразделе. А именно: положение исследуемого органа в системе других органов государственной власти оказывает влияние на структуру его конституционного статуса, в связи с чем является предстатусным элементом.

Ученые отмечают, что «четкое закрепление … статуса и систематизация нормативных актов о нем имеет большое значение для повышения эффективности работы механизма государства и укрепления законности в деятельности органов публичной власти» [98, с. 9]. С этой точки зрения интересно предложение И. В. Целыковского о классификации источников, регулирующих конституционный статус органа, в зависимости от их содержательного наполнения и с учетом предмета регламентации на:

- статусно-определяющие – это совокупность правовых норм, консолидированных в специальном нормативном правовом акте, регулирующих статусные аспекты;

- фрагментарно-функциональные – это совокупность правовых норм, содержащихся в различных нормативных правовых актах и определяющих лишь отдельные направления в деятельности [376, с. 8].

Для Конституционного Суда АР статусно-определяющими нормативными актами следует признать Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. «О Конституционном Суде» и Внутренний устав Конституционного Суда АР, а фрагментарно-функциональными – Конституцию АР 1995 г., Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 17 мая 2000 г. № 414 «О дополнительных мерах в области социальной защиты судей Конституционного суда Азербайджанской Республики», Постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 27 августа 2001 г. № 142 «Об утверждении Порядка выдачи судьям денежного пособия на лечение», др.

Венецианской комиссией была признана важной еще одна классификация источников, регламентирующих конституционный статус органов конституционного контроля. В 2003 г. по инициативе Председателя Конституционного Суда АР Ф. С. Абдуллаева член Венецианской комиссии Дж. Ключка (*J. Klucka*) и эксперт Венецианской комиссии Е. Барнстедт (*E. Barnstedt*) рассмотрели проект Внутреннего устава Конституционного Суда АР. В итоговом документе представители Венецианской комиссии отметили, что правовая основа функционирования каждого конституционного суда обычно сформирована тремя видами норм, имеющими разную юридическую силу в иерархии национального права. Они необходимы для формирования полного и целостного конституционного статуса органа конституционной юрисдикции. На вершине триады эксперты разместили Конституцию, на втором уровне – законы, конкретизирующие ее нормы-принципы, и на третьем уровне – регламенты, поручить создание которых целесообразнее всего самому органу конституционного контроля в связи с преобладанием в них норм процессуального характера [447, с. 2]. Венецианская комиссия высоко оценила

соответствие иерархии нормативных актов АР о Конституционном Суде АР этой классификации.

Следует отметить, что нормы Основного Закона АР о Конституционном Суде АР полностью перенесены в соответствующие статьи Закона АР «О Конституционном Суде». В юридической литературе периодически возникают дискуссии о целесообразности включения конституционных норм в законы, которыми они конкретизируются. В настоящее время нет единого мнения ученых по этому поводу. Однако в отношении органов конституционного контроля Венецианская комиссия высказалась однозначно: она уделяет большое значение тому факту, чтобы нормы Основного закона, посвященные конституционным судам, не только конкретизировались бы, но и воспроизводились бы в соответствующем профильном Законе [457, с. 3]. К такому заключению представители Венецианской комиссии пришли при рассмотрении проекта Закона АР «О Конституционном Суде» в 2001 г. Таким образом, Венецианская комиссия принимала непосредственное участие в процессе формирования нормативной базы, регламентирующей конституционный статус Конституционного Суда АР, а ее представители дали общую позитивную оценку соответствующим актам.

В предыдущем подразделе было выявлено, что конституционный статус Конституционного Суда АР включает в себя три группы элементов, связанных с его формированием, с внутренней структурой и с деятельностью. Содержательное наполнение каждой из групп элементов предполагалось уточнить на основании результатов исследования места Конституционного Суда в системе органов власти АР. Итак,

- к группе элементов конституционного статуса исследуемого органа, связанных с его формированием, относятся квалификационные требования к судьям и порядок формирования Конституционного Суда АР;

- к группе элементов конституционного статуса исследуемого органа, связанных с его внутренней структурой, относятся структура Конституционного Суда АР и правовой статус судей;

- к группе элементов конституционного статуса исследуемого органа, связанных с его деятельностью, относятся функции и компетенция Конституционного Суда АР, организация работы и юридическая сила его актов.

Таким образом, конституционный статус Конституционного Суда АР – это его правовое положение, установленное нормами конституционного права. Структура конституционного статуса этого органа – это модель, включающая элементы, связанные с созданием, внутренней структурой и деятельностью Конституционного Суда АР.

Выводы по Разделу 2.

1. Анализ азербайджаноязычной, украиноязычной и русскоязычной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствуют монографические исследования конституционно-правового характера, в которых предлагается использовать опыт какого-либо наднационального института ЕС для совершенствования создания и функционирования какого-либо национального института. Тем не менее, вопросы, связанные с взаимодействием отраслей конституционного права отдельных государств и наднационального права, анализировались Е.А. Гагаевой (влияние европейского права на конституционное законодательство государств Центральной и Восточной Европы) и Я.В. Чернопищук (конституционализация процесса европейской интеграции Украины).

2. В советский период исследования, связанные с рецепцией опыта создания и функционирования наднациональных институтов ЕС на государственный уровень не осуществлялись по объективным причинам – в период существования СССР правовая система ЕС еще не сформировалась как уникальная наднациональная правовая система, отличающаяся от международного права. Что же касается исследований в сфере конституционного контроля, то в настоящее время наибольший интерес представляют работы советских ученых М.А. Нуделя, посвященные

конституционному контролю и надзору в зарубежных странах, и П.Е. Недбайло, посвященные толкованию правовых норм.

3. В азербайджаноязычной юридической литературе проблемам конституционного контроля посвящены работы Ф. С. Абдуллаева (диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук тему «Теоретические и практические проблемы конституционного производства в Азербайджанской Республике» (г. Баку, 2001 г.), монографии «Теоретические и практические проблемы конституционного производства в Азербайджанской Республике» и «Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики (1998 – 2012 годы)», а также многочисленные статьи), З.А.Аскеров (раздел «Судебная власть» в работе «Конституционное право»), Т.Б. Эйнуллаев (диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Место постановлений Конституционного Суда Азербайджанской Республики в правовой системе Азербайджана (вопросы теории и практики)» (г. Баку, 2010 г.) и др. В украиноязычной и русскоязычной юридической литературе не существует монографических исследований, связанных с изучением Конституционного Суда АР как органа государственной власти. Как правило, он упоминается лишь в контексте сравнения с достаточно большим числом иных органов конституционного контроля, - как это имеет место в работах М.И. Мумлеевой, И.В. Гордеева, А.М. Кальяк, Т.А. Николаевой и др.

4. Наиболее близким к выбранной тематике является диссертационное исследование Х.И.Ф. Гаджиева «Толкование норм Конституции и закона Конституционными Судами: на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации» (г. Москва, 2001 г.). Автор посвятил свою работу изучению общественных и правовых отношений, которые связаны с деятельностью Конституционного Суда АР и Конституционного Суда Российской Федерации по толкованию норм Конституции и законов, а его предметом избрал проблемы судебного толкования и пути их решения. Настоящее исследование отличается от работы Х.И.Ф. Гаджиева тем, что: а) оно в большей степени посвящено Конституционному Суду АР (Суду ЕС –

лишь в контексте изучения опыта, рецепция которого представляется целесообразной для дальнейшего совершенствования формирования и функционирования единственного органа конституционной юрисдикции в АР); б) в нем внимание сосредоточено не только на интерпретационной деятельности Конституционного Суда АР, но и на иных проблемах его создания и функционирования; в) оно является более современным, учитывает все изменения и дополнения в Конституцию АР и др. нормативные акты, а также основано на более новой литературе.

5. Значительно большее внимание современных украиноязычных и русскоязычных исследователей привлекает проблематика создания и функционирования Суда ЕС. Этому институту и отдельным аспектам его деятельности посвящены монографические труды М. В. Кривовой «Организация и юрисдикция Суда ЕС: теория и практика» (г. Москва, 2004 г.), Я. П. Андриенко «Роль Суда ЕС в формировании европейского правового пространства» (г. Москва, 2004 г.), Ю. М. Орловой «Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями» (г. Казань, 2005 г.), Т. В. Комаровой «Юрисдикция Суда Европейского Союза» (г. Харьков, 2010 г.), К.В. Энтина «Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза» (г. Москва, 2015 г.). Следует отметить, что эти работы написаны специалистами не по конституционному, а по международному праву. Таким образом, проблематика деятельности такого многофункционального института, как Суд ЕС, в части осуществления конституционного контроля, в конституционно-правовой литературе остается малоисследованной.

6. Доказана искусственность разграничения понятий «конституционный статус» и «конституционно-правовой статус». Для минимизации использования громоздких словесных конструкций в юридических текстах обоснована целесообразность использования в литературе словосочетания «конституционный статус», а не «конституционно-правовой статус».

7. На основании изучения юридической литературы по вопросу конституционного статуса органов конституционного контроля вообще и Конституционного Суда АР в частности сформулировано, что: а) конституционный статус Конституционного Суда АР в настоящее время остается не исследованным; б) понятие «конституционный статус» по отношению к органам конституционного контроля исследовано недостаточно, в частности, не существует устоявшегося мнения о его элементах.

8. Аргументирован тезис об отсутствии целесообразности формирования универсального перечня элементов конституционного статуса органа власти как такового (результат такого обобщения будет чрезвычайно поверхностным). Выявлено, что конституционный статус органа власти включает в себя три группы элементов, связанных с: 1) формированием органа; 2) внутренней организацией; 3) деятельностью. Номенклатура входящих в эти группы элементов может изменяться в зависимости от того, конституционный статус какого именно органа власти анализируется, а также в зависимости от места изучаемого субъекта в системе органов публичной власти.

9. Сформулировано предложение рассматривать место изучаемого субъекта в системе органов публичной власти в качестве предстатусного элемента. Резюмировано, что до настоящего времени не сложилось единой практики по вопросу места органов конституционного контроля в системе органов государственной власти. Констатировано, что, в соответствии с нормами Основного Закона АР, Конституционный Суд относится к судебной ветви власти. Выявлено, что в Главе VII «Судебная власть» Конституции АР разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции осуществлено недостаточно четко. В отношении Суда ЕС подобной проблемы не возникает, т.к. он обладает как общей, так и конституционной юрисдикцией. Сформулировано, что в ЕС не используется принцип разделения властей с системой сдержек и противовесов. Наднациональный характер ЕС обусловил необходимость разработки не имеющего пока аналогов принципа институционального баланса. Основой

принципа институционального баланса является высокий уровень самостоятельности каждого из институтов ЕС.

10. Отсутствие четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР дало основание сформулировать предложение о необходимости внесения в него следующих изменений и дополнений: а) ч. II ст. 125 изложить в такой редакции: «II. Судебную власть осуществляют суды конституционной и общей юрисдикции. Единственным органом конституционной юрисдикции является Конституционный Суд Азербайджанской Республики. К системе судов общей юрисдикции относятся Верховный Суд Азербайджанской Республики, апелляционные суды Азербайджанской Республики, общие и специализированные суды Азербайджанской Республики)»; б) дополнить Основной Закон АР Главой VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики». В связи с этим, Главу VII «Судебная власть» переименовать, назвав ее «Суды общей юрисдикции», а статьи 131-133 считать статьями 130-132. Поскольку характер предлагаемых изменений и дополнений в Конституцию АР является уточняющим, сформулировано предложение внести их в Основной Закон во время следующего его комплексного изменения (внесение комплексных изменений и дополнений в Основной Закон АР в XXI ст. стали традицией конституционного развития Республики).

11. Конституционный статус Конституционного Суда АР – это его правовое положение, установленное нормами конституционного права. В его состав входят следующие элементы: функции и компетенция; порядок формирования; квалификационные требования к судьям; правовой статус судей; структура; организация деятельности; юридическая сила актов Конституционного Суда АР. Структура конституционного статуса Конституционного Суда АР – это модель, включающая элементы, связанные с созданием, внутренней структурой и деятельностью Конституционного Суда АР.

РАЗДЕЛ 3.
ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ФОРМИРОВАНИЕМ

3. 1. Квалификационные требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики

В юридической литературе по поводу конституционного контроля существует мнение, что «в отдельных случаях и в определенные периоды в жизни тех или иных стран он играл негативную роль, например, был использован для ограничения прав парламента. Его роль во многом зависит от состава осуществляющего его органа, от существующей в стране социально-политической обстановки» [143, с. 77]. Таким образом, большое значение при формировании органов конституционного контроля приобретают квалификационные требования, выдвигаемые к кандидатам на должности судей этих органов.

Единые требования к кандидатам на должности судей Суда ЕС отсутствуют, что представляется логичным. В Суде ЕС каждое государство – член ЕС представлено одним судьей, «тем самым обеспечивается принцип равенства государств, что способствует приданию Суду большей легитимности в глазах государств-членов и национальных судов. Принцип «одно государство – один судья» также обеспечивает представительство всех национальных правовых систем, что позволяет максимально учитывать действующую в Великобритании и Ирландии систему общего права» [395, с. 62]. Соответственно, каждое из государств – членов ЕС исходит из тех критериев и порядка избрания (назначения), которые закреплены в национальном законодательстве. При этом принимается во внимание содержание ст. 253

Договора о Европейском Союзе, в соответствии с которой «судьи … Суда, отбираемые из числа лиц, обеспечивающих любые гарантии своей независимости, которые отвечают требованиям, предъявляемым для занятия высших судебных должностей в своих странах, или являются знатоками права с общепризнанной компетентностью, назначаются по общему согласию правительствами государств-членов на шесть лет после консультации с комитетом, предусмотренным в статье 255» [91].

Требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР закреплены в нормах Конституции АР и Закона АР «О Конституционном Суде».

В соответствии с частью I статьи 126 Конституции АР, судьями могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательными правами, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет [157]. Эта норма распространяет свое действие на судей как судов общей юрисдикции, так и Конституционного Суда (см. ч. 1 ст. 11 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» [247]). В предыдущем разделе было высказано предложение о необходимости разграничения требований к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР и судов общей юрисдикции АР. Соответствующие предложения будут сформулированы по итогам рассмотрения текущих требований к судьям Конституционного Суда АР. При этом будет учтено мнение Н. Д. Савенко о том, что «при подборе кандидатур на эту должность (судей Конституционного Суда – Дж. Г.) нельзя пренебрегать критериями подбора профессиональных судей органов иных судебных юрисдикций» [312].

Следует отметить, что вопрос возрастного ценза для судей Конституционного Суда АР пока не нашел своего широкого освещения в юридической литературе. Чаще всего речь о нем идет в контексте констатации факта наличия требований, установленных для судей в Конституции.

При изучении требований к судьям органов конституционной юрисдикции привлекает внимание то, что традиционно в постсоветских государствах квалификационные требования к их возрасту и стажу работы более высокие, чем к возрасту и стажу работы судей судов общей юрисдикции. Например, Конституция Украины в ст. 148 и Закон Украины «О Конституционном Суде Украины» в ст. 16 предусматривают необходимость достижения 40-летнего возраста на день назначения [162;293]. А ст. 127 Конституции Украины в отношении судей судов общей юрисдикции устанавливает минимальный возраст в 30 лет [162].

Ю. В. Владимирова, исследуя значение возраста в трудовом праве, отметила, что «с позиции трудового права, возраст – это определенный жизненный факт, представляющий собой усреднено-определенный и нормативно зафиксированный этап развития личности, с наступлением которого нормы права связывают возникновение тех или иных юридических последствий: правосубъектности, прав, обязанностей и ответственности» [54, с. 16]. Также она связала понятие «возраст» с понятием «трудоспособность» (способность к труду) – такое состояние организма, при котором совокупность физических и духовных возможностей позволяет выполнять ему работу определенного объема и качества [54, с. 13]), и обосновала, что проблемы возраста работника связаны с таким основным принципом трудового права, как принцип единства и дифференциации [54, с. 3]. При анализе требований, выдвигаемых к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР, возникает проблема минимального и предельного возраста для занятия этих должностей.

В АР конституционная норма в отношении возраста и других требований к кандидатуре судьи является единой для судей как судов общей юрисдикции, так и Конституционного Суда АР. Как уже упоминалось, в соответствии с частью I статьи 126 Конституции АР, судьями могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательными правами, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической

специальности не менее 5 лет [157]. Активное и пассивное избирательное право в АР наступает с 18 лет, если лицо не признано в судебном порядке недееспособным.

Возраст 18 лет характеризует наступление совершеннолетия, а также наступление полной дееспособности в большинстве отраслей права. По мнению О. В. Бутько, именно этот возраст выбран на основании «исторического опыта» и знаменует собой окончание детского этапа жизни человека. По ее мнению, «особенностью детского этапа жизни человека следует считать отсутствие достаточного энергетического потенциала, объема сил и знаний, процесс накопления которых и требует соответствующих возрастных границ. Совершеннолетие наступает, когда необходимый для полного самостоятельного существования энергетический и информационный объем достигнут» [45, с. 19].

Вопрос о наличии взаимосвязи между возрастными критериями, устанавливаемыми для главы государства в республиках и для судей органа конституционного контроля, пока не нашел своего решения в литературе. Фактически ему уделила внимание лишь Л. В. Шеломанова, которая в своем диссертационном исследовании сравнивает минимальный возраст назначения на должность судьи конституционного суда с минимальным возрастом, с наступлением которого можно претендовать на пост главы государства. Она пишет о нелогичности ситуации, в которой на должность Президента можно претендовать с более раннего возраста, чем на должность судьи конституционного суда: «Это выглядит особенно странно с учетом соотношения единоличной и коллегиальной форм осуществления публичной власти. Президент – единоличный орган. Конституционный Суд – коллегиальный орган. Степень личной ответственности главы государства за принимаемые решения значительно выше, чем судей Конституционного Суда. Поэтому … нижний возрастной предел для замещения должности судьи Конституционного Суда должен быть, по крайней мере, не большим, чем для Президента страны» [387, с. 109].

Следует подчеркнуть, что «паритет» между требованиями к кандидату в Президенты АР и требованиями к кандидату на должность судьи Конституционного Суда АР в части минимального возраста занятия должности соблюден. В соответствии со ст. 100 Основного Закона АР «Требования к кандидатам в Президенты Азербайджанской Республики», Президентом Азербайджанской Республики может быть избран гражданин Азербайджанской Республики, постоянно проживающий на территории Азербайджанской Республики свыше 10 лет, обладающий избирательным правом, в том числе не судимый за тяжкое преступление, не имеющий обязательств перед другими государствами, с высшим образованием, без двойного гражданства [157]. Итак, и в случае с кандидатами на должность Президента, и в случае с кандидатами на должности судей Конституционного Суда АР указание на минимальный возраст занятия должностей является опосредованным (наличие избирательного права и высшего образования).

Применительно к АР можно провести параллели и в том случае, когда речь идет о наличии взаимосвязи между предельными возрастными критериями, устанавливаемыми для главы государства в республиках, и для судей органа конституционного контроля.

Следует различать предельный возраст занятия должности и предельный возраст нахождения на должности. Предельный возраст занятия должности представляет собой требование к кандидату, вопрос назначения (избрания) которого на должность лишь рассматривается. Наряду с иными квалификационными требованиями, для такого кандидата может быть установлен не только минимальный, но и предельный (максимальный) возраст. Предельный возраст нахождения на должности отличается от предельного возраста занятия должности тем, что соответствующее требование адресуется не кандидату на должность судьи, а судье конституционного суда. Однако при подборе кандидатов на должность судьи на возраст обращается особое внимание. В АР по отношению к Конституционному Суду, и в ЕС по отношению к Суду ЕС не устанавливается предельный возраст занятия

должности. Применительно к Конституционному Суду АР, однако, следует учитывать, что «предельный возрастной ценз пребывания на должности судьи Конституционного Суда составляет 70 лет», хотя «судья Конституционного Суда, достигший 70-летнего возраста, продолжает исполнять свои обязанности до назначения нового судьи Конституционного Суда» [247].

Кроме возраста, ч. I ст. 126 Основного Закона АР предусматривает необходимость наличия у кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР высшего юридического образования и стажа работы по юридической специальности не менее 5 лет [157]. Существование образовательного ценза и ценза, связанного со стажем работы, представляется уместным для молодого демократического государства, которым является АР.

В связи с вышеизложенным Конституцию АР рекомендуется дополнить статьей 133-2 в следующей редакции:

«Статья 133-2. Состав Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

Конституционный Суд Азербайджанской Республики состоит из 9 судей. Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики избираются Милли Меджлисом Азербайджанской Республики по представлению Президента Азербайджанской Республики».

Соответственно, в Законе АР «О Конституционном Суде» ч. 6.1 ст. 6 «Состав и организация Конституционного Суда» и ч. 12.1 ст. 12 «Формирование Конституционного Суда» рекомендуется изложить в следующей редакции:

I. 6.1. В соответствии со статьей 133-2 Конституции Азербайджанской Республики Конституционный Суд состоит из 9 судей».

II. «12.1. В соответствии со статьей 133-2 Конституции Азербайджанской Республики судей Конституционного Суда избирает Милли Меджлис Азербайджанской Республики по представлению Президента Азербайджанской Республики».

В контексте рассмотрения такого требования к судье Конституционного Суда АР, как стаж работы по юридической специальности, следует отметить, что оно характерно преимущественно для постсоветских государств. Изучая правовой статус судьи в СССР, М. И. Мумлева пришла к выводу, что «в период с 1922 до 1941 г. в основу квалификационных требований к судьям законодатель впервые закладывает не просто принцип обязательности труда, но и вводит такое понятие, как «стаж работы» в органах советской юстиции или в соответствующих административных государственных органах» [218, с. 12]. По ее мнению, это «свидетельствует о стремлении законодателя к формированию состава … судей исходя из квалификации и профессионализма кандидатов на должность судей» [219, с. 21].

Существование в АР требований о необходимости как определенного стажа работы по юридической специальности, так и высшего юридического образования следует считать положительным фактором, т. к. они «повышают» возраст, начиная с которого можно претендовать на должность судьи Конституционного Суда АР. Несмотря на то, что избирательное право у лица появляется с 18 лет, крайне маловероятно к 18 лет получить высшее юридическое образование и приобрести необходимый стаж работы по юридической специальности.

В настоящее время Основной Закон АР предусматривает необходимость наличия пятилетнего стажа работы по юридической специальности как для судей судов общей юрисдикций, так и для судей Конституционного Суда. С целью более четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции следует рекомендовать повысить стаж работы по юридической специальности, необходимый для занятия должности судьи Конституционного Суда АР. Изучение опыта молодых демократий в этой сфере дает основание констатировать, что наиболее часто встречаются такие требования к стажу кандидатов на должности судей органов конституционного контроля, как 10 лет и 15 лет.

В частности, Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает в ст. 8 в качестве одного из требований к кандидату на должность судьи Конституционного Суда стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет [246]. Статья 148 Конституции Украины содержит норму о необходимости наличия 15-летнего стажа профессиональной деятельности в сфере права для кандидатов на аналогичную должность [162]. Комментируя это положение ст. 148 Конституции Украины, эксперты Венецианской комиссии отметили: «Требование наличия 15-летнего профессионального опыта влечет за собой риск полного исключения более молодых судей из Конституционного Суда. Это может быть определяющим, особенно в молодых демократиях» [440, с. 13]. Также не нашло поддержки экспертов Венецианской комиссии предложение ввести 12-летний стаж работы для кандидатов в судьи Конституционного Суда Румынии [445, с. 4]. С учетом вышеизложенного установление в АР для кандидатов на должности судей органа конституционного контроля 15-летнего, и даже 12-летнего стажа работы по юридической специальности вряд ли будет уместным. Поэтому представляется целесообразным увеличение требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР в части стажа работы по юридической специальности до 10 лет. В настоящее время десятилетний стаж работы по юридической специальности как обязательное требование к кандидатам на должности судей органа конституционного контроля установлен в Латвии, Литве, Таджикистане и др. странах, и его введение пока не вызывало критики экспертов Венецианской комиссии.

В Разделе 2 было сформулировано предложение о дополнении Основного Закона АР Главой VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики». Одну из статей этой Главы целесообразно посвятить требованиям к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 133-3. Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Судьями Конституционного Суда Азербайджанской Республики могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет».

Предложенное дополнение будет являться составной частью изменений и дополнений в Конституцию, способствующих усилению разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР.

Соответствующие изменения следует внести и в Закон АР «О Конституционном Суде», изложив ч. 11.1. ст. 11 «Требования к судьям Конституционного Суда» в следующей редакции:

«11.1. В соответствии с частью I статьи 133-3 Конституции Азербайджанской Республики судьями Конституционного Суда Азербайджанской Республики могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет».

Нормы Основного Закона АР не указывают, стаж работы по какой именно юридической специальности является необходимым. Нет подобных положений и в Законе АР «О Конституционном Суде». При назначении судей Суда ЕС единство подходов также отсутствует. К. В. Энтин отмечает, что «по сложившейся традиции некоторые государства назначают на должности судей профессоров, в то время как другие (Великобритания, Ирландия) предложили на эти места судей, работающих в их внутренних судах, или выдающихся практикующих адвокатов» [395, с. 176]. Таким образом, опыт Суда ЕС подтверждает, что применение принципа равенства ко всем юридическим специальностям представляется демократичным и обоснованным, если речь

идет о возможности претендовать на должность судьи Конституционного Суда АР.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в юридической литературе высказываются самые разнообразные мнения по этому вопросу: ряд исследователей предлагает при формировании органа конституционного правосудия по европейской модели отдавать предпочтение карьерным судьям (т. е. судьям судов общей юрисдикции), а другие – ученым, специализирующимся в сфере конституционного права.

С одной стороны, в пользу того, что при подборе кандидатов на должности судей органов конституционного контроля следует отдавать предпочтение карьерным судьям, высказались такие ученые, как С. Э. Несмеянова [231, с. 102] и Н. Д. Савенко. Последний в качестве аргументации своей позиции отметил, что опыт практической работы в судах общей юрисдикции может быть использован этими лицами и в работе Конституционного Суда [314, с. 55]). Однако такое мнение встречает поддержку далеко не всех исследователей. Анализируя формирование Конституционного Суда Украины, Ю. Кириченко размышляет: «Наделение съезда судей правом назначать судей Конституционного Суда Украины фактически является введением квоты для профессиональных судей общей юрисдикции в составе Конституционного Суда Украины (треть состава). Осуществление правосудия судьями судов общей юрисдикции весьма отличается от деятельности Конституционного Суда Украины, поэтому возникает вопрос, целесообразно ли такое представительство профессиональных судей в составе Конституционного Суда Украины, содействует ли оно обеспечению профессионализма Конституционного Суда Украины?» [126, с. 382]. Этот скептический вопрос Ю. Кириченко следует признать обоснованным.

С другой стороны, продолжая размышлять о том, что карьерные судьи имеют некоторое преимущество перед учеными, если речь идет о занятии должности в органе конституционного контроля, Н. Д. Савенко высказывает

интересную мысль о том, что «профессорам часто присуща бескомпромиссность ученого в отношении своей позиции, уверенность в собственной безошибочности (так называемый синдром «гениальности»), что не идет на пользу коллегиальному решению дел» [312]. Замечание звучит несколько резко, однако полностью отбрасывать его нецелесообразно, учитывая, что Н. Д. Савенко имеет опыт работы не только в судах общей и конституционной юрисдикции, но и в высших учебных заведениях.

Суть рассматриваемого спора весьма убедительно определил К. М. Худолей, одновременно сформулировав свое мнение по этой проблеме. Он считает, что «судьи конституционных … судов рассматривают конституционно-правовые споры, что роднит их с научным анализом, а не обычной правоприменительной деятельностью» [368, с. 77]. Следовательно, те ученые, которые отдают предпочтение включению судей судов общей юрисдикции в состав органа конституционного контроля, убеждены: в деятельности этого органа первичной является правоприменительная деятельность. А исследователи, предлагающие отдавать предпочтение ученым, специализирующимся на конституционном праве, считают: первичным в деятельности органа конституционного контроля является научный анализ поставленной перед ним проблемы. Именно поэтому эксперт Венецианской комиссии Х. Штейнбергер (*H. Steinberger*) предостерегает: «Судьи обычных судов не должны проходить переподготовку и становиться судьями конституционных судов либо рассматривать вопросы конституционного характера, если институт конституционного правосудия появился в стране относительно недавно» [463, с. 27].

В связи с вышеизложенным следует подчеркнуть справедливость отсутствия в Конституции АР и в конкретизирующих ее актах более точных указаний на то, стаж работы по какой именно юридической специальности является необходимым.

В контексте анализа требований к кандидатам на должности судей органа конституционного контроля следует процитировать еще одно

интересное мнение Н. Д. Савенко о том, что «авторитет конституционной юстиции – это отношение к ней общества, которое формируется не только поведением как работающих судей, так и судей в отставке, но и результатами их деятельности. Она должна быть образцом уважения и неуклонного соблюдения Конституции, надежным защитником прав и свобод человека, охранником Основного Закона, осуществления деятельности на основах верховенства права. Спорные правовые вопросы должны рассматриваться объективно и справедливо, независимо от интересов сторон, иных лиц, их правового положения и в разумные сроки» [315, с. 323]. Подавляющее большинство перечисленных автором факторов, при наличии которых органы конституционного контроля пользуются заслуженным авторитетом в обществе, прямо либо косвенно связаны с личностью судьи. В связи с этим интерес представляет такое часто выдвигаемое к судьям органов конституционного контроля требование, как «безупречная репутация». В частности, оно применяется в Литве, Российской Федерации, др. странах.

С одной стороны, прав Е. А. Мартынов, утверждая, что «от судьи граждане ожидают не только знания закона, но и порядочности, честности, вдумчивости, уравновешенности, объективности и неподкупности. И поэтому личностные качества претендента на должность судьи должны быть в центре внимания при отборе кандидата на должность судьи» [196]. Н. В. Витрук отмечал, что «кандидат в конституционные судьи должен обладать высокими нравственными качествами, незапятнанной репутацией, быть честным и достойным человеком и гражданином. Хотя это требование весьма расплывчатое, оно естественно и необходимо для поддержания авторитета судьи. Решения конституционного суда покоятся не только на силе закона, но и на авторитете его судей» [50, с. 197].

С другой стороны, требование «безупречной репутации» является слишком абстрактным. В нем явно недостает конкретности, если сравнивать его с требованиями о возрасте, опыте работы, др. Тем не менее полагаться лишь на «статистические» показатели в отношении той или иной кандидатуры

вряд ли целесообразно, ведь «формирование органов конституционной юстиции означает не просто формальное комплектование судьями, которые отвечают установленным требованиям, а судьями, способными самостоятельно, независимо, непредвзято осуществлять конституционное правосудие, обеспечивать верховенство Конституции в национальной правовой системе. Поэтому эффективность деятельности конституционной юстиции в значительной мере зависит от подбора кандидатур на должность судьи» [312]. И. И. Ишутин присоединяется к мнению о том, что требование о безупречности репутации кандидата на должность судьи органа конституционного контроля является оценочным и субъективным, поэтому предпочтительнее вести речь о том, что кандидат не совершал порочащих его поступков [116, с. 47]. Однако понятие «порочащие поступки» также является оценочным и субъективным.

Итак, закрепить анализируемые требования в действующем законодательстве можно, лишь используя достаточно оценочные критерии. В настоящее время для кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР и Суда ЕС они не установлены, однако установлены для судей этих органов. Для судей Конституционного Суда АР с этой точки зрения важным является Внутренний устав, а для судей Суда ЕС – Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза (далее – Статут Суда ЕС). Статут Суда ЕС предусматривает в качестве одного из оснований прекращения судейских полномочий тот факт, что судья «перестал отвечать требуемым условиям или соответствовать обязанностям, вытекающим из его поста» [298] (в т. ч. и по этическим требованиям). Следует отметить несомненную целесообразность учета анализируемых требований к кандидатам на должности судей органов конституционного контроля и в то же время проблематичность их четкого недвусмысленного закрепления в правовых нормах.

Справедливость отсутствия в Конституции АР такого требования к кандидату на должность судьи, как безупречная репутация, подтверждает опыт

Суда ЕС. При его формировании на этапе отбора каждая кандидатура оценивается Комитетом экспертов (детальнее об этом речь пойдет в подразделе 3.3).

3. 2. Порядок формирования Конституционного Суда АР

Одним из элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР является порядок его формирования.

Обобщая практику формирования органов конституционного контроля, эксперты Венецианской комиссии предложили классификацию, в соответствии с которой выделили две основные системы формирования органов конституционного контроля и третью гибридную, представляющую собой комбинацию первой и второй. Первая система формирования органов конституционного контроля предусматривает прямое назначение судей. Такая практика используется Кипром, Данией, Финляндией, Исландией и др. государствами. Вторая система представляет собой выборы судей. В настоящее время она применяется в таких государствах, как Азербайджан, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия и др. Гибридная система практикуется в Албании, Бельгии, Румынии, Испании и др. [466, с. 4-5].

Порядок формирования Конституционного Суда АР закреплен в Основном Законе: в соответствии с ч. 2 ст. 130 судей Конституционного Суда избирает Милли Меджлис по представлению Президента. Состав Конституционного Суда АР – 9 судей. После избрания не менее 7 судей Конституционный Суд может приступить к исполнению своих полномочий [157].

Порядок формирования Суда ЕС предусмотрен Договором о Европейском Союзе и Договором о функционировании Европейского Союза. В настоящее время Суд ЕС состоит из 28 судей – по одному от каждого государства – члена ЕС.

Как уже упоминалось, единых требований для кандидатов на должность судьи Суда ЕС не устанавливается – этот вопрос решается каждым государством-членом ЕС исходя из национального законодательства. В частности, ст. 19 Договора о Европейском Союзе предусматривает, что «в состав Суда входят по одному судье от каждого государства-члена… Судьи … отбираются из числа лиц, обеспечивающих любые гарантии своей независимости и отвечающих условиям, предусмотренным в статьях 253 и 254 Договора о функционировании Европейского Союза. Они назначаются по общему согласию правительствами государств-членов на 6 лет. Судьи…, чьи полномочия истекли, могут быть назначены вновь» [91].

Договор о функционировании Европейского Союза повторяет эти положения в ст. 253, конкретизируя их, а именно: «Судьи…, отбираемые из числа лиц, обеспечивающих любые гарантии своей независимости, которые отвечают условиям, требуемым для занятия высших судебных должностей в своих странах, или являются знатоками права с общепризнанной компетентностью, назначаются по общему согласию правительствами государств-членов на шесть лет после консультации с комитетом, предусмотренным в статье 255. Частичное обновление состава судей … происходит каждые три года на условиях, предусмотренных Статутом Суда Европейского Союза» [92].

Процедура назначения происходит в три этапа:

1) государство – член ЕС предлагает кандидатуру на должность судьи в Суд ЕС;

2) Комитет экспертов рассматривает эту кандидатуру и дает свое рекомендательное заключение (однако это не означает, что любая предложенная государством – членом ЕС кандидатура будет поддержана);

3) после вынесения заключения судьи «назначаются по общему согласию правительствами государств-членов на шесть лет» [92]. М. В. Кривова отмечает: «Как показывает практика, каждое государство – член ЕС заинтересовано в назначении выдвинутой им кандидатуры и не уделяет

внимания изучению квалификации и послужного списка кандидатур, выдвинутых другими государствами-членами. Поэтому чаще всего судьи назначаются единогласно или большинством голосов, а государства-члены предпочитают не вовлекать другие институты ЕС в процедуру назначения судей» [171, с. 35].

Таким образом, для формирования Конституционного Суда АР используется система выборов, а для формирования Суда ЕС – система прямого назначения.

Если рассматривать процедуру создания анализируемых органов, то АР и ЕС в некотором роде объединяет несоблюдение рекомендаций ученых о том, чтобы в формировании органа конституционного контроля участвовали все ветви власти (применительно к ЕС – все основные институты).

Характеризуя типичный орган конституционного контроля, созданный в соответствии с европейской моделью, исследователи отмечают, что «обычно он формируется при участии разных ветвей власти (законодательной – парламента, исполнительной – президента), а также судейского корпуса (высшего совета магистратуры или аналогичных органов судебного руководства)» [144, с. 52]. И. В. Гордеев предлагает осуществлять формирование судейского корпуса органа конституционного контроля всеми ветвями власти в целях обеспечения политической нейтральности института [73, с. 151]. А. А. Клишас подчеркивает важность того, чтобы «максимальным образом не только исключить превалирование какой-либо ветви власти, но и избежать односторонней ориентации участников конституционного контроля» [134, с. 148]. А Н. В. Витрук считал формирование органов конституционного контроля в равных пропорциях тремя ветвями власти (главой государства, парламентом и высшими судебными инстанциями и (или) судейским сообществом) положительной тенденцией. По его мнению, в постсоветских государствах это в большей степени обеспечивает сбалансированность их состава и отвечает принципу разделения властей [50, с. 192]. К этой точке зрения присоединяется и К. М. Худолей, который отметил, что «при

назначении судей конституционных судов должен быть использован порядок, обеспечивающий баланс ветвей государственной власти» [368, с. 75]. Характеризуя Конституционный Суд Украины, А. А. Стрижак отметил, что он «формируется тремя органами государственной власти – Верховной Радой, Президентом и съездом судей по равной квоте. Априори такая система была введена как необходимое условие предотвращения чрезмерного влияния одного института власти на формирование состава органа конституционной юрисдикции» [336, с. 35].

В юридической литературе существуют и иные мнения. В частности, С. Мищенко пишет: «Судьи должны избираться специальным органом, равно отдаленным от законодательной и исполнительной ветвей власти. Самое главное, чтобы при избрании судей не применялся «принцип вассалитета», который существенно снижает гарантии независимости и вносит нестабильность в работу» [215, с. 312-313]. Следует отметить, что подобные рекомендации формулируются значительно реже противоположных.

Нередко высказываются замечания о том, что Суд ЕС формируется без участия каких бы то ни было органов ЕС. Например, в качестве одного из недостатков процедуры формирования Суда ЕС М. В. Кривова отметила то, что «Европейский парламент неоднократно пытался получить право участвовать в процедуре подбора кандидатур и назначения судей в Суд ЕС» [171, с. 36].

На наш взгляд, в этом проявляется демократический характер межгосударственных отношений в рамках Европейского Союза. Кроме того, на уровне конкретного государства – члена ЕС происходит определенный «политический» отбор, в котором участвуют, как правило, несколько органов государственной власти. К тому же, именно М. В. Кривова в своей работе отметила, что «принципы, положенные в основу формирования Суда ЕС, отражают природу Европейских сообществ и отвечают потребностям интеграционного правопорядка, обеспечивая легитимность и признание обязательной силы решений Суда на территории государств – членов ЕС» [170,

с. 10]. Аналогичную аргументацию можно привести и в отношении АР. Следовательно, вряд ли вся процедура назначения судей Конституционного Суда АР нуждается в комплексном усовершенствовании.

Еще один вопрос, который, за некоторыми исключениями, одинаково решается применительно к Конституционному Суду АР и к Суду ЕС, – это вопрос продления полномочий судьи, чей срок пребывания на должности истек, до тех пор, пока не будет назначен судья, его (ее) замещающий. Таким образом, ни в ЕС, ни в АР при формировании анализируемых органов субъекты их формирования не связаны какими-либо сроками назначения новых судей. Таким образом, подбор кандидатов на должности судей как Конституционного Суда АР, так и Суда ЕС не отягощен никакими временными рамками.

В АР со сроком полномочий судей органа конституционного контроля тесно связаны вопросы отсутствия возможности повторного избрания на должность (избираются сроком на 15 лет без права повторного избрания, в отличие от судей Суда ЕС, назначаемых на должность на 6 лет с правом повторного назначения), а также предельного возраста пребывания на должности (предельный возраст нахождения на должности в АР ограничен 70 годами, что нивелирует опасность чрезмерного старения персонального состава Суда, а для судей Суда ЕС не устанавливается).

Анализируя отношение юридической общественности к 6-летнему сроку полномочий судей Суда ЕСЮ, следует отметить, что этот срок иногда оценивается как слишком короткий. Ю. М. Орлова отмечает, что, по ее мнению, «срок полномочий членов Суда ЕС является в высшей степени недостаточным для обеспечения эффективной работы последнего, так как не позволяет в полной мере интенсивно, результативно и прогрессивно использовать квалификацию судей и накопленный ими практический опыт судебной деятельности. Ввиду вышеизложенного и с целью того, чтобы добиться устранения указанных негативных обстоятельств, срок полномочий членов Суда ЕС необходимо продлить до 9-12 лет без возможности его

возобновления» [269, с. 9-10]. Это мнение было высказано в автореферате ее диссертации, а в самой работе Ю. М. Орлова его несколько детализирует, перечисляя причины продления срока полномочий: «Они, во-первых, как правило, накопив значительный практический опыт, становятся еще более квалифицированными, а значит, успешнее могут сокращать сроки разбирательства поданных исков, и, во-вторых, очевидно, что в этом случае они становятся более независимыми» [270, с. 28]. По мнению М. В. Кривовой, достаточно непродолжительный срок нахождения судей Суда ЕС в должности и его возможное влияние на их независимость нивелируется такими факторами, как запрет особых мнений и возможность переизбрания [171, с. 41]. Следует согласиться с этим утверждением, а также отметить, что компетенция Суда ЕС не ограничивается только осуществлением конституционного контроля, а значит, к нему лишь отчасти применимы те выводы и рекомендации, которые разработаны для специализированных органов конституционного контроля.

По поводу органов конституционного контроля эксперты Венецианской комиссии размышляют: «Пожизненное назначение судей или фиксированный срок нахождения на должности? Поскольку пожизненное назначение (как в Верховном Суде США) несет опасность чрезмерного старения персонального состава органа конституционного контроля, судьи должны назначаться на фиксированный срок» [463, с. 42]. Следует отметить, что в отношении Конституционного Суда АР отсутствие пожизненного избрания судей на должности является скорее недостатком, нежели достоинством.

Основное преимущество пожизненного пребывания в должности судей органов конституционного контроля – это, без сомнения, повышение уровня независимости этих лиц. Еще одним аргументом в пользу введения пожизненного назначения судей органа конституционного контроля в тех странах, где он включен в судебную ветвь власти (как в АР), является существование пожизненного назначения на должности судей судов общей юрисдикции. В таком случае имеет место установление одинаковых основ

правового статуса судей судов как общей, так и конституционной юрисдикции. А Н. Шукюров считает, что именно «полномочие судей в защите конституционных норм обуславливает и обосновывает пожизненное назначение судей Верховного Суда в США» [465, с. 47].

В юридической литературе многие авторы не соглашаются с целесообразностью пожизненного нахождения на должности судьи органа конституционного контроля, функционирующего в соответствии с европейской моделью. Например, Л. С. Бейкер (*L.C. Backer*) указала, что пожизненное назначение судей имеет большое значение и является одной из основных характеристик англо-американской модели конституционного контроля. Одновременно она подчеркнула, что «эта модель, влиятельная и стабильная, чрезвычайно зависима от культурного контекста семьи общего права и в результате может быть эффективно использована лишь в некоторых государствах, которые не относятся к этой правовой семье» [402, с. 3].

Тем не менее назначение судей на должность пожизненно не является чертой, присущей исключительно органам конституционного контроля, созданным в соответствии с американской моделью. Следует согласиться с Т. А. Николаевой, которая отметила: «Почти во всех странах, в которых существует европейская система контроля, отсутствует пожизненное назначение, характерное для судей обычной юрисдикции» [234, с. 23], сформулировав таким образом правило, из которого возможны исключения.

По поводу рассматриваемого вопроса С. Э. Несмеянова рассуждает так: «Установление срока пребывания в … должности необходимо. Думается, что пожизненное избрание, хотя и с указанием предельного возраста, не оправдано. Совершенно очевидно, что избрание высших государственных органов, в том числе и конституционного суда, с указанием срока – более демократичный путь формирования государственных органов» [231, с. 103]. Однако вряд ли пожизненное назначение судей можно рассматривать как «недемократичный путь формирования государственных органов», или даже «менее демократичный путь формирования государственных органов»,

учитывая его одобрение Венецианской комиссией и другими международными организациями, а также опираясь на практику зарубежных стран в части формирования органов конституционного контроля и на национальную практику в части формирования кадрового состава судов общей юрисдикции.

К преимуществам ограниченного по времени пребывания в должности судей органов конституционного контроля А. А. Клишас относит то, что «срочный характер деятельности судей, осуществляющих конституционный контроль, способствует привлечению к реализации соответствующих функций, направленных на защиту Основного Закона, тех людей, которые отражают господствующие или превалирующие – на тот момент – в общественном сознании взгляды на процессы конституционного и государственного развития. В этом видится одна из принципиальных особенностей статуса тех членов судейского корпуса, которые, в отличие от представителей североамериканской судебной системы, действующих пожизненно…, вправе быть «носителями» конституционно-контрольных прерогатив лишь в течение строго определенного срока. При этом тот факт, что соответствующий судья является членом органа конституционного контроля на … «срочной основе» … не оказывает какого-то существенного, более того – определяющего воздействия на его независимость» [134, с. 146]. Тем не менее, сосредоточившись на преимуществах ограниченного по времени пребывания в должности судей органов конституционного контроля, автор не анализирует его недостатки: ограниченное по времени пребывание в должности судей органов конституционного контроля лишает этот орган стабильности, делает его легко подверженным изменениям политической ситуации в стране.

Сложно согласиться с сознательным допуском такого влияния на единственный орган конституционного контроля в государстве, напротив, ученые стремятся сформулировать рекомендации по его предотвращению. Например, Н. В. Витрук считал логичным и справедливым, что «сроки полномочий конституционных судей, как правило, превышают сроки полномочий глав государств, депутатов парламента, что обеспечивает

известный «консерватизм» в действиях судебной власти, стабильность конституционного строя» [50, с. 202]. По мнению М. В. Кривовой, такой подход свидетельствует об особом внимании к вопросу обеспечения независимости судей (см. [171, с. 40]). К аналогичному заключению пришли и эксперты Венецианской комиссии, рекомендуя назначать судей органа конституционного контроля на длительные сроки [466]. А пожизненное назначение как раз и способствует тому, чтобы судьи органа конституционного контроля занимали свои должности в течение как можно более длительного срока.

В юридической литературе в настоящее время не существует единого мнения по вопросу оптимальности назначения судей конституционных судов на повторный срок (как уже упоминалось, вопрос возможности назначения на повторный срок в АР применительно к Конституционному Суду и в ЕС применительно к Суду ЕС решается по-разному: судьи Конституционного Суда АР не могут избираться на второй срок, в отличие от судей Суда ЕС).

В частности, К. М. Худолей считает, что назначение судей органа конституционного контроля на повторный срок будет противоречить принципу их независимости, т. к. может поставить их в зависимость от тех органов, которые их назначают или избирают [368, с. 75]. К этому мнению присоединяется и Н. Д. Савенко, отмечая, что «назначение судей на повторный, даже неполный срок… усилит зависимость судей от органов, которые их назначили, а также и руководства конституционного суда…, которое может влиять на их назначение путем ходатайства, характеристики деятельности и пр.» [311, с. 80]. Эксперты Венецианской комиссии высказали аналогичное мнение по этому поводу в адрес Латвии [435]. Кроме того, Президент Венецианской комиссии Дж. Букикьо (*G. Buquicchio*) отметил: «Почти везде судьи конституционных судов избираются, выдвигаются или назначаются политическими органами, и очень часто политики ожидают от судей того, что они «будут вести себя надлежащим образом» и будут принимать решения, отвечающие их политическим интересам. Однако каждый

судья должен иметь так называемую обязанность неблагодарности к органу, который его назначил. Судьи не должны быть признательными, судьи не должны оправдывать эти ожидания, они должны выносить решения исключительно на основе Конституции и ее принципов» [43, с. 227]. Именно для гарантирования такого отношения судей к возложенной на них миссии следует рекомендовать пожизненное нахождение на должности судей Конституционного Суда АР.

С другой стороны, противники однократного назначения (избрания) на должности судей органа конституционного контроля рассуждают так: «Правильно ли, что избираем судью на один срок, а когда он приобрел уникальный опыт конституционного судопроизводства, отправляем его, еще вполне трудоспособного, на пенсию? Вместе с тем все другие судьи избираются на должность пожизненно» [181, с. 224]. Под «всеми другими судьями», очевидно, имеются в виду судьи судов общей юрисдикции. С этим выводом сложно не согласиться. Следует отметить, что аргументы, приводимые учеными в поддержку целесообразности назначения судей органов конституционного контроля на повторный срок, могут быть отчасти использованы и для обоснования преимуществ пожизненного их пребывания на должности.

Наконец, при сравнении порядка формирования Конституционного Суда АР и Суда ЕС привлекает внимание отсутствие установленного применительно к судьям последнего предельного срока нахождения на должности. Для судей Конституционного Суда АР он составляет 70 лет. Следует отметить, что в отношении максимального возраста судей органов конституционного контроля в настоящее время не существует единой или преобладающей практики. Согласно данным Венецианской комиссии, в ряде стран максимальный возраст не устанавливается (Албания, Болгария, Чехия, Франция, Грузия, Италия, Лихтенштейн, Литва, Польша, Португалия, Македония и др.). В государствах же, где максимальный возраст закреплен в законодательстве, показатель варьируется от 65 лет (Мальта, Турция) до 75 лет (Аргентина, Канада) [466].

Неоднозначное решение этого вопроса вызвано тем, что в литературе существует достаточно распространенное мнение: с возрастом у работника ухудшается трудоспособность. При изучении этого вопроса прежде всего привлекает внимание тот факт, что у специалистов отсутствует единство в понимании как того возраста, с которого трудоспособность начинает ухудшаться у единичных работников, так и возраста, с наступлением которого можно констатировать ухудшившуюся трудоспособность подавляющего большинства работников возрастной группы. На наш взгляд, это связано и с тем, что сложно обобщить информацию по пожилым людям, выполняющим достаточно разнообразную работу (как минимум, несравнимы между собой физическая и интеллектуальная работа). Ученые приходят к таким выводам:

- «для наиболее предметного анализа рассматриваемого вопроса, прежде всего, необходимо определиться с самим понятием «пожилой работник». Медицинские, а вслед за ними и социальные науки в настоящий момент предлагают следующую градацию возрастных периодов человека: 40-60 лет – средний возраст; 60-75 лет – пожилой возраст; 75-90 лет – старческий возраст; свыше 90 лет – долгожители» (А. В. Жигачев) [102, с. 60];

- «в возрасте 41-50 лет начинает проявляться комбинированное воздействие процессов старения и профессионально-производственных факторов на организм. Особенно оно выражено в профессиях с неблагоприятными условиями труда» (З. С. Гафаров) [66, с. 54].

Е. В. Киселева, определяя понятие работника старшей возрастной группы, указала несколько иной показатель, обозначив, что «это физическое лицо, состоящее в трудовых отношениях с работодателем, достигшее возраста 50 лет и выше, у которого могут возникать трудности объективного и субъективного характера в сфере труда и занятости» [129, с. 8].

Очевидно, что работа судьи органа конституционного контроля не связана с тяжелыми физическими нагрузками, однако предполагает весьма серьезные нагрузки психологического характера. В связи с этим приведенные аргументы представляются достаточно весомыми.

С другой стороны, высказываются и противоположные мнения. Например, Ю. В. Владимирова отмечает: «В научных исследованиях … все чаще появляется обоснование необходимости увеличения возраста выхода на пенсию. Такая тенденция – следствие происходящих глубинных изменений в экономике, социально-демографических процессов (увеличение численности лиц пенсионного возраста при одновременном снижении численности лиц трудоспособного возраста и т. д.)» [54, с. 127].

Существуют и другие аргументы «за» отмену предельного возраста нахождения на должности, если выполняемая работа связана не с физическим, а с интеллектуальным трудом. А. В. Жигачев отмечает, что «в связи с внедрением во все сферы производства и обслуживания достижений научно-технического прогресса и, как следствие, значительной автоматизацией и компьютеризацией труда целый комплекс должностей и профессий не требует от работника существенных физических, а зачастую и интеллектуальных нагрузок. Благодаря этому лица даже в пожилом возрасте в состоянии успешно справляться со многими видами трудовой деятельности. Во-вторых, возраст далеко не одинаково сказывается на отдельных индивидах… Пожилые люди весьма неоднородны с точки зрения здоровья и трудоспособности, работы и ее мотивов, семьи и социальных связей, жилья и материального уровня жизни, активного и пассивного восприятия окружающего мира» [102, с. 62]. То есть речь уже идет не только о применении общих правил (*de facto* принципа единства) ко всем работникам, но и о необходимости учета особенностей конкретной личности вообще и выполняемой работы в частности (*de facto* принципа дифференциации).

Встречаются и более конкретные разработки, связывающие воедино фактор возраста и выполнение работы интеллектуального характера. Е. В. Киселева в отношении интеллектуального труда пишет, что «профессиональный потенциал как раз нарабатывается с наступлением 50-летнего возраста. Высокий уровень профессионализма, а вместе с тем и нерастраченный богатый потенциал работника в одной профессии, например в

сфере образования, здравоохранения, признается весьма ценным и необходимым в трансляции молодым коллегам» [129, с. 28]. В продолжение аргументации о необходимости применения принципа дифференциации исследователь отмечает: «Традиционно интеллектуальные, физические возможности людей в зрелом возрасте рассматриваются лишь с точки зрения констатации ограничений, а их жизненный и профессиональный опыт зачастую воспринимается как ненужный (устаревший)» [128, с. 1].

Специалисты в сфере конституционного права крайне редко обращались к проблемам возраста лиц, занимающих должности в органах публичной власти. Одним из исключений из этого правила является Н. В. Витрук, который отметил, что «возраст … связан с предположением о состоянии здоровья и нетрудоспособности человека» [50, с. 201], однако не высказывал своей точки зрения о целесообразности наличия либо отсутствия в законодательстве указаний о предельном возрасте пребывания на судейской должности в отношении судей органов конституционного контроля.

Экспертами Венецианской комиссии высказывалась мысль о том, что 70 лет – это обоснованный практическим опытом многих стран предельный возраст нахождения на должности судей конституционных судов [449, с. 10]. Однако большая часть ученых поддерживает не повышение предельного возраста, а его отмену.

Размышления Л. В. Шеломановой о необходимости отказа от практики установления предельного возраста нахождения на должности судьи конституционного суда связаны с личностью Н. В. Витрука. Высказываясь против этого ограничения, автор приводит в пример именно этого конституционалиста, а также В. А. Туманова и других ученых, «покинувших Конституционный Суд РФ в связи с достижением предельного возраста» [387, с. 109].

Еще один специалист в сфере конституционного права, С. Э. Несмеянова, высказалась «за» отмену предельного возраста нахождения на должности для судей конституционных судов, отметив, что «учитывая

характер работы и необходимость наличия высокой квалификации, очевидно, нет необходимости устанавливать возрастной предел» [231, с. 103]. Поддерживая отмену предельного возраста занятия судейской должности в органе конституционного контроля, С. Мищенко связывает его наличие с возможными злоупотреблениями независимостью судей: «Важной конституционной гарантией независимости должна быть отмена возрастного ограничения пребывания на должности судьи Конституционного Суда. Такая практика существует и в некоторых странах Европы, например в Испании. Это позволит сформировать действительно авторитетный и, главное, опытный состав Суда, а также обеспечить беспрерывность его работы» [215, с. 313].

В настоящее время в состав Конституционного Суда АР входит 9 судей в возрасте от 41 до 69 лет; средний возраст Судьи Конституционного Суда АР текущей каденции составляет 58 лет. Судьи находятся на своих должностях сроком от 4 до 18 лет, и в среднем до окончания срока полномочий каждому судье осталось чуть более 8 лет (8 лет и 4 месяца).

Просуммировав средний возраст (58 лет) и средний срок до окончания судейских полномочий (8 лет), получаем средний возраст окончания пребывания судей текущей каденции на должности – 66 лет. Таким образом, повышение предельного возраста нахождения судей на службе в Конституционном Суде АР в настоящее время не является одной из актуальных проблем, решение которой необходимо для дальнейшего усовершенствования конституционного статуса этого органа, особенно с учетом предложения о бессрочном нахождении судей на должности.

В отношении судей Конституционного Суда АР, достигших 70-летнего возраста, действует следующее правило: «В случае не назначения новых судей Конституционного Суда в день истечения срока полномочий судей Конституционного Суда, назначенных до вступления настоящего Закона в силу, последние продолжают исполнение своих полномочий. В этом случае срок их полномочий считается истекшим со дня назначения новых судей Конституционного Суда (независимо от их количества)» [247]. Следует

отметить, что применительно к Конституционному Суду АР Венецианская комиссия полностью одобрила тот факт, что предельным возрастом пребывания судьи на должности является возраст в 70 лет [436, с. 3].

В отношении судей Суда ЕС используется практически аналогичная норма. Часть 3 ст. 5 Статута Суда ЕС закрепляет, что «за исключением случаев применения статьи 6, судья продолжает сохранять свое место до вступления в должность его преемника» [298]. Полномочия судей Суда ЕС могут прекращаться в результате ротации, смерти, вследствие отставки, а также в случае, если судья «перестал отвечать требуемым условиям или соответствовать обязанностям, вытекающим из его поста» [298] (предельного возраста нахождения на должности в Суде ЕС не существует). Статья 6 Статута Суда ЕС закрепляет случай прекращения полномочий судьи, который перестал отвечать требуемым условиям или соответствовать обязанностям, вытекающим из его поста. Этот вопрос решается Судом ЕС путем голосования, в котором не принимает участие лишь заинтересованный судья. В случае принятия положительного решения о прекращении его полномочий единогласно всеми судьями и генеральными адвокатами нет необходимости дожидаться замены этого судьи государством-членом ЕС, которое он представлял. Последняя часть ст. 6 Статута Суда ЕС гласит: «В случае принятия решения об освобождении судьи от своих функций последнее уведомление приводит к появлению вакантного места» [298].

Итак, и в Суде ЕС, и в Конституционном Суде АР прилагаются все усилия для того, чтобы вакантные места не появлялись. По мнению исследователей, это крайне важно для непрерывного функционирования органа конституционного контроля (см., например, [312; 300, с. 15]. Такого же мнения придерживаются эксперты Венецианской комиссии: по их мнению, государство должно приложить все усилия для того, чтобы добиться отсутствия перерывов в деятельности органа конституционного контроля; в документах Венецианской комиссии это состояние получило название «институциональная стабильность» (см. [466; 449, с. 19]).

Отметим, что в Конституционном Суде АР и в Суде ЕС используется один из двух рекомендуемых Венецианской комиссией способов гарантирования институциональной стабильности – продление полномочий судьи до его замены. В случае же возникновения вакантной судейской должности эксперты этой организации рекомендуют прибегнуть к снижению количества голосов, необходимых для кворума, однако такая практика не принята ни в Конституционном Суде АР, ни в Суде ЕС. Это не является недостатком, ведь эти варианты предлагаются как альтернативные, а не как парные. Подтверждение этому находим в положительном заключении экспертов Венецианской комиссии, вынесенном по поводу нормы Закона АР «О Конституционном Суде» в отношении возможности судьи оставаться на должности по достижении 70 лет или по истечении 15-летнего срока полномочий в случае отсутствия назначения новых судей [436, с. 3]. Также следует отметить, что Венецианская комиссия высказала свои опасения по поводу отсутствия рассматриваемого способа обеспечения непрерывности функционирования органа конституционного контроля применительно к Конституционному Суду Украины, а также уточнила, что этот способ неэффективен в случае ухода судьи в отставку, невозможности выполнять свои полномочия по состоянию здоровья или в случае смерти судьи [437]. Согласие с этой позиций высказали Ш. Хюльсхерстер («по крайней мере, такая норма предотвращает ситуации, когда Суд не может принимать решения. Она также способствует более быстрому поиску компромисса» [371, с. 204]) и А. Эндзинш («должны быть закреплены нормы, которыми гарантируется деятельность Суда, независимо от истечения срока полномочий судей и назначения на должность новых лиц… сегодня такой механизм действует в Болгарии, Германии, Латвии, Литве, Португалии и Испании. Такая система предотвращает блокирование деятельности Суда в случае возникновения препятствий в процессе назначения судей. Тем не менее этого недостаточно в случае выхода судьи в отставку по состоянию здоровья или его смерти» [394, с. 207]). По этому поводу И. А. Тимченко уточнил, что «в случае окончания срока назначения судьи, достижения судьей шестидесятипятилетнего возраста, невозможности выполнять свои полномочия по состоянию здоровья,

вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении судьи, прекращения его гражданства, признания судьи без вести пропавшим или объявления умершим, предоставления судьей заявления об отставке или освобождения от должности по собственному желанию Конституционный Суд на своем заседании большинством голосов принимает решение именно о досрочном прекращении полномочий судьи, а не об увольнения его с должности» [349, с. 215-216]. Следует еще раз подчеркнуть, что предложение о пожизненном нахождении на должностях судей Конституционного Суда АР будет способствовать гарантированию институциональной стабильности единственного органа конституционной юрисдикции.

Следует рекомендовать включить в статью 133-3 Конституции АР «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики», которой предлагается дополнить Основной Закон, часть IV следующего содержания: «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики занимают свою должность пожизненно. Предельный возраст нахождения на должности судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики составляет 70 лет».

Завершая рассмотрение порядка формирования Конституционного Суда АР, следует резюмировать, что с точки зрения дальнейшего совершенствования конституционного статуса этого органа целесообразно рекомендовать заимствование опыта формирования Суда ЕС в части предварительного отбора кандидатов Комитетом экспертов.

3.3. Перспективы использования опыта Суда ЕС для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанных с его формированием

Итак, для дальнейшего совершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР целесообразным является заимствование опыта формирования Суда ЕС в части предварительного отбора кандидатов Комитетом экспертов.

Опыт ЕС в части предварительного подбора кандидатов на должности судей Суда ЕС состоит в следующем. Статья 255 Договора о Европейском Союзе закрепляет, что «учреждается комитет с целью давать заключение о пригодности кандидатов для занятия должности судьи … Суда … перед тем, как правительства государств-членов произведут назначения в соответствии со статьями 253 и 254. В состав комитета входят 7 лиц, отбираемых из числа бывших членов Суда и Трибунала, членов верховных национальных судов и юристов с общепризнанной компетентностью, одного из которых предлагает Европейский парламент. Совет принимает решение, устанавливающее правила функционирования данного комитета, а также решение о назначении его членов. Совет постановляет по инициативе Председателя Суда» [91].

Интересным является тот факт, что заключение Комитета носит рекомендательный характер, однако оно всегда воспринимается государствами – членами ЕС как абсолютно обязательное. К. В. Энтин описывает этот конституционный обычай так: «Назначение судей осуществляется путем голосования в Совете по предложению государства-члена. Данная процедура является по большей части формальностью, поскольку государства-члены всегда единогласно поддерживают выбор друг друга. Настоящий контроль соответствия кандидата вышеперечисленным критериям осуществляет на предварительном этапе специальный комитет экспертов. Несмотря на то, что мнение Комитета формально является лишь рекомендательным, государства слишком дорожат своей репутацией, чтобы позволить себе его проигнорировать, и незамедлительно снимают кандидатов, в отношении которых получено отрицательное заключение» [395, с. 63].

Процедура подбора кандидатов на должности судей Конституционного Суда в АР в действующем законодательстве не закреплена. В рамках дальнейшего совершенствования конституционного статуса анализируемого органа представляется целесообразным разработать соответствующие предложения. Рассматриваемый вопрос приобретает особое значение в связи с тем, что, как сформулировано в юридической литературе, «качество работы

органов конституционного контроля всецело зависит от профессионализма лиц, назначаемых на должности в их состав» [28, с. 108].

Нередко специалисты высказывают мнение о необходимости конкурсного отбора кандидатов на должности судей органов конституционного контроля. В частности, А. А. Стрижак отметил, что «процедура отбора кандидата на должность судьи конституционного суда должна проводиться путем конкурсного отбора» [336, с. 37], а Венецианская комиссия считает, что «отбор кандидатов на должности судей путем конкурса должен приветствоваться, как отвечающий лучшему практическому опыту международных и европейских правовых стандартов правосудия» [449, с. 9]. Однако применительно к дальнейшему совершенствованию конституционного статуса Конституционного Суда АР с необходимостью введения для кандидатов на должности судей конкурсного отбора сложно согласиться.

При анализе требований к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР было выявлено, что каждое из них отвечает критериям четкости и однозначности, не является оценочным (на примере невключения в число требований безупречной репутации кандидата). Однако практика зарубежных стран и ЕС свидетельствует о том, что вряд ли целесообразно игнорировать требование безупречной репутации кандидата и иные оценочные требования полностью. Именно они являются ключевыми при вынесении Комитетом экспертов рекомендательного заключения по поводу кандидатур на должности судей Суда ЕС. В связи с этим представляет интерес рецепция практики экспертной оценки кандидатов на должности судей Суда ЕС, которая позволяет учесть как объективные, так и оценочные критерии. Что же касается рекомендуемого некоторыми исследователями конкурсного отбора, то его недостатком является предполагаемое состязание между кандидатами на основе как объективных, так и субъективных критериев (вряд ли можно состязаться в безупречности репутации и т. п.).

Особого внимания заслуживает кадровый состав Комитета экспертов. Как отметил К. В. Энтин, в ЕС «данный комитет, ранее существовавший в

неофициальном качестве при Суде ЕС и состоявший из бывших судей и генеральных адвокатов, получил официальный статус при вступлении в силу Лиссабонского договора. Все семь членов Комитета теперь назначаются Советом ЕС из числа бывших членов Суда ЕС и Суда общей юрисдикции, членов верховных судов государств-членов и известных юристов, один из которых предлагается европейским парламентом (ст. 255 Договора о функционировании ЕС). Можно лишь недоумевать по поводу решения, в результате которого оценивать профессиональную пригодность для работы в Суде ЕС будут люди, никогда там сами не работавшие. И действительно, из назначенных Советом в феврале 2014 г. семи членов комитета лишь один занимал должность судьи ЕС. Создание предусмотренного ст. 255 Договором о функционировании ЕС Комитета не решает и главных проблем – отсутствия транспарентности при назначении кандидатов на национальном уровне, а также при их оценке Комитетом» [395, с. 63]. Следует согласиться с К. В. Энтиным относительно целесообразности включения в Комитет экспертов хотя бы одного лица, имеющего опыт работы в формируемом органе. Однако представляется возможным гарантировать это лишь в случае, если Комитет будет формироваться по должности, а не по назначению.

Формулируя свое мнение об отборе кандидатов на должности судей в органах конституционного контроля, А. А. Цараев высказался в поддержку «селективного отбора в виде отсутствия экономических связей с гражданским обществом в форме предпринимательства и исключения принадлежности к политической сфере» [373, с. 78]. Автор не детализировал свое предложение в части того, кто же может быть экспертами в таком отборе.

В этом отношении более выигрышными являются разработки И. А. Тимченко и Н. Д. Савенко, посвященные перспективам усовершенствования формирования Конституционного Суда Украины (существующая в этой стране процедура также не предусматривает предварительного отбора кандидатов на должности судей, оценку их качеств).

Они заслуживают особого внимания в связи с тем, что оба специалиста являются судьями Конституционного Суда Украины в отставке.

И. А. Тимченко отмечает, что «порядок назначения и увольнения судей Конституционного Суда Украины, на первый взгляд, выглядит демократичным, правда, в меньшей степени для Президента Украины и большей – для парламента. Однако в обоих случаях без внимания законодателя остались весьма существенные моменты: кто, каким образом и в каких формах подбирает кандидатуры; кто их может рекомендовать; какое отношение к этому имеют научно-исследовательские и учебные заведения, признанные научные работники, профессионалы-практики юридического профиля, работающие вне государственных структур, авторитетные представители общественности и т. п. Речь идет о лицах, не заангажированных политическими интересами» [349, с. 213-214]. В этой цитате заслуживают поддержки идеи о необходимости централизованного предварительного отбора кандидатов на должности судей органа конституционного контроля. Однако вряд ли можно согласиться с расставляемыми автором акцентами, т. к. он ставит на первое место научно-исследовательские и учебные заведения. Опять же подобная позиция не всегда будет вызывать единогласную поддержку в связи с тем, что является отражением мнения исследователя по вопросу о том, какая же деятельность органа конституционного контроля является первичной – правоприменительная либо осуществление научного анализа проблемы.

В данном случае очевидно, что И. А. Тимченко исходит из своего убеждения о первичности элементов научного анализа в деятельности Конституционного Суда Украины, т. к. он продолжает: «Право вносить предложения относительно кандидатов, которые могут быть рекомендованы Президенту Украины и Верховной Раде на должности судей, целесообразно было бы предоставить научно-исследовательским и учебным заведениям юридического профиля, Академии правовых наук Украины, признанным научным работникам, авторитетным профессионалам-практикам, общественным объединениям юристов и т. п.» [349, с. 214]. В этой цитате есть

упоминание и о практических работниках, чья деятельность связана преимущественно с правоприменением, однако они расположены в конце списка (авторитетные профессионалы-практики, общественные объединения юристов).

Наконец, И. А. Тимченко считает, что «юридическая общественность (ученые, судьи, преподаватели вузов, работники правоохранительных органов и другие) создает комитет по отбору лучших специалистов-юристов, которые способны работать в Конституционном Суде. Далее пусть исполнительная и судебная ветви власти отклоняют тех, кого они считают необходимым, и составят скорректированный список для утверждения Президентом Украины. Он направляет окончательный вариант (но не менее 25 лиц) в Верховную Раду Украины, которая из этого списка определяется по 18 самым рейтинговым представителям. Выборы таким способом не дадут оснований какой-либо ветви власти, ни одному политику говорить, что тот или иной судья является ее представителем или… влиять на него после выборов» [181, с. 223-224]. Таким образом, И. А. Тимченко является сторонником одинакового участия всех ветвей власти, а также юридической общественности в формировании органа конституционного контроля. Однако он не приводит никаких деталей формирования комитета, в связи с чем это его предложение сложно прокомментировать, а также использовать либо аргументированно отклонить.

Н. Д. Савенко сначала критически оценивает сложившуюся ситуацию: «Конституция наделяет Президента Украины, Парламент, съезд судей Украины правом назначать по шесть судей без установления какой бы то ни было предшествующей процедуры отбора претендентов на эти высокие должности. Указанные органы ограничены только требованиями к судьям Конституционного Суда Украины, установленным в статье 148 Конституции Украины. Государственный орган, уполномоченный принимать решение о назначении на должности судей, должен это делать исключительно на основании профессиональных качеств соответствующих лиц и на основе специальных критериев. Наделение же Парламента, Президента Украины

правом фактически по собственному усмотрению назначать судей Конституционного Суда не гарантирует их политической беспристрастности при принятии этих решений, что крайне отрицательно сказывается на качестве конституционной юрисдикции» [315, с. 381-382].

После этого исследователь формулирует свои предложения, заключающиеся в том, чтобы «изменить порядок назначения и освобождения судей Конституционного Суда Украины, а именно: из субъектов назначения судей Конституционного Суда Украины исключить съезд судей, а право назначать по девять судей Конституционного Суда Украины предоставить Парламенту Украины и Президенту Украины. При этом полномочия Президента Украины и Парламента Украины целесообразно ограничить открытым списком претендентов на должность судей Конституционного Суда Украины. Правом формировать список претендентов предлагается наделить специально созданную комиссию из числа судей Конституционного Суда Украины в отставке и других авторитетных работников, которые по возрасту не могут претендовать на должности судей данного Суда (такая комиссия будет играть роль квалификационной для судей Конституционного Суда Украины). Состав этой комиссии должен был бы утверждаться съездом представителей юридических учебных заведений, научных учреждений и общественных организаций» [315, с. 382-383].

Рассматривая мнение Н. Д. Савенко в отношении состава комиссии, следует согласиться с включением в нее судей органа конституционного контроля в отставке и высказать сожаление по поводу того, что исследователь не сформулировал предложение о кадровом составе комиссии в части «других авторитетных работников» более детально. Что же касается возраста входящих в комиссию лиц, то идея ученого об отсутствии возможного конфликта интересов (включение в комиссию лиц, которые достигли предельного возраста нахождения на судейской должности) заслуживает внимания.

На основании проанализированных мнений исследователей следует предложить создать в АР Комитет экспертов, на который возложить работу по

оценке кандидатов на должность судей Конституционного Суда. Поскольку в настоящее время ведущая роль в подборе кандидатов принадлежит Президенту АР, то этот Комитет целесообразно создать именно при главе государства.

Используя опыт ЕС, следует признать справедливым закрепление за заключениями Комитета экспертов рекомендационного характера. Его состав целесообразно сформировать таким образом, чтобы его члены занимали следующие должности: председатель комитета по правовой политике и государственного строительства Милли Меджлиса АР, Министр Юстиции АР, Председатель Верховного Суда АР, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета. Руководство работой Комитета экспертов следует возложить на лицо, имеющее непосредственный опыт работы в Конституционном Суде АР. С учетом рассмотренных выше предложений целесообразно включить в состав Комитета экспертов в качестве его председателя самого последнего из ушедших на пенсию судей Конституционного Суда АР. В случае, если в силу объективных причин это лицо не сможет выполнять работу по руководству Комитетом, можно обратиться к предпоследнему ушедшему на пенсию судье и т. д. В случае же невозможности замещения поста Председателя Комитета экспертов кандидатами из числа ушедших на пенсию судей Конституционного Суда АР его может возглавить самый старший по возрасту судья Конституционного Суда АР.

Сформированному таким образом Комитету экспертов целесообразно доверить не только оценку кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР (как это происходит в ЕС по отношению к Суду ЕС), а и подбор кандидатур. Ведь Комитет экспертов будет являться органом при Президенте АР.

Комитету экспертов следует поручить оценивать опыт работы кандидата на должность судьи Конституционного Суда АР в т. ч. в контексте знакомства кандидата с конституционным правом. Также для Комитета небезынтересны будут научные и научно-практические печатные работы кандидата.

Представляется, что смоделировать успешность выполнения кандидатом как обязанностей судьи-докладчика, так и одного из членов Конституционного Суда АР можно, изучая его научные и практические идеи и наработки. Если же кандидат не имеет научных и научно-практических публикаций, то некоторое впечатление об уровне его юридической подготовки может дать ознакомление с составленными им либо с его участием правоприменительными актами. Например, если кандидат занимал должность судьи в суде общей юрисдикции, показательными могут быть его решения по делам о правах человека, ведь «на современном этапе центр зависимости и приоритетности повышения эффективности правосудия заключается прежде всего в наличии высоких профессиональных и нравственных качеств судейского корпуса, умении судей быстро и беспристрастно принимать правосудные решения..., опираясь при этом в судебной практике по конкретным делам на действующие правовые позиции и решения Конституционного Суда … и Европейского Суда по правам человека» [184, с. 517]. Наличие в правоприменительных актах, автором которых был кандидат, ссылок на решения Конституционного Суда АР, Европейского Суда по правам человека делает этого кандидата крайне ценным и перспективным.

Изучение работ кандидата как теоретического, так и практического характера позволяет также с высокой степенью вероятности прийти к заключению о том, каково его правосознание. Этому вопросу всегда уделяется особое внимание независимо от существования в стране демократического либо антидемократического режима. Например, в период вхождения Азербайджана в состав СССР акцент делался на то, что «при осуществлении правосудия судьи руководствовались социалистическим правосознанием» [219, с. 199]; тоталитарное государство стремилось к идеологическому однообразию, единству мнений и подходов. В демократических странах акцент переносится на необходимость формирования персонального состава органов конституционного контроля таким образом, чтобы судьи имели различное правосознание, что позволяет кворуму судей рассматривать поставленные

перед ними вопросы с различных точек зрения и в споре выявить истину по делу. Эксперты Венецианской комиссии связывают это с тем, что «демократическое общество обязательно плюралистично – оно представляет собой поле для выражения различных убеждений, будь то философские, этические, социальные, политические, религиозные или правовые убеждения. Орган конституционного контроля должен по своему составу гарантировать защиту интересов различных групп и способствовать общественному плюрализму. Легитимность органа конституционного контроля и степень принятия его обществом может очень сильно зависеть от того, насколько он в своей работе учитывает разнообразные социальные ценности» [449, с. 7].

Правосознание судьи является важным в аспекте его влияния на судейское усмотрение. Как верно отметила А. А. Пивоварова, «судейское усмотрение – это предоставленное законом право судьи выбирать один из вариантов решения по своему убеждению. Убеждение судьи направлено на процесс формирования как процессуального решения по … делу, так и выводов о содержании … правовой нормы и ее применении. Внутреннее убеждение формируется в правосознании, когда оцениваются обстоятельства дела... Правосознание судьи – это вид профессионального правосознания, формируемого в связи и в процессе осуществления правосудия» [281, с. 10].

Однако не только влияние правосознания на судейское усмотрение играет важную роль при подборе кандидатов на должности судей в органах конституционного контроля. Следует учитывать и особую юридическую силу решений этих органов, и в связи с этим важным является то, что «правосознание не только видоизменяется под воздействием реальности и существующей системы правовых норм, оно само является источником права в его как естественном, так и позитивистском понимании. Формируемая правосознанием идеальная правовая модель (идеи, представления, ощущения, образы должного, желаемого права) находит выражение в правовых нормах, реализуемых в обществе» [281, с. 7].

Таким образом, Комитет экспертов может комплексно оценить личность судьи и присущие ему качества. Ведь, по меткому замечанию Ю. М. Грошевого, «в формировании убеждения судьи участвует не только его правосознание. Неотъемлемым компонентом личности судьи являются знания, не связанные непосредственно с отправлением правосудия, а обусловленные его общественно-политической деятельностью, житейским опытом, которые вместе с правосознанием определяют ценностный подход судьи к рассматриваемому … делу» [77, с. 16].

Резюмируя необходимость всестороннего изучения профессионального опыта и правосознания кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР, можно процитировать А. С. Худынцеву, которая верно отметила, что «значение личности судьи определяется не только его деятельностью в составе Суда как коллегиального судебного органа, но и тем весьма весомым индивидуальным вкладом, который вносит каждый судья в дело развития … права и укрепления принципов … правосудия. Сказанное подтверждается, во-первых, потенциалом судьи оказывать решающее значение на исход … спора…, а во-вторых, ролью особого мнения судьи как авторитетного источника формирования доктрины, способной в будущем повлиять на судебную практику» [369, с. 12].

Наличие Комитета экспертов, подбирающего кандидатуры на должность судей Конституционного Суда АР, целесообразно еще и в связи с существованием такого понятия, как «прогнозируемо вакантные должности». Н. Д. Савенко относит к ним случаи окончания срока нахождения на должности и достижение предельного возраста нахождения на должности [312]. Своевременная замена судей органа конституционного контроля, находящихся на таких должностях, крайне важна для обеспечения как кворума, так и континуитета этого органа.

В связи с этим в Закон АР «О Конституционном Суде» следует внести изменения и дополнения, изложив ст. 12 Закона в такой редакции:

«Статья 12. Избрание судей Конституционного Суда.

12.1. Подбор кандидатов на должности судей Конституционного Суда осуществляет Комитет экспертов при Президенте Азербайджанской Республики.

Комитет экспертов возглавляет последний из числа ушедших на пенсию судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики. Также в Комитет экспертов по должности входят Председатель Комитета Правовой политики и государственного строительства Милли Меджлиса АР, Министр Юстиции АР, Председатель Конституционного Суда АР, Заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета.

12.2. В соответствии со статьей 133-2 Конституции Азербайджанской Республики судей Конституционного Суда избирает Милли Меджлис Азербайджанской Республики по представлению Президента Азербайджанской Республики.

12.3. После избрания не менее 7 судей Конституционного Суда Конституционный Суд может приступить к исполнению своих полномочий».

Таким образом, элементы конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанные с его формированием, могут быть усовершенствованы в т. ч. с использованием опыта Суда ЕС.

Выводы по Разделу 3.

1. К элементам конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанным с его формированием, относятся: а) квалификационные требования к кандидатам на должности судей; б) порядок формирования Конституционного Суда АР.

2. При анализе требований к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР доказано, что каждое из требований отвечает критериям четкости и однозначности, не является оценочным. Констатировано, что судьями могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие

избирательными правами, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет. Для более четкого разграничения статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции рекомендовано дополнить Конституцию АР статьей 133-2 следующего содержания:

«Статья 133-2. Состав Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

Конституционный Суд Азербайджанской Республики состоит из 9 судей. Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики избираются Милли Меджлисом Азербайджанской Республики по представлению Президента Азербайджанской Республики».

3. Рекомендовано повысить стаж работы по юридической специальности, необходимый для занятия должности судьи Конституционного Суда АР, с 5 до 10 лет. Предложено дополнить Основной Закон соответствующей нормой:

«Статья 133-3. Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики

I. Судьями Конституционного Суда Азербайджанской Республики могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет».

Сформулированы аналогичные изменения в Закон АР «О Конституционном Суде» - рекомендовано изложить ч. 11.1. ст. 11 «Требования к судьям Конституционного Суда» в следующей редакции: «11.1. В соответствии с частью I статьи 133-3 Конституции Азербайджанской Республики судьями Конституционного Суда Азербайджанской Республики могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет».

4. Рекомендовано отказаться от 15-летнего срока полномочий судей Конституционного Суда АР в пользу пожизненного назначения. Это

предложение аргументировано необходимостью: а) повышения уровня независимости судей Конституционного Суда АР; б) уравнивание их с назначаемыми на должности пожизненно судьями судов общей юрисдикции; в) максимального использования их опыта работы в органе конституционного контроля; г) обеспечением институциональной независимости единственного органа конституционной юрисдикции АР.

5. Констатировано, что для судей Суда ЕС предельный возраст нахождения АР на должности не устанавливается, а для судей Конституционного Суда ограничен 70 годами, что нивелирует опасность чрезмерного старения персонального состава Суда. Аргументировано отсутствие необходимости рецепции опыта Суда ЕС в части предельного возраста нахождения на должности судей единственного органа конституционной юрисдикции АР. При анализе статистических данных о судьях Конституционного Суда АР текущей каденции сделан вывод о том, что средний возраст окончания их пребывания на должности – 66 лет. Таким образом, повышение предельного возраста нахождения судей на службе в Конституционном Суде АР в настоящее время не относится к актуальным проблемам, решение которых необходимо для дальнейшего усовершенствования конституционного статуса этого органа, особенно с учетом предложения о бессрочном нахождении судей на должности. Дополнительным аргументом в пользу этой позиции является норма Закона АР «О Конституционном Суде», в соответствии с которой в отношении судей исследуемого органа, достигших 70-летнего возраста, действует следующее правило: в случае не назначения новых судей Конституционного Суда в день истечения срока полномочий судей Конституционного Суда, назначенных до вступления настоящего Закона в силу, последние продолжают исполнение своих полномочий. В этом случае срок их полномочий считается истекшим со дня назначения новых судей Конституционного Суда (независимо от их количества). Сформулировано предложение дополнить ст. 133-3 Конституции АР «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики» частью IV

следующего содержания: «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики занимают свою должность пожизненно. Предельный возраст нахождения на должности судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики составляет 70 лет».

6. Обоснована целесообразность заимствования опыта формирования Суда ЕС в части предварительного отбора кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР Комитетом экспертов – для учета при предварительном отборе кандидатов на должности судей исследуемого органа таких оценочных требований, как безупречная репутация, др. Кроме того, Комитету экспертов рекомендовано поручить оценку опыта работы кандидата на должность судьи Конституционного Суда АР, в т.ч. в контексте владения навыками практического применения норм конституционного права (рассмотрение научных, научно-практических работ и правоприменительных актов авторства кандидата). Сформулирован вывод о целесообразности создания Комитета экспертов при Президенте АР. Рекомендовано назначить председателем этого Комитета последнего из числа ушедших на пенсию судей Конституционного Суда АР. Кроме того, в состав Комитета экспертов следует включить Председателя Комитета Правовой политики и государственного строительства Милли Меджлиса АР, Министра Юстиции АР, Председателя Конституционного Суда АР, Заведующего кафедрой конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета. Рекомендовано внести соответствующие изменения в ч. 12.1. ст. 12 «Формирование Конституционного Суда», изложив ее в следующей редакции: «Подбор кандидатов на должности судей Конституционного Суда осуществляет Комитет экспертов при Президенте Азербайджанской Республики. Комитет экспертов возглавляет последний из числа ушедших на пенсию судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики. Также в Комитет экспертов по должности входят: председатель Комитета Правовой политики и государственного строительства Милли Меджлиса АР, Министра Юстиции АР, Председатель Конституционного Суда АР, заведующий

кафедрой конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета».

РАЗДЕЛ 4.
ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

4. 1. Правовой статус судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Одним из элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанных с его внутренней структурой, является правовой статус судей этого органа. Ведь, как справедливо отметил Д. С. Сердюков, «судья – это не только высококвалифицированный специалист, но и гарант законности и справедливости. Судьи должны обладать не только профессиональными компетенциями, но и высоким уровнем моральных качеств, ответственности, способностью принимать решения, руководствуясь исключительно требованиями закона» [327, с. 3].

Изучая особенности правового регулирования труда судей, И. И. Ишутин пришел к выводу, что «специфика правового статуса судей заключается в том, что в нем объединены по существу три относительно самостоятельных статуса судьи: конституционно-правовой, административно-правовой, трудоправовой» [116, с. 7]. Однако более убедительной представляется точка зрения тех ученых, которые говорят о правовом статусе судей без конкретизации его отраслевой принадлежности (например, Н. В. Витрук, С. Э. Несмеянова, В. А. Переверзева и др.).

В. А. Переверзева отдает предпочтение не концепции отраслевых статусов судьи, а концепции разноуровневых статусов. Последняя больше отвечает сущности судейской должности. Автор пишет, что понятие «статус судьи» является многоуровневым «с позиции социологических критериев

социальной структуры общества». По ее мнению, эти уровни «основаны на единстве статуса судей, закрепленного законодательно. Первый уровень – это место данной юридической специальности в системе права. Второй – положение судьи в служебной иерархии. Третий уровень – классификационный, который определяется должностью и стажем работы судьи. Четвертый уровень – социально-профессиональный статус судьи в обществе. Он определяется той ролью, которую судья играет в реформировании общественных отношений» [277, с. 11]. В. А. Переверзева не указывает в качестве отдельного уровня вид юрисдикции суда, в котором работает судья. Вероятно, эта характеристика подразумевается ею в контексте третьего уровня – классификационного, «который определяется должностью и стажем работы судьи». Однако более целесообразным было бы расположить ее на первом уровне, учитывая ее важность и значимость.

Справедливость этого уточнения подтверждается изучением юридической литературы. Так, Н. В. Витрук, анализируя статус судьи конституционного суда, отмечал, что он «по отношению к единому статусу судей в государстве является специальным статусом» [50, с. 228]. По мнению В. В. Дмитриева, «особая юридическая природа органов судебного конституционного контроля накладывает свой отпечаток на статус судей конституционных … судов» [89, с. 66]. Изучение работ других авторов (см. ниже) также дает основания для заключения о том, что исследователи предпочитают анализировать не статус судьи вообще, а статус судьи конкретного суда (судов).

В контексте анализа статуса судей, в т. ч. судей органов конституционного контроля, интересным представляется решение Конституционного Суда Украины по делу о независимости судей как составляющей их правового статуса от 1 декабря 2004 г. № 19-рп. Основанием для рассмотрения этого дела стала практическая необходимость в выяснении и официальной интерпретации положений Конституции Украины и действовавшего в тот период Закона Украины «О статусе судей» [359]. В п. 1.1.

Решения независимость судей названа «неотъемлемой составляющей их статуса», а в п. 2.2 неприкосновенность судей именуется «одним из элементов их статуса». Вероятнее всего, в данном случае существительные «составляющая» и «элемент» употребляются как синонимы.

Навряд ли можно согласиться с тем, чтобы считать элементами статуса какого бы то ни было лица, в т. ч. судей, независимость и неприкосновенность, ведь в контексте структуры статуса речь всегда идет о таких более общих и емких понятиях, как «права», «обязанности», «гарантии», «ответственность», но никогда о таких конкретных понятиях, как «неприкосновенность» или «независимость».

Наиболее лаконичную структуру статуса судьи предложила А. С. Худынцева в своей работе «Правовой статус судей Международного Суда ООН». Анализируя правовой статус судей Международного Суда ООН, она пишет, что «структура статуса есть его внутреннее строение и включает три элемента: права, обязанности, ответственность» [369, с. 17].

Дополнительные элементы, которые иногда выделяют в литературе (компетенция, принципы деятельности, порядок назначения и освобождения от должности, гарантии деятельности и другие), по мнению автора, не должны претендовать на значение самостоятельных структурных единиц. «Во-первых, по существу они представляют собой набор в том или ином сочетании прав, обязанностей и ответственности, то есть складываются из базовых элементов статуса. Во-вторых, в их совокупности не прослеживается четкой системы, или, по крайней мере, видимого критерия, без которого рассуждения о такой категории, как «структура», выглядят малообоснованными» [369, с. 17-18]. Рассуждения А. С. Худынцевой убедительны во всем, кроме того, что касается гарантий, – отождествлять гарантии с правами представляется неверным, а к обязанностям гарантии имеют весьма отдаленное отношение. Что же касается особенностей юридической ответственности, предусматриваемых в законодательстве для судей, то их целесообразно анализировать через призму гарантий независимости судей. Таким образом, гарантии независимости

заслуживают рассмотрения в качестве одного из элементов статуса судьи органа конституционного контроля.

Существует еще один аргумент в пользу включения гарантий независимости в состав статуса судей органов конституционного контроля. Он связан с целесообразностью включения в число элементов статуса конкретных должностных лиц наиболее важных характеристик их правового положения[1]. Такой подход был использован при структурировании статуса судей органов конституционного контроля Н. В. Витруком. В его интерпретации наиболее важной характеристикой стали не гарантии независимости, а принципы, выражающие взаимоотношения судьи, общества и государства. Он сформулировал, что «правовой статус судьи конституционного суда включает:

- права, обязанности, запреты («негативные обязанности») лица, избранного или назначенного на эту должность;

- принципы, выражающие взаимоотношения судьи, общества и государства (несменяемость, самостоятельность, независимость, неприкосновенность судьи, равенство прав и обязанностей судей и др.)» [50, с. 227].

Автор продолжает: «Принципы правового статуса судьи имеют двоякое значение. Во-первых, из них вытекают определенные права и обязанности судей, также они опосредуют наличие защищаемых конституцией и законом интересов судей, не охватываемых их правами и обязанностями. Во-вторых, принципы правового статуса одновременно играют роль гарантий его основных элементов – прав и обязанностей судей. К статусу судьи непосредственно примыкают юридические гарантии, обеспечивающие использование прав, исполнение обязанностей и соблюдение запретов. В совокупности правовой статус и его юридические гарантии определяют правовое положение судьи» [50, с. 227]. Таким образом, Н. В. Витрук (как уже было рассмотрено в Разделе 2) использует понятие «правовой статус» как

[1] Для судей органов конституционного контроля таковыми являются не просто гарантии реализации их прав, а гарантии их независимости.

более узкое по сравнению с понятием «правовое положение». По его мнению, применительно к судьям органов конституционного контроля правовое положение должно включать в себя правовой статус и юридические гарантии. Правовой статус судей органов конституционного контроля же, по мнению Н. В. Витрука, состоит из прав, обязанностей, запретов и принципов, выражающих взаимоотношения судьи, общества и государства; последние преимущественно содержат *de facto* гарантии независимости судьи.

Большое внимание гарантиям в структуре статуса судьи уделяет и С. Э. Несмеянова. Анализируя статус судей органов конституционного контроля, автор обосновала, что он «представляет собой совокупность элементов, характеризующих их фактическое положение в системе общественных отношений. К таким элементам следует отнести:

- порядок избрания судей;
- их права и обязанности;
- меры ответственности;
- гарантии прав их деятельности» [231, с. 101].

В ее разработке вызывает возражение предложение рассматривать особенности юридической ответственности судей в качестве самостоятельного элемента, а не как одну из гарантий независимости судей. Кроме того, вряд ли можно согласиться с отнесением к числу элементов статуса судей порядка их избрания (назначения). Как было обосновано в Разделе 2, этот порядок намного более уместно включить в число элементов статуса самого органа конституционного контроля, а не статуса судей этого органа. Важность порядка избрания (назначения) в контексте анализа статуса судей органа конституционного контроля является наибольшей, если рассматривать его в качестве одной из гарантий независимости судей.

Следует резюмировать, что в состав статуса судей Конституционного Суда АР целесообразно включить такие элементы, как права, обязанности и гарантии независимости судей.

Обзор существующих в литературе мнений о статусе судей был бы неполон без упоминания предложенной В. Н. Буробиным модели статуса судьи военного суда. По его мнению, статус судьи военного суда включает следующие элементы:

- права и обязанности, а также порядок их реализации;

- гарантии;

- ответственность (порядок и гарантии при привлечении военных судей к различным видам ответственности);

- порядок наделения судей полномочиями;

- срок их нахождения в должности;

- требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей;

- условия их профессиональной подготовки;

- порядок формирования судейского корпуса;

- продвижения военных судей по службе, взаимоотношения с органами военного командования;

- порядок возникновения, срок действия и прекращения его полномочий, прав и гарантий их осуществления [44, с. 15].

Этому перечню можно адресовать такое же замечание, как и приведенной выше разработке С. Э. Несмеяновой. Кроме того, следует отметить, что некоторые из предложенных В. Н. Буробиным элементов правового статуса судей характерны лишь для судей военных судов: условия профессиональной подготовки, продвижение военных судей по службе, взаимоотношения с органами военного командования. Некоторые же элементы из предложенного перечня представляются важными, однако объективно они перегружают перечень элементов статуса судьи чрезмерными подробностями, при этом не привнося особой новизны. К таким элементам, например, относится порядок возникновения полномочий, ведь крайне редко существуют исключения из правила, в соответствии с которыми полномочия судей начинаются с момента избрания или назначения (как в ЕС по отношению к судьям Суда ЕС) либо после принесения ими присяги (как в АР).

Закон АР «О Конституционном Суде» предусматривает: со дня принесения присяги судья Конституционного Суда считается приступившим к исполнению своих полномочий. В частности, «судья Конституционного Суда в день назначения на должность приносит в заседании Милли Меджлиса Азербайджанской Республики присягу следующего содержания: «Клянусь честно и добросовестно выполнять полномочия судьи Конституционного суда Азербайджанской Республики, защищать верховенство Конституции Азербайджанской Республики, независимо, непредвзято и справедливо решать рассматриваемые мною вопросы» [247]. Н. В. Витрук отметил, что присяга судей органов конституционного контроля «символизирует особый статус конституционного судьи, его повышенную гражданскую и профессиональную ответственность, придает церемонии особую торжественность» [50, с. 198]. Следует отметить, что присяга судьи Конституционного Суда АР полностью отвечает этим характеристикам.

Вопрос правового регулирования статуса судьи органов конституционного контроля решается по-разному, часто в зависимости от сложившихся традиций. Исследуя исторические вопросы, связанные со статусом судей в СССР, Д. С. Севрюков отметил: «Особенностью советской судебной системы … было отсутствие специальных актов, регламентирующих правовой статус судей… Соответствующие нормы аккумулировались в общесоюзном и республиканском законах о судоустройстве, что делало их второстепенными по отношению к другим нормам, регулирующим судебную деятельность» [327, с. 14-15]. Следует не согласиться с этим утверждением, поскольку нецелесообразно рассматривать статус судей более или менее изолированно от статуса органа судебной власти. Следовательно, вряд ли правильно было бы посвящать отдельный нормативно-правовой акт регламентации создания и деятельности органа (органов) судебной власти и отдельный – регламентации статуса судей этого органа (органов). Именно это и подтверждает практика как АР в отношении Конституционного Суда АР, так и ЕС в отношении Суда ЕС.

Основы правового статуса судей Конституционного Суда АР заложены в Основном Законе. Часть II статьи 126 Конституции АР предусматривает, что «судьи не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакого другого оклада, кроме зарплаты, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность» [247]. Непосредственное отношение к статусу судей имеют также ст. 127 «Независимость судей, основные принципы и условия отправления правосудия» и ст. 128 «Неприкосновенность судей».

Эти статьи содержат положения, относящиеся ко всем судьям вообще, т. е. как к судьям судов общей юрисдикции, так и к судьям Конституционного Суда АР. В предыдущих разделах исследования уже акцентировалось, что одновременная регламентация вопросов, касающихся судов общей и конституционной юрисдикции, не способствует четкому разграничению статуса этих органов. Следует рекомендовать устранение этого недостатка путем включения наиболее важных положений о статусе судей Конституционного Суда АР в Главу VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики», которой предложено дополнить Основной Закон АР.

Нормы Основного Закона АР о статусе судей для судей Конституционного Суда АР конкретизированы в Законе АР «О Конституционном Суде». Глава III Закона называется «Статус судей Конституционного Суда» и включает в себя 14 статей (ст. ст. 11 – 24). В частности, это:

- статья 11 «Требования к судьям Конституционного Суда»;
- статья 12 «Избрание судей Конституционного Суда»;
- статья 13 «Присяга судьи Конституционного Суда»;
- статья 14 «Срок полномочий судей Конституционного Суда»;

- статья 15 «Независимость судей Конституционного Суда»;

- статья 16 «Неприкосновенность судей Конституционного Суда»;

- статья 17 «Права судей Конституционного Суда»;

- статья 18 «Обязанности судей Конституционного Суда»;

- статья 19 «Равноправие судей Конституционного Суда»;

- статья 20 «Назначение и освобождение председателя Конституционного Суда и заместителя председателя»;

- статья 21 «Председатель Конституционного Суда»;

- статья 22 «Заместитель председателя Конституционного Суда»;

- статья 23 «Досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда»

- статья 24 «Судья Конституционного Суда в отставке».

С учетом предложенной в этом исследовании структуры статуса судьи Конституционного Суда АР (права, обязанности и гарантии независимости), представляется целесообразным сократить количество статей в анализируемой главе. Следует оставить в ее составе лишь те статьи, которые соответствуют предложенным трем элементам статуса судьи Конституционного Суда АР.

Права судей Конституционного Суда АР регламентируются одноименной статьей 17 Закона АР «О Конституционном Суде», а их обязанности – одноименной статьей 18 этого же Закона. Гарантиям независимости судей Конституционного Суда АР посвящены следующие статьи анализируемого Закона:

- статья 11 «Требования к судьям Конституционного Суда»;

- статья 15 «Независимость судей Конституционного Суда»;

- статья 16 «Неприкосновенность судей Конституционного Суда»;

- статья 19 «Равноправие судей Конституционного Суда»;

- статья 23 «Досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда»;

- статья 24 «Судья Конституционного Суда в отставке».

За исключением перечисленных выше статей, в Главе III остается еще два блока статей: с 12 по 14 и с 20 по 22.

Статьи с 12 по 14 целесообразно присоединить к Главе второй «Основы организации и деятельности Конституционного Суда», которую завершает статья 10. Таким образом нормы, содержащие требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда, а также регламентирующие избрание судей Конституционного Суда, начало и срок их полномочий, будут располагаться логически верно – непосредственно перед нормами, закрепляющими статус судей Конституционного Суда АР.

Статью 11 «Требования к судьям Конституционного Суда» следует разделить на две статьи, т. к. в настоящее время ч. 1 содержит требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР, а ч. 2 – требования к судьям. В связи с этим целесообразно переименовать ст. 11, назвав ее «Требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда», и оставить в ее составе лишь часть первую. Также ее следует переместить вместе со ст. 12 – 14 в Главу вторую Закона АР «О Конституционном Суде».

Вторую часть ст. 11, которая содержит требования не к кандидатам на должности судей, а к судьям Конституционного Суда АР, целесообразно включить в состав ст. 15 «Независимость судей Конституционного Суда», т. к. она содержит ряд гарантий их независимости. Таким образом, эти гарантии будут размещены в главе, посвященной статусу судей Конституционного Суда АР.

Что же касается статей 20–22, то их целесообразно включить в Главу вторую «Основы организации и деятельности Конституционного Суда».

Этот подход будет полностью соответствовать практике нормативной регламентации статуса судей Суда ЕС. Опыт Суда ЕС в этой сфере важен потому, что, как справедливо отметила Е. П. Остапенко, «совокупность правовых норм, определяющих правовой статус судей, влияет на эффективность правосудия в целом и на рассмотрение … дел» [273, с. 10].

Статус судей Суда ЕС устанавливается следующими документами:

- Договором о Европейском Союзе, ст. 19 которого содержит упоминание о неоспоримой независимости судей Суда ЕС (буквально: лица, чья независимость не вызывает никаких сомнений; *persons whose independence is beyond doubt*) [91];

- Договором о функционировании Европейского Союза, ст. 253 которого повторяет требование о независимости судей Суда ЕС [92];

- Статутом Суда ЕС, Раздел I которого носит название «Статус судей и генеральных адвокатов» (статьи 2 – 8) [298];

- Протоколом № 7 о привилегиях и иммунитетах Европейского Союза, Глава V которого «Служащие и другие сотрудники Европейского Союза» распространяет свое действие на судей Суда ЕС (статьи 11 – 14, 16) [295].

Хотя полномочия судей Суда ЕС начинаются с момента их назначения, а не с момента принесения присяги, именно текст присяги открывает Раздел I «Статус судей и генеральных адвокатов» Статута Суда ЕС. Статья 2 предусматривает, что «перед вступлением в должность каждый судья на открытом заседании Суда должен принести перед Судом присягу о том, что будет осуществлять свои функции полностью беспристрастно и добросовестно и что ни в чем не разгласит тайну совещания судей» [298].

Далее последовательно раскрываются вопросы:

- иммунитета судей Суда ЕС и порядка его снятия (ст. 3);

- совмещения судьями Суда ЕС должностей (ст. 4);

- прекращения полномочий судей (ст. 5 – 7).

В Статуте Суда ЕС права и обязанности судей Суда ЕС не сгруппированы в отдельных статьях (например, ст. 14 предусматривает, что судьи, генеральные адвокаты и Секретарь обязаны проживать по местонахождению Суда). В Законе АР «О Конституционном Суде» предусмотрен несколько иной подход: он содержит исчерпывающий перечень обязанностей судей Конституционного Суда АР и открытый перечень их прав.

В частности, к правам судей Конституционного Суда АР этот Закон относит следующие (перечень не является исчерпывающим):

- «участвовать в заседаниях Конституционного Суда, высказывать мнение относительно ведения заседания;

- принимать участие в решении вопросов, касающихся полномочий Конституционного Суда;

- при рассмотрении вопросов в Конституционном Суде задавать вопросы судье-докладчику, сторонам-участникам дела, заинтересованным субъектам, свидетелям и экспертам;

- затребовать у органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц любой документ и другие сведения по вопросу, готовящемуся к рассмотрению в Конституционном Суде, а также заслушивать объяснения должностных лиц по данному вопросу;

- ознакомиться с ходатайствами и материалами, представленными на заседании Конституционного Суда;

- в совещательной комнате судей высказывать мнение относительно подлежащего принятию решения Конституционного Суда, голосовать за решение или против него;

- оставаться при собственном мнении в случае несогласия с описательно-мотивировочной или резолютивной частью решения Конституционного Суда;

- требовать проведения заседания Конституционного Суда в сроки, предусмотренные законодательством Азербайджанской Республики;

- осуществлять другие права, предусмотренные настоящим Законом» [247].

Закон АР «О Конституционном Суде» устанавливает, что судьи в своей деятельности должны:

- «руководствоваться Конституцией Азербайджанской Республики и настоящим Законом;

- при рассмотрении вопросов в Конституционном Суде относиться к делам беспристрастно на основе права и справедливости;

- не пропускать заседаний Конституционного Суда без уважительной причины;

- принимать участие в голосовании по вопросам, рассматриваемым в Конституционном Суде;

- не допускать действий и выступлений, порочащих высокое звание судьи Конституционного Суда;

- не нарушать требований, предусмотренных статьей 11.2 настоящего Закона[1];

- не высказывать мнения по существу вопроса, рассматриваемого в Конституционном Суде, до принятия решения по данному вопросу» [247].

Из этого списка особого внимания требует последняя обязанность, т. е. «не высказывать мнения по существу вопроса, рассматриваемого в Конституционном Суде, до принятия решения по данному вопросу».

Конфликт между свободой слова, с одной стороны, и анализируемой обязанностью судей органов конституционного контроля, с другой стороны, неоднократно становился предметом исследований в литературе. Н. В. Витрук отмечал, что «дискуссионным является вопрос о пределах публичной деятельности судьи конституционного суда. Следует признать более предпочтительным образ «молчаливого» судьи, нежели постоянно появляющегося на экранах телевизора, часто дающего интервью по современным проблемам политической жизни либо вступающего в полемику

[1] Статья 11.2 Закона АР «О Конституционном Суде» устанавливает, что в соответствии с частью II статьи 126 Конституции Азербайджанской Республики судьи Конституционного Суда не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакой другой зарплаты, кроме должностного оклада, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность.

со своими коллегами по принятым решениям конституционного суда. Однако образ «молчаливого» судьи в принципе не отрицает возможности его публичных выступлений по разъяснению принятых конституционным судом решений, своего особого мнения (если оно допускается законом), отражающего плюрализм мнений и несогласие с решением большинства (право меньшинства)» [50, с. 233]. Итак, установленная Законом АР «О Конституционном Суде» обязанность не высказывать своего мнения по существу вопроса, рассматриваемого в Конституционном Суде, до принятия решения по данному вопросу полностью укладывается в предлагаемую Н. В. Витруком концепцию «молчаливого судьи».

В работах Н. В. Витрука концепция «молчаливого судьи» нашла поддержку автора с точки зрения рекомендуемого для судьи органа конституционного контроля поведения. Однако в юридической литературе встречаются и более радикальные предложения: например, К. А. Сасов считает целесообразным закрепить в законодательстве о статусе судей органов конституционного контроля нормы, «запрещающие им свободно высказываться в средствах массовой информации» [324, с. 173]. На наш взгляд, практическая реализация такого предложения повлечет за собой грубое нарушение свободы слова.

Интересен тот факт, что ученых волнует и вопрос ограничения свободы слова судей органов конституционного контроля по проблемам, которые могут стать предметом рассмотрения этого органа в перспективе. Очевидно, для данного случая они считают недостаточной гарантией независимости судей институт отвода судьи, призванный предотвратить такие ситуации. В частности, Д. А. Басангов пишет: «Что же касается публичного высказывания своего мнения о вопросе, который может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде, то представляется, что ответ на данный вопрос не может быть однозначным. Когда конституционный судья высказывает свое суждение о каком-либо нормативном правовом акте как должностное лицо, в связи с выполнением им своих служебных обязанностей, он, наверное, должен

воздерживаться от толкования тех норм права, вероятность толкования которых в будущем Конституционным Судом весьма велика, хотя говорить об этой вероятности в теоретическом плане весьма затруднительно» [23, с. 82]. Вряд ли можно согласиться с этим мнением. Тем более что сам Д. А. Басангов на этой же странице своей работы пишет, что «судья Конституционного Суда … вправе в качестве юриста-ученого участвовать в написании монографий, учебников, комментариев к закону и т. п. В своих научных работах судья, являющийся специалистом в области конституционного права, будет комментировать действующее конституционное законодательство. Введение же запрета на научную деятельность судьи Конституционного Суда представляется абсурдным» [23, с. 82].

Н. Д. Савенко также приходит к выводу, что «запретить занятия индивидуальной научно-исследовательской и творческой деятельностью практически невозможно» [311, с. 77], однако считает необходимым установить границы такой деятельности: «Во-первых, она может быть второстепенной и не мешать осуществлению функций судьи. Во-вторых, не может осуществляться с занятием должности в научном учреждении, иметь характер постоянной работы в рамках общеопределенного рабочего времени. В-третьих, она не может касаться вопросов, которые являются предметом деятельности Конституционного Суда Украины, например участия в разработке нормативно-правовых актов, которые могут рассматриваться в Конституционном Суде Украины в отношении их конституционности или официального толкования, проведения экспертизы подобных актов и др. В-четвертых, она не должна влиять на независимость или предвзятость судьи» [311, с. 77-78]. Итак, в отношении конфликта между свободой слова для судей органов конституционного контроля и их обязанностью не высказывать мнения по существу вопроса, рассматриваемого в Конституционном Суде, до принятия решения по данному вопросу Н. Д. Савенко предлагает три формальных ограничения (научная и творческая деятельность не должна быть основной, не может иметь характер постоянной работы и не должна оказывать

влияние на независимость лица, ее осуществляющего) и лишь одно существенное ограничение, а именно: «научная и творческая деятельность не может касаться вопросов, которые являются предметом деятельности Конституционного Суда Украины, например участия в разработке нормативно-правовых актов, которые могут рассматриваться в Конституционном Суде Украины в отношении их конституционности или официального толкования, проведения экспертизы подобных актов и др.». Таким образом, Н. Д. Савенко также ведет речь о возможностях, потенциальных вероятностях рассмотрения тех или иных дел в будущем, и его рассуждения отчасти напоминают идеи Д. А. Басангова. Следует подчеркнуть, однако, что Н. Д. Савенко более четко обозначил круг ограничений для судей органов конституционного контроля, фактически предлагая запрет на участие в нормотворческом процессе. Д. А. Басангов же весьма абстрактно ведет речь о запрете для судей органов конституционного контроля «высказывать свое суждение о каком-либо нормативном правовом акте». Отсутствие четкости – высказывать в устной форме, в письменной форме и т. п. – позволяет прибегнуть к максимально широкому толкованию такого предложения, а значит, распространить его и на научную, на научно-практическую, творческую деятельность судей органов конституционного контроля (ведь для юристов такая деятельность очень часто связана с критическим анализом нормативного материала).

Следует отметить, что предложение, которое Д. А. Басангов рекомендовал к рассмотрению и дальнейшему осмыслению, входит в противоречие с общепринятой практикой, в соответствии с которой одной из гарантий независимости судей органов конституционного контроля является дифференциация их труда.

В юридической литературе существует ряд предложений о целесообразности классификации гарантий как элемента статуса судей. Однако, до того, как проанализировать их, следует отметить, что понятие «гарантии» по отношению к статусу судей органов конституционного контроля может быть уточнено. В соответствии с предложением М. И. Мумлевой

считать, что «правовое положение (статус) судьи следует рассматривать в сочетании материальных и процессуальных гарантий его независимости с правами и обязанностями судей» [219, с. 39], следует вести речь не просто о гарантиях, а о гарантиях независимости судей органов конституционного контроля.

По мнению С. Л. Лысенкова, независимость судей означает абсолютную недопустимость влияния в какой-либо форме на их деятельность и содержание принимаемых ими решений со стороны государственных или негосударственных структур или их должностных лиц [180, с. 10]. Статут Суда ЕС относит независимость к одному из требований к кандидатам на должности судей Суда ЕС, а в ст. 6 закрепляет, что полномочия судьи могут быть прекращены досрочно, если он перестал отвечать требуемым условиям, к которым относится и независимость. Таким образом, в Разделе I «Статус судей и генеральных адвокатов» прямого упоминания о независимости судей нет.

В АР статья 127 Конституции носит название «Независимость судей, основные принципы и условия отправления правосудия», а ее нормы распространяют свое действие на судей судов всех юрисдикций. Часть I этой статьи предусматривает, что «судьи независимы, подчиняются только Конституции и законам Азербайджанской Республики, несменяемы в течение срока своих полномочий» [157].

В связи со сформулированным выше предложением дополнить Основной Закон АР Главой VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» представляется целесообразным перенести в нее все нормы, содержащие гарантии независимости судей Конституционного Суда АР, из Главы VII «Судебная власть». Во-первых, это будет способствовать более четкому разграничению конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР. Во-вторых, это будет отвечать практике, распространенной в большинстве зарубежных стран, использующих европейскую модель конституционного контроля, и одобряемой Венецианской комиссией. По этому поводу эксперты Венецианской комиссии отметили: «В

то время как основные требования независимости одинаковы для судей судов общей и конституционной юрисдикций, последние могут быть защищены от любых попыток политического влияния, связанных с их положением, что повышает вероятность критики в их адрес и давления на них органов государственной власти. В связи с этим судьи конституционных судов нуждаются в специальных гарантиях их независимости» [449, с. 25].

Соответствующие нормы целесообразно разместить в статье 133-3 «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики», дополнив предложенную в предыдущем разделе редакцию частью третьей в такой редакции: «Судьям Конституционного Суда Азербайджанской Республики гарантируется независимость».

С. Э. Несмеянова анализирует гарантии судей и предлагает подразделять их в зависимости от их содержания на:

- организационные (формы деятельности Конституционного суда; подготовка вопросов к рассмотрению; коллегиальность рассмотрения дел и дачи заключений; гласность, устность разбирательства; привлечение экспертов; право судей присутствовать на заседаниях государственных органов и запрашивать любые документы и т. д.);

- правовые (независимость, неприкосновенность, несменяемость, равенство прав судей, установленный порядок приостановления и прекращения полномочий, подчинение только Конституции и др.);

- материальные (жалованье за службу в должности судьи и невозможность его уменьшения во время пребывания в этой должности; выходное пособие, выплачиваемое судье, выбывающему из состава Конституционного Суда по достижению предельного возраста или в результате неспособности по состоянию здоровья длительное время выполнять свои обязанности; выплата пенсии; предоставление временного жилья в городе Москва) [231, с. 111-112].

Сравнение перечня гарантий прав судей конституционных судов, которые С. Э. Несмеянова относит к организационным гарантиям, с правами

судей Конституционного Суда АР позволяют прийти к выводу о том, что в этой группе речь идет именно о правах судей, а не о гарантиях.

Вызывает критику и наименование второй группы – «правовые гарантии». Оно представляется слишком широким, ведь и материальные гарантии также являются правовыми, поскольку предусмотрены действующим законодательством.

Некоторые авторы классифицируют гарантии прав судей, а некоторые ведут речь о гарантиях их независимости. Так Л. В. Шеломанова считает, что гарантии независимости судей можно подразделить на материально-правовые и процедурные [387, с. 8]. Она никак не конкретизирует свое предложение, в связи с чем можно лишь предположить, что эта классификация основывается на источнике правовых норм, предусматривающих гарантии независимости судей. Следует отметить поверхностность такого подхода, а также тот факт, что может возникнуть проблема с отнесением конкретной гарантии к той или иной классификационной группе в случае, если гарантия закреплена и в источнике материального права, и в источнике процессуального права. К тому же такая классификация в большей степени отражает специфику гарантий судей судов общей, а не конституционной юрисдикции.

Свое мнение о классификации гарантий независимости судей высказывал и А. А. Стрижак. Он отметил, что гарантии независимости судей могут быть:

- организационные (в том числе гарантирование права на вознаграждение за свою деятельность, социальное и бытовое обеспечение, которое обусловлено надлежащим финансированием);

- функциональные (в частности, неприкосновенность, несовместимость должностей и занятий);

- этические (например, судья не имеет права публично высказывать собственную позицию по делу, по которому идет производство в конституционном суде и не принято окончательное решение, и разглашать информацию о характере ведения дискуссии на закрытой части его пленарных заседаний) [336, с. 107-108].

Интересной представляется включение этической составляющей в гарантии независимости. Это предложение довольно оригинально. Этические качества судьи важны, именно поэтому в предыдущем разделе было сформулировано предложение о необходимости их учета Комитетом экспертов на этапе отбора кандидатов в судьи Конституционного Суда АР (в соответствии с практикой Суда ЕС). Именно поэтому ст. 23 «Досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном суде» была дополнена частью 23.1.7-1, в соответствии с которой полномочия судьи Конституционного Суда АР прекращаются досрочно при допущении действий, которые порочат имя, честь и достоинство судьи Конституционного суда (аналогичная возможность существует и в отношении досрочного прекращения полномочий судей Суда ЕС).

Несмотря на важность этической составляющей, вряд ли действия государства в лице органов публичной власти могут гарантировать этичность поведения судьи органа конституционного контроля, ведь в этом случае речь идет не об установлении правовой нормы и ее последующей реализации (как в случае с другими группами гарантий), а о нормах морали. В связи с этим представляется нецелесообразным выделение этических гарантий независимости судей органов конституционного контроля.

Также, предложенную группу организационных гарантий целесообразно именовать социальными, исходя из их содержания, а группу функциональных гарантий – организационными.

Более аргументированной представляется классификация гарантий, предложенная А. С. Худынцевой в процессе изучения ею правового статуса судей Международного Суда ООН, – эту разработку представляется возможным распространить и на гарантии независимости судей органов конституционного контроля. Автор предлагает классифицировать гарантии на:

- организационно-правовые (несовместимость, несменяемость, многообразный состав Суда, особый порядок формирования судейского корпуса, отдельные дипломатические привилегии и иммунитеты);

- процессуальные (публичность, особое мнение, самоотвод);

- социально-правовые (материальное обеспечение, социальные права, отдельные дипломатические привилегии и иммунитеты) [369, с. 12].

Отсутствие в перечне примеров гарантий каждой из трех групп независимости позволяет говорить о том, что автор, скорее всего, классифицировала именно гарантии независимости судей Международного Суда ООН.

В этой классификации вызывают возражение лишь названия первой и третьей классификационных групп, а именно: «организационно-правовые гарантии» и «социально-правовые гарантии». Для придания наименованиям всех трех классификационных групп единообразия, а также для облегчения их восприятия в этом исследовании речь будет идти об организационных, процессуальных и социальных гарантиях независимости судей Конституционного Суда АР.

По поводу такой выделенной А. С. Худынцевой процессуальной гарантии независимости судей, как публичность деятельности суда, следует отметить, что автор допустила подмену понятий. А именно: она рассматривает гарантию независимости судебного органа (каковой является публичность деятельности суда) в качестве гарантии независимости судьи этого органа. Представляется, однако, что гарантии независимости судебного органа (институционные гарантии) не тождественны гарантиям независимости судей. Например, И. И. Ишутин пишет: «Принцип независимости судей подкрепляется созданием для судей таких условий для осуществления их деятельности, при которых они могут рассматривать дела и принимать по ним решения на основе Конституции и других … законов, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением. Такая обстановка может быть обеспечена, если суд огражден от какого-либо воздействия, давления на него со стороны» [116, с. 17]. Здесь автор вначале ведет речь о «создании для судей таких условий, при которых они могут рассматривать дела и принимать по ним решения, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением»

(независимость судьи). А во втором предложении переходит к «ограждению суда от какого-либо воздействия, давления» (независимость суда).

С. И. Афанасьева высказала мнение о том, что «конституционный принцип независимости судей является одним из принципов организации государственной власти … По своей природе он обусловлен построением … государственности на основе принципов разделения властей и самостоятельности органов судебной власти» [16, с. 10]. И в этом случае следует отметить подмену понятия «независимость суда» понятием «независимость судей».

В. И.Анишина сформулировала, что «систему мер по реализации принципа самостоятельности судебной власти непосредственно в деятельности её органов составляет комплекс взаимосвязанных правомочий суда: а) осуществление правосудия на основании Конституции РФ и закона, прямое применение её норм и принципов, а также применение общих принципов и норм международного права; б) наличие дискреционных полномочий; в) нормоконтрольные полномочия; г) обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности законов; д) толкование Конституции РФ Конституционным Судом РФ и казуальное толкование законов судами в процессе их применения; е) принятие органами судебной власти актов, обладающих праворегулирующими характеристиками; ж) разработка основ судебной политики органами судебной власти» [12, с. 20].

Конечно же, независимость суда и независимость судьи – это весьма близкие понятия. Как справедливо отметил В. В. Цибульський, «принцип независимости судей вытекает из более общего конституционного положения о самостоятельности судебной власти» [377, с. 42]. Из этого же положения вытекает и принцип независимости судебных органов.

Однако «близкие понятия» не означает «тождественные понятия». Представляется важным различать независимость суда и независимость судей в т. ч. применительно к органам конституционного контроля в связи с тем, что независимость Конституционного Суда наиболее эффективно гарантировать в

контексте его взаимоотношений с иными органами публичной ветви власти, а независимость судей Конституционного Суда – в контексте установления и усовершенствования нормативной регламентации их статуса (Л.Г. Ганиева справедливо ответила, что гарантирование – это разновидность обеспечения такой особенной формы всеобщего взаимодействия элементов действительности, при которой одни элементы (или продукты их деятельности) выступают условием существования или функционирования других элементов [64, с. 156]).

В этом контексте в Законе АР «О Конституционном Суде» использован верный подход, а именно:

- в статье 5 «Независимость Конституционного Суда» речь идет о том, что Конституционный Суд является самостоятельным государственным органом и не зависит с организационной, финансовой, а также любой другой стороны от органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц» [247], изложены и другие институциональные гарантии;

- в статье 15 «Независимость судей Конституционного Суда» содержатся нормы, обеспечивающие независимость судей как должностных лиц анализируемого органа, речь идет о подчинении их лишь Конституции и законам АР, о личной неприкосновенности и т. п.

Эти статьи находятся в разных главах Закона АР «О Конституционном Суде», а именно: ст. 5 «Независимость Конституционного Суда» располагается в Главе первой «Общие положения», а ст. 15 «Независимость судей Конституционного Суда» – в Главе третьей «Статус судей Конституционного Суда».

В контексте изучения статуса судей Международного Суда ООН А. С. Худынцева выявила, что «под организационно-правовыми гарантиями … понимается совокупность организационных и институциональных принципов и правил деятельности … суда, включая установленный порядок

формирования судейского корпуса, направленных на обеспечение независимости судей. К ним, на наш взгляд, следует относить:

1) ограничения на занятие иной деятельностью (несовместимость);

2) несменяемость судей;

3) многообразный состав суда;

4) особый порядок формирования судейского корпуса» [370, с. 157-163].

Рассматривая статус судей Конституционного Суда АР, к организационным гарантиям их независимости следует отнести:

- несовместимость;

- беспристрастность;

- неприкосновенность личности и жилища; частичный иммунитет от уголовной юрисдикции;

- особый порядок формирования Конституционного Суда АР (рассмотрен в Разделе 3).

Несовместимость как гарантия независимости судей органов конституционного контроля связана с тем, что труд судей дифференцируется. И. И. Ишутин пояснил основания дифференциации в регулировании труда судей так:

- «во-первых, выполнение функций судьи нельзя совмещать с другой оплачиваемой работой, кроме научной, преподавательской, литературной и иной творческой деятельности, поскольку это может повлечь злоупотребления со стороны судьи. Судья не вправе быть депутатом, третейским судьей, арбитром, принадлежать к политическим партиям и движениям, осуществлять предпринимательскую деятельность;

- во-вторых, следствием введения указанных ограничений является необходимость предоставления судье дополнительных льгот» [116, с. 34-35].

Его вывод применим к судьям судов как общей, так и конституционной юрисдикции. Конституция АР, закрепляя несовместимость для судей, также содержит общую норму для судей судов общей юрисдикции и Конституционного Суда АР, что не способствует четкому разграничению

конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции. В связи с этим целесообразно в Главе VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики», которой предложено дополнить Основной Закон, указать, что «судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакого другого оклада, кроме зарплаты, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность». Эту норму следует разместить в ч. II ст. 133-3 «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики» Конституции АР.

Что же касается Закона АР «О Конституционном суде», то его текущая редакция уже содержит положение о том, «что судьи Конституционного суда не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакой другой зарплаты, кроме должностного оклада, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность» [247].

Следует отметить, что эксперты Венецианской комиссии, анализируя проекты актов национального законодательства и действующее законодательство обратившихся в Комиссию стран, никогда не комментируют права и обязанности судей органов конституционного контроля, однако уделяют некоторое внимание гарантиям их независимости. В частности, в отношении возможности совмещения работ и должностей лицами, являющимися судьями органов конституционного контроля, эксперты Венецианской комиссии отметили: «Правила о несовместимости должны быть достаточно строгими, чтобы не допустить оказания на судью никакого

влияния, которое может быть оказано вследствие его (ее) внесудебной деятельности» [466]. В связи с этим представляет интерес соответствующий опыт Суда ЕС.

В качестве одной из гарантий независимости судей требование о несовместимости выдвигается и по отношению к судьям Суда ЕС. В частности, ст. 4 Статута Суда ЕС устанавливает, что:

- судьи не могут занимать никаких политических или административных должностей;

- они не могут заниматься никакой профессиональной деятельностью, оплачиваемой или нет, если только в порядке исключения им не разрешено отступать от этого правила решением Совета, принятым простым большинством;

- при вступлении в должность они берут на себя торжественное обязательство на протяжении срока осуществления своих функций и после прекращения таковых соблюдать обязанности, вытекающие из их поста, в частности обязанность проявлять порядочность и осторожность в том, что касается принятия некоторых должностей или выгод после прекращения своих функций» [298].

Сравним эти нормы с теми, которые предусмотрены законодательством АР.

Норме Статута Суда ЕС о том, что «судьи не могут занимать никаких политических или административных должностей», соответствует норма законодательства АР о том, что «судьи Конституционного Суда не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности». Ведь под выборными должностями в литературе подразумеваются политические должности, а под назначаемыми должностями – административные должности.

Далее в Статуте Суда ЕС следует положение о том, что «они не могут заниматься никакой профессиональной деятельностью, оплачиваемой или нет, если только в порядке исключения им не разрешено отступать от этого правила решением Совета, принятым простым большинством». Это правило является

более строгим, чем аналогичное, которое действует в АР, ведь судьи Конституционного Суда АР «не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности». Таким образом, применительно к Суду ЕС установлено более жесткое требование в связи с тем, что он находится не в стране, гражданами которой является подавляющее большинство судей Суда ЕС. Следовательно, вести педагогическую деятельность (скорее всего, на родном языке) им даже если не затруднительно физически (переезды), то весьма ресурсоемко с точки зрения затрат времени на нее. Однако при желании проводить научную, педагогическую и/или творческую деятельность есть возможность делать это после получения соответствующего разрешения.

И наконец, при вступлении в должность судьи Суда ЕС берут на себя торжественное обязательство на протяжении срока осуществления своих функций и после прекращения таковых соблюдать обязанности, вытекающие из их поста, в частности обязанность проявлять порядочность и осторожность в том, что касается занятия некоторых должностей или получения выгод после прекращения своих функций. Аналогичная норма в законодательстве АР сформулирована более мягко, а именно: «не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакой другой зарплаты, кроме должностного оклада, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность» [157]. С точки зрения обеспечения большей независимости в правиле, установленном для судей Суда ЕС, привлекает внимание учет не только текущей, но и перспективной ситуации, а именно того, что судьи Суда ЕС обязаны «проявлять порядочность и осторожность в том, что касается занятия некоторых должностей или получения выгод после прекращения своих функций». Представляется, что практическое применение указанной нормы весьма затруднено вследствие сложности доказать наличие причинно-следственной связи между тем, что

лицо занимало должность судьи Суда ЕС, и новой должностью и/или выгодой, полученной бывшим судьей Суда ЕС после окончания срока его полномочий.

Еще одной организационной гарантией независимости судей Конституционного Суда АР является беспристрастность. Следует отметить, что авторы используют понятие «беспристрастность» в различных значениях. Это вызвано тем, что с целью предотвращения терминологической путаницы в юридической литературе предпринимались попытки, направленные на использование иного, нежели «независимость», понятия для обозначения независимости судей. И выбор многих ученых пал именно на понятие «беспристрастность». В частности, В. Е. Скомороха отметил, что «международные документы…, с одной стороны, различают, а с другой – неразрывно связывают независимость в институциональном аспекте этого понятия (или самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей в отношении государственных или общественных органов) и независимость судебной власти и ее носителей в содержательном значении этого термина, или беспристрастность» [330, с. 11].

Анализируя прилагательное «беспристрастный» с филологической точки зрения, можно прийти к заключению о том, что это лицо «без пристрастий», т. е. без склонностей, влечений, предпочтений. При этом пристрастия могут формироваться не только под чьим-либо влиянием, но и без него, появляясь в сознании лица. Символ суда – Фемида с повязкой на глазах – символизирует именно беспристрастность, т. е. Фемида не видит ничего и никого, что могло бы повлиять на ее решение.

Анализируя прилагательное «независимый» с филологической точки зрения, можно прийти к заключению о том, что это лицо «без зависимостей», т. е. не находящееся в подчинении у кого-либо. Независимость предполагает, что лицо действует самостоятельно. Т. Г. Кирланов справедливо отмечает, что «независимость (независимость судей. – Дж. Г.) – это абсолютное исключение любого воздействия на судью со стороны других лиц и организаций при

рассмотрении судьей конкретных дел. При этом судья не связан мнением участников процесса» [127, с. 314].

А.С. Худынцева считает, что «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» не являются тождественными понятиями. «Независимость» характеризует объективное состояние самостоятельности судьи. «Беспристрастность» – субъективный процесс принятия им решений. «Справедливость» – качественное свойство самого решения. Будучи целью судопроизводства, справедливость достигается (но не гарантируется) при условии беспристрастности судей. В свою очередь беспристрастность судей достигается (но не гарантируется) при условии их независимости» [370, с. 174-175]. Ее рассуждения представляются убедительными. В связи с этим вряд ли можно согласиться с тем, чтобы подменять понятие «независимость судей» понятием «беспристрастность судей». Это существенно искажает смысл научного текста.

Например, такую подмену понятий допускает В. Е. Скомороха. Он считает, что «условиями независимости судей являются высокие моральные качества судей» [332, с. 74]. Несмотря на существование связи между независимостью судьи и его высокими моральными качествами, эта связь представляется несколько менее очевидной, чем связь между беспристрастностью и высокими моральными качествами.

В работе А. А. Цараева «Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости» автор использует вместо понятия «независимость» понятие «беспристрастность» и наоборот. В частности, он пишет: «В основе независимости судьи должны лежать его высокие моральные и нравственные качества, без чего не будут работать никакие гарантии независимости. Никто не сможет дать судье независимость, если он сам этого не захочет» [372, с. 11]. С учетом вышеизложенного речь явно идет не о независимости судьи, а о его беспристрастности. В то же время А. А. Цараев отмечает: «Беспристрастность судьи при отправлении правосудия призваны обеспечить следующие гарантии:

- особый порядок отбора и назначения судьи на должность, который должен обеспечивать его приверженность только интересам правосудия, исключая его политическую, корпоративную или иную ангажированность;

- особый порядок приостановления и прекращения полномочий судьи, который обеспечивает его независимость и исключает возможность необоснованных посягательств на судью;

- установление особого порядка осуществления судьей своей деятельности, который исключал бы возможность давления на судью в вопросах карьерного роста, перемещения или перевода в другие суды, права на отставку;

- признание государством принципа неприкосновенности и безопасности судьи;

- выделение необходимых ресурсов, обеспечивающих функционирование судебной власти и т. д.» [373, с. 60-61].

Очевидно, что последняя гарантия имеет отношение как к независимости судей, так и к независимости органов судебной власти, а первые четыре призваны обеспечить независимость судьи, однако никак не его беспристрастность.

Следующей организационной гарантией независимости судей Конституционного Суда АР является неприкосновенность. Этой гарантии посвящена ст. 128 «Неприкосновенность судей» Конституции АР и конкретизирующая ее ст. 16 «Неприкосновенность судей Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном Суде».

Основной Закон АР гарантирует неприкосновенность всем судьям, независимо от того, является ли местом их работы суд общей юрисдикции либо Конституционный Суд АР. Дифференциация осуществляется лишь в последней части этой статьи, которая гласит: «Решение об отстранении от должности судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики, Верховного Суда Азербайджанской Республики и апелляционных судов Азербайджанской Республики принимается Милли Меджлисом

Азербайджанской Республики большинством в 83 голоса; решение об отстранении от должности иных судей принимается Милли Меджлисом Азербайджанской Республики большинством в 63 голоса» [157].

Итак, судьям Конституционного Суда АР гарантируется неприкосновенность. Важность этой гарантии независимости судей сложно переоценить. А. А. Цараев сформулировал, что «институт неприкосновенности судей ограждает от всяких посягательств личность судьи. Но назначение неприкосновенности видится, прежде всего, в защите общественных интересов. Основная задача данного института состоит в том, чтобы судья мог независимо принимать решения при отправлении правосудия» [373, с. 93].

В соответствии с нормами действующего законодательства, с точки зрения обеспечения неприкосновенности наиболее важным является иммунитет от юрисдикции, а также отсутствие исключений из права на личную неприкосновенность в части обыска, привода, личного досмотра (С. В. Шевчук именует его «материальным иммунитетом» [265, с. 57]). По мнению И. С. Кузнецовой, «сущность неприкосновенности судьи не может рассматриваться как производное от естественного и неотчуждаемого права на неприкосновенность личности…, но является выражением его особого правового статуса, который должен оградить судью от незаконного вмешательства в его деятельность, в том числе путем предъявления необоснованных обвинений любого рода. Таким образом, судейский иммунитет является специфическим дополнением к общему праву на неприкосновенность личности» [174, с. 10]. А. А. Цараев справедливо считает, что «неприкосновенность личности как естественное и неотчуждаемое право каждого человека, принадлежащее ему от рождения, лежит в основе иммунитетов любой категории лиц. Иммунитеты отдельных категорий лиц являются определенным исключением из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом» [373, с. 10].

С тем, что иммунитеты являются исключением из конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, соглашается и

О. В. Васильченко. Она относит к основным характеристикам правовых иммунитетов то, что они:

- создают особый правовой режим для субъектов, которые ими пользуются;

- являются гарантией общественно полезной деятельности, способствуют выполнению определенных обязанностей;

- являются своеобразным исключением из общего правового статуса;

- присущи конкретно определенному кругу лиц, перечень которых содержится как в международном, так и в национальном законодательстве;

- содержание определенного иммунитета подлежит обязательному закреплению в действующем законодательстве, обычно на конституционном уровне;

- освобождает лицо от выполнения определенных обязанностей или ответственности за определенные деяния, которые вытекают из его правового статуса;

- являются формой проявления дифференциации правовых статусов и юридических связей;

- большинство иммунитетов направлены на выполнение предписаний нормативно-правовых актов [47, с. 151-152].

В. И. Руднев считает, что иммунитеты предоставляются на законодательном уровне кругу лиц, обладающих определенным правовым статусом и нуждающихся в дополнительной правовой защите исключительно в целях беспрепятственного и эффективного выполнения возложенных на них особо важных государственных и общественных функций [309, с. 7-8]. Он относит иммунитет судей к профессиональным иммунитетам (выделяя также личные и смешанные иммунитеты) [309, с. 20].

Итак, иммунитет от юрисдикции судей Конституционного Суда АР не является абсолютным, за одним исключением. Оно заключается в невозможности привлечения судьи к юридической ответственности за деятельность, голосование, высказанные мысли в Конституционном Суде

(ч. 10 ст. 16 Закона АР «О Конституционном Суде»; аналогичный иммунитет от юрисдикции предоставляется и судьям Суда ЕС, причем он сохраняется и после окончания срока их полномочий).

Иммунитет судей Конституционного Суда АР от уголовной юрисдикции является частичным. По общему правилу, закрепленному в ч. 2 ст. 16 Закона АР «О Конституционном Суде», судья Конституционного Суда не может быть привлечен к уголовной ответственности [247]. Однако если в его действиях усматриваются признаки преступного деяния, то необходимо прибегнуть к исключительной процедуре отстранения судьи от должности. Инициирование процедуры отстранения принадлежит Президенту АР. Стадии этой процедуры охарактеризованы в ч. IV–V ст. 128 Конституции АР:

- Президент АР обращается с запросом в Верховный Суд АР;

- в течение 30 дней после внесения запроса Верховный Суд АР подает Президенту на рассмотрение свое заключение о происшедшем;

- в случае, если Президент считает отстранение судьи от должности целесообразным, он обращается к Милли Меджлису АР с инициативой отстранения судьи от должности;

- Милли Меджлис АР принимает решение об отстранении от должности судьи Конституционного Суда АР большинством в 83 голоса.

Отстранение от должности судьи Конституционного Суда АР влечет за собой такие юридические последствия:

- полномочия отстраненного от должности судьи Конституционного Суда приостанавливаются до вступления в законную силу приговора суда в отношении его или принятия органом уголовного преследования заключительного решения в ходе досудебного производства;

- отстраненный от должности судья Конституционного Суда получает заработную плату, установленную для судьи Конституционного Суда;

- после отстранения от должности судья Конституционного Суда с согласия Конституционного Суда и на основании постановления Генерального

прокурора АР может быть привлечен к уголовной ответственности и арестован в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством АР;

- полномочия отстраненного от должности судьи Конституционного Суда восстанавливаются, если в отношении его вынесен оправдательный приговор или если досудебное производство прекращено по установленным законодательством оправдательным основаниям уголовного преследования [247].

Итак, иммунитет судей Конституционного Суда АР от уголовной юрисдикции не является полным в связи с тем, что привлечение к уголовной ответственности и арест допускаются в случае отстранения судьи от должности, а не после прекращения судейских полномочий.

Судьи Конституционного Суда АР пользуются частичным иммунитетом и от административной юрисдикции. В соответствии с ч. 2 ст. 16 Закона АР «О Конституционном Суде», к ним не могут быть применены в судебном порядке меры административного взыскания [247], однако другие исключения не предусмотрены.

Законодательство предоставляет судье Конституционного Суда АР полный иммунитет, если речь идет о неприкосновенности его дома, квартиры, служебного кабинета, предметов, личных и служебных транспортных средств, используемых им средств связи, принадлежащих ему документов, почтово-телеграфной переписки [247], а также частичный иммунитет, если речь идет о неприкосновенности личности. В частности, судья Конституционного Суда АР не может быть задержан или арестован, подвергнут обыску, приводу и личному досмотру. Судья Конституционного Суда, задержанный в качестве подозреваемого в совершении преступления или административного проступка, после установления личности должен быть немедленно освобожден, о чем в Конституционный Суд, а также Генеральному прокурору Азербайджанской Республики направляется письменное уведомление, за исключением случаев задержания судьи Конституционного Суда на месте преступления [247].

Судьи Суда ЕС, в отличие от судей Конституционного Суда АР, пользуются полным иммунитетом от юрисдикции; снять этот иммунитет может лишь Суд ЕС на своем пленарном заседании. В юридической литературе встречаются предложения о заимствовании этого опыта. В частности, во время обсуждения комплексного реформирования статуса Конституционного Суда Украины исследователи высказывались в поддержку того, чтобы предусмотреть в Основном Законе возможность привлечения судьи Конституционного Суда Украины к уголовной ответственности, ареста или задержания лишь с согласия Конституционного Суда Украины [264, с. 76].

Рецепция этого опыта может показаться привлекательной в связи с тем, что исследователи прослеживают определенные параллели между иммунитетами судей и членов парламента: «Важной гарантией статуса судей конституционных судов является обеспечение их неприкосновенности. Это достигается закреплением в законах особого порядка привлечения судей к ответственности. Поэтому статус судей весьма сходен со статусом депутатов... парламента» [145, с. 19]. Однако Л. В. Шеломанова отметила, что «если судью можно в общем порядке уволить с должности или привлечь его к юридической ответственности (прежде всего, уголовной) – налицо высокая вероятность угрозы зависимости судьи от органов и должностных лиц, уполномоченных законом на применение данных санкций: в первом случае от руководства судебной системой, во втором – правоохранительных органов, оценку деятельности которых судья дает или может дать в своей профессиональной деятельности. Иммунитет судьи в сфере трудовых и уголовных правоотношений имеет общую природу с депутатским иммунитетом. В данных случаях законодатель стремится не к установлению личных привилегий соответствующих должностных лиц и предпочитает отступление от общеюридического принципа равенства всех перед законом и судом … во имя более значимых конституционных целей – обеспечения свободы депутатского мандата и независимости правосудия» [387, с. 67-68]. То есть важным является не то, какой именно иммунитет от юрисдикции (полный или частичный)

предоставлен судьям органа конституционного контроля и какой порядок его снятия, а само наличие у них этого иммунитета как такового и возможности его снятия.

Применительно к процессуальным гарантиям А. С. Худынцева поясняет, что они «представляют собой систему процедур и установок, обеспечивающих независимость судей в ходе рассмотрения ими … дел», и относит к этой группе гарантий:

1) публичность деятельности суда;

2) институт особого мнения судьи;

3) институт самоотвода [370, с. 163-166].

Как уже упоминалось, публичность деятельности суда является гарантией независимости самого судебного органа, а не его судей. Включение остальных гарантий независимости судей в число процессуальных гарантий не вызывает возражений.

Следует отметить, что к гарантиям независимости судей в АР законодательство относит еще одну гарантию процессуального характера, а именно связанность судей при принятии решений лишь Конституцией и законами АР. Она закреплена в ст. 127 Основного Закона АР, а также в ч. 1 ст. 15 Закона АР «О Конституционном Суде».

Анализируя эту гарантию независимости судей, Л. В. Шеломанова пояснила: «конституционно-правовой институт связанности судей Конституцией … и законом предполагает не только наличие права вышестоящих судебных инстанций на пересмотр незаконных и необоснованных решений нижестоящих инстанций, но также гарантии достаточной свободы усмотрения судей всех судов (особенно ординарных судебных инстанций) в оценке юридически значимых обстоятельств дела и толковании норм законодательства» [387, с. 8]. В этой цитате обращает на себя внимание тот факт, что в такой трактовке связанность судей Конституцией и законами применима скорее к судьям судов общей юрисдикции, нежели к

судьям органов конституционного контроля, ведь речь идет о «вышестоящих судебных инстанциях», о «нижестоящих инстанциях», о пересмотре решений.

В отношении судей Суда ЕС подобная норма не предусматривается.

Изучая сущность работы судьи органа конституционного контроля, следует отметить, что требование учета при вынесении решения лишь Конституции и законов страны будет носить исключительно позитивистский характер. Вряд ли это требование совместимо с судейским активизмом, ведь нередко судьи органов конституционного контроля принимают решения исходя не из «буквы», а из «духа» Конституции, тем самым придавая нормам Конституции современное «звучание», адаптируя их к текущей политической ситуации, к текущему уровню общественного развития. В связи с этим соответствующую норму вряд ли целесообразно включать в Главу VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики». А ч. 1 ст. 15 Закона АР «О Конституционном Суде» следует исключить, в связи с чем в этой статье останется лишь часть вторая.

К процессуальным гарантиям независимости судей Конституционного Суда АР следует отнести:

- особое мнение судьи;

- самоотвод судьи;

- тайну совещательной комнаты.

Тайна совещательной комнаты относится к гарантиям независимости не Конституционного Суда АР в целом, а его судей вследствие своей тесной связи с институтом особого мнения судей. В частности, высказываясь в поддержку особых мнений судей, Б. А. Малинчев отмечает, что «некоторые видят в этом раскрытие тайны совещательной комнаты» [188, с. 157]. Следует не согласиться с этим, т. к. судья Конституционного Суда АР не обязан формулировать особое мнение в письменной форме, а лишь наделен таким правом. Если же он решил этим правом воспользоваться, то в этом случае он не раскрывает тайну совещательной комнаты вообще, а лишь сознательно обнародует свою позицию по обсуждавшемуся в ней вопросу. То есть судья

Конституционного Суда АР самостоятельно и сознательно делает выбор о том, что важнее в каждом конкретном случае: сохранить полностью либо частично тайну своих высказываний в совещательной комнате или обнародовать их.

И.А. Кравец справедливо считает, что «особое мнение судьи – это способ и процедура институционализации разногласий в стенах Конституционно Суда… и одновременно – альтернативная аргументация в вопросах конституционного толкования и конституционного контроля. Правовая позиция судьи, изложенная в его особом мнении, может показывать направление дальнейшего развития теории конституционного права, а может выявлять содержательные противоречия в конституционной аргументации, изложенной в решении Суда. Особое мнение судьи переводит конфликт позиций по вопросам конституционного значения из стен органа конституционного правосудия в сферу публичного и научного обсуждения» [168, с. 207].

Т. А. Яшникова отметила, что «возможность изложить особое мнение является важной гарантией независимости судьи Конституционного Суда» [398, с. 56]. Судьям Конституционного Суда АР такая возможность предоставлена действующим законодательством – Закон АР «О Конституционном Суде» содержит нормы об особом мнении судей в Главе восьмой «Акты Конституционного Суда». К выводу о том, что особое мнение судьи является одним из видов актов органа конституционного контроля, приходят и ученые. Так, А. В. Портнов, классифицируя акты конституционного суда в зависимости от функционального назначения, предложил выделять:

а) правореализационные акты;

б) правоприменительные акты;

в) процедурные акты;

г) особое мнение судьи Конституционного Суда [285, с. 148].

Таким образом, ст. 62 «Акты Конституционного суда» Закона АР «О Конституционном Суде» нуждается в дополнении. Ее целесообразно изложить в следующей редакции:

- 62.1. «В заседаниях палат Конституционного Суда принимаются определения, а в заседаниях Пленума – решения и определения. Особое мнение судьи Конституционного Суда готовится судьей единолично»;

- 62.2. «Акты Конституционного Суда принимаются в совещательной комнате судей, за исключением особого мнения судьи».

В настоящее время особому мнению судьи посвящена ст. 64 «Особое мнение судьи Конституционного Суда», предусматривающая следующее:

- «судья Конституционного Суда в случае несогласия с описательно-мотивировочной или резолютивной частью решения Конституционного Суда может составить особое мнение в письменной форме;

- особое мнение судьи публикуется вместе с решением Конституционного Суда» [247].

Итак, «отличие особого мнения судьи в конституционном судебном процессе от подобного в иных судебных процессах в том, что оно не только приобщается к материалам дела, но и подлежит обязательному опубликованию» [188, с. 157].

Е. Ю. Терюкова высказала наблюдение, что «по сути, в особом мнении судьи идет речь о несогласии с мотивировкой решения, т. е. фактически с правовыми позициями органа конституционного правосудия» [347, с. 153]. Однако в свете приведенных выше норм Закона АР «О Конституционном Суде» следует не согласиться с этим наблюдением. Часть 1 ст. 64 этого Закона, предусматривая возможность несогласия судей с описательно-мотивировочной или резолютивной частью решения Конституционного суда, фактически устанавливает виды особых мнений судей Конституционного Суда АР. В юридической литературе их емко охарактеризовал А. А. Стрижак, выделив три группы. По его мнению, «к первой группе относятся особые мнения судей, которые выражают принципиальное согласие с решением суда, однако

приводят иную правовую аргументацию; ко второй группе – которые частично соглашаются с содержанием решения суда; к третьей группе – которые голосовали против принятия судебного решения» [336, с. 215]. Следует отметить крайне высокую степень обобщения особых мнений в этой классификации. Ведь далеко не всегда решение органа конституционного контроля принимается по одному вопросу. А в случае, если в решении речь идет о нескольких вопросах, с одним из которых судья согласен частично, а с другим не согласен, использовать предложенную классификацию весьма затруднительно.

Д. А. Басангов провел анализ практики изложения особых мнений судьями органов конституционного контроля и выявил, что:

1) «по своей природе особые мнения судей Конституционного Суда являются симбиозом компетентного (профессионального) и доктринального (научного) толкования, имеющего фундаментальную опору в сфере научного мировоззрения;

2) положения особых мнений могут базироваться на определенных, ранее сформулированных теоретических конструкциях…;

3) особые мнения, ставшие достоянием научной общественности, формируют общественное мнение и служат основой для эволюции частных мнений и их трансформации в тенденции и научные новеллы;

4) особое мнение, опубликованное совместно с решением Конституционного Суда, – это уникальное явление, которое на уровне индивидуального правосознания судьи нередко способствует уточнению, разъяснению, аргументации изложенного Конституционным Судом толкования» [23, с. 89-90].

Также следует отметить, что особое мнение судей органов конституционного контроля не имеет юридической силы. Как справедливо подчеркнула Т. А. Яшникова, «особое мнение имеет в большей степени моральный характер, чем правовой» [398, с. 55]. Тем не менее важность и значимость особых мнений судей Конституционного Суда АР сложно

переоценить. Следует согласиться со сформулированным Д. А. Басанговым утверждением по поводу особого мнения судьи органа конституционного контроля о том, что «во-первых, оно гарантирует свободное волеизъявление судьи, его независимость и равенство прав с другими. Во-вторых, особое мнение способствует поиску истины и формированию новых подходов к развитию практики официального толкования Конституции… В-третьих, позволяет в последующем в ряде случаев упрочить мотивировочную часть решения Суда по делу. В-четвертых, создает предпосылки для глубокого изучения проблемы, для формирования научных доктрин» [23, с. 115].

Однако институт особого мнения является не единственной гарантией независимости судей органов конституционного контроля, а одной из многих гарантий, в связи с чем не следует переоценивать его значимость. В частности, в Суде ЕС особые мнения судей не практикуются. Официальная позиция по этому поводу не обнародовалась, однако ученые приводят следующие аргументы «против» существования института особого мнения судей органа конституционного контроля и Суда ЕС:

- «такая свобода излишняя и мешает становлению авторитета Конституционного Суда, так как подрывает авторитет принятого им решения» [188, с. 157];

- «разнообразные подходы к делу, несомненно, обогащают науку, но могут и повредить авторитету Конституционного Суда…, внося сомнения в правильность вынесенного решения, снижая потенциал императивности решения Суда» [23, с. 94-95];

- «существуют опасения, что авторитет решений Суда ЕС серьезно пострадает, если запрет на особые мнения будет снят. Национальные суды, направляющие в Суд ЕС преюдициальные запросы…, смогут по собственному усмотрению принимать решения, основанные в большей мере на особом мнении судьи, нежели на решении Суда ЕС, и Суд ЕС более не сможет обеспечивать единообразие и целостность права ЕС в полной мере» [171, с. 63];

- «иногда высказывается предположение, что чем больше особых мнений судей, которые принципиально не совпадают с решением Конституционного Суда, тем более спорным является такое решение и тем меньшей в будущем будет его регулирующая сила. В действительности, если решение органа конституционного контроля является взвешенным, теоретически обоснованным, опирается на общепризнанные аксиоматические положения юридической науки и практики, то особое мнение судьи к нему содержит лишь дополнительные обстоятельства или добавляет аргументы к мотивировочной части» [346, с. 243].

Во многом отсутствие особых мнений судей Суда ЕС обуславливает то, что ученые предпочитают вести речь не об «индивидуальной репутации» судей, а о «коллективной репутации» Суда ЕС. В частности, такое мнение высказали Н. Гарупа (*N. Garoupa*) и Т. Гинсбург (*T. Ginsburg*) [425, с. 180].

Следует отметить излишнюю предосторожность ученых, высказывающих опасение о подрыве авторитета органа конституционного контроля особыми мнениями судей. Во-первых, в особых мнениях может быть выявлена судебная ошибка, от чего не застрахован ни один орган конституционного контроля. Во-вторых, как справедливо отметил Н. В. Витрук, «правила судебной этики не допускают критики в особых мнениях решения конституционного суда как неправильного, неаргументированного и т. п. В особом мнении судья имеет право изложить свою особую правовую позицию, отличную от позиции большинства, собственную систему аргументации как один из возможных вариантов решения конституционного суда, однако не принятый большинством судей. Стиль изложения особого мнения судьи не должен подрывать авторитет, престиж конституционного суда как коллегиального органа» [50, с. 233]. Наконец, Д. Н. Сергеев в одной из своих работ отметил: «Рассматривая конституционный суд как чисто юридический институт, с точки зрения юриспруденции можно предположить, что в деятельности конституционного суда отсутствует возможность выбора: как орган правосудия он должен

вынести то единственно верное решение, которое в наибольшей степени соответствует критерию справедливости при данных конкретных обстоятельствах (правосудное решение). Тем не менее, анализ практики конституционных судов и особых мнений его судей показывает, что в действительности данный орган располагает возможностью выбора между несколькими вариантами итогового решения (принимать или не принимать вопрос к рассмотрению, какое решение вынести и как его обосновать). Хотя не исключается, что такие варианты могут противоречить друг другу, все они в той или иной степени будут соответствовать конституции, а также будут оцениваться как правосудные теми или иными заинтересованными группами (лицами)» [329, с. 8].

С другой стороны, «запрет особых мнений «служит очень важной гарантией их (судей. – Дж.Г.) независимости, прежде всего от собственных государств-членов. Благодаря ему государства-члены не в состоянии проконтролировать поведение «своего» судьи, а значит, оказывать на него давление» [286, с. 130]. В целом применительно к Суду ЕС отсутствие института особого мнения судьи органа конституционного контроля не является критичным в связи с тем, что это всего лишь одна из нескольких процессуальных гарантий независимости судей этого органа. В этом контексте важным является также факт наличия в нем не только судей, но и генеральных адвокатов, что может служить одним из аргументов, оправдывающих отказ от особых мнений. Подробнее о генеральных адвокатах речь пойдет в подразделе 4.3, однако пока отметим, что они готовят мотивированные заключения по делам, рассматриваемым Судом ЕС.

Следующей процессуальной гарантией независимости судей Конституционного Суда АР является самоотвод судьи.

Статья 46 «Отвод судьи и самоотвод» Закона АР «О Конституционном Суде» в отношении самоотвода предусматривает, что:

- «46.1. судья Конституционного Суда не может принимать участия в рассмотрении дела … в следующих случаях:

46.1.1. если ранее в силу своих служебных обязанностей он участвовал в принятии решения по вопросу;

46.1.2. если он является одной из сторон или близким родственником одной из сторон или ее представителя…;

- 46.3. В случае … самоотвода судьи на основаниях, предусмотренных статьей 46.1 настоящего Закона, суд изучает мнение судьи … и, обсудив данный вопрос, принимает решение без участия судьи, объявившего самоотвод» [247].

Итак, ст. 46 Закона АР «О Конституционном Суде» регламентирует и отводы судей, и самоотводы. Важно подчеркнуть, что если самоотвод является гарантией независимости судей, то отвод судьи, как справедливо отметили Ю. В. Тай, Т. Ф. Арабова и В. Ле Бурдон, – это одна из гарантий независимости судебного органа в целом [342]. Аналогичное мнение высказал и С. В. Тетюев [348]. В связи с этим и институт самоотвода, и институт отвода судьи приобретают особое значение в процессуальном праве, и вряд ли справедливо вести речь о том, что институт самоотвода обладает некоторым преимуществом перед институтом отвода судьи (как это делает А. А. Михайлова [206, с. 118]), либо наоборот (как это делает Д. Т. Норхин [237]).

По сравнению с судьями Суда ЕС судьи Конституционного Суда АР имеют четкий перечень оснований для самоотвода. В частности, ст. 18 Статута Суда ЕС предусматривает, что:

- «судьи … не могут участвовать в разрешении любого дела, в котором они ранее принимали участие в качестве агента[1], советника или адвоката одной из сторон либо по которому они призывались выразить свое мнение в качестве члена судебного органа, следственной комиссии или в любом ином качестве;

[1] Агент – это сотрудник государственного органа или института Союза (как правило, из числа работников юридических служб), который назначается качестве его представителя при рассмотрении конкретного дела в Суде ЕС.

- если по какой-либо особой причине судья ... считает для себя невозможным участвовать в разрешении или изучении определенного дела, он сообщает об этом Председателю. В случае, если Председатель считает, что судья … не должен ввиду какой-либо особой причины участвовать в заседаниях или подготавливать заключения по определенному делу, то он предупреждает об этом заинтересованное лицо;

- трудности, возникающие в применении настоящей статьи, разрешает Суд;

- в качестве обоснования своего требования об изменении состава Суда или одной из его палат сторона не может ссылаться на гражданство кого-либо из судей либо на отсутствие в Суде или в одной из его палат судьи, имеющего одинаковое с ней гражданство» [298].

Итак, Статут Суда ЕС дает возможность судьям Суда ЕС взять самоотвод как по одному из предусмотренных в ч. 1 ст. 18 оснований, так и в любой другой ситуации, если «по какой-либо особой причине судья ... считает для себя невозможным участвовать в разрешении или изучении определенного дела». Тем не менее в случае возникновения такой не предусмотренной Статутом Суда ЕС ситуации заявление о самоотводе судьи должно быть одобрено Председателем Суда ЕС. Заимствование этого опыта Суда ЕС для самоотводов судей Конституционного Суда АР представляется целесообразным, ведь замена исчерпывающего перечня оснований для самоотводов судей перечнем, не имеющим исчерпывающего характера, будет способствовать повышению уровня гарантированности независимости судей исследуемого органа.

В связи с вышеизложенным следует дополнить ст. 46 «Отвод судьи и самоотвод» Закона АР «О Конституционном Суде» частью 46.3 в следующей редакции:

«46.3. Судья Конституционного Суда имеет право подать заявление о самоотводе в случае, если по какой-либо особой причине не может принимать участия в рассмотрении дела».

Соответственно, часть 46.3 текущей редакции Закона после внесения в него этих дополнений будет считаться частью 46.4.

Последней группой гарантий независимости судей органов конституционного контроля являются социальные гарантии. Ученые придают им исключительно важное значение. Так, Ю. С. Коренева считает, что «историко-правовой анализ предоставления судейскому сообществу социальных гарантий свидетельствует о том, что судебная система … успешно функционировала в те периоды, когда социальная защита судей осуществлялась в повышенном размере. Только при помощи мер социальной защиты была обеспечена независимость судей» [164, с. 6-7].

К социальным гарантиям независимости судей Международного Суда ООН А. С. Худынцева отнесла:

1) материальное обеспечение;

2) социальные права;

3) отдельные дипломатические привилегии и иммунитеты [369, с. 12].

В контексте рассмотрения статуса судей Конституционного Суда АР к социальным гарантиям их независимости следует отнести:

- материальное обеспечение судей;

- социальную защиту судей.

Материальное обеспечение судей включает заработную плату и другие выплаты. Вопросы надлежащей и адекватной оплаты труда судей являются предметом анализа исследователей в течение долгого времени. Еще А. Гамильтон, обращая внимание на необходимость гарантирования независимости судей, выступал в защиту пожизненного назначения судей и концепции, в соответствии с которой зарплаты судей не должны уменьшаться в течение срока их пребывания на должности [208, с. 121].

Н. В. Витрук отмечал, что такая гарантия независимости судей органов конституционного контроля, как их материальное обеспечение, «осуществляется за счет разного рода льгот, надбавок и компенсаций, а не за счет высокого уровня самой заработной платы. Такая система льгот и

надбавок, как правило, устанавливается исполнительной властью … на основе ее подзаконных актов, не создает надлежащей стабильности в гарантиях независимости конституционных судей и косвенно может быть использована как средство административного воздействия на позиции судьи [50, с. 237].

Похожие мнения высказывали и другие исследователи. Б. А. Малинчев считает, что «возможность повышения уровня правовой защиты судей Конституционного Суда …, их материального и социального обеспечения путем издания подзаконных актов… не в полной мере соответствует принципу единства статуса судей, являющемуся гарантией их независимости» [188, с. 9]. А К. А. Сасов сформулировал предложение о том, что в целях обеспечения независимости судей Конституционного Суда … из закона должны быть исключены положения, допускающие повышение их правовой защиты, материального и социального обеспечения на подзаконном уровне [324, с. 173].

Подобные замечания представляются не особенно убедительными. С одной стороны, логика авторов состоит в том, что парламент является представительским органом, в связи с чем устанавливать вопросы материального и социального обеспечения судей органа конституционного контроля целесообразно законами. С другой стороны, правительство и другие органы исполнительной власти гораздо более компетентны в решении вопросов материального и социального обеспечения вообще, а следовательно, при установлении материального и социального обеспечения судей органа конституционного контроля будет использован профессиональный подход.

В настоящее время в АР вопросы материального и социального обеспечения судей Конституционного Суда регламентируются как законами, так и подзаконными актами.

Закон АР «О Конституционном Суде» содержит ст. 71 «Должностной оклад судьи Конституционного Суда», устанавливающую, что:

- «должностной оклад судьи Конституционного Суда состоит из заработной платы, установленных соответствующим органом исполнительной власти надбавок к заработной плате, других пособий и освобожденного от

налога ежемесячного денежного обеспечения для оплаты расходов, связанных с выполнением полномочий судьи Конституционного Суда в размере, получаемом депутатом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики;

- ежемесячная заработная плата судьи Конституционного Суда приравнена к ежемесячной заработной плате заместителя председателя Милли Меджлиса Азербайджанской Республики» [247]. Также в этой статье устанавливается размер заработной платы Председателя Конституционного Суда АР и его заместителя.

Как справедливо отметил М. И. Клеандров, «самостоятельность в принципе невозможна без гарантированного обеспечения … финансовой независимости. Без необходимой материально-ресурсной базы, органичной для полнокровной деятельности по осуществлению правосудия, ни каждый конкретный судья, ни конкретный судебный орган, ни весь судейский корпус, ни вся судебная система (причем любого государства) обойтись не могут» [131, с. 2]. В связи с этим вопросам материального обеспечения судей Конституционного Суда уделяется особое внимание: помимо закрепления их в Законе АР «О Конституционном Суде», они также регламентируются Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 17 мая 2000 г. № 414 «О дополнительных мерах в области социальной защиты судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики» (с поправками). Этим Распоряжением к должностным окладам судей Конституционного Суда АР устанавливаются следующие надбавки:

- за знание иностранных языков (за исключением русского и турецкого языков) – в размере 15 процентов должностного оклада;
- за ученую степень – в размере 15 процентов должностного оклада для кандидата наук, в размере 20 процентов – для доктора наук;
- за стаж работы по специальности «право» – в размере 2 процентов должностного оклада за каждый год (с условием не более 40 процентов месячного должностного оклада);

- на представительские расходы – в размере 10 процентов должностного оклада;
- за высокую юридическую квалификацию – в размере 30 процентов должностного оклада [244].

Анализируя материальное и социальное обеспечение судей Суда ЕС следует отметить справедливость замечания Л. В. Шеломановой о том, что «в целях минимизации возможности недобросовестного использования судебных полномочий в противоправных целях, обеспечения надлежащего престижа статуса судьи, высокого конкурса на замещение судебных должностей и гарантирования тщательного отбора претендентов необходим весьма высокий уровень социального обеспечения судей, отличный от среднестатистического уровня заработных плат в регионе и стране в целом. При этом особые социальные гарантии судей не должны чрезмерно выходить за рамки общего социально-экономического развития государства» [387, с. 10]. Баланс между зарплатой судьи Конституционного АР и общим социально-экономическим развитием АР соблюдается. Применительно к Суду ЕС следует отметить соблюдение баланса между социально-экономическими возможностями ЕС (как упоминалось выше, заработная плата судей Суда ЕС рассчитывается исходя из размера базовой ставки заработной платы высокопоставленных служащих ЕС), однако баланс с национальным социально-экономическим развитием государства-члена ЕС может быть соблюден не всегда. Например, «ежегодный доход судьи Суда ЕС в два раза превышает ежегодный доход Премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» [403].

Судьи Суда ЕС в настоящее время получают ежегодно более 300 тыс. евро. После того, как их заработная плата была увеличена в 2016 г. на 2,4 %, она составила почти 256 тыс. евро, а остальная часть суммы – это выплаты различного характера (представительские расходы – 554,17 евро, расходы, связанные с проживанием в г. Люксембург – 15 % от заработной платы и др.) [403]. Заработная плата судей Суда ЕС рассчитывается путем умножения

специального коэффициента в процентах на размер базовой ставки заработной платы высокопоставленных служащих ЕС (*EU rate for the top civil servants*). Например, для расчета заработной платы Председателя Суда ЕС эта базовая ставка умножается на 138 %, его заместителя – на 125 %, судей – на 112 % [426]. Введение этого коэффициента полностью отражает точку зрения исследователей о том, что заработная плата работников различных органов должна рассчитываться исходя из общей ставки с учетом степени важности возлагаемых на них задач (см., например, [12, с. 20;330, с. 21].

Кроме того, судьи Суда ЕС имеют фискальные иммунитеты от страны пребывания и страны своего гражданства, однако уплачивают налоги ЕС (ст. 12 Протокола о привилегиях и иммунитетах Европейского Союза) [296;270, с. 30].

Ю. С. Коренева справедливо отмечает, что «при определении мер социальной защиты, прежде всего, речь идет об образовании, социальном обеспечении, жилищно-бытовом обслуживании, достойной оплате труда, охране труда и здоровья, содействия занятости, экологическом благополучии жизнедеятельности человека… Эти меры представлены в законодательстве как денежные выплаты, натуральные выдачи, социальное обслуживание, услуги, финансовые льготы, предоставляемые при оплате каких-либо услуг или взимании налогов и сборов» [163, с. 12]. Статьи 72-73 Закона АР «О Конституционном Суде» устанавливают такое социальное обеспечение для судьи Конституционного Суда АР:

- судье ежегодно предоставляется трудовой отпуск в 40 календарных дней; при предоставлении отпуска выплачивается пособие в размере двух месячных окладов;

- жизнь и здоровье судьи страхуются за счет государственного бюджета АР в размере его 5-летней заработной платы;

- ущерб, причиненный в результате уничтожения или повреждения имущества, принадлежащего судье или членам его семьи, в связи с судейской деятельностью, возмещается судье или членам его семьи в полном объеме.

Данный ущерб возмещается из государственного бюджета АР с последующим удержанием в установленном порядке с виновных лиц;

- при необходимости обеспечивается безопасность судьи;

- судье, не имеющему квартиры в г. Баку, предоставляется квартира;

- бывший судья Конституционного Суда, достигший пенсионного возраста, каждый месяц получает пенсию в размере 80 процентов ежемесячной заработной платы действующего судьи Конституционного суда, и на данную сумму распространяются последующие изменения в повышении заработной платы;

- судья Конституционного Суда в отставке, не достигший пенсионного возраста, до трудоустройства каждый месяц в течение двух лет за счет государственного бюджета получает денежное обеспечение в размере 80 процентов ежемесячной заработной платы действующего судьи Конституционного суда [247].

Дополнительно вопросы социального обеспечения судей Конституционного Суда решаются органами исполнительной власти. В настоящее время соответствующие нормы содержатся:

- в Распоряжении Президента Азербайджанской Республики от 17 мая 2000 г. № 414 «О дополнительных мерах в области социальной защиты судей Конституционного суда Азербайджанской Республики», а именно: «применить коэффициент 1,5 к действующим ежедневным нормам расходов при направлении судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики в служебную командировку в зарубежные страны» [244];

- в Постановлении Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 27 августа 2001 г. № 142 «Об утверждении Порядка выдачи судьям денежного пособия на лечение», а именно: в течение календарного года судье единожды может быть выдано денежное пособие на лечение [261].

Таким образом, в АР совместными усилиями органов законодательной и исполнительной власти созданы все условия для социального обеспечения судей Конституционного Суда АР.

Вопросы социального обеспечения судей Суда ЕС решаются Европейским парламентом и Советом ЕС. В соответствии со ст. 14 Протокола № 7 о привилегиях и иммунитетах Европейского Союза, эти органы, «постановляя посредством регламентов в соответствии с обычной законодательной процедурой и после консультации с заинтересованными институтами, устанавливают режим социальных пособий для служащих и других сотрудников Союза» [296].

В частности, социальное обеспечение судей Суда ЕС включает:

- выплаты на детей в случае, если у судьи они есть (приблизительно 10 тыс. евро на одного ребенка);

- предоставление бесплатной машины с шофером;

- сразу же после назначения на должность судья получает однократную выплату в размере двухмесячной заработной платы, а также компенсацию на расходы по переезду в г. Люксембург, а также на доставку туда своего имущества, членов своей семьи и их имущества;

- после окончания срока полномочий судье в течение трех лет выплачивается определенная сумма, позволяющая ему без спешки подыскивать себе новое место работы, – от 100 тыс. евро до 162 492 евро;

- после окончания срока полномочий судье предоставляется сумма в 20 832 евро на членов его семьи;

- судья имеет право выхода на пенсию начиная с 60 лет, в этом случае она выплачивается в пониженном размере;

- при выходе на пенсию начиная с 65 лет судья получает пенсию в размере, не превышающем 70 % его заработной платы, т. е. не более 174 993 евро в год [426].

Также Статут Суда ЕС предусматривает, что судья может утратить право на пенсию и/или другие льготы «в случае, если, по единогласному мнению судей и генеральных адвокатов Суда, он перестал отвечать требуемым условиям или соответствовать обязанностям, вытекающим из его поста» [298].

В АР конституционная норма о независимости судей применительно к судьям Конституционного Суда конкретизирована в ст. 15 «Независимость судей Конституционного Суда» профильного Закона. Выше было предложено исключить из нее часть первую, которая устанавливает, что «судьи Конституционного Суда независимы, подчиняются лишь Конституции и законам Азербайджанской Республики». Часть 2 ст. 15 устанавливает, что «независимость судей Конституционного Суда обеспечивается их несменяемостью и неприкосновенностью в период полномочий, особым порядком назначения на должность, привлечения к ответственности, досрочного прекращения полномочий и отстранения от должности, недопустимостью проявления неуважения к Конституционному Суду или вмешательства в его деятельность, им предоставляются материальные и социальные гарантии, соответствующие высокому статусу судей» [247].

По итогам рассмотрения статуса судей Конституционного Суда АР из ч. 2 ст. 15 Закона АР «О Конституционном Суде» следует исключить словосочетание «недопустимостью проявления неуважения к Конституционному Суду или вмешательства в его деятельность» в связи с тем, что оно имеет лишь косвенное отношение к независимости судей, поскольку непосредственно касается независимости Конституционного Суда АР. Часть 2 ст. 5 этого же Закона содержит практически идентичную норму, а именно: «введение каким-либо лицом по какой-либо причине прямо или косвенно ограничения на конституционное производство, оказание на него воздействия, создание угрозы и *вмешательство в него*, а также *проявление к суду неуважения* недопустимы и влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики» [247]. Размещение ее в ст. 5 «Независимость Конституционного Суда», а не в ст. 15 Закона АР «О Конституционном Суде» представляется логически верным.

4. 2. Структура Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Нормативная регламентация внутренней организации Конституционного Суда АР осуществляется Законом АР «О Конституционном Суде», преимущественно статьями Главы второй и Главы третьей. Они предусматривают наличие в структуре Суда Председателя и его заместителя, а также двух палат. Конституционный Суд в полном составе может функционировать в организационных формах Пленума и Собрания судей.

Глава третья «Статус судей Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном суде» содержит несколько статей, имеющих непосредственное отношение к структуре анализируемого органа, а именно:

- статья 20 «Назначение и освобождение председателя Конституционного Суда и заместителя председателя»;

- статья 21 «Председатель Конституционного Суда»;

- статья 22 «Заместитель председателя Конституционного Суда».

Эти статьи в предыдущем подразделе предложено переместить в Главу вторую Закона АР «О Конституционном Суде». В этом случае следует разместить их сразу же после ст. 6 «Состав и организация Конституционного Суда». Таким образом, нумерация статей с 7 по 22 несколько изменится (см. Таблицу 4.1.).

Таблица 4.1.

Предлагаемый порядок статей с 6 по 23 Закона АР «О Конституционном Суде» (*с учетом изменений и дополнений, предложенных в подразделе 4.1 исследования*)

Номер статьи в новой редакции	Номер статьи в текущей редакции	Название статьи
Глава вторая «Основы организации и деятельности Конституционного Суда»		

6	6	Состав и организация Конституционного Суда
7	11	Требования к кандидатам на должности Конституционного Суда
8	12	Назначение судей Конституционного Суда
9	13	Присяга судьи Конституционного Суда
10	14	Срок полномочий судей Конституционного Суда
11	20	Назначение и освобождение Председателя Конституционного Суда и Заместителя председателя
12	21	Председатель Конституционного Суда
13	22	Заместитель председателя Конституционного Суда
14	7	Вопросы, рассматриваемые в заседаниях палат и Пленума Конституционного Суда
15	8	Собрание судей Конституционного Суда
16	9	Символы Конституционного Суда, нагрудный знак и удостоверение судьи Конституционного Суда
17	10	Место расположения Конституционного Суда
Глава третья. Статус судей Конституционного Суда		
18	15	Независимость судей Конституционного Суда
19	16	Неприкосновенность судей Конституционного Суда
20	19	Равноправие судей Конституционного Суда
21	23	Досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда

22	17	Права судей Конституционного Суда
23	18	Обязанности судей Конституционного Суда

В АР Председатель назначается на должность Президентом из числа судей Конституционного Суда. Учитывая небольшое количество судей в этом органе конституционного контроля, а также существование в АР президентской республики, такой подход представляется взвешенным и логичным.

В юридической литературе неоднократно высказывалась критика назначения председателя органа конституционного контроля иным органом публичной власти. В частности, Н. В. Витрук писал: «Если председатель конституционного суда и иные должностные лица избираются (назначаются) компетентным органом вовне, это дает основания полагать, что они обособляются в составе конституционного суда, приобретают иной статус по сравнению с другими его членами и, следовательно, могут оказывать определенное влияние на других судей, ориентируясь на тот орган государственной власти, который их избрал (назначил), тем более если закон предусматривает возможность их переизбрания» [50, с. 214]. Т. В. Мазур считает, что «назначение Председателя конституционного суда, а не его избрание судьями, может привести к тому, что вся судебная власть окажется «под колпаком» у власти политической» [186, с. 110]. Аналогичные мнения встречаются и в азербайджанской юридической литературе: так, Н. Ф. Мамедов считает, что «основными направлениями его (Конституционного Суда АР. – Дж. Г.) развития должны быть … избрание Председателя Конституционного Суда и его заместителей исключительно самим составом суда» [191, с. 59].

Однако, во-первых, вряд ли орган конституционного контроля правильно именовать «вся судебная власть». Во-вторых, практика зарубежных стран, в т. ч. многих государств – членов ЕС, свидетельствует о том, что избрание Председателя органа конституционного контроля самими судьями не является

одной из гарантий независимости судей, следовательно, может иметь место и назначение его на должность.

Венецианская комиссия отмечает, что существует два основных подхода к замещению должности председателя органа конституционного контроля. Первая модель представляет собой избрание председателя судьями органа конституционного контроля из числа самих судей (Бельгия, Дания, Венгрия, Италия, др. страны). Для избрания требуется абсолютное большинство голосов, реже необходимо квалифицированное большинство в 2/3 судей (Португалия). Вторая модель предусматривает либо избрание председателя парламентом (Эстония, Литва, Германия), либо назначение его главой государства (Австрия, Чехия, Испания) [447]. Таким образом, назначение Председателя Конституционного суда АР отвечает не только особенностям формы правления Азербайджана («Азербайджан сегодня относится к категории стран с президентской формой правления, где президент является главой государства и исполнительной власти» [308, с. 1019]), но и практике, одобренной Венецианской комиссией.

Заместитель Председателя Конституционного Суда АР назначается в таком же порядке, что и Председатель. На Заместителя возлагается обязанность при отсутствии Председателя замещать его, а в остальное время – выполнять поручения Председателя.

Что же касается Председателя, то к его ведению Закон АР «О Конституционном Суде» относит представительские и организационные функции как по отношению к работе самого органа конституционного контроля (например, созыв заседаний Пленума и председательствование на них, определение состава палат, назначение судей-докладчиков), так и в отношении аппарата Конституционного Суда АР (например, назначение и увольнение работников аппарата, распоряжение бюджетными средствами для содержания Конституционного Суда и обеспечения его деятельности). Перечень полномочий Председателя Конституционного Суда АР закреплен в ст. 21 и не является исчерпывающим.

Следует отметить, что в одном из Проектов Закона АР «О Конституционном Суде» предусматривался более широкий перечень полномочий Председателя Суда. Однако Венецианская комиссия, рассматривая этот Проект, отметила, что позиция «сильного» Председателя органа конституционного правосудия нежелательна, т. к. демократической практике более соответствует позиция «первый среди равных» (*primus inter pares*) [457, с. 3]. И замечания экспертов были учтены.

Следует отметить, что нормы Закона АР «О Конституционном Суде» относительно полномочий Председателя конкретизированы во Внутреннем уставе Конституционного Суда АР. Такой подход нашел одобрение у экспертов Венецианской комиссии. Анализируя содержание Внутреннего устава Конституционного Суда АР, они отметили, что этот документ в обязательном порядке должен содержать нормы о компетенции председателя суда при взаимоотношениях *vis ? vis* как с судьями, так и с Пленумом и палатами, … а также с персоналом суда [447, с. 3].

В ЕС используется несколько иной, чем в АР, поход к нормативной регламентации структуры Суда ЕС. Весьма лаконичные нормы Договора о Европейском Союзе не содержат этой информации, однако намного более развернутые положения Договора о функционировании Европейского Союза устанавливают, что:

- «Суд заседает в рамках палат или Большой палаты в соответствии с правилами, предусмотренными с этой целью Статутом Суда Европейского Союза. Когда это предусмотрено Статутом, Суд также может заседать на пленуме» (ст. 251);

- «Суду оказывают содействие восемь генеральных адвокатов. По запросу Суда Совет, постановляя единогласно, может увеличить число генеральных адвокатов» (ст. 252);

- «Судьи избирают из своего состава Председателя Суда сроком на три года. Его полномочия могут возобновляться… Суд назначает своего Секретаря и устанавливает его статус» (ст. 253).

Итак, Суд ЕС включает в себя генеральных адвокатов и судей. Судьи формируют: 10 обычных палат, Большую палату, а также Суд в полном составе может функционировать в организационной форме Пленума. Из состава судей избираются Председатель и Вице-председатель Суда ЕС.

Следует отметить, что, хотя в русскоязычной литературе для наименования единоличного руководящего органа Суда ЕС используется понятие «Председатель», на английском языке название должности звучит как «*President of the Court of Justice*», т.е. «Президент Суда ЕС». В дальнейшем будет использоваться понятие «Председатель», учитывая высокую степень его распространенности в литературе на языке данного исследования.

Председатель Суда ЕС избирается судьями из их числа на 3 года с правом переизбрания. По состоянию на 1 ноября 2016 года максимальный срок возглавлял Суд ЕС В. Скурис (*Vassilios Skouris*), представляющий Грецию – с октября 2003 г. по октябрь 2015 г. Его вклад в развитие Суда ЕС был отмечен серией торжественных мероприятий в 2015 г., в т. ч. публикацией книги «Суд ЕС под руководством В. Скуриса» (2003 – 2015)» (*La Cour de justice de l'Union europ?enne sous la pr?sidence de Vassilios Skouris (2003-2015)*). На посту Председателя Суда ЕС В. Скуриса сменил К. Ленэртс (*Koen Lenaerts*), представляющий Бельгию. Первый срок его полномочий Председателя истекает в октябре 2018 г.

До занятия должности Председателя Суда ЕС К. Ленэртс выполнял функции Вице-председателя Суда ЕС (*Vice-President*). Он стал первым, кто занял эту должность в Суде ЕС, т. к. она была введена лишь в октябре 2012 г., с внесением соответствующих изменений и дополнений в Статут Суда ЕС. В обязанности Вице-председателя входит оказание Председателю помощи в выполнении возложенных на него обязанностей. Председатель и Вице-председатель должны представлять собой «команду единомышленников», в связи с чем дата выборов этих должностных лиц совпадает, а кандидаты на должность Председателя и Вице-председателя баллотируются в паре (аналогичная ситуация имеет место, например, при выборах Президента

США). В связи с правилом о «парной» баллотировке в литературе чрезвычайно распространено мнение о том, что избранием на свой последний срок Председателя Суда ЕС в 2012 г. В. Скурис обязан именно согласию К. Ленэртса баллотироваться с ним в паре на должность Вице-председателя.

Во время последних выборов К. Ленэртс баллотировался на должность Председателя Суда ЕС в паре с кандидатом на должность Вице-председателя судьей А. Тицциано (*Antonio Tizzano*), представляющим Италию. Вице-председатель Суда ЕС, так же как и Председатель Суда ЕС, избирается судьями из их числа на срок 3 года с правом переизбрания. На Вице-председателя возлагается помощь Председателю в выполнении его обязанностей, а также замещение Председателя во время его отсутствия [410].

В обязанности Председателя Суда ЕС входит формирование повестки дня и назначение дат и времени начала судебных заседаний Большой палаты и Суда ЕС в полном составе, председательствование на слушаниях дел, ведение и оформление путем проставления своей подписи протоколов заседаний Суда, утверждение перечня дел, назначаемых к слушанию, распределение дел между палатами, а также назначение судьи-докладчика по делу (*Judge-Rapporteur*). Также на Председателя возлагается решение административных вопросов, связанных с функционированием Суда ЕС.

В частности, в подчинении у Председателя находится Секретарь (*Registrar*), который управляет работой секретариата и департаментов Суда ЕС. Вместе с Председателем он участвует в оформлении протоколов судебных заседаний, подписывая их, доводит решения Суда до сведения председателей Европейского парламента и Комиссии и уведомляет о них Председателя Совета, государства – члены ЕС и других заинтересованных лиц, оказывает помощь в получении письменных процессуальных документов от сторон в случае, если дело рассматривается по письменной процедуре. Секретарь Суда ЕС назначается на 6 лет с правом повторного назначения из числа лиц, не являющихся судьями, однако он допускается в совещательную комнату. В связи с этим, в соответствии со Статутом Суда ЕС, «Секретарь приносит перед

Судом присягу о том, что будет осуществлять свои функции полностью беспристрастно и добросовестно и что ни в чем не разгласит тайну совещания судей» [298]. Как и судьи, Секретарь обязан проживать по местонахождению Суда ЕС.

Основным отличием аппарата Суда ЕС от аппарата Конституционного Суда АР является то, что в составе аппарата Суда ЕС по состоянию на 1 января 2012 г. находилось 946 переводчиков (44,7 % от общего количества работников аппарата). Столь значительный штат переводчиков необходим в связи с тем, что объем выполняемой ими работы составляет более 1 млн. страниц текста в год [413].

Коллегиальными органами Суда ЕС являются:

- палаты, состоящие из трех судей (председатель такой палаты избирается на 1 год с правом повторного избрания);

- палаты, состоящие из пяти судей (председатель такой палаты избирается на 3 года с правом повторного избрания);

- Большая палата, состоящая из 15 судей.

Интересным является тот факт, что правило о палатах, состоящих из трех и пяти судей, закреплено в Статуте Суда ЕС и существует *de jure* [413], а *de facto* знакомство с Официальным веб-сайтом Суда ЕС свидетельствует о том, что:

- Первая палата включает Председателя и 5 судей;

- палаты 2-6 включают по председателю и по 4 судьи каждая;

- палаты 7-10 включают по председателю и по 3 судьи каждая [409].

Большая палата (*Grand Chamber*) функционирует под руководством Председателя Суда ЕС. Также в нее по должности входят Вице-председатель, три председателя палат судей, состоящих из 5 должностных лиц. Остальные члены Большой палаты – это судьи Суда ЕС, которые назначаются Председателем при формировании состава Большой палаты для рассмотрения конкретного дела в соответствии с требованиями Регламента Суда ЕС [460].

Чем большее количество судей принимает участие в рассмотрении дела, тем более важным это дело является с точки зрения как самого Суда, так и других органов ЕС. Например, на Пленуме (*full Court*), в соответствии со Статутом Суда ЕС, рассматриваются категории дел, прямо предусмотренные Договором о функционировании Европейского Союза (например, о принудительной отставке Омбудсмена, о принудительной отставке членов Комиссии), а также дела «исключительной важности», если такое предложение вынесено генеральным адвокатом и одобрено Пленумом. Пленум полномочен, если присутствует 15 судей.

Ни Статут Суда ЕС, ни его Регламент не предусматривают, какие именно дела рассматривает Большая палата, – закреплено лишь, что «Суд заседает в рамках Большой палаты по требованию государства-члена или института Союза, выступающих стороной по делу» [298]. Большая палата полномочна, если присутствует 9 судей. К. В. Энтин отметил, что «формат Большой палаты позволяет вносить важные изменения и корректировки в судебную практику, поскольку данный состав Суда, как правило, отличается большим активизмом, под которым понимаются как решения, которые отходят от предшествующей судебной практики, так и решения, ведущие к расширению компетенции ЕС» [395, с. 68].

Каждое дело в Суде ЕС представляет один судья (судья-докладчик). Он подготавливает материалы дела к первой, письменной стадии его рассмотрения, на которой решается вопрос об уровне сложности дела, а соответственно, и о том, будет ли его рассматривать палата из 3-х судей, из 5-ти судей или Большая палата. На этом этапе также решается вопрос о необходимости участия в процессе генерального адвоката. Большинство дел рассматривается палатами из 5-ти судей, без участия генеральных адвокатов. Председатели палат избираются из числа их членов сроком на 1 год, если в палату входит 3 судьи, и на 3 года (в день избрания Председателя и Вице-председателя) – если в палату входит 5 судей.

В Конституционном Суде АР используется несколько другой, нежели в Суде ЕС, подход к распределению дел между его коллегиальными органами. Глава вторая «Основы организации и деятельности Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном Суде» предусматривает наличие двух палат, состав которых определяется Председателем Конституционного Суда АР. Заседания палат полномочны при участии не менее 3 судей, а заседания Пленума – при участии не менее 6 судей.

При формировании палат учитываются два правила: во-первых, председатель Конституционного Суда и его заместитель не могут одновременно входить в состав одной и той же палаты; во-вторых, судьи Конституционного Суда председательствуют в заседаниях палат поочередно. Заседания Пленума проводит Председатель Конституционного Суда АР, либо его заместитель, либо иное лицо, на которое возложены функции руководителя Суда.

И палаты, и Пленум рассматривают дела по сути. Повседневной деятельностью Конституционного Суда АР руководит Председатель, а для принятия наиболее важных решений организационного характера проводятся собрания судей Конституционного Суда АР. Если в Собрании участвует не менее 6 судей, на них могут решаться вопросы принятия либо изменения Внутреннего Устава Конституционного Суда; утверждения официальных символов, знаков отличия, униформы и удостоверения судей; формулирования предложений в проект Государственного бюджета о финансировании деятельности Конституционного Суда, другие организационные вопросы. Следует также отметить, что именно Собрание судей принимает решение в случае, если это необходимо для досрочного прекращения полномочий одного из судей.

Пленум Конституционного Суда АР также предусматривает участие в нем всех судей, однако рассматривает не организационные вопросы, а дела по сути.

В отношении ряда дел Пленум решает вопрос как принятия к производству, так и рассмотрения. К таким делам ст. 7 Закона АР «О Конституционном Суде» относит вопросы, предусмотренные статьей 86, частью I статьи 88, статьей 102, частями II и III статьи 104, статьями 107 и 153 Конституции АР [247]. По остальным делам Пленум лишь принимает решения, а к производству соответствующие запросы, обращения либо жалобы принимают палаты Конституционного Суда АР. К таким делам ст. 7 Закона АР «О Конституционном Суде» относит вопросы, предусмотренные частями III-VII статьи 130 Конституции АР [247].

Итак, Конституционный Суд АР структурирован значительно меньше, чем Суд ЕС, что, несомненно, связано с небольшим количеством судей Конституционного Суда АР в сравнении с Судом ЕС. В частности, отсутствуют институты Секретаря Суда и генеральных адвокатов, хотя рецепция последнего представляется целесообразной в связи с той помощью, которую генеральные адвокаты во главе с Первым генеральным адвокатом оказывают Суду ЕС при рассмотрении некоторых дел.

4.3. Перспективы использования опыта Суда ЕС для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с его внутренней организацией

Наиболее актуальным представляется такое направление комплексной рецепции опыта Суда ЕС для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанных с его внутренней структурой, как рецепция института генеральных адвокатов (*Advocates General*). Как отметила М. В. Кривова, «институт генеральных адвокатов хорошо известен некоторым континентальным системам, в частности Франции, Бельгии, Германии» [171, с. 43].

Статья 222 Договора о функционировании ЕС предусматривает, что Суду ЕС оказывает содействие 8 генеральных адвокатов и что «по запросу Суда Совет, постановляя единогласно, может увеличить число генеральных адвокатов» [92]. В настоящее время в Суде ЕС работает 11 генеральных адвокатов. Шесть из них на постоянной основе представляют самые крупные государства – члены ЕС (Великобританию, Испанию, Италию, Францию, ФРГ и Польшу), а оставшиеся пять – это юристы из других стран – членов ЕС, включаемые в состав Суда ЕС в порядке определенной очередности. В настоящее время эту часть корпуса генеральных адвокатов формируют лица, представляющие Бельгию, Швецию, Финляндию, Данию и Чехию [434]. Договор о Европейском Союзе не запрещает повторное назначение на должности генеральных адвокатов после истечения срока их полномочий, однако, исходя из национальной структуры корпуса генеральных адвокатов, очевидно, что лишь те из них, которые представляют Великобританию, Испанию, Италию, Францию, ФРГ и Польшу, *de facto* могут быть назначены на свои должности повторно, по истечению срока своих полномочий.

В настоящее время соотношение между количеством судей Суда ЕС и количеством его генеральных адвокатов составляет 28 к 11, т. е. судей в 2,5 раза больше, чем генеральных адвокатов. Применение этого соотношения к Конституционному Суду АР, включающему 9 судей, позволяет рекомендовать введение четырех вакансий генеральных адвокатов (9 : 2,5 = 3,6).

Договор о Европейском Союзе в ст. 19 предусматривает, что «Суду оказывают содействие генеральные адвокаты» [91]. Английский текст Договора еще более точен в том, что генеральные адвокаты выполняют вспомогательную функцию и что их участие в процедуре рассмотрения дела и вынесения решения по нему является возможным, но не обязательным: «*The Court of Justice … shall be assisted by Advocates-General*» [468].

Следует отметить, что роль генеральных адвокатов в Суде ЕС не всегда была вспомогательной. До вступления в силу Ниццского договора их участие в процессе рассмотрения дел было обязательным. К. Ю. Голуб по этому поводу

отметил: «На первый взгляд кажется, что корпус генеральных адвокатов … недостаточен, поскольку количество дел, рассматриваемых Судом, исчисляется сотнями, а на каждое из них по общему правилу должен быть назначен один генеральный адвокат… Если бы они должны были представлять свое заключение по каждому рассматриваемому в Суде делу, то их рабочая нагрузка выросла бы колоссально, особенно в сравнении с судейским корпусом» [71, с. 111]. Однако все возрастающее количество обращений, поступающих в Суд ЕС и, как следствие, все увеличивающееся количество рассматриваемых дел привели, во-первых, к увеличению числа генеральных адвокатов с 8 до 11 и, во-вторых, к переходу от их обязательного участия в процессе к факультативному.

В настоящее время Суд ЕС после заслушивания генерального адвоката может решить, что дело будет рассмотрено без его заключения, если оно «не поднимает никаких новых вопросов в праве» (*do not raise any new point of law,* т. е. не предполагает осуществление толкования норм первичного права ЕС) [449]. Суд ЕС активно использует предоставленную статьей 20 своего Статута возможность не привлекать генерального адвоката к участию в деле: например, в 2015 г. без участия генерального адвоката было рассмотрено 43 % дел [412].

По аналогии в Конституционном Суде АР генеральные адвокаты также могут привлекаться к рассмотрению не всех дел.

Статья 19 Договора о Европейском Союзе устанавливает к кандидатам на должности генеральных адвокатов такие же требования, как и к кандидатам на должности судей Суда ЕС («отбираются из числа лиц, обеспечивающих любые гарантии своей независимости и отвечающих условиям, предусмотренным в статьях 253 и 254 Договора о функционировании Европейского Союза» [91]). Договор также предусматривает, что генеральные адвокаты назначаются в том же порядке, что и судьи Суда ЕС («по общему согласию правительствами государств-членов на 6 лет… Генеральные адвокаты, чьи полномочия истекли, могут быть назначены вновь» [91]).

Договор о функционировании Европейского Союза в ст. 252 конкретизирует значение рассматриваемых должностных лиц в судебном процессе, а именно: «Роль генерального адвоката состоит в том, чтобы публично, с полной беспристрастностью и полной независимостью, представлять мотивированные заключения по делам, которые в соответствии со Статутом Суда Европейского Союза требуют его участия» [92].

Статья 253 Договора о функционировании Европейского Союза содержит более детальные положения о назначении и ротации генеральных адвокатов, а именно:

- «генеральные адвокаты Суда, отбираемые из числа лиц, обеспечивающих любые гарантии своей независимости, которые отвечают условиям, требуемым для занятия высших судебных должностей в своих соответствующих странах, или являются знатоками права с общепризнанной компетентностью, назначаются по общему согласию правительствами государств-членов на шесть лет после консультации с комитетом, предусмотренным в статье 255;

- частичное обновление состава … генеральных адвокатов происходит каждые три года на условиях, предусмотренных Статутом Суда Европейского Союза» [92].

Количество генеральных адвокатов, подлежащее ротации каждые три года, не закрепляется точным числом, а рассчитывается по такой же формуле, как и для судей Суда ЕС (в настоящее время в первый раз ротация применяется к 5 генеральным адвокатом, во второй раз – к шести). В случае заимствования института генеральных адвокатов для дальнейшего усовершенствования деятельности Конституционного Суда АР следует отметить нецелесообразность проведения такой ротации преимущественно потому, что предлагаемое количество вакансий генеральных адвокатов (четыре) и установление для них такого же срока полномочий, как и для судей (9 лет), крайне сложно вписать в механизм ротации, а также в связи с отсутствием в АР практики ротации судей.

Статус генеральных адвокатов регламентирует Статут Суда ЕС в Разделе I «Статус судей и генеральных адвокатов». Изучение соответствующих норм позволяет ученым вести речь о том, что «и судьи, и генеральные адвокаты обладают единым личным статусом, составляя вместе корпус членов Европейского Суда» [380, с. 140].

Действительно, в рассматриваемом разделе Статута статьи 2–7 устанавливают основы статуса судей Суда ЕС, а ст. 8 гласит, что «положения статей 2–7 распространяют действие на генеральных адвокатов» [298]. Однако вряд ли правильно вести речь об идентичности их статуса. Напомним, что статус судьи Суда ЕС рассматривался в составе следующих элементов: права, обязанности, гарантии независимости судей. По аналогии можно прийти к выводу, что и статус генеральных адвокатов включает в себя их права, обязанности, а также гарантии независимости. Исходя из Статута Суда ЕС и его Регламента, идентичным является лишь порядок формирования корпуса судей и генеральных адвокатов, а также гарантии их независимости. Что же касается прав и обязанностей судей и генеральных адвокатов, то между ними больше различий, нежели совпадений.

Это подтверждает и М. В. Кривова, отмечая, что «несмотря на различные функции, которые выполняют судьи и генеральные адвокаты при Суде ЕС, все они, тем не менее, в равной степени обладают статусом членов Суда ЕС [171, с. 30]. Следует отметить не вполне верное использование понятие «статус» в этом предложении – скорее всего, автор имела в виду, что и судьи Суда ЕС, и генеральные адвокаты входят в состав Суда ЕС. Однако М. В. Кривова совершенно верно отметила существование различий в функциях судей и генеральных адвокатов, что не может не влиять на объем и перечень их прав и обязанностей.

Например, генеральные адвокаты не участвуют вместе с судьями в выборах Председателя Суда ЕС, его заместителя, председателей палат. Они лишь наделены правом вместе с судьями голосовать за кандидатуру Секретаря Суда ЕС. Корпус генеральных адвокатов возглавляет Первый генеральный

адвокат, однако его избирают не сами генеральные адвокаты, а «Суд» в составе как генеральных адвокатов, так и судей на один год. Первый генеральный адвокат не имеет заместителей.

Вопрос о назначении генерального адвоката по делу решается после того, как по нему назначен судья-докладчик. В соответствии со ст. 16 Регламента Суда ЕС, назначение генерального адвоката является прерогативой Первого генерального адвоката [298]. К. В. Энтин отмечает, что «при распределении дел соблюдается два основных правила: во-первых, генеральный адвокат никогда не участвует в разбирательстве дела, затрагивающего его государство, и во-вторых, генеральный адвокат не может быть гражданином того же государства, что и судья-докладчик» [395, с. 65-66].

Существование Первого генерального адвоката в Суде ЕС достаточно обосновано, ведь организовать работу 11 человек весьма сложно. Что же касается Конституционного Суда АР, то введение 4-х вакансий генеральных адвокатов вряд ли вызовет необходимость выбора одного из них в качестве лица, выполняющего организационные функции. Организацию работы генеральных адвокатов и распределение дел между ними для экономии времени и иных ресурсов целесообразно возложить на Председателя Конституционного Суда АР.

К. Ю. Голуб считает, что «генеральный адвокат играет в Суде ЕС совершенно особую роль. Будучи адвокатом, т. е. защитником определенных правовых интересов, он не представляет ни институты Союза, ни государства-члены. Его задача заключается в отстаивании неприкосновенности общих ценностей, в данном случае основных положений европейского права» [71, с. 111]. По мнению исследователей, «наличие генеральных адвокатов позволяет Суду выносить более компетентные и обоснованные решения» [286, с. 125]. Таким образом, следует согласиться с тем, что «генерального адвоката следует … воспринимать как еще одного арбитра, который излагает судьям свое независимое мнение и предлагает им алгоритм решения рассматриваемого дела. При этом генеральный адвокат не ограничивается детальным изучением

законодательства и судебной практики, а пытается спрогнозировать, какими окажутся последствия того или иного решения для широкого круга лиц и для развития права ЕС в целом. … Генеральный адвокат обязан держать в уме более широкую картину, что позволяет ему привлекать внимание суда к потенциальным опасностям и проблемам, сопряженным с выбором той или иной аргументации принимаемого решения» [395, с. 64].

Основную причину единоличной работы генерального адвоката М. В. Кривова пояснила тем, что они «не принимают участия в вынесении судебного решения. Генеральные адвокаты не защищают интересы отдельных участников процесса, а действуют исключительно в интересах права» [171, с. 30]. С ней соглашаются и другие исследователи. Так М. М. Бирюков отмечает, что «свое заключение генеральный адвокат готовит один, а судьи принимают решения коллегиально [32, с. 208]. К. Ю. Голуб пишет: «Принципиальные отличия работы генерального адвоката от деятельности судьи заключается в том, что результат последнего всегда анонимен. Окончательное решение Суда ЕС вырабатывается всеми судьями на компромиссной основе и не предполагает особых мнений. Заключение генерального адвоката всегда носит персонифицированный характер» [71, с. 111]. Еще больше деталей организации работы раскрывает К. В. Энтин: «В отличие от судей генеральный адвокат не участвует в обсуждении и принятии решения по делу. Чтобы подчеркнуть независимость от чьего-либо влияния, генеральный адвокат входит в зал заседаний через особую дверь и садится отдельно от судей» [395, с. 65].

Итак, генеральные адвокаты могут выступать перед Судом ЕС в двух случаях, а именно:

- если Суд ЕС в соответствии со ст. 16 Статута считает, что поступившее ему дело обладает исключительной важностью, он может решить передать дело на рассмотрение Пленума после того, как будет заслушано мнение генерального адвоката;

- если «генеральный адвокат формулирует обоснованное и беспристрастное мнение по вопросу о том, как должен быть разрешен спор, и публично оглашает его, завершая тем самым устную стадию рассмотрения дела в Суде ЕС» [171, с. 43].

И мнение генерального адвоката по поводу целесообразности рассмотрения дела Пленумом Суда ЕС, и заключение генерального адвоката, оглашаемое на устной стадии рассмотрения дела, не являются обязательными для учета судьями. Даже если заключение генерального адвоката не было учтено при принятии судебного решения, сам факт его наличия имеет ряд преимуществ. И. Пачо считает, что, во-первых, все генеральные адвокаты являются экспертами в сфере права. Во-вторых, так как в их функции входит формулирование по делу заключения, содержащего исчерпывающий анализ юридической проблемы, во многих случаях их мнение является крайне важным для детального рассмотрения дела по существу. Заключение генерального адвоката включает в себя анализ фактической ситуации, предшествующей обращению в Суд ЕС, а также те правовые проблемы, которые выявил в этой ситуации генеральный адвокат. И. Пачо подчеркивает, что заключения генеральных адвокатов «очень вдохновляют» судей («*provide great inspiration*») и помогают при принятии мотивированного решения по делу [451].

К. В. Энтин считает, что, во-первых, заключения генеральных адвокатов позволяют во многом компенсировать отсутствие особых мнений судей, часто давая возможность пролить свет на соображения, которыми руководствовался Суд ЕС, принимая то или иное решение. Во-вторых, даже в случае, когда Суд не соглашается с выводами или аргументацией, предложенными генеральным адвокатом, его мнение также небезынтересно, поскольку содержит альтернативные варианты решения конкретной правовой проблемы [395, с. 65].

Следует отметить, что участие генеральных адвокатов в делах, рассмотрение которых происходит в Суде ЕС, высоко оценено Хельсинским союзом по защите прав человека [451], а также Федерацией европейских

налогоплательщиков. Последняя публично высказала озабоченность тем, что дела в Суде ЕС все чаще рассматриваются без участия генеральных адвокатов, что не позволяет учесть альтернативные точки зрения на проблему, а также мнения о ней, высказанные в юридической литературе. По мнению экспертов Федерации европейских налогоплательщиков, решения Суда ЕС по делам, в которых не принимал участие генеральный адвокат, являются «короткими и не всегда достаточно мотивированными» [448].

В юридической литературе часто подчеркивается, что «в большинстве случаев Суд ЕС принимал решения, совпадающие с заключениями генеральных адвокатов. Это показатель их высокой профессиональной квалификации» [32, с. 208]. В 2016 г. К. Арребола, А. Маурисио и Г. Х. Портилла (*Carlos Arrebola, Ana Julia Mauricio and H?ctor Jim?nez Portilla*) опубликовали результаты эконометрического анализа влияния генеральных адвокатов на деятельность Суда ЕС в период с 1994 по 2014 г. Они пришли к выводу о том, что в 67 % случаев Суд соглашался с мнением генерального адвоката по делу [401, с. 2].

М. В. Кривова отметила, что «заключение генерального адвоката представляет собой независимое и компетентное юридическое заключение по делу и выражает точку зрения генерального адвоката на то, каким должно быть решение Суда ЕС» [171, с. 43]. Она также верно сформулировала отличия заключения генерального адвоката от судебного решения, в частности: «Заключения генерального адвоката не только облегчают понимание обстоятельств дела, но могут содержать критический анализ судебной практики, описывать тенденции и направления ее развития, содержать сравнительно-правовой анализ и обобщение правовых подходов к одной и той же проблеме в различных государствах-членах. На их основании можно делать заключения о существовании общего принципа права ЕС, общего для всех государств-членов, предлагать Суду ЕС различные варианты решения» [171, с. 44]. Таким образом, судебному решению присущ преимущественно практический характер, а заключению генерального адвоката –

преимущественно доктринальный. Ю. М. Орлова подчеркнула, что «постановления и заключения генеральных адвокатов содержатся в сборнике…, который публикуется на всех языках ЕС. Тем не менее единственная версия, на которую можно ссылаться и которая признается достоверной, – это версия на языке судопроизводства» [270, с. 75].

Следует отметить, что Конституционный Суд АР имеет возможность получить заключение доктринального характера по рассматриваемому делу и без введения института генеральных адвокатов – при вызове в суд эксперта (эксперты всегда специализируются на правовых вопросах).

Закон АР «О Конституционном Суде» по поводу экспертов предусматривает в ст. 45, что:

- «Конституционный Суд по собственной инициативе или по просьбе сторон либо заинтересованных субъектов может пригласить в качестве эксперта лицо, обладающее научными или другими специальными знаниями по вопросу, рассматриваемому в заседании Конституционного Суда. Эксперт представляет письменное заключение по делу;

- эксперт обязан давать объективные и мотивированные ответы на задаваемые ему вопросы. Для того чтобы ответить на вопросы, эксперт может обратиться в Конституционный Суд с ходатайством об ознакомлении с материалами конституционного дела и необходимыми дополнительными материалами. В случае, если эксперт посчитает имеющиеся у него материалы недостаточными для ответа на заданные вопросы или у него нет необходимых знаний для ответа на заданные вопросы, он должен уведомить об этом Конституционный Суд. С разрешения председательствующего на Конституционном Суде эксперт для ответа на заданные ему вопросы может задать вопрос сторонам, заинтересованным субъектам и свидетелям;

- эксперт обязан проявлять уважение к Конституционному Суду, соблюдать требования конституционного производства. Эксперт обязан явиться в Конституционный Суд в установленное время, проявлять уважение к

порядку, принятому в Конституционном Суде, незамедлительно выполнять указания председательствующего на заседании Конституционного Суда;

- за дачу заведомо ложного заключения эксперт может быть привлечен к ответственности, предусмотренной законодательством Азербайджанской Республики» [247].

В отличие от генерального адвоката, который всегда является специалистом в сфере права, эксперт может специализироваться не только в правовых, но и в иных вопросах. В Конституционный Суд АР достаточно часто вызывают экспертов в области права, традиционно выбирая компетентных ученых из числа сотрудников юридического факультета Бакинского государственного университета. Однако их вряд ли можно приравнять к генеральным адвокатам по статусу: ст. 45 Закона АР «О Конституционном Суде» не предусматривает, что эксперт должен быть независим, и не устанавливает для него такие же гарантии независимости, как для судей.

Т. Я. Хабриева отмечает, что «конституционное толкование примыкает к научно-теоретическому анализу права. Не случайно, что и судьи Конституционного Суда в большинстве своем имеют ученые степени, и вызываемые в суд эксперты часто являются видными учеными-юристами» [363, с. 18]. Более чем вероятно, что у эксперта будет гораздо меньше времени на составление заключения, чем у генерального адвоката в аналогичной ситуации. Очевидно и то, что оплата работы эксперта будет несколько меньшей, чем оплата работы генерального адвоката, что также может повлиять на качество заключения, ведь чем больше рабочего времени лицо отводит на написание заключение, тем большее количество соответствующих материалов может быть изучено, оценено и обобщено в заключении. А ведь именно обобщение значительного количества материалов, имеющих отношение к рассматриваемому делу, и придает ценность заключениям генеральных адвокатов. А. В. Фастовец пишет: «Генеральные адвокаты достаточно часто имеют собственную позицию относительно вынесенного судом преюдициального решения, в том числе и по вопросу юрисдикции Суда в

отношении определенного дела или соответствия вопросов в контексте дела. Кроме того, даже несмотря на то, что Суд в основном учитывает все аспекты дела, высказанные генеральным адвокатом в его позиции, часто такая позиция содержит более широкое изложение различных аспектов дела, в том числе и юридических» [360, с. 118], констатируя тот факт, что генеральные адвокаты в своем заключении дают более глубокий анализ дела, нежели Суд ЕС в своем решении.

Конституционный Суд АР наделен правом привлекать к рассмотрению конституционного дела не только экспертов в области права, но и специалистов-юристов. В отличие от экспертов, всегда специализирующихся в области права, специалисты могут иметь различную специализацию, в т. ч. юридическую. Кроме того, специалисты отличаются от экспертов еще и тем, что не получают оплату за проделанную ими для Суда работу и не несут юридической ответственности за подготовленные ими заключения. Таким образом, как эксперты, так и специалисты-юристы вряд ли могут рассматриваться в качестве альтернативы генеральным адвокатам.

Наличие у Конституционного Суда АР возможности привлечь к работе над конституционным делом как экспертов в области права, так и специалистов-юристов может привести к тому, что полученные от них заключения по делу могут разниться по своему содержанию (и, как уже упоминалось, этим заключениям иногда может недоставать глубины анализа). Генеральный адвокат же работает с материалами дела единолично, в течение продолжительного времени, часто сосредотачивая свое внимание лишь на одном деле, в результате чего судье вероятнее всего будет представлен более глубокий анализ, чем можно было бы ожидать от нескольких экспертов и специалистов в области права. В связи с этим институт генеральных адвокатов обладает несомненными преимуществами.

Подытожим сформулированные предложения. В Конституционном Суде АР целесообразно использовать практику Суда ЕС в части функционирования института генеральных адвокатов. Сравнение количества судей с количеством

генеральных адвокатов в Суде ЕС позволяет рекомендовать создание в Конституционном Суде АР 4-х вакансий генеральных адвокатов. Требования к кандидатам на должности генеральных адвокатов аналогичны требованиям к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР, а порядок формирования корпуса генеральных адвокатов аналогичен порядку формирования судейского корпуса. Целесообразно и установление аналогичного срока полномочий для судей и для генеральных адвокатов – пожизненного занятия должности до достижения предельного возраста нахождения на ней (70 лет). Генеральных адвокатов следует наделить теми же гарантиями независимости, что и судей Конституционного Суда АР. Их основной функцией будет представление заключений по делам определенного вида, рассматриваемым Конституционным Судом АР. Распределение дел между генеральными адвокатами целесообразно возложить на Председателя Конституционного Суда АР. Вопрос о том, по каким именно делам следует привлечь к участию в процессе генерального адвоката, требует дополнительного исследования.

Выводы по Разделу 4.

1. К элементам конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанным с его внутренней структурой, относятся: а) правовой статус судей этого органа; б) структура Конституционного Суда АР. Обоснована целесообразность включения в состав статуса судей Конституционного Суда АР таких элементов, как права, обязанности и гарантии независимости судей.

2. На основании изучения норм Закона АР «О Конституционном Суде», регламентирующих статус судей этого органа, сформулированы следующие предложения об оптимизации его структуры: а) присоединить статьи 12-14 к Главе второй «Основы организации и деятельности Конституционного Суда» (таким образом нормы, содержащие требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда, а также регламентирующие избрание судей

Конституционного Суда, начало и срок их полномочий, будут располагаться логически верно – непосредственно перед нормами, закрепляющими статус судей Конституционного Суда АР); б) разделить на две статьи статью 11 «Требования к судьям Конституционного Суда» (ч. 1 содержит требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР, а ч. 2 – требования к судьям).

Статью 11 в новой редакции предложено назвать «Требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда» и переместить в Главу вторую Закона АР «О Конституционном Суде». Разработана новая редакция ст. 11, а именно: «В соответствии со статьей 133-3 Конституции Азербайджанской Республики судьей Конституционного Суда может быть гражданин Азербайджанской Республики в возрасте не моложе 18 лет, обладающий правом участия в выборах, имеющий высшее юридическое образование и проработавший по юридической специальности более 10 лет».

Вторую часть ст. 11 Закона АР «О Конституционном Суде» в текущей редакции, содержащую требования не к кандидатам на должности судей, а к судьям Конституционного Суда АР, рекомендовано включить в состав ст. 15 «Независимость судей Конституционного Суда» в качестве части 15.3: «Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакого другого оклада, кроме зарплаты, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность». Необходимость переноса этих норм в главу о статусе судей исследуемого органа аргументирована тем, что они представляют собой перечень гарантий независимости судей Конституционного Суда АР.

3. Гарантии независимости судей Конституционного Суда АР предложено классифицировать на организационные, процессуальные и

социальные. К организационным гарантиям независимости судей Конституционного Суда АР следует отнести несовместимость, беспристрастность, неприкосновенность личности и жилища, иммунитет от юрисдикции, особый порядок формирования Конституционного Суда АР; к процессуальным – особое мнение судьи, самоотвод судьи, тайну совещательной комнаты, к социальным – материальное обеспечение судей и их социальную защиту.

4. С целью более четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР рекомендовано перенести из Главы VII «Судебная власть» в Главу VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» все нормы, содержащие гарантии независимости судей единственного органа конституционной юрисдикции АР. Сформулировано предложение дополнить ст. 133-3 Основного Закона АР частями второй и третьей:

«II. Судьи Конституционного Суда Азербайджанской Республики не могут занимать никакой другой выборной и назначаемой должности, не могут заниматься никакой предпринимательской, коммерческой и другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой деятельности, не могут заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, не могут получать никакого другого оклада, кроме зарплаты, а также средств за научную, педагогическую и творческую деятельность.

III. Судьям Конституционного Суда Азербайджанской Республики гарантируется независимость».

5. На основании изучения норм Закона АР «О Конституционном Суде», регламентирующих внутреннюю организацию этого органа, сформулировано предложение о переносе статей 20–22 Закона, регламентирующих назначение и освобождение Председателя Конституционного Суда и Заместителя Председателя, а также о полномочия этих должностных лиц, из Главы третьей «Статус судей Конституционного Суда» в Главу вторую «Основы организации

и деятельности Конституционного Суда». В результате переноса Глава вторая «Основы организации и деятельности Конституционного Суда» будет состоять из статей 6-17 со следующими наименованиями: «Состав и организация Конституционного Суда», «Требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда», «Избрание судей Конституционного Суда», «Присяга судьи Конституционного Суда», «Срок полномочий судей Конституционного Суда», «Назначение и освобождение председателя Конституционного Суда и Заместителя председателя», «Председатель Конституционного Суда», «Заместитель председателя Конституционного Суда», «Вопросы, рассматриваемые в заседаниях палат и Пленума Конституционного Суда», «Собрание судей Конституционного Суда», «Символы Конституционного Суда, нагрудный знак и удостоверение судьи Конституционного Суда», «Место расположения Конституционного Суда».

6. Выявлено, что наиболее существенным отличием в правовом положении должностных лиц Конституционного Суда АР и Суда ЕС является порядок замещения должностей их председателей и заместителей. В Азербайджанской Республике Председатель Конституционного Суда и его Заместитель назначаются на должность Президентом из числа судей Конституционного Суда. Председатель и Заместитель председателя Суда ЕС избираются судьями из числа членов судейского корпуса (голосование происходит за пару кандидатов «председатель – заместитель»). Оба порядка замещения руководящих должностей отвечают современным демократическим стандартам, разрабатываемым Венецианской комиссией Совета Европы «За демократию через право». Доказано, что в настоящее время заимствование опыта Суда ЕС в этой сфере для Азербайджана будет нецелесообразным: относительно небольшое количество судей в Конституционном Суде (9 человек) сделает технически невозможными выборы, если голосование будет происходить за несколько пар кандидатов «председатель – заместитель».

7. Резюмировано, что Конституционный Суд АР структурирован значительно меньше, чем Суд ЕС, что связано с меньшим количеством судей

Конституционного Суда АР (28 судей в Суде ЕС, 9 судей в Конституционном Суде АР). В частности, отсутствуют институты Секретаря Суда и генеральных адвокатов, хотя рецепция последнего представляется целесообразной в связи оказываемой ими помощью при рассмотрении некоторых дел.

Констатировано, что целью участия генерального адвоката в судебном процессе является подготовка и представление в судебном заседании мотивированного заключения по делу; заключение не носит обязательного характера. Генеральные адвокаты оказывают содействие Суду ЕС, участвуя в рассмотрении наиболее важных дел, однако не всех. По аналогии, в Конституционном Суде АР участие генеральных адвокатов в рассмотрении дел рекомендовано сделать факультативным.

Обобщено, что к генеральным адвокатам Суда ЕС предъявляются те же требования, что и к судьям этого органа. Правовой статус генеральных адвокатов и судей Суда ЕС за некоторыми исключениями является практически идентичным. Как и к судьям, к генеральным адвокатам Суда ЕС применяется и 6-летний срок нахождения на должности, и принцип ротации. В настоящее время соотношение между количеством судей Суда ЕС и количеством его генеральных адвокатов составляет 28 к 11, т.е. судей в 2,5 раз больше, чем генеральных адвокатов. Применение этого соотношения к Конституционному Суду АР, включающему 9 судей, позволяет рекомендовать введение четырех вакансий генеральных адвокатов (9 : 2,5 = 3,6).

Количество генеральных адвокатов Суда ЕС, подлежащее ротации каждые три года, не закрепляется точным числом, а рассчитывается по такой же формуле, как и для судей Суда ЕС (в настоящее время в первый раз ротация применяется к 5 генеральным адвокатам, во второй раз – к 6). В случае заимствования института генеральных адвокатов для дальнейшего усовершенствования деятельности Конституционного Суда АР подчеркнута нецелесообразность использования ротации – в связи с отсутствием в АР практики ротации судей и с тем, что предлагаемое количество вакансий генеральных адвокатов (четыре) и установление для них такого же срока

полномочий, как и для судей (существующего срока полномочий 9 лет) крайне сложно вписать в механизм ротации. Введение пожизненного нахождения судей Конституционного Суда АР на должности затронет и генеральных адвокатов, а следовательно – сделает их ротацию неактуальной.

Генеральные адвокаты Суда ЕС не участвуют в избрании Председателя Суда ЕС, но наделены аналогичным правом в отношении лица, организовывающего их работу – Первого генерального адвоката. Сформулировано, что введение 4-х вакансий генеральных адвокатов в Конституционном Суде АР навряд ли вызовет необходимость выбора одного из них Первым генеральным адвокатом. Организацию работы генеральных адвокатов и распределение дел между ними для экономии времени и иных ресурсов целесообразно возложить на Председателя Конституционного Суда АР.

РАЗДЕЛ 5.
ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

5.1. Функции и компетенция Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Роль органов конституционного контроля в жизни каждого современного государства сложно переоценить, и с этой точки зрения Азербайджан не является исключением. Как справедливо отметил Председатель Конституционного Суда АР Ф. Абдуллаев, «обеспечение конституционной законности, а следовательно, и верховенства права, невозможно без конституционного контроля – одного из важнейших институтов современного правового государства» [5, с. 118]; ведь «конституционное правосудие как один из важных элементов правовой культуры оказывает существенное влияние на общество в целом и процессы его развития. В правовом государстве деятельность органа конституционного контроля позволяет обеспечивать верховенство закона, устранять коллизии в законодательной системе, решать исключительно правовыми средствами споры по распределению полномочий между государственными органами, восстанавливать нарушенные права и свободы, обеспечивать гармоничное, логичное развитие в правоприменительной практике, осуществлять конституционный контроль над поведением основных субъектов политической системы» [46]. Важную роль органов конституционного контроля в обеспечении конституционной законности признают и иные исследователи – например, О.В. Щербанюк [391].

Конституционный Суд АР в настоящее время функционирует достаточно эффективно, однако следует отметить, что опыт Суда ЕС представляется перспективным для дальнейшего усовершенствования тех элементов

конституционного статуса Конституционного Суда АР, которые связаны с организацией его деятельности.

К числу элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанных с организацией его деятельности, относятся функции и компетенция рассматриваемого органа.

В юридической литературе компетенцию нередко характеризуют как совокупность полномочий органа конституционного контроля (см., например, [191, с. 58; 280, с. 102; 8, с. 15-16]. Однако взгляд на компетенцию лишь как на совокупность полномочий представляется слишком ограниченным. В данном случае уместнее было бы вести речь о юрисдикции. А. Н. Нуянзин справедливо отметил, что «применительно к судебным органам государственной власти наряду с понятием компетенции для характеристики их правового статуса употребляется также понятие юрисдикции» [242, с. 17] и что «понятие компетенции шире понятия юрисдикции» [242, с. 18].

А.А. Селиванов определил, что «юрисдикцию конституционного суда можно в общем виде сформулировать, как предоставленное Конституцией право единому органу правосудия, наделенному исключительными полномочиями, устанавливать конституционность актов и действий центральных органов власти, исследовать через выявление смысла конституционных норм, положений, конституционно-правовые явления (проводить толкование) или обеспечивать охрану Конституции, разрешает спорные правоотношения, которые возникают в практической деятельности субъектов права» [328, с. 63]. Это предложение представляется убедительным.

Следует согласиться с Ю. А. Тихомировым в том, что компетенция – это «законно установленный объем публичных дел, выполняемых уполномоченным субъектом, элементами которой являются предметы ведения как объект воздействия и полномочия как легальная мера воздействия. Возложение публичной властью компетенции на тех или иных субъектов означает установление определенных рамок, в которых должны выполняться общие публичные функции, и наделение субъектов для этого необходимыми

средствами и процедурами» [354, с. 2-3]. Ученый сформулировал, что «полномочие в публичном праве – право и одновременно обязанность соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом» [355, с. 52], и определил компетенцию как совокупность полномочий и предмета ведения, одновременно подчеркнув связь между компетенцией и функциями.

В литературе существует еще одна точка зрения по поводу соотношения понятий «компетенция» и «функции». О. В. Опря отметила, что «компетенция органов публичной власти представляет собой совокупность их функций и полномочий, установленных правовыми нормами» [266, с. 71]. Авторы учебника «Конституционный судебный процесс» пришли к похожему заключению: «Под компетенцией понимается совокупность возможностей указанного органа по реализации возложенных на него функций» [147, с. 61]. Н. Ф. Мамедов, анализируя деятельность Конституционного Суда АР, подчеркнул: «Говоря о компетенции Конституционного Суда, следует отметить, прежде всего, ее обширность, так как функции Суда выходят за рамки собственно конституционного контроля, определяя его уникальное место в системе высших органов власти Республики» [190, с. 48]. Следует отметить, что вряд ли справедливо отождествлять функции, которые представляют собой основные направления деятельности исследуемого органа, с полномочиями этого органа.

В настоящее время «существует несколько способов определения компетенции конституционных судов. В некоторых странах она устанавливается только конституцией и исчерпывающим образом, то есть высший закон содержит закрытый перечень полномочий органа конституционной юстиции, который не может быть дополнен законодательно… В большинстве стран функции и полномочия конституционного суда определяются не только конституцией, но… и законом о конституционном суде и (или) иными актами. В таких случаях перечень полномочий суда, установленный высшим законом, как правило, открытый»

[266, с. 71-72]. Учитывая важность конституционного контроля для каждого государства, следует отдавать предпочтение закреплению его компетенции исключительно в Основном Законе. Именно такой подход используется в отношении Конституционного Суда АР и в отношении Суда ЕС.

Компетенция Конституционного Суда АР устанавливается исключительно нормами Основного Закона – Закон АР «О Конституционном Суде» в ст. 3 «Полномочия Конституционного Суда» содержит отсылочную норму, в соответствии с которой «полномочия Конституционного Суда устанавливаются статьей 86, частью I статьи 88, статьей 102, частью I статьи 103, частями II и III статьи 104, статьей 107, частями III-VII статьи 130, статьями 153 и 154 Конституции Азербайджанской Республики» [247].

Как уже упоминалось, Основной Закон АР посвящает Конституционному Суду АР ст. 130 полностью. В ее положениях закрепляется часть полномочий этого органа. Еще часть полномочий Конституционного Суда АР устанавливают:

- статья 86 «Проверка и утверждение результатов выборов депутатов Милли Меджлиса Азербайджанской Республики»;

- статья 88 «Сессии Милли Меджлиса Азербайджанской Республики»;

- статья 102 «Итоги выборов Президента Азербайджанской Республики»;

- статья 103 «Присяга лица, избранного Президентом Азербайджанской Республики»;

- статья 104 «Стойкая неспособность Президента Азербайджанской Республики исполнять свои полномочия»;

- статья 153 «Порядок внесения предложений об изменениях в тексте Конституции Азербайджанской Республики».

- статья 154 «Ограничение полномочий Конституционного Суда Азербайджанской Республики».

В таком закреплении полномочий Конституционного Суда АР в Основном Законе, предполагающем наличие как списка полномочий в ст. 130, так и одиночных полномочий в иных статьях Конституции, присутствует

внутренняя логика. Дела по вопросам, включенным в п. III-VII ст. 130 Основного Закона АР, рассматриваются Пленумом и палатами Конституционного Суда АР, а дела по вопросам, упомянутым в ст. 86, ч. I ст. 88, ст. 102, ч. II-III ст. 104, ст. 107 и ст. 153 Конституции АР, – исключительно Пленумом Конституционного Суда АР.

Таким образом, Конституционный Суд АР, действуя в организационно-правовой форме Пленума:

- проверяет и утверждает результатов выборов депутатов Милли Меджлиса АР;

- определяет дату проведения первого заседания Милли Меджлиса АР, если после выборов в Милли Меджлис АР до 10 марта не будут признаны полномочия 83 депутатов;

- официально объявляет итоги выборов Президента АР в течение 14 дней после дня голосования;

- принимает отставку Президента АР на основании лично поданного им заявления;

- принимает решение о выяснении факта полной утраты Президентом АР по состоянию здоровья способности исполнять свои полномочия на основании обращения Милли Меджлиса АР (большинством в 6 голосов судей);

- инициирует перед Милли Меджлисом АР вопрос об отстранении Президента АР от должности в случае совершения им тяжкого преступления (на основании представленного в течение 30 дней заключения Верховного Суда АР);

- уполномочивает Председателя Конституционного Суда АР подписать решение Милли Меджлиса АР об отстранении от должности Президента АР, принятое большинством депутатов в 95 голосов;

- дает заключение по изменениям в тексте Конституции АР, которые предлагаются Милли Меджлисом АР или Президентом АР.

Палаты Конституционного Суда АР принимают к производству, а Пленум решает вопросы:

- о соответствии законов АР, указов и распоряжений Президента АР, постановлений Милли Меджлиса АР, постановлений и распоряжений Кабинета Министров АР, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти АР Конституции АР;

- о соответствии указов Президента АР, постановлений Кабинета Министров АР, нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти законам АР;

- о соответствии постановлений Кабинета Министров АР и нормативных правовых актов центральных органов исполнительной власти указам Президента АР;

- о соответствии в предусмотренных в законе случаях решений Верховного Суда АР Конституции и законам АР;

- о соответствии актов муниципалитетов Конституции АР законам АР, указам Президента АР, постановлениям Кабинета Министров АР (в Нахчыванской Автономной Республике – также Конституции и законам Нахчыванской Автономной Республики и постановлениям Кабинета Министров Нахчыванской Автономной Республики);

- о соответствии не вступивших в силу межгосударственных договоров АР Конституции АР; о соответствии межправительственных договоров АР Конституции и законам АР;

- о соответствии Конституции и законов Нахчыванской Автономной Республики, постановлений Али Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики, постановлений Кабинета Министров Нахчыванской Автономной Республики Конституции АР; о соответствии законов Нахчыванской Автономной Республики, постановлений Кабинета Министров Нахчыванской Автономной Республики законам АР; о соответствии постановлений Кабинета Министров Нахчыванской Автономной Республики указам Президента АР и постановлениям Кабинета Министров АР;

- о разрешении споров, связанных с разграничением полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властями;

- толкования Конституции и законов АР.

Возвращаясь к ст. 3 «Полномочия Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном Суде», следует предложить внести в нее изменения и дополнения с целью более точного соответствия названия статьи ее содержанию.

Во-первых, из нормы, содержащей перечень статей Основного Закона АР, которые закрепляют полномочия Конституционного Суда, следует исключить ссылку на ст. 154 Конституции АР, в которой речь идет не о полномочиях Конституционного Суда, как во всех остальных статьях перечня, а о единственном случае их ограничения, а именно: «полномочия Конституционного Суда устанавливаются статьей 86, частью I статьи 88, статьей 102, частью I статьи 103, частями II и III статьи 104, статьей 107, частями III-VII статьи 130, статьей 154 Конституции Азербайджанской Республики».

Во-вторых, в ст. 3 Закона АР «О Конституционном Суде» следует подчеркнуть наличие ограничений компетенции этого органа, закрепленное в Основном Законе АР. В связи с этим следует изменить наименование этой статьи и дополнить ее частью второй:

«Статья 3. Компетенция Конституционного Суда.

3.1. Полномочия Конституционного Суда устанавливаются статьей 86, частью I статьи 88, статьей 102, частью I статьи 103, частями II и III статьи 104, статьей 107, частями III-VII статьи 130, статьей 153 Конституции Азербайджанской Республики.

3.2. Ограничение компетенции Конституционного Суда не допускается за исключением случаев, предусмотренных статьей 154 Конституции Азербайджанской Республики».

Возвращаясь к анализу полномочий Конституционного Суда АР, закрепленных нормами Основного Закона, следует отметить, что очевидным является их деление на две группы в зависимости от процедуры принятия органом конституционного контроля соответствующих решений. В принятии

решений по группе вопросов, перечисленных в частях III-VII статьи 130 Основного Закона, принимают участие и палаты Суда, и его Пленум. В принятии решений по остальным вопросам участвует лишь Пленум. Казалось бы, что в этом случае можно применить весьма популярную в юридической литературе классификацию полномочий органов конституционного контроля на основные и дополнительные.

Например Н. В. Витрук относит к основным полномочиям конституционных судов следующие: толкование конституции; проверку конституционности законов и иных нормативных правовых актов, внутригосударственных и международных договоров; защиту прав и свобод человека и гражданина; разрешение споров о компетенции; участие в реализации конституционной ответственности главы государства, иных высших должностных лиц государства, судей, парламента, политических партий и общественных объединений [50, с. 270-309]. В числе дополнительных полномочий конституционных судов ученый называет: содействие конституционных судов законодательным и иным нормотворческим органам в правотворчестве, проверку конституционности функционирования институтов прямой демократии (референдум, выборы, народная инициатива) и иные полномочия конституционных судов (так называемые «экзотические полномочия» – рассмотрение дел о лишении индивида отдельных конституционных прав, дача заключения либо согласования при решении вопроса о роспуске представительных законодательных органов, дача заключений о мероприятиях, связанных с введением военного, осадного, чрезвычайного положения или с угрозой конституционному строю в стране [50, с. 309-322]. Среди дополнительных полномочий конституционных судов Н. В. Витрук выделяет группу «нетипичных, нестандартных, «экзотических» полномочий и в качестве примера приводит такое полномочие Конституционного Суда АР, как участие его в выявлении неспособности выполнять Президентом свои полномочия по состоянию здоровья [50, с. 321].

Исходя из логики этой классификации, к числу основных можно было бы отнести полномочия, связанные с теми вопросами, принятие к рассмотрению и рассмотрение которых осуществляет лишь Пленум. Соответственно, к числу дополнительных полномочий можно было бы отнести все остальные, – казалось бы, конституционодатель признал их не настолько важными в связи с тем, что вопрос принятия к производству запросов, обращений или жалоб относительно этих вопросов решается палатами Конституционного Суда, и только само решение по делу выносится Пленумом. Однако это было бы неверным. Следует отметить, что если речь идет об органах конституционного контроля, перечень их полномочий обычно не слишком широк (по сравнению с перечнями полномочий органов законодательной власти, правительства как органа исполнительной власти и др.). Такой подход обычно связан с осознанием значимости предоставления органу конституционного контроля достаточного количества времени на принятие решений по важнейшим проблемам государственной и общественной жизни. И Конституционный Суд АР не является исключением. С учетом чрезвычайной важности каждого полномочия из относительно недлинного списка полномочий органа конституционного контроля вряд ли справедливо вести речь о том, что некоторые полномочия важнее иных.

Кроме того, сущностный анализ полномочий Конституционного Суда АР убеждает: распределение его полномочий на две группы связано со степенью распространенности той или иной проблемы, но никак не со степенью ее важности. Не все органы конституционного контроля имеют в своем составе палаты. Опыт Суда ЕС подтверждает: палаты создаются для того, чтобы повысить эффективность функционирования суда, сократить сроки рассмотрения дел. И Конституционный Суд АР не является исключением. Соответственно, для «разгрузки» Суда создание палат в его составе было лишь первым необходимым шагом. Вторым шагом в этом направлении стало предоставление палатам права рассматривать вопросы принятия к производству запросов, обращений или жалоб относительно наиболее

распространенных проблем, разрешаемых в Суде. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд АР намного чаще осуществляет толкование законов АР, чем дает заключение по изменениям в тексте Конституции АР, которые предлагаются Милли Меджлисом АР или Президентом АР. И ознакомление со статистикой деятельности Конституционного Суда АР подтверждает справедливость этого вывода.

Основанием для классификации анализируемых групп полномочий следует считать субъекта, уполномоченного принимать к производству соответствующие запросы, обращения или жалобы.

В юридической литературе предпринимались и другие попытки классифицировать полномочия органов конституционного контроля. Например, Н. Мяловицкая разделила предметную компетенцию органов конституционного контроля на четыре группы полномочий:

- полномочия, связанные с обеспечением верховенства Конституции в системе источников национального права: контроль за конституционностью нормативно-правовых актов и международных договоров, а также официальное толкование Конституции и законов;

- полномочия, связанные с обеспечением соблюдения принципа разделения властей: рассмотрение споров о компетенции между государственными органами, разграничение компетенции законодательной, исполнительной и судебной власти по горизонтали и между государством и его составными частями по вертикали;

- полномочия, связанные с защитой основных прав и свобод человека, в том числе одного из важнейших политических прав граждан – избирательного;

- полномочия, связанные с защитой Конституции от ее нарушений высшими должностными лицами, а в некоторых государствах – и политическими партиями (рассмотрение дел в порядке процедуры импичмента или участие в ней, контроль за деятельностью политических партий) [224, с. 128].

Следует отметить, что такая классификация уместна при обобщении информации о нескольких органах конституционного контроля, однако не дает возможности детально охарактеризовать конкретный орган, например Конституционный Суд АР, либо Суд ЕС. Если речь идет о характеристике конкретного органа, то представляется весьма затруднительным разграничивать полномочия, используя предложенную классификацию, ведь рассмотрение индивидуальной конституционной жалобы (полномочие, связанное с защитой основных прав и свобод человека) может быть связано с проверкой конституционности нормативного акта (полномочие, связанное с обеспечением верховенства Конституции в системе источников национального права).

По сравнению с полномочиями органов конституционного контроля их функции являются понятием более теоретическим. Соответственно, они редко закрепляются в актах действующего законодательства. Функции органов конституционного контроля – это основные направления деятельности этих органов. Функции органов конституционного контроля не являются чем-то постоянным. Они изменяются, дополняются, приобретают большее или меньшее значение в общественной и государственной жизни, отражая динамику конституционной юрисдикции. Эволюцию в функционировании органов конституционного контроля проследил В. Н. Шаповал на примере Конституционного Суда Австрии. Ученый отметил: если практически сразу после его формирования Г. Кельзен высказался, что с созданием этого органа сама сущность федерализма приобретает свое завершение (то есть фактически он был создан для разделения и уточнения компетенции органов федерации и ее субъектов), то со временем акценты в социальном назначении Конституционного Суда Австрии были смещены, и на сегодня он рассматривается в первую очередь как механизм защиты конституционных прав и свобод личности в ее взаимоотношениях с органами государственной власти, включая законодательную [384, с. 50]. Прослеживает тенденцию к перераспределению основных функций конституционного контроля и

Н. С. Бондарь. Он видит ее в переходе от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности [39, с. 26].

Т.Б. Эйнуллаев отмечает, что «главную роль в деятельности органа конституционного правосудия выполняет его функция по осуществлению контроля за конституционностью нормативно-правовых актов, т. е. негативные нормотворческие полномочия» [393, с. 24]. В. Н. Шаповал рассуждает: «Титульной» функцией Конституционного Суда можно считать решение вопросов о соответствии Конституции (конституционности) законов и иных правовых актов» [384, с. 46]. Аналогичного мнения придерживается В. В. Захаров. Он считает, что «в работе конституционного суда первично решение вопросов о конституционности нормативных актов. Толкование Конституции, разрешение споров между органами публичной власти и др. относится к вторичным функциям конституционного контроля (органы конституционного контроля в различных странах могут их и не осуществлять, существо конституционного контроля составляет именно деятельность по оценке конституционности нормативных актов» [108, с. 16]. Эти авторы в процитированных работах не пишут об иных функциях, однако в юридической литературе традиционным является разделение функций органа конституционного контроля на основные и дополнительные.

В контексте анализа этой классификации чрезвычайно интересным является тот факт, что подавляющее большинство авторов, в т. ч. и процитированный выше Т.Б Эйнуллаев, в своих работах конкретизируют лишь первую группу функций органов конституционного контроля, т. е. основные функции. А именно:

- Н. В. Григорьева считает, что «основной функцией органов конституционной юстиции является осуществление конституционного контроля, который необходимо рассматривать как стабилизирующий политический фактор» [75, с. 9];

- А. В. Портнов называет основными функциями конституционного суда конституционный контроль, официальное толкование и арбитражную функцию [285, с. 90]. Арбитражную функцию в юридической литературе применительно к органам конституционного контроля конкретизируют следующим образом: «функционально конституционный суд является тем органом, который должен быть арбитром в спорах органов государственной власти об их компетенции» [357, с. 30];

- Д. Н. Сергеев к числу основных функций органов конституционного контроля относит такие функции, как: а) охранительная – защита (охрана) конституции, конституционных прав и свобод человека и гражданина от нарушений; б) арбитральная – разрешение политико-юридических конфликтов в обществе; в) сдерживающая – сдерживание дисфункциональной активности субъектов политики; г) правокорректирующая – адаптация конституции и законов к изменяющимся общественным условиям (адаптирующая подфункция) и формирование новых правовых позиций с целью регулирования общественных отношений (регулирующая подфункция) [329, с. 9].

Одними из немногих авторов, конкретизирующих не только основные, но и дополнительные функции органов конституционного контроля, являются Н. В. Витрук и А. В. Молотов.

А. В. Молотов считает основными функциями органов конституционного контроля юридическую и политическую функции. Поскольку наименования, выбранные ими для этих функций, являются достаточно емкими, он поясняет, что «юридическая функция состоит в том, чтобы препятствовать неконституционным изменениям, которые противоречат «генетическому» характеру конституции и установленного ею политического режима. Политическая функция трактуется в литературе как «функция творческого толкования конституции», под которой подразумевается сужение органом конституционного контроля в силу определенных исторических, политических, экономических причин действия одних норм и расширение действия других, расширение значения определенных терминов и принципов

фундаментального права» [217, с. 28]. К числу дополнительных функций органов конституционного контроля А. В. Молотов относит третейскую, миротворческую и интегрирующую функции, однако из содержания его работ сложно понять, что же именно подразумевается под каждой из этих функций.

Более точно свое мнение по поводу классификаций функций органов конституционного контроля в зависимости от их значимости на основные и дополнительные изложил Н. В. Витрук. Он выделил:

- основные функции:
  - толкование конституции;
  - конституционный нормоконтроль;
  - защита прав и свобод человека и гражданина;
  - разрешение споров о компетенции в целях разграничения предмета ведения и полномочий между органами публичной власти, реализация конституционной ответственности за нарушение конституции;
- дополнительные функции:
  - содействие законотворчеству представительных органов публичной власти;
  - дача экспертных заключений по конституционным вопросам;
  - принятие учредительно-регистрационных актов по вопросам конституционного значения [50, с. 259-260].

К классификации функций органов конституционного контроля на основные и дополнительные следует отнести те же замечания, что и к аналогичной классификации их полномочий.

Функции и компетенция органов конституционного контроля определяются целями их деятельности. При этом следует исходить из того, что «целью конституционного правосудия является обеспечение и защита верховенства, прямого действия конституции в деятельности всех субъектов общественных отношений на всей территории государства» [49, с. 68].

С. Э. Несмеянова обобщила, что, как правило, в своей деятельности органы конституционного контроля преследуют следующие цели:

1) обеспечение точного и неуклонного соблюдения конституционных норм;

2) установление и устранение правовых актов, противоречащих конституции;

3) предупреждение неконституционности применяемых правовых актов;

4) разрешение споров о компетенции между государственными органами;

5) в случае неясности правовых актов осуществление толкования не только законов, которые подвергнутся проверке с точки зрения их конституционности, но и самой конституции [231, с. 54-55].

Следует отметить, что как формулировка цели в целом, так и изложение цели деятельности органа конституционного контроля в частности должно быть более лаконичным; количество целей не должно превышать одной – трех. Позитивным примером может служить часть II ст. 1 Закона АР «О Конституционном Суде», в соответствии с которой «основные цели Конституционного Суда заключаются в обеспечении верховенства Конституции Азербайджанской Республики, защите основных прав и свобод каждого» [247]. В соответствии с этой нормой, а также с учетом полномочий Конституционного Суда АР, классифицируя его функции по содержанию, к ним следует отнести контрольную, интерпретационную, арбитражную, правозащитную и церемониальную функции. Как было доказано выше, все функции Конституционного Суда АР являются основными по степени своей важности. Используя иные общепринятые классификации функций судебных органов, следует также констатировать, что все функции Конституционного Суда АР по территориальному признаку относятся к общегосударственным, а по сроку их осуществления – к постоянным.

Компетенция Суда ЕС в настоящее время устанавливается такими актами первичного права ЕС, как Договор о Европейском Союзе и Договор о

функционировании Европейского Союза. Они предусматривают, что в компетенцию Суда ЕС входит:

- толкование норм права ЕС (инициируется судами государств – членов ЕС в случае необходимости, для единообразного применения норм права ЕС);

- рассмотрение исков об аннулировании нормативных актов ЕС (инициируется Советом ЕС, Комиссией либо Парламентом в случае, если эти акты нарушают нормы первичного права ЕС или права человека);

- рассмотрение исков о неисполнении обязательств (инициируется государствами – членами ЕС либо Комиссией в случае неисполнения государствами – членами ЕС норм права ЕС);

- рассмотрение исков, вытекающих из бездействия органов ЕС (инициируются наиболее широким кругом лиц, а именно органами ЕС, органами государств – участников ЕС, в определенных случаях – также физическими или юридическими лицами в случае, если Парламент, Совет, Комиссия должны были предпринять определенные действия в определенных обстоятельствах, но не сделали этого);

- рассмотрение исков о привлечении к ответственности (инициируются потерпевшим физическим или юридическим лицом в случае причинения ему ущерба).

В контексте защиты прав и свобод человека следует подчеркнуть, что физическое лицо, чьи права нарушены актами ЕС либо органами власти или должностными лицами ЕС, может обратиться в Суд ЕС напрямую либо через национальный суд.

В контексте сравнения полномочий Суда ЕС с полномочиями Конституционного Суда АР следует отметить, что:

- Суд ЕС возглавляет судебную систему ЕС, в связи с чем он рассматривает дела как по первой, так и по последующим инстанциям;

- Конституционный Суд АР является судом исключительно конституционной юрисдикции, в то время как полномочия Суда ЕС выходят за ее пределы.

Ученые предлагают различные классификации компетенции и полномочий Суда ЕС. Т. В. Комарова сформулировала: «Учитывая, что Суду ЕС присущи черты международного, федерального (верховного), конституционного, административного суда, в зависимости от функций, которые выполняет Суд, … его компетенцию можно условно разделить на такие сферы: 1) международную; 2) конституционную; 3) верховную (федеральную); 4) административную» [140, с. 78 – 79]. Следует, однако, отметить, что в Суде ЕС не существует настолько четкого разделения поступающих дел по юрисдикциям. Например, Суд может прибегнуть к преюдициальной процедуре, рассматривая проблему, традиционно разрешаемую судами административной юрисдикции, – если исходить из логики классификации Т. В. Комаровой, то вопрос о том, будет ли Суд ЕС в данном случае осуществлять конституционную или административную юрисдикцию, остается открытым. А если принять во внимание, что в случае наличия в государстве американской модели конституционного контроля, верховные (федеральные) суды могут в процессе рассмотрения, например, административного спора прибегнуть к толкованию конституционных норм, вопрос о юрисдикции усложняется. Ведь по предложенной классификации она может быть не только конституционной или административной, однако еще и верховной (федеральной).

В связи с этим предложение Т. В. Комаровой нуждается в дальнейшем усовершенствовании. Очевидно, автор и сама отдавала себе в этом отчет на момент написания цитируемой работы, т. к. в ней есть такие рассуждения: «Следует отметить, что юрисдикцию Суда ЕС по ст. 267 Договора о функционировании ЕС … можно отнести и к конституционной юрисдикции, поскольку большинство вопросов, которые решаются в рамках этой процедуры, имеют конституционный характер, а именно: толкование права ЕС о распределении полномочий между государствами-членами и наднациональными органами, разделение полномочий между самими наднациональными институтами, вопросы институционного баланса и т. д. То

есть … целесообразно объединить конституционную и верховную (федеральную) юрисдикцию Суда ЕС в единую группу, поскольку эти юрисдикции реализуются одной процедурой – преюдициальной» [140, с. 81-82]. Таким образом, Т. В. Комарова фактически включила в текст монографии разработку, требующую дополнительного осмысления.

С. В. Ершов предположил, что «все дела, рассматриваемые Судом, можно подразделить на: 1) дела по искам против государств-членов; 2) дела по искам против институтов и органов, а также должностных лиц Союза; 3) дела по договорам, которые заключаются Сообществом или от имени Сообщества; 4) кассационные жалобы; 5) предварительные решения [100, с. 70]. В отношении третьей категории дел он отмечает, что их рассмотрение «позволяет Суду осуществлять «конституционный контроль» нормативных и других актов Сообщества», конкретизируя, что «Суд осуществляет предварительный контроль при заключении соглашений между Сообществом и государством (или государствами) или международными организациями» [100, с. 73]. Это предложение, несомненно, выигрывает по сравнению с разработкой Т. В. Комаровой, однако ему не хватает точности. Например, не очень понятно, что же послужило основанием приведенной классификации. Вероятно, в связи с этим крайне сложно определить групповую принадлежность дел, рассматриваемых в рамках преюдициальной процедуры.

В настоящее время наиболее продуманным представляется предложение К. В. Энтина. По его мнению, «говоря о компетенции Суда ЕС как института, принято выделять две основные категории дел: дела прямой и дела косвенной юрисдикции. К делам прямой юрисдикции относятся иски, в отношении которых Суд ЕС уполномочен выносить решения по существу рассматриваемых споров. Под эту категорию … подпадают иски о неисполнении обязательств, иски об аннулировании, иски из бездействия, иски о привлечении к ответственности ЕС и споры между ЕС и его служащими. К делам косвенной юрисдикции относятся запросы о действительности нормативных правовых актов ЕС или о толковании норм права ЕС,

направляемые судебными органами государств-членов (через преюдициальную процедуру), а также заключения Суда ЕС относительно международных соглашений, которые планирует заключать ЕС» [395, с. 74]. С точки зрения этого исследования классификация К. В. Энтина является наиболее практически ценной, т. к. позволяет отделить полномочия Суда ЕС, реализуемые в рамках конституционной юрисдикции («дела косвенной юрисдикции») от иных полномочий («дела прямой юрисдикции»).

Итак, к полномочиям Суда ЕС в рамках косвенной юрисдикции относятся:

1) полномочия принимать заключения о возможности присоединения ЕС к международному соглашению. Указанное полномочие закреплено в ст. 218 Договора о функционировании ЕС, которая находится в Разделе V «Международные соглашения». Статья 218 регламентирует процедуру ведения переговоров и заключения соглашений между Союзом и третьими странами или международными организациями и в ч. 11 предусматривает, что «Государство-член, Европейский парламент, Совет или Комиссия могут получать заключение Суда о соответствии намеченного соглашения Договорам. В случае отрицательного заключения Суда намеченное соглашение не может вступить в силу, если только в него не будут внесены изменения или не будет произведен пересмотр Договоров» [92]. Как справедливо отметила Т. В. Комарова, это полномочие имеет «превентивный характер, поскольку в данном случае осуществляется предварительный контроль соответствия международного акта и полномочий Союза положениям учредительного договора» [140, с. 80], т. е. *de facto* Суд ЕС осуществляет предварительный конституционный контроль;

2) полномочия, включающие в себя возможность осуществления толкования норм первичного права ЕС (п. а ч. 1 ст. 267 Договора о функционировании ЕС);

3) полномочия, предусматривающие возможность рассмотрения запроса о действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза (п. b ч. 1 ст. 267 Договора о функционировании ЕС).

Следует отметить, что при осуществлении полномочий, связанных с возможностью рассмотрения запроса о действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза, применяется принцип инстанционности. Именно они в большинстве своем формируют те «специальные области, определяемые Статутом», в которых Суд первой инстанции «полномочен рассматривать преюдициальные вопросы, которые представляются согласно статье 267» [92]. В соответствии со ст. 256 Договора о функционировании ЕС, «когда, по мнению Трибунала[1], дело требует решения принципиального характера, которое способно затрагивать единство или внутреннюю согласованность права Союза, он может передать дело на разрешение Суда. Решения, выносимые Трибуналом по преюдициальным вопросам, в порядке исключения могут подвергаться пересмотру Судом на условиях и в пределах, предусмотренных Статутом, в случае наличия серьезной угрозы нанесения ущерба единству или внутренней согласованности права Союза» [92].

С учетом вышеизложенных норм и принципа инстанционности в компетенции Суда ЕС остаются преимущественно дела о толковании норм первичного права ЕС. Такой подход весьма существенно снижает нагрузку на Суд ЕС, ведь группа полномочий, передаваемая Суду первой инстанции, включает в себя осуществление «контроля правомерности законодательных актов, актов Совета, Комиссии и Европейского центрального банка (кроме рекомендаций и заключений), а также актов Европейского парламента и Европейского совета, направленных на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. Кроме того, Суд Европейского Союза контролирует правомерность актов органов или учреждений Союза, направленных на

[1] В данном переводе текста Договора о функционировании Европейского Союза автор перевода именует «Трибуналом» Суд первой инстанции ЕС.

создание правовых последствий в отношении третьих лиц. С этой целью Суд Европейского Союза полномочен выносить решения по искам, которые подаются государством-членом, Европейским парламентом, Советом или Комиссией в связи с отсутствием компетенции, нарушением существенных процедурных требований, нарушением Договоров или любой нормы права, относящейся к их применению, либо злоупотреблением полномочиями. На аналогичных условиях Суд Европейского Союза полномочен выносить решения по искам, которые подаются Счетной палатой, Европейским центральным банком и Комитетом регионов в целях защиты своих прерогатив» (ст. 263) [92]. Для оценки объема работы, которую необходимо проделать всем инстанциям судебной системы ЕС, важно рассматривать ст. 267 Договора о функционировании ЕС с учетом норм ст. 344 этого же документа о том, что «государства-члены обязуются не представлять споры в отношении толкования или применения Договоров на разрешение иными способами чем те, которые ими предусмотрены» [92].

Даже если рассмотрение дел по преюдициальной процедуре осуществляется Судом первой инстанции, Суд ЕС уделяет особое внимание качеству принятых им решений. Важность роли Суда ЕС в преюдициальной процедуре подчеркивается в ст. 62 Протокола, устанавливающего Статут Суда Европейского Союза. В соответствии с ней, Первый генеральный адвокат может в течение месяца с момента вынесения Судом первой инстанции решения в рамках преюдициальной процедуры предложить Суду ЕС пересмотреть это решение, «если, по его мнению, существует серьезная угроза нанесения ущерба единству или внутренней согласованности права Союза» [298]. В течение месяца Суд ЕС принимает решение о необходимости пересмотра.

Ограничения компетенции Суда ЕС не предусматриваются, кроме двух исключений:

- применение принципа инстанционности к ряду дел, о которых шла речь выше;

- Суд ЕС в рамках преюдициальной процедуры не наделен правомочиями толковать нормы национального права.

Обобщая полномочия Суда ЕС в его функции, следует воспользоваться нормами ст. 19 Договора о Европейском Союзе, которая предусматривает, что:

- «Суд Европейского Союза включает в себя Суд, Трибунал и специализированные трибуналы. Он обеспечивает соблюдение права в ходе толкования и применения Договоров» (ч. 1 ст. 19) [91];

- «Суд Европейского Союза в соответствии с Договорами выносит решения: a) по искам, подаваемым государствами-членами, институтами, физическими или юридическими лицами; b) в преюдициальном порядке по запросам национальных юрисдикционных органов о толковании права Союза или о действительности актов, принятых институтами; c) в иных случаях, предусмотренных Договорами (ч. 1 ст. 19) [91].

Установление на конституционном уровне этого обобщения полномочий Суда ЕС может служить основанием для выделения по способу их реализации следующих функций Суда ЕС: функций, выполняемых в рамках прямой процедуры, и функций, выполняемых в рамках преюдициальной процедуры. По содержанию к функциям Суда ЕС следует отнести контрольную, интерпретационную, арбитражную, правозащитную и правовосстановительную функции. Следует согласиться с мнением Л. А. Цвигун о том, что «Суд устанавливает и развивает основные принципы права ЕС, во-первых, для того чтобы заполнить пробелы, существующие в учредительных договорах, а во-вторых, для того чтобы сблизить право ЕС с правом государств – членов ЕС и, таким образом, обеспечить уважение Союзом основных правовых принципов и ценностей, признаваемых и охраняемых в национальных правовых системах этих государств. Тем самым Суд ЕС выполняет правотворческую функцию» [374, с. 193]. Правотворческая функция Суда ЕС важна настолько, что его называют «главным правоохранительным органом, стоящим на страже устоев интеграции и одновременно развивающим право Сообществ. История показала, что если бы

у Сообществ не было Суда, они вообще могли бы не состояться в их нынешнем виде, а значит, интеграция не достигла бы таких высот» [358, с. 397].

Кроме того, все функции Суда ЕС по территориальному признаку относятся к наднациональным, а по сроку их осуществления – к постоянным.

Таким образом, компетенция Суда ЕС закрепляется с учетом того, что он является высшим судебным органом ЕС (т. е. с учетом существования и иных судебных органов). Что же касается Конституционного Суда АР, то следует отметить: при закреплении его компетенции его особому положению в системе органов судебной власти значительное внимание не уделялось. В связи с этим следует рекомендовать внести изменения в текст Конституции АР. Ведь в настоящее время единственная статья Основного Закона, полностью посвященная анализируемому органу, – статья 130 «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» – начинается с части I, устанавливающей, что «Конституционный Суд Азербайджанской Республики состоит из 9 судей» [157]. Таким образом, в Основном Законе АР не устанавливаются особенности юрисдикции Конституционного Суда АР, что вряд ли правильно. Исходя из последовательного отстаивания автором позиции о необходимости четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР, в Главе VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» первую статью следует назвать «Конституционный Суд Азербайджанской Республики – единственный орган конституционной юрисдикции». В этой статье целесообразно изложить основы компетенции Конституционного Суда АР, содержащиеся в настоящее время в п. III–VIII ст. 130 Основного Закона АР (предлагаемую редакцию ст. 133-1 см. в Приложении 2).

Статья 1 Закона АР «О Конституционном Суде» гласит: «Конституционный Суд Азербайджанской Республики … является высшим органом конституционного правосудия по вопросам, отнесенным Конституцией Азербайджанской Республики к его полномочиям» [247]. Исходя из характеристики рассматриваемого органа, данной в предыдущих

разделах, точнее именовать Конституционный Суд АР не «высшим», а «единственным» органом конституционного контроля в государстве. Таким образом, часть 1.1 статьи 1 «Назначение и основные цели Конституционного Суда Азербайджанской Республики» Закона АР «О Конституционном Суде» рекомендуется изложить в новой редакции:

«1.1. Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – «Конституционный Суд») является единственным органом конституционного контроля по вопросам, отнесенным Конституцией Азербайджанской Республики к его полномочиям».

Резюмируя, следует отметить, что, по мнению А. Я. Капустина, «Суд ЕС воспринимается энергичным проводником политики интеграции, решающим задачу наделения рамочного учредительного договора юридической плотью и содержанием» [123, с. 173]. Я. П. Андриенко справедливо отметил, что «Суд ЕС, толкуя положения учредительных договоров, установил основы действующей конституционной доктрины» [11, с. 72], а Д. С. Тихоновецкий конкретизировал, что «основными концепциями, разработанными Судом ЕС, можно назвать правовое единство ЕС, автономию, прямое действие, верховенство, пропорциональность, субсидиарность» [356, с. 53]. Каждая из этих концепций в настоящее время нашла свое отражение в форме соответствующего принципа европейского конституционализма. В связи с такой высокой оценкой деятельности Суда ЕС при дальнейшем совершенствовании таких элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, как функции и компетенция, целесообразно заимствовать опыт Суда ЕС в сфере передачи иным органам толкования законов АР.

5.2. Организация работы Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Ученые отмечают: «Специальные судебные органы соблюдают судебную процедуру: дело слушается, как правило, в открытом судебном заседании, ведется по правилам судебной процедуры, заседание ведет председатель,

заслушиваются свидетели, ведется протокол, допускается публика. Несудебные органы конституционного надзора такие процедуры могут и не соблюдать. Их главная задача – произвести экспертизу законодательства» [141, с. 50]. Такая тенденция не является чем-либо новым – ее отметил в середине 1960-х годов М. А. Нудель. Он писал: «Применяемая конституционными судами процедура напоминает судебную: здесь могут быть истец и ответчик, действует принцип состязательности, представляются меморандумы и возражения, проводятся устные прения, решения выносятся лицами, не являющимися участниками дискуссий, и т. д. … Но по своим полномочиям эти органы резко отличаются от обычных судов. Последние применяют закон к конкретным правоотношениям, а конституционные суды оценивают сам закон, решают вопрос о его судьбе» [239, с. 110].

А. А. Клишас также высказывал мысль о том, что «конституционный суд – это орган, носящий квазисудебный характер, даже если судебный процесс в нем максимально приближен к традиционным процедурам судопроизводства в учреждениях общей юрисдикции» [134, с. 512]. Квазисудебный характер органов конституционного контроля применительно к процессу их деятельности может быть проиллюстрирован мнением экспертов Венецианской комиссии, которые отметили: «Следует учитывать, что в конституционном судопроизводстве принятие вещественных доказательств – это скорее исключение. Конституционный контроль в основном сосредоточен на правовых аргументах, а не на фактах, которые лишь в редких случаях могут быть актуальны для органа конституционного контроля в качестве доказательств, подтверждающих юридический аргумент. Таким образом, стороны не должны быть обязаны, а скорее, им должна быть предоставлена возможность представить доказательства [441].

Аналогичное суждение высказал и Н. В. Витрук: «Конституционные суды решают вопросы права с позиций принципов, норм и иных установлений, содержащихся в конституции. В ходе конституционного судопроизводства конституционные суды воздерживаются от установления фактических

обстоятельств дела, являющихся предметом рассмотрения судов общей юрисдикции или других компетентных правоприменительных органов» [50, с. 325]. Именно с учетом приведенных выше фактов необходимо организовать процесс функционирования органа конституционного контроля.

Процесс судопроизводства в Конституционном Суде АР начинается при наличии соответствующего документа (запроса, обращения либо жалобы), поданного третьим лицом. В настоящее время единственный орган конституционной юрисдикции АР не наделен полномочиями инициировать начало производства. В настоящее время именно такая позиция доминирует в юридической литературе. Например, А.А. Селиванов считает важным строгое соблюдение главного условия конституционного правосудия: «воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств, когда это входит в компетенцию других судов или государственных органов, а значит, заниматься исключительно вопросами права. Инициатива при рассмотрении дел в порядке конституционного производства не может исходить от самого суда и строго определена Конституцией» [328, с. 59]. Следует согласиться с его авторитетным мнением.

Некоторые ученые лишь констатируют факт наличия либо отсутствия у органов конституционного контроля такой инициативы и предлагают классифицировать изучаемые органы по этому основанию (например, Е. К. Замотаева [107, с. 10], А. В. Молотов [217, с. 36]). Такая классификация, однако, не имеет серьезной практической ценности, ведь, как справедливо обобщил О. В. Брежнев, «суд, осуществляя конституционный контроль, в отличие от иных органов власти, как правило, не начинает действовать по собственной инициативе. Иное поставило бы под сомнение его независимость в системе государственных органов, а также неизбежно породило бы опасность принятия решений под влиянием политической целесообразности» [42, с. 13]. А. В. Портнов резюмировал, что «Конституционный Суд можно назвать «пассивной властью», ведь, относясь к ветви судебной власти, он не уполномочен возбуждать дело по собственной инициативе… Он не имеет

права уклониться от рассмотрения дела, которое относится к его подведомственности» [285, с. 29]. Такое положение дел представляется верным, несмотря на попытки ученых обосновать, что «наличие у Конституционного Суда … права толкования Конституции … по собственной инициативе способствовало бы повышению уровня эффективности его деятельности по укреплению правовой государственности и совершенствованию единого правового пространства» [202, с. 12]. Следует отметить, что нахождение Конституционного Суда АР в судебной ветви власти исключает подобные предложения по отношению к нему, т. к. это будет противоречить его природе. Кроме того, значимым при решении вопроса о включении инициативы конституционного разбирательства в состав элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР является то, что он такой инициативой не наделен.

Вид процессуального документа, которым инициируется конституционное судопроизводство, зависит от предмета спора и от субъекта обращения. Закон АР «О Конституционном Суде» предусматривает, что:

- с запросами по вопросам, предусмотренным частями III и IV статьи 130 Конституции АР, имеют право обратиться Президент, Милли Меджлис, Кабинет Министров, Верховный Суд, прокуратура, Верховный Меджлис Нахчыванской Автономной Республики, а по вопросам, предусмотренным частью VII статьи 130 Конституции, – Уполномоченный по правам человека;

- обращения имеет право подавать в связи с вопросами, предусмотренными частью III статьи 104 Конституции, Милли Меджлис, а в связи с вопросами, предусмотренными частью VI статьи 130 Конституции, – суды;

- жалобы подаются физическими лицами для решения вопросов, указанных в пунктах 1-7 части III статьи 130 Конституции [247].

В Табл. 5.1 обобщены инициаторы дел, рассмотренных Конституционным Судом АР за период с его создания до 1 января 2017 г.

Таблица 5.1.

Статистическая информация о решениях и определениях принятых Пленумом Конституционного Суда Азербайджанской Республики по состоянию на 1 января 2017 г.

Основание	За период функционирования		В том числе в 2016 г.	
	Кол-во решений	*Кол-во определений*	*Кол-во решений*	*Кол-во определений*
Запрос Верховного Суда АР	52	3	-	-
Запрос прокуратуры АР	28	2	-	-
Запрос Кабинета Министров АР	8	-	-	-
Конституционная жалоба	125	55	14	5
Обращение в суд	85	16	5	1
Запрос Уполномоченного по правам человека	17	3	3	-
Запрос Президента АР	3	-	1	-
Запрос или обращение Милли Меджлиса АР	1	-	-	-
Проверка и утверждение результатов выборов	22	-	1	-
Итого	341	79	24	6

Обычная процедура судопроизводства предполагает, что первичное изучение поступающих запросов (обращений, жалоб) осуществляет аппарат Конституционного Суда АР. Предварительное рассмотрение должно быть завершено в 7-дневный срок, по его итогам делается вывод о том, относится ли рассмотрение спорного вопроса к компетенции Конституционного Суда АР, о чем указывается в Справке о предварительном изучении.

В случае, если рассмотрение дела относится к компетенции Конституционного Суда АР, Председатель Суда назначает одного или

нескольких судей-докладчиков[1]. В их обязанности входит изучение поступившего запроса (обращения, жалобы) на предмет принятия к производству. В случае отсутствия оснований для отказа в принятии запроса (обращения, жалобы) к производству судья-докладчик организует сбор необходимых материалов, формируя конституционное дело. Судья-докладчик предпринимает и иные действия, необходимые для подготовки дела к рассмотрению (определяет круг третьих лиц, привлекаемых к рассмотрению дела, организует их вызов в судебное заседание и т. п.).

Далее процесс судопроизводства регламентирован Внутренним уставом Конституционного Суда АР: Главой III «Рассмотрение вопросов о принятии к производству запросов, обращений и жалоб для рассмотрения их Палатами и Пленумом конституционного и о назначении дела к слушанию» и Главой IV «Рассмотрение дел в Пленуме Конституционного Суда».

Вопросы принятия дела к производству рассматриваются исключительно на заседаниях палат либо Пленума. После принятия дела к рассмотрению Председатель Конституционного Суда АР решает вопрос о дате и времени начала слушания дела Пленумом.

На заседании Пленума председательствующий предоставляет слово судье-докладчику, который излагает обстоятельства дела. Затем выступают заявитель, разъясняет суть вопроса и обосновывает свою позицию, представляя доказательства; представители сторон по делу отвечают на вопросы судей. Также в заседании могут быть заслушаны свидетели, эксперты, специалисты и др. лица, после чего сторонам предоставляется возможность произнести заключительное слово.

В соответствии с Внутренним Уставом «рассмотрение дела на Пленуме Конституционного Суда завершается сообщением председательствующего об удалении в совещательную комнату с последующим принятием постановления и времени оглашения» [56].

---

[1] Внутренний устав Конституционного Суда АР предусматривает возможность назначения лишь одного судьи-докладчика (ст. 8).

В Суде ЕС возбуждение производства осуществляется путем подачи искового заявления, адресуемого Секретарю. Если он сочтет, что исковое заявление соответствует существующим требованиям, оно передается Председателю Суда ЕС, осуществляющему распределение заявлений среди членов Суда: по делу обязательно назначается судья-докладчик (*judge-rapporteur*) и в ряде случаев – генеральный адвокат. Рассмотрение дела по обычной процедуре судопроизводства (*common procedure*) проходит две стадии – письменную и устную.

Письменная стадия регламентируется ст. 57-60 Регламента Суда ЕС. Стороны обмениваются процессуальными документами, кроме того, на этой стадии могут привлекаться и третьи лица. Основной задачей судьи-докладчика на письменной стадии судопроизводства является подготовка предварительного доклада (*preliminary report*), в котором он излагает суть дела и обобщает аргументы сторон. Предварительный доклад обсуждается Судом ЕС в полном составе для принятия решения о том, в какой организационной форме будет рассматриваться дело – палатой из 3 судей, палатой из 5 судей и т. п. Одновременно решается вопрос о необходимости проведения устной стадии судопроизводства. В случае принятия положительного решения судьи обсуждают целесообразность участия в деле генерального адвоката.

Устная стадия судопроизводства начинается с заслушивания судьи-докладчика, оглашающего свой предварительный доклад. После этого стороны переходят к прениям, по окончанию которых у судей и у генерального адвоката, если он участвует в деле, есть возможность задать им вопросы. В случае, если для участия в деле привлекались эксперты и/или свидетели, суд заслушивает и их. Далее генеральному адвокату предоставляется время на подготовку заключения по делу (обычно несколько недель).

Устную стадию судопроизводства завершает оглашение заключения генерального адвоката по делу. К. В. Энтин отметил, что «стороны по делу не могут ответить на заключение генерального адвоката. Тем не менее существует весьма малоизвестная юридическая уловка, позволяющая стороне, не в пользу

которой высказался генеральный адвокат, донести свои возражения до сведения Суда. Дело в том, что у сторон есть право подать ходатайство о возобновлении устного разбирательства. И несмотря на то, что Суд никогда не удовлетворит подобный запрос, это дает возможность стороне объяснить, в чем именно, по ее мнению, ошибся или что упустил из виду генеральный адвокат» [395, с. 70].

Завершая производство по обычной процедуре, Суд ЕС принимает решение с учетом заключения генерального адвоката (в предыдущих разделах уже упоминалось, что оно не имеет обязательной силы), руководствуясь проектом, который готовит судья-докладчик.

И в Конституционном Суде АР, и в Суде ЕС палаты могут играть важную роль в судопроизводстве. По поводу выделения в составе органов конституционного контроля палат эксперты Венецианской комиссии отметили: «Существует опасность разделения судей конституционного суда на две палаты. Возможно возникновение таких проблем: выработка различных толкований и направлений интерпретации нормативного материала, неравномерное распределение дел между палатами, возникновение конфликта полномочий между двумя палатами. Как правило, подобные угрозы могут быть нивелированы Пленумом» [449, с. 29].

Тем не менее наличие палат в условиях все возрастающей нагрузки на Конституционный Суд АР является необходимым. На примере Конституционного Суда Украины были отмечены следующие негативные тенденции: «рассмотрение Конституционным Судом Украины дел и принятие решений только на своих пленарных заседаниях объективно требует значительного отрезка времени, что приводит к затягиванию рассмотрения конституционных дел. Это не позволяет органу конституционной юрисдикции своевременно решать конституционные споры и снимать институционные конфликты, что отрицательно сказывается на эффективности деятельности всего властного механизма, защите конституционных прав и свобод граждан» [315, с. 382]. Следует особо подчеркнуть значимость роли палат

Конституционного Суда АР в защите конституционных прав и свобод человека.

Статья 23 *bis* Протокола № 3 устанавливает, что Регламентом Суда ЕС, кроме обычной, «могут быть предусмотрены ускоренная процедура и – для преюдициальных запросов в отношении пространства свободы, безопасности и правосудия – срочная процедура» [298]. Срочную и ускоренную процедуры объединяет то, что для них предусмотрены более сжатые процессуальные сроки по сравнению с обычной процедурой, а также возможность осуществления судопроизводства без привлечения генерального адвоката. Срочная процедура (*urgent procedure*) отличается от упрощенной (*expedited procedure*) возможностью сокращения количества сторон и участников процесса, а в особых случаях («в случаях чрезвычайной срочности») – пропуском не только устной, но и письменной стадии рассмотрения дела.

Конституционный Суд АР также имеет возможность прибегнуть к упрощенной процедуре судопроизводства. Статья 39 Внутреннего Устава Конституционного Суда АР предусматривает: «если собранных документов достаточно для рассмотрения дела по существу, Пленум Конституционного Суда может предложить сторонам или заинтересованным лицам рассматривать дело по письменной процедуре» [56]. Аналогов срочной процедуры Суда ЕС в Конституционном Суде АР в настоящее время не существует. Однако учитывая, что за период функционирования Конституционного Суда АР минимальное количество рассмотренных за год дел составляло 4, а максимальное – 31, вряд ли заимствование опыта Суда ЕС в этой сфере будет целесообразным – Суд ЕС после уменьшения количества его полномочий в 2007 г. рассматривает в среднем 600 дел в год [462].

Протокол № 3 закрепляет, что Суд ЕС также может осуществлять судопроизводство по упрощенной процедуре, «которая будет установлена процессуальным регламентом» [298]. В настоящее время Регламент Суда ЕС предусматривает наличие 6 «особых» процедур (*particular forms of procedure*), каждая из которых, по сути, является упрощенной в сравнении не только с

обычной и с ускоренной, но даже и со срочной процедурой (Раздел VIII, ст. 201-206). Следует отметить, что упрощенные процедуры используются преимущественно в отношении споров, возникших на основе прошлых редакций действующих учредительных договоров ЕС либо утративших свою силу учредительных договоров. Исключениями являются апелляции на решения арбитражного комитета и запросы, поданные по ст. 269 Договора о функционировании Европейского Союза. В соответствии с ее нормами, «Суд полномочен выносить решение о правомерности акта, принятого Европейским советом или Советом на основании статьи 7 Договора о Европейском Союзе, исключительно по обращению государства-члена, ставшего объектом констатации Европейского совета или Совета, и только в отношении соблюдения процедурных предписаний, установленных данной статьей. Подобное обращение должно быть подано на протяжении одного месяца с момента упомянутой констатации. Суд выносит решение в течение одного месяца со дня подачи обращения» [92].

Как и в Суде ЕС, в Конституционном Суде АР существуют особые процедуры рассмотрения определенных категорий дел. Обычная процедура используется при осуществлении судопроизводства по делам о компетенционных спорах, а также по делам, рассматриваемым по п. 1-7 ч. III, ч. V и VII ст. 130 Конституции, а особые – по всем остальным делам, а именно: в связи с проверкой и утверждением результатов выборов депутатов Милли Меджлиса, в связи с назначением времени проведения первого заседания вновь избранного Милли Меджлиса, в связи с официальным объявлением результатов выборов Президента, в связи с рассмотрением заявления Президента об отставке, в связи с обращением Милли Меджлиса для выяснения информации о полной утрате Президентом по состоянию здоровья способности исполнять свои полномочия, в связи с вопросом отстранения Президента от должности, в связи с запросами и обращениями, поданными для толкования Конституции и законов, в связи с вынесением заключения

Конституционного Суда по предложениям Милли Меджлиса или Президента о внесении изменений в текст Конституции.

Детали особой процедуры каждого вида конкретизируются в отдельной статье Главы седьмой Закона АР «О Конституционном Суде». Как правило, применительно к особым процедурам:

- определяется правовая форма, в которую должно быть облечено решение Конституционного Суда по рассматриваемому делу (например, ч. 4 ст. 61 «Особенности рассмотрения вопроса в связи с вынесением заключения Конституционного Суда по предложениям Милли Меджлиса Азербайджанской Республики или Президента Азербайджанской Республики о внесении изменений в текст Конституции Азербайджанской Республики» предусматривает, что Конституционный Суд принимает мотивированное заключение о соответствии предложенных изменений требованиям статьи Конституции Азербайджанской Республики [247]);

- устанавливаются процессуальные сроки (например, ч. 1 ст. 60 «Особенности рассмотрения запроса и обращения о толковании Конституции и законов Азербайджанской Республики» предусматривает, что «вопрос о поступившем в Конституционный Суд запросе или обращении о толковании Конституции и законов Азербайджанской Республики, как правило, в течение 15 дней выносится на заседание палаты Конституционного Суда, выносится определение о принятии или отказе в принятии запроса или обращения к производству» [247]);

- перечисляются необходимые для совершения процессуальные действия (например, ч. 2 ст. 56 «Особенности производства по официальному объявлению результатов выборов Президента Азербайджанской Республики» предусматривает, что Конституционный Суд изучает представленные Центральной избирательной комиссией документы об итогах выборов Президента, затребовав у Апелляционного Суда и Верховного Суда сведения о рассмотренных заявлениях по делам о защите избирательных прав, ч. 3 – что «при установлении соответствия документов Центральной избирательной

комиссии Азербайджанской Республики об итогах выборов требованиям Избирательного кодекса Азербайджанской Республики Пленум Конституционного Суда принимает решение об утверждении результатов выборов» [247]).

Сравнение процессуальных сроков особых процедур, а также предусмотренных для каждой из них последовательности процессуальных действий позволяет сделать вывод о том, что каждая из этих процедур является упрощенной по сравнению с общей процедурой.

Ни в Конституционном Суде АР, ни в Суде ЕС упрощенные процедуры не используются, если речь идет о защите прав и свобод человека. Ученые считают, что появление упрощенных процедур связано с экономией времени в частности [360, с. 103] и процессуальной экономией вообще [81, с. 120]. Именно это и является причиной отсутствия возможности защиты прав и свобод человека по упрощенной процедуре – ученые считают, что, поскольку упрощенная процедура обычно не предусматривает осуществление таких процессуальных действий, как вызов участников производства, их заслушивания, привлечение экспертов, специалистов и т. д., ее целесообразно предусмотреть для рассмотрения таких категорий дел, как осуществление толкования конституции и законов, решение вопросов о соответствии конституции международных договоров [285, с. 190].

Что же касается защиты прав и свобод человека, то здесь важен принцип состязательности и равноправия сторон, который «традиционно понимается как предоставление равных процессуальных возможностей сторонам и достаточных процессуальных правомочий для отстаивания своих интересов» [226, с. 227]. А. М. Бабинков, исследуя принцип состязательности, отмечает, что его сущностью «является борьба, состязание, истоки которого берут начало в противоположности интересов. Именно неудовлетворенность этих интересов побуждает стороны к совершению активных действий в рамках предоставленных им процессуальных прав. Это предопределяет необходимость наделения сторон одинаковыми процессуальными правами и возможностями

по отстаиванию своих законных интересов» [17, с. 36]. Исходя из того, что при упрощенной процедуре сокращается количество стадий судопроизводства, чаще всего за счет устных разбирательств, по сравнению с обычной процедурой, следует подчеркнуть справедливость отсутствия возможности ее применения Конституционным Судом АР при осуществлении правозащитной деятельности.

Если речь идет о заимствовании опыта Суда ЕС для дальнейшего усовершенствования процесса работы Конституционного Суда АР, то наиболее целесообразным представляется изучение опыта его нормативной регламентации. Организация работы Суда ЕС определяется в таких документах, как Договор о функционировании ЕС, Протокол № 3 к нему и Регламент Суда ЕС.

Договор о функционировании ЕС посвящает процедурным вопросам, связанным с Судом ЕС, первую и последнюю статьи Отдела 5 «Суд Европейского Союза». Отдел 5 открывает ст. 251, которая устанавливает организационные формы работы Суда ЕС: «Суд заседает в рамках палат или Большой палаты в соответствии с правилами, предусмотренными с этой целью Статутом Суда Европейского Союза. Когда это предусмотрено Статутом, Суд также может заседать на пленуме» [92], однако не конкретизирует, в каком именно случае используется какая именно организационная форма. А последняя статья Отдела «Суд Европейского Союза», ст. 281, закрепляет, что «Статут Суда Европейского Союза устанавливается отдельным протоколом. Европейский парламент и Совет, постановляя в соответствии с обычной законодательной процедурой, могут вносить изменения в положения Статута, за исключением его раздела I и его статьи 64. Европейский парламент и Совет постановляют по запросу Суда и после консультации с Комиссией либо по предложению Комиссии и после консультации с Судом» [92].

Отдельный протокол, отсылку к которому содержит ст. 281, – это Протокол № 3, полное название которого звучит как «Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза». К функционированию

Суда ЕС имеют отношение следующие разделы Протокола: Раздел II «Организация Суда» (в нем закреплены организационные формы работы Суда ЕС, кворумы для принятия решений палатами, Большой палатой, Пленумом, а также Раздел III «Процедура в Суде»).

Следует отметить, что Протокол устанавливает лишь наиболее важные положения о порядке функционирования Суда ЕС, а их детализация осуществлена в Регламенте Суда ЕС – наиболее детальном документе по этому вопросу. Консолидированная версия Регламента Суда ЕС в настоящее время насчитывает 10 разделов (включая общие и заключительные положения), 39 глав и 210 статей.

Основной Закон АР, в отличие от конституционных актов ЕС, не содержит норм, относящихся к порядку функционирования Конституционного Суда АР. Наиболее важные положения об организации работы единственного органа конституционного контроля закреплены в Законе АР «О Конституционном Суде» и конкретизированы во Внутреннем уставе Конституционного Суда АР (*de facto* – Регламент Конституционного Суда АР).

Закон АР «О Конституционном Суде» содержит нормы, связанные с функционированием Суда, в Главе второй «Основы организации и деятельности Конституционного Суда» (об организационных формах работы Суда), Главе четвертой «Принципы производства, осуществляемого в Конституционном Суде», Главе пятой «Начало производства в Конституционном Суде», Главе шестой «Конституционное производство», Главе седьмой «Особенности конституционного производства по конституционным делам различных видов». Итого, из девяти глав Закона АР «О Конституционном Суде» четыре имеют непосредственное отношение к вопросам его функционирования, и одна – опосредованное. Если же сопоставлять количество статей, то следует отметить, что из 79 статей Закона АР «О Конституционном Суде»[1] 38 имеют непосредственное отношение к

[1] 63880 печатных знаков.

вопросам его функционирования[1], и 3 – опосредованное[2]. Еще более наглядным является сравнение печатных знаков, содержащихся в этих статьях (см. сноски). Таким образом, 55,6 % глав Закона АР «О Конституционном Суде», 51,9 % статей и 59,96 % печатных знаков посвящены вопросам организации процесса работы Суда. В результате Внутренний устав Конституционного Суда АР представляет собой документ, в состав которого входит 9 глав и 59 статей, содержащих 54053 знаков (по сравнению с 38303 печатными знаками норм Закона АР «О Конституционном Суде», регламентирующих организацию процесса работы Суда).

Закрепление норм, регламентирующих процесс функционирования Конституционного Суда АР, и в Законе, и в подзаконном акте является скорее недостатком, нежели преимуществом. Сравнивая содержание Внутреннего устава и Закона АР «О Конституционном Суде», эксперты Венецианской комиссии негативно оценили наличие повторов нормативного материала [419;447].

Внутренний Устав Конституционного Суда АР был в центре внимания Венецианской комиссии в 2004 г. Поводом для его рассмотрения стало обращение Председателя Конституционного Суда АР с просьбой проанализировать этот документ в связи с введением нового для азербайджанского конституционного права института – института индивидуальной конституционной жалобы. Применительно к проекту этого акта эксперты Венецианской комиссии отметили, что «утверждая свой регламент, конституционные суды реализуют свою правовую автономию. Кроме того, они могут оперативно вносить изменения в регламент, без участия законодателя. В связи с этим конституция, а также закон о конституционном суде не должны содержать слишком детализированных положений об организации работы органа конституционного контроля» [419;420].

---

[1] 35214 печатных знаков.
[2] 3089 печатных знаков.

Эксперты Венецианской комиссии высказали еще одно замечание в отношении нормативной регламентации порядка функционирования органов конституционного контроля, имеющее отношение к Конституционному Суду АР: «Конституция должна четко предусматривать необходимость принятия нормативного акта о внутренней организации и структуре органов конституционного контроля, при этом устанавливая, какие вопросы должны быть урегулированы законами, а какие – актами самого органа конституционного контроля» [438]. Следует отметить, что возможность регламентировать определенные вопросы своего функционирования способствуют повышению уровня независимости органа конституционного контроля.

В предыдущих разделах исследования упоминалось о том, что эксперты Венецианской комиссии предложили рассматривать в виде триады нормативные акты, регламентирующие порядок функционирования органов конституционного контроля. С учетом их юридической силы на вершине триады они расположили Конституцию, далее – законы, после чего – регламенты органов конституционного контроля (в АР – Внутренний устав Конституционного Суда АР). Они констатировали: «Регламенты органов конституционного контроля … содержат практическую детализацию повседневной юридической активности. Регламенты должны разрабатываться самими конституционными судами» [447, с. 2]. И. С. Бастен справедливо отметила, что «регламент представляет собой свод правил деятельности конституционного суда, его органов, а также всех иных государственных органов, их представителей, граждан, участвующих в конституционном судопроизводстве. В регламенте определяется внутреннее устройство и органов конституционного суда, общий порядок их работы, порядок рассмотрения обращений …, в нем получают свое отражение и развитие различные организационно-технические правила, сложившиеся в практике конституционного суда» [24, с. 70].

Возвращаясь к обзору экспертных мнений специалистов Венецианской комиссии, следует также отметить, что Дж. Нолте (*G. Nolte*) подчеркнул важность закрепления процедурных вопросов функционирования Конституционного Суда АР именно во Внутреннем уставе, утверждаемом Судом для того, чтобы внесение изменений и дополнений в Регламент осуществлялось бы также Судом, без участия парламента (Милли Меджлиса). Таким образом, он выступает за отсутствие необходимости чрезмерной детализации Закона «О Конституционном Суде АР» с тем, чтобы нормы Закона конкретизировались бы во Внутреннем уставе самим Судом [457, с. 3].

Учитывая эти замечания и предмет настоящего исследования, следует обратиться к опыту нормативной регламентации процесса в Суде ЕС. В этом случае не может быть применена рекомендация экспертов Венецианской комиссии о триаде групп источников, устанавливающих порядок функционирования органов конституционного контроля (Конституция – законы – подзаконные акты). Это связано с тем, что Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза, является неотъемлемой частью Договора о функционировании Европейского Союза. Это обуславливает его высшую юридическую силу, которой наделены все документы, составляющие в совокупности первичное право ЕС. Таким образом, вместо трехуровневой иерархии документов, регламентирующих функционирование Суда ЕС, имеет место двухуровневая иерархия (акты первичного права ЕС и акты Суда ЕС).

Следует напомнить и об охарактеризованном в предыдущих частях исследования отличии норм Протокола № 3 от норм основного текста Договора о функционировании Европейского Союза: изменения и дополнения в протоколы вносятся по упрощенной процедуре, в отличие от изменений и дополнений в основной текст Договора. В связи с этим для исследования нормативной регламентации организации деятельности Суда ЕС можно допустить и считать сравнимыми:

- нормы Договора о функционировании ЕС и нормы Конституции АР;

- нормы Протокола № 3 и нормы Закона АР «О Конституционном Суде»;

- нормы Регламента Суда ЕС и нормы Внутреннего устава Конституционного Суда АР.

Эксперты Венецианской комиссии высоко оценили юридическую технику норм Основного Закона АР, регламентирующих вопросы функционирования Конституционного Суда.

Переходя к анализу второго уровня триады, следует отметить, что Протокол № 3 в отношении порядка функционирования Суда ЕС значительно менее детален, чем Закон АР «О Конституционном Суде» в отношении организации деятельности Конституционного Суда АР. В Протоколе № 3 регламентируются:

- постоянное функционирование Суда ЕС, за исключением перерыва на судебные каникулы (ст. 15);

- положения о кворуме, необходимом для принятия судебных решений применительно к существующим организационным формам деятельности Суда ЕС (ст. 17);

- вопросы представительства в Суде ЕС (ст. 19);

- краткая характеристика письменной и устной процедур как двух стадий производства в Суде ЕС (ст. 20);

- подача искового и др. заявлений (ст. 21-23);

- истребование Судом ЕС документов, проведение экспертиз, привлечение и допрос свидетелей и экспертов (ст. 24-30);

- порядок ведения судебного заседания (ст. 31-33, 40-42);

- полномочия Председателя утверждать перечень дел, назначаемых к слушанию (ст. 34);

- тайна судебных совещаний (ст. 35);

- оформление и разъяснение судебных решений, их пересмотр (ст. 36-37, 43-44);

- порядок решения вопроса судебных издержек (ст. 38);

- положения об упрощенной процедуре (ст. 39);

- процессуальные сроки (ст. 45-46).

Исходя из вышеизложенного, рекомендуется в Законе АР «О Конституционном Суде» заменить одной главой четыре существующих ныне главы, а именно:

- Главу четвертую «Принципы производства, осуществляемого в Конституционном Суде»;

- Главу пятую «Начало производства в Конституционном Суде»;

- Главу шестую «Конституционное производство»;

- Главу седьмую «Особенности конституционного производства по конституционным делам различных видов».

Новую главу целесообразно озаглавить «Основы конституционного судопроизводства» и формулировать ее статьи достаточно сжато с тем, чтобы они получили свою конкретизацию во Внутреннем уставе Конституционного Суда АР.

Кроме этой главы, в Законе АР «О Конституционном Суде» останутся следующие статьи, регламентирующие порядок функционирования этого органа:

- Статья 7 «Вопросы, рассматриваемые в заседаниях палат и Пленума Конституционного Суда»;

- Статья 8 «Собрание судей Конституционного Суда»;

- Статья 9 «Символы Конституционного Суда, нагрудный знак и удостоверение судьи Конституционного Суда».

Таким образом, Закон АР «О Конституционном Суде» будет включать в себя следующие главы:

- Общие положения;

- Основы организации и деятельности Конституционного Суда;

- Статус судей Конституционного Суда;

- Основы конституционного судопроизводства;

- Акты Конституционного Суда;

- Обеспечение деятельности Конституционного Суда[1].

Следует подчеркнуть, что речь идет не об уменьшении количества норм, регламентирующих организацию работы Суда ЕС, а лишь об устранении дублирования нормативного материала. Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что целесообразно избегать недостатка регламентации организации работы органа конституционного контроля. Например, в отношении Конституционного Суда Российской Федерации В. А. Витушкин пишет: «Действующему законодательству о Конституционном Суде свойственна слабая детализация процедурных правил конституционного судопроизводства, в отличие от других видов судопроизводств, в том числе по вынесению решений. Отдельные пробелы правового регулирования восполняет сам Конституционный Суд. Необходима дополнительная законодательная регламентация процессуальной стороны вынесения определений Конституционного Суда (в частности, должны быть решены вопросы об обязательном опубликовании определений, выносимых в виде отдельного документа; о случаях вынесения таких определений; о случаях рассмотрения ходатайств о разъяснении ранее вынесенных решений, не требующих открытого судебного заседания в процедуре статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и др.)» [52, с. 9].

В то же время чрезмерное количество нормативного материала, касающегося организации деятельности органа конституционного контроля, также представляется излишним. Речь идет о необходимости принятия Конституционного процессуального кодекса. Как отметил Э. Кулиев, «Конституционный Суд … не имеет своего процессуального кодекса и применяет процессуальные нормы, сформулированные в Законе «О Конституционном Суде» [176, с. 21].

---

[1] В настоящее время глава называется «Организация и обеспечение деятельности Конституционного Суда», однако по сути в ней содержатся нормы, связанные не с организацией, а лишь с обеспечением деятельности Конституционного Суда АР.

Применительно к АР этот вопрос не анализировался, поэтому целесообразно обратиться к разработкам зарубежных ученых. К. А. Сасов посвятил проблеме отсутствия конституционного процессуального кодекса в Российской Федерации один из параграфов своей диссертации [324, с. 187]. Он считает, что в настоящий момент назрела необходимость принятия конституционного процессуального кодекса, первоочередными задачами которого должны быть:

-реализация в конституционном судопроизводстве общесудебных процессуальных принципов;

-ограничение судейского усмотрения и судебного произвола;

-повышение качества судебных решений;

-повышение активной роли сторон конституционного производства в судебном процессе;

-установление легитимного механизма устранения судебных ошибок [324, с. 193].

К. А. Сасов пришел к выводу, что «Конституционный Суд и по названию, и по сути является самостоятельным органом судебной власти, в связи с чем должен иметь те же властные правомочия и те же процессуальные ограничения, что и другие суды» [324, с. 45]. Однако следует принимать во внимание то, что в Российской Федерации, конституционный контроль в которой исследует автор, существует как Конституционный Суд Российской Федерации, так и уставные конституционные суды (субъектов федерации). Для сравнения: в АР функционирует лишь один Конституционный Суд, что снижает целесообразность разработки и принятия Кодекса. Кроме количества судебных органов, аргументом является и количество рассматриваемых дел. Практически любой суд общей юрисдикции ежегодно рассматривает большее количество дел, чем орган конституционной юрисдикции (Д. С. Петренко справедливо ведет речь о «невысоких темпах правосудной деятельности» [279, с. 9]). Также суды общей юрисдикции, как правило, не наделяются правом устанавливать нормы, связанные с процессом своего функционирования, в

отличие от органов конституционного контроля. К. А. Сасов пишет, что «действующий конституционный процессуальный закон существенно отличается от процессуальных законов, регламентирующих деятельность других судебных органов (АПК, ГПК, УПК РФ) своей краткостью» [323, с. 3], однако не упоминает в связи с этим о вышеприведенном факте.

Даже применительно к Российской Федерации как к государству, в котором функционирует несколько органов конституционной юрисдикции, аргументы К. А. Сасова довольно неубедительны. Дело в том, что автор так или иначе связывает принятие предлагаемого им Кодекса с повышением эффективности работы конституционных судов. В то время как более аргументированной представляется точка зрения Е. И. Машарова, который отметил, что «оценкой эффективности процессуального механизма деятельности Конституционного Суда Российской Федерации являются правовое качество выносимых им решений, соблюдение сроков рассмотрения и других элементов конституционного судопроизводства» [201, с. 80].

Своеобразным аргументом в поддержку мнения о необходимости Кодекса могут быть рассуждения Н. В. Витрука о том, что «создание и функционирование специализированных органов судебного конституционного контроля обусловили формирование новой отрасли права – судебно-конституционного права и процесса. Предметом регулирования данной отрасли права является совокупность однородных общественных отношений, связанных с организацией и функционированием нового вида государственной деятельности – конституционного контроля, осуществляемого специализированными судами, т. е. конституционного правосудия» [50, с. 18]. Ведь очень часто кодификация осуществляется в отношении норм той или иной отрасли права. Однако даже если согласиться с (довольно спорным и весьма преждевременным) мнением о том, что в настоящее время в АР есть основания для выделения отрасли судебно-конституционного права и процесса, одного лишь наличия некодифицированных норм отрасли права недостаточно для кодификации правового материала.

Следует отметить, что в юридической литературе существуют предложения систематизировать нормы, регламентирующие функционирование органов конституционного контроля, в одном акте с нормами, регламентирующих работу судов общей юрисдикции. Такое предложение высказал Н. А. Колоколов в докладе «Проблемы кодификации судебного права», подготовленный для участия в Международной научно-практической конференции «Кодификация законодательства: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 г.) [139]. В частности, он обосновывает существование новой отрасли – отрасли судебного права – и рассуждает: «поскольку все суды осуществляют одинаковую по своему содержанию судебную деятельность, то правовые нормы, ее регулирующие, должны быть объединены в единый Кодекс судебного производства; вариант – Основы судебной деятельности. В данном случае все иные отрасли права, регламентирующие порядок образования и функционирования судов, осуществление судопроизводства, превратятся в подотрасли судебного права» [139, с. 1030-1031]. Следует не согласиться с таким мнением, резюмируя: изложенных в подразделе 5.2 материалов о функционировании Конституционного Суда АР достаточно для того, чтобы опровергнуть никак не аргументированный Н. А. Колоколовым тезис о том, что «все суды осуществляют одинаковую по своему содержанию судебную деятельность». В юридической литературе высказываются мнения о целесообразности отделения процесса в органе конституционного контроля от процессов в судах общей юрисдикции, например в свячзи с тем, что «особенностью конституционного процесса по отношению к иным видам судебного процесса выступает отсутствие вертикальных правовых отношений между вышестоящими и нижестоящими судебными инстанциями, содержанием которых выступала бы проверка вынесенного судебного решения» [188, с. 39].

Соответственно, не усматривается необходимости ни в Кодексе судебного производства, ни в кодификационном нормативно-правовом акте «Основы судебной деятельности».

5.3. Юридическая сила актов Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Конституция АР предусматривает, что «Конституционный Суд Азербайджанской Республики принимает решения по вопросам, отнесенным к его ведению. Решения Конституционного Суда Азербайджанской Республики имеют обязательную силу на всей территории Азербайджанской Республики. Решения Конституционного Суда Азербайджанской Республики подлежат опубликованию» [157]. Кроме того, в Основном Законе АР в ст. 148 закреплен перечень нормативно-правовых актов, входящих в систему законодательства АР. К ним отнесены: Конституция; акты, принятые референдумом; законы; указы; постановления Кабинета Министров Азербайджанской Республики; нормативные акты центральных органов исполнительной власти. Также отмечено, что в систему законодательства АР входят международные договоры, участницей которых является Азербайджанская Республика. Акты системы законодательства Нахычеванской Республики, нормативные акты местных органов исполнительной власти и муниципалитетов не должны противоречить актам, входящим в систему законодательства АР. Таким образом, можно придти к заключению о том, что акты Конституционного Суда АР не относятся к нормативно-правовым актам и не входят в систему законодательства АР, установленную Конституцией АР.

Однако из анализа норм Конституционного Закона АР «О нормативных правовых актах» следует сделать вывод, что этот Закон закрепляет за Конституционным Судом АР возможность осуществления нормотворческой деятельности. Пункт 1.0.13. Конституционного Закона предусматривает, что «нормотворческая деятельность – это деятельность по подготовке, экспертизе, принятию, внесению изменений, толкованию, приостановлению действия, либо отмене нормативных правовых актов». Поскольку Конституционный Суд АР компетентен признавать норму права несоответствующей Конституции АР

и тем самым постановляет недействительность этой нормы, а также осуществляет толкование Конституции АР и иных нормативно-правовых актов, можно утверждать, что он осуществляет нормотворческую деятельность, однако не во всех случаях. Это совершенно справедливо – как верно отметил С.В. Шевчук, «отрицание нормативного содержания акта судебной власти, …в которых дается толкование норм права, является одновременным признанием неспособности судей решать конфликты в обществе при помощи права и осуществлять правосудие» [386, с. 101].

С другой стороны следует отметить, что Конституционный Закон АР «О нормативных правовых актах» устанавливает различия между нормативно-правовыми актами и актами нормативного характера. Пункт 1.0.3. статьи 1 Закона относит к числу последних официальные документы установленной формы, принятые государственным органом или органом местного самоуправления, предусмотренными настоящим Конституционным Законом, отражающие общеобязательные правила поведения для неопределенного круга лиц и предусмотренные для неоднократного применения» [248].

Пункт 4.1.1. ст. 4 «Акты нормативного характера и их юридическая сила» закрепляет, что к этому виду актов относятся постановления Конституционного Суда Азербайджанской Республики, принятые в соответствии с пунктами 1-7 части III статьи 130 и частью IV Конституции АР [248].

Упоминания об иных актах Конституционного Суда АР в анализируемом Конституционном законе нет, хотя в процессе реализации своих полномочий исследуемый орган принимает не только постановления, но и определения. Соответствующие вопросы регламентируются Главой восьмой «Акты Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном Суде», а также Внутренним уставом Конституционного Суда АР. В этих актах речь идет как родовом понятии «решения», так и о видах решений единственного органа конституционной юрисдикции АР - «постановлениях» и «определениях».

Как и Конституция АР, Закон АР «О Конституционном Суде» предусматривает, что решения Конституционного Суда имеют обязательную силу на территории Азербайджанской Республики, а также закрепляет, что «решения Конституционного Суда после вступления в силу должны безоговорочно исполняться. Должностные лица, не исполняющие решения Конституционного Суда, несут ответственность в порядке, предусмотренном законодательством Азербайджанской Республики» [247].

Различия между решениями и определениями состоят в следующем:

- палаты Конституционного Суда АР наделены полномочиями принимать лишь определения, а Пленум – и постановления, и определения;

- постановления отражают вывод, к которому Конституционный Суд АР пришел в результате рассмотрения конституционного дела по существу, определения палат выносятся по вопросам принятия запроса, обращения или жалобы для рассмотрения, а определения Пленума – для решения вопросов, возникающих в заседаниях Пленума, и в других случаях, не предполагающих принятие постановления;

- постановления и определения Пленума принимаются большинством в 5 голосов судей, если Конституцией или законом не предусмотрено иное, а определения палат – большинством голосов судей;

- постановления Пленума имеют определенную структуру. Они состоят из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей, ст. 65 Закона АР «О Конституционном Суде» содержит перечни обязательных реквизитов каждой из этих частей. Структура и содержание определений законом не устанавливается.

Возможность принятия Конституционным Судом АР различных по виду актов является вполне типичной для органа конституционного контроля. В.В. Захаров отметил, что «анализ положений действующего законодательства позволяет сделать вывод о возможности принятия Конституционным Судом Российской Федерации актов, различных по своим характеристикам и юридической силе» [108, с. 6]. Исследуя акты, принимаемые

Конституционным Судом Российской Федерации (решения и определения), В.А. Витушкин отметил: «Определения обладают различными свойствами юридической силы, поэтому представляется неверным перенесение всех свойств юридической силы с итоговых решений Конституционного Суда на его определения. В подавляющем большинстве случаев определения выносятся по вопросам, имеющим подчиненное значение по отношению к разрешению дела по существу, и лишь некоторым из них присущи свойства юридической силы в том смысле, в каком это относится к итоговым решениям, хотя их свойства не однопорядкового характера» [52, с. 8].

Более детальным в отношении как постановлений, так и определений Конституционного Суда АР является Внутренний устав этого органа. Глава 5 посвящена решениям Конституционного Суда АР (включая вопросы подготовки и принятия постановлений Пленума Конституционного Суда АР, срока представления судьей особого мнения, принятия определений, направления решений для опубликования, обобщения практики выполнения постановлений Пленума Конституционного Суда АР, а также внесения поправок в решения единственного органа конституционной юрисдикции АР, если они связаны с неточностями в их тексте).

Никакой информации о месте определений Конституционного Суда АР не содержится ни в Конституции, ни в Конституционном Законе АР «О нормативно правовых актах», ни в Законе АР «О Конституционном Суде», ни во Внутреннем уставе Конституционного Суда АР. На основании приведенных выше нормативно-правовых норм об определениях единственного органа конституционной юрисдикции АР справедливо придти к выводу о том, что кроме его постановлений все другие акты не имеют нормативного характера.

Изучение опыта ЕС выявляет практически аналогичную немногословность в отношении нормативной регламентации вопроса юридической силы решений Суда ЕС. В 1999 г. А. О. Четвериков отметил, что «Договор о ЕС весьма лаконично характеризует действие и правовую силу решений Европейского Суда … В Договоре о ЕС отсутствуют специальные

указания в отношении юридической силы преюдициальных решений Суда, а равно способности установленных Судом правил иметь силу юридического прецедента для всех других национальных судов / трибуналов. Однако как эти, так и другие «пробелы» учредительного договора были восполнены самим Европейским судом в рамках реализации своих (исключительных) полномочий «обеспечивать соблюдение права при толковании и интерпретации настоящего Договора (о ЕС). Будучи единственным органом, имеющим право давать официальное (нормативное) толкование «конституции» Сообщества, Европейский суд определил и юридическую силу собственных решений» [380, с. 165]. С тех пор ситуация радикально не изменилась, однако норма о судебных решениях из Договора о Европейском Союзе была перемещена в Договор о функционировании Европейского Союза, статья 280 которого гласит: «Решения Суда Европейского Союза[1] обладают исполнительной силой на условиях, предусмотренных в статье 299» [92]. Статья 299 приравнивает акты Суда ЕС к актам Совета, Комиссии или Европейского центрального банка, которые возлагают денежное обязательство на иные лица, нежели государства, и предусматривает, что они выступают в качестве исполнительного документа. В отличие от законодательства АР, не детализирующего порядок исполнения постановлений Конституционного Суда АР, в отношении решений Суда ЕС установлено, что «принудительное исполнение регулируется гражданско-процессуальными нормами, действующими в том государстве, на территории которого оно происходит. Исполнительная надпись ставится без какого-либо иного контроля, помимо проверки подлинности документа, национальным органом, которого назначит с этой целью правительство каждого из государств-членов и о котором оно сообщит Комиссии и Суду Европейского Союза» [92]. Это связано с отличиями в юрисдикции анализируемых органов – Конституционный Суд АР является органом исключительно конституционной юрисдикции, в то время

[1] Подразумеваются решения Суда ЕС, Пленума, Большой палаты и палат.

как полномочия Суда ЕС позволяют охарактеризовать его как судебный орган, совмещающий общую юрисдикцию с конституционной.

В настоящее время все больше и больше ученых высказывают мнение о том, что «Европейский Суд… является не только правоприменительным, но и правообразующим институтом, а его решения, соответственно, – источником права, имеющего равную силу с «конституцией» ЕС (поскольку формально Суд осуществляет лишь толкование последней)» [380, с. 167].

Так, В. И. Муравьев классифицирует источники права ЕС на основные (Договор о Европейском Союзе, международные соглашения, заключенные в ходе имплементации положений учредительных документов, ценности, международные обычаи, акты институтов Европейского Союза обязательного характера, принципы права, решения органов сотрудничества обязательного характера) и дополнительные (акты институтов Европейского Союза рекомендательного характера, рекомендационные акты органов сотрудничества, созданных в рамках международных договоров между ЕС и третьими странами, решения Суда ЕС, доктрина) [289, с. 56-57]. Тем самым он признает акты Суда ЕС источниками права, пусть и дополнительного характера.

Достаточно редко встречаются альтернативные мнения о структуре источников первичного права ЕС: например, Е. Ф. Довгань относит к ним не только учредительные акты, но и принципы права ЕС [90]. А Д. С. Тихоновецкий высказал мнение, что «основу первичного права составляют учредительные договоры, однако можно с уверенностью сказать, что сюда могут быть отнесены некоторые отдельные судебные решения, которые подвергают толкованию положения учредительных договоров» [356, с. 23]. Отнесение тех решений Суда ЕС, которые связаны с толкованием норм документов первичного права, к первичному праву, а всех иных – к иной группе источников связано с распространенным в юридической литературе подходом, в соответствии с которым интерпретационный акт приобретает юридическую силу интерпретируемого документа. Однако такого мнения

придерживаются далеко не все исследователи института конституционного контроля. Этот вопрос является дискуссионным до настоящего времени, вследствие чего можно считать однозначно неверным лишь включение всех без исключения решений Суда ЕС в число документов первичного права, как предлагает К. Ю. Голуб, который пишет: «Положение решений Суда ЕС в иерархии правовых актов Европейского Союза очень высоко; вместе с учредительными договорами оно занимает его высшую ступень» [71, с. 17].

Возвращаясь к решениям Суда ЕС, следует отметить, что само название «первичное» право предполагает наличие как минимум еще и права «вторичного». И действительно, наличие актов вторичного права в системе права ЕС исследователями не оспаривается. Тем не менее ряд ученых ограничиваются выделением лишь актов первичного и вторичного права, а некоторые ведут речь о третичном праве и/или об иных источниках права ЕС.

Д. С. Тихоновецкий справедливо утверждает, что «вторичное право представляет собой результат нормотворчества институтов Европейского Союза и именно его называют *acquis communautaire*» [356, с. 26]. Вторичное право, по мнению А. З. Рассмазиной, является «подзаконным» по своей сути [306]. А. Л. Шевцов высказывается в похожем ключе, отмечая, что «правовой основой системы источников вторичного права являются учредительные Договоры ЕС, устанавливающие правило, в соответствии с которым некоторые цели Европейского Союза могут быть достигнуты исключительно путем принятия его институтами нормативных актов. Из данного положения вытекает вывод о производном характере источников вторичного права Евросоюза по отношению к первичному праву. Их правовая природа определяется договорным характером делегированной компетенции ЕС, составляющей сущность его системы права» [385, с. 161].

Не отрицая производный характер этих источников права и именно поэтому используя для ее наименования прилагательное «вторичные» (иногда – «секундарные»), исследователи относят к этой группе различные виды источников. А именно:

- Я. П. Андриенко считает, что «в целом европейское право можно разделить на первичное, или «конституционное», к которому относятся учредительные акты по созданию и функционированию ЕС, и вторичное, или производное, право – акты, издаваемые на основе и для развития учредительных актов, такие как регламенты, директивы, решения, а также прецеденты, создаваемые Судом ЕС» [11, с. 86];

- Л. М. Энтин пишет о наличии не только первичного и вторичного, но и третичного права ЕС. К группе источников вторичного права он относит нормы, имеющие своим источником, как правило, нормативно-правовые акты, изданные институтами ЕС. Третичное же право он называет «дополнительным правом» и причисляет к этой группе юридические нормы, источником которых не являются ни учредительные договоры, ни нормативно-правовые акты, предусмотренные ст. 249 Договора, учреждающего Европейское Сообщество [96, с. 96]; конкретизируя, что, прежде всего, это внутренние акты ЕС и различного рода институциональные соглашения, дополняющие и разъясняющие нормы первичного и вторичного права [396];

- Н. Т. Эбралидзе относит к секундарной группе источников права ЕС акты, издаваемые Комиссией, Советом и Европарламентом, также упоминая о том, что «третья значительная часть источников – это решения Люксембургского суда» [392, с. 40];

- авторы учебника «Право Европейского Союза» отнесли решения Суда ЕС к «третьей особой группе источников права ЕС» [286, с. 20, 58];

- Е. Ф. Довгань относит к вторичному праву ЕС регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения, а также совместные действия и общие позиции, рамочные решения, а к третичному праву – решения Суда ЕС [90];

- Р. А. Петров, кроме учредительных договоров, выделяет в качестве источников права ЕС вторичное законодательство – регламенты, директивы, рекомендации и выводы, а также международные (дополнительные) договоры с международными организациями и другими странами и решения, выводы Суда ЕС, а также общие принципы, разработанные Судом ЕС [287, с. 21]. Здесь

следует отметить, что Суд ЕС ведет речь о принципах, «выводя» их из содержания актов первичного права, поэтому с выводами Р. А. Петрова можно согласиться лишь отчасти. Аналогичное мнение высказывают и другие исследователи. В частности, Д. С. Тихоновецкий размышляет по этому поводу так: «Возникает вопрос о том, оправдано ли выделять общие принципы права в качестве отдельного источника права, тем более что некоторые из них закреплены в судебных решениях или учредительных актах» [356, с. 22]. Также ученый высказывает оригинальную точку зрения на третичное право, утверждая, что «оно представляет собой комплекс юридических норм, которые в принципе можно рассматривать как источники европейского права, но которые в то же время имеют преимущественно политический характер…, лишены контроля со стороны Суда ЕС» [356, с. 27].

Наконец, к интересным выводам пришел С. А. Нотин, анализируя судебную практику в системе источников налогового права на примере Европейского Союза и Российской Федерации. Он отметил: «В работах, посвящённых Конституционному Суду РФ и Суду ЕС, содержатся убедительные аргументы в пользу того, что указанные судебные органы осуществляют правотворческую функцию. Как показывает практика деятельности органов конституционного контроля, толкование положений конституционных актов, а также рассмотрение актов налогового законодательства на предмет их соответствия конституции не обходятся без формулирования судами положений, ранее в законодательстве не присутствовавших. Так, суд устанавливает применимость неналоговых положений конституционных актов к налогообложению: например, принципа единства экономического пространства (РФ); принципов свободы перемещения лиц, товаров, услуг и капиталов (ЕС); принципа запрета дискриминации по признаку национальности (гражданства) (ЕС, РФ)» [238, с. 8-9].

Ученые констатируют, что «в юридической науке… до сегодняшнего дня нет единого мнения в отношении того, что представляют из себя акты

конституционного суда» [197, с. 8]. Для решения вопроса о юридической силе актов Конституционного Суда АР следует определиться, во-первых, с тем, может ли этот орган создавать нормы права, во-вторых, все ли его акты содержат нормы права, в-третьих, одинакова ли юридическая сила актов Конституционного Суда АР, содержащих нормы права.

Первый и второй вопросы в АР решены на уровне законодательства, - выше уже упоминалось, что постановления Конституционного Суда АР Конституционным Законом АР «О нормативно-правовых актах» отнесены к документам нормативного характера (в отличие от определений Конституционного Суда АР, о которых в этом Конституционном законе не упоминается, что дает основание для заключения о том, что они не имеют нормативного характера).

При этом следует отметить, что закреплять за Конституционным Судом АР нормотворческую функцию было бы преждевременным. В юридической литературе до настоящего времени не сложилось единой позиции о том, присуща ли она этим органам, и аргументы «за» и «против» являются довольно убедительными. Все больше и больше авторов не только пишут о «конституционно-судебном правотворчестве» [189, с. 8], но и усматривают правотворческую (либо нормотворческую) функцию и у иных судебных органов. А.С. Худынцева в отношении Международного Суда ООН даже классифицировала виды осуществляемого им нормотворчества сформулировав, что он задействован в процессе международного нормотворчества в двух формах: «а) посредством создания норм внутреннего права Суда (как системы правил, обязательных в том числе для государств – участников спора); б) в форме т.н. «опосредованного» нормотворчества, т.е. путем конкретизации применяемых норм и «идентификации» международных обычаев в ходе принятия решений и консультативных заключений» [369, с. 12].

Однако представляется преждевременным вести речь о правотворческой (либо нормотворческой) функции единственного органа конституционной юрисдикции АР. Именно руководствуясь этим тезисом, в предыдущем

подразделе был сделан вывод о том, что на современном этапе Конституционный Суд АР реализует контрольную, интерпретационную, арбитражную, правозащитную и церемониальную функции. Такой вывод был сделан с учетом места Конституционного Суда АР в системе органов публичной власти.

При анализе места Конституционного Суда АР в системе органов публичной власти была обоснована целесообразность рассмотрения его в качестве предстатусного элемента в связи с влиянием, которое оно оказывает на элементы конституционного статуса единственного органа конституционной юрисдикции АР. Не является исключением и такой элемент его статуса, как юридическая сила актов Конституционного Суда АР. Мнения ученых по поводу того, что органы конституционного контроля могут создавать нормы права, разделились с учетом их взглядов на интерпретацию содержания принципа разделения государственной власти.

С одной стороны, А.В. Зимин отмечает: «Принципы деятельности механизма конституционного контроля базируются на фундаментальном принципе разделения властей и должны полностью ему соответствовать, что не допускает придания статуса нормотворческих органам конституционного контроля» [112, с. 9-10]. В.В. Кошелева присоединяется к его мнению – она считает, что «признание решений Конституционного Суда источниками права повлекло бы за собой нарушение принципа разделения властей и могло бы отрицательно сказаться на состоянии законности» [166, с. 107]. Следует признать определенную правоту ученых, придерживающихся этой позиции, в том, что в юридической литературе в контексте аргументации позиции органа конституционного контроля как «негативного законодателя» [42, с. 38; 41, с. 9], «контрзаконодателя» [133, с. 11], происходит своего рода противопоставления парламентов органам конституционного контроля.

С другой стороны, О.В. Брежнев достаточно убедительно размышляет, что «судебное правотворчество в сфере конституционного контроля представляет собой самостоятельную разновидность правотворчества,

обладающую специфическими признаками в сравнении с такого рода деятельностью, осуществляемой в системах законодательной и исполнительной власти. Осуществление судебного конституционного нормоконтроля связано с … аннулированием правовых норм и внесением в связи с этим изменений в систему законодательства. При этом формулируются правовые позиции на основе интерпретации конституционных норм и принципов, оказывающие регулятивное воздействие на общественные отношения, опосредуемые в том числе и правоприменением» [42, с. 38-39]. И.Г. Бовсуновская аргументирует свою позицию следующим образом: «В случае признания за судами правотворческой функции будет нарушен принцип разделения власти… С таким утверждением можно не согласиться. Безусловно, компетентным государственным органом, наделенным полномочиями принимать законы, является законодательный орган. Это никем не оспаривается. Однако вместе с законодательным органом существуют органы исполнительной власти, которые не наделены правом принимать законы, но творить норму права они могут. При этом наличие такого полномочия у органов исполнительной власти никаким образом не уменьшает роли законодательного органа. Итак, с учетом указанного, признание правотворческой функции за судами … также не нарушает принципа разделения власти» [34, с. 107]. Аргументы в поддержку того, что создание норм права органами конституционного контроля не идет вразрез с принципом разделения государственной власти, заслуживают поддержки.

Третья группа ученых считает, что в настоящее время не существует однозначного ответа на поставленный вопрос. Посвятившая свое диссертационное исследование проблеме места актов органов конституционного контроля в системе источников российского права, Н.Ф. Гуцан пришла к следующему заключению: «Что же касается вопросов о том, создает ли признание нормативного характера за определенными судебными актами конкуренцию между судами и законодательными органами, противоречит ли такой подход принципу разделения государственной власти

на законодательную, исполнительную и судебную, то … здесь многое зависит от состояния правовой культуры, наличия выработанных и апробированных временем механизмов взаимодействия ветвей государственной власти. Истолкование судами конституционных и иных норм в соответствии с целями правосудия не разрушает, а, наоборот, способствует единству правопонимания по тем или иным юридическим вопросам, хотя то требует, конечно, высокой судейской квалификации и, наряду с этим, более высокой качественности законотворческого процесса» [80, с. 70-71]. В контексте анализа Конституционного Суда АР следует подчеркнуть, что он в ряде случаев осуществляет нормотворческую деятельность, однако причислять нормотворчество (либо правотворчество) к его функциям, т.е. к основным направлениям его деятельности, в настоящее время навряд ли корректно. Как справедливо отметил А.Н. Кокотов, «своеобразие правотворческой активности Конституционного Суда проявляется в том, что направлена она не на непосредственное регулирование общественных отношений, а на обеспечение соответствия Конституции действующего законодательства в целях его надлежащего применения» [136, с. 21]. Также верно рассуждает В.В. Кошелева, отмечая: «в тех случаях, когда своими решениями Конституционный Суд прекращает действие правовых актов, он выполняет присущую ему контрольную функцию, освобождая действующее законодательство от противоречащих Основному закону норм. Но это вовсе не означает, что Конституционный Суд «творит право» … Задача Конституционного Суда заключается именно в том, чтобы дать такое толкование Конституции, которое не повлекло бы за собой создания новых правовых предписаний» [166, с. 108]. Итак, «специализированные органы конституционного контроля обладают особой юридической природой и занимают специфическое место в системе разделения властей, от этого производны и особенности принимаемых данными органами решений» [108, с. 6].

Применительно к актам Конституционного Суда АР следует отметить, что Конституционный Закон АР «О нормативно-правовых актах» в настоящее время закрепляет лишь за постановлениями исследуемого органа юридическую силу, при этом не регламентируя юридическую силу определений. Исходя из норм ст. 4 «Акты нормативного характера и их юридическая сила» этого Конституционного закона, постановления Конституционного Суда АР, во-первых, могут противоречить нормативно-правовым актам Азербайджанской Республики (это свойство присуще лишь постановлениям исследуемого органа, другие акты нормативного характера им не обладают), а во-вторых, часть 4.3 устанавливает, что «акты нормативно правового характера принимаются на основании нормативно-правовых актов и должны ссылаться на его соответствующую норму» (в случае с решениями Конституционного Суда АР соответствующей нормой выступает норма Конституции либо законов АР) [248].

Навряд ли справедливо вести речь об одинаковой юридической силе всех решений Конституционного Суда АР, так как Конституционный Закон АР «О нормативно-правовых актах» не рассматривает определения Конституционного Суда АР в качестве актов имеющих юридическую силу. Однако следует учесть, что Конституционный Суд АР порой в своих определениях по прекращению конституционного производства обстоятельно описывал свою правовою позицию, что в определенной степени является обязывающим для судебных органов в части толкования, либо применения нормы.

Ученые, осмысливая юридическую природу постановлений конституционных судов, порой не вдаваясь в их многовекторность правовых последствий, пытаются определить четкое место в иерархии источников права. Например, Е.Ю. Киреева считает, что «по своей юридической силе решения Конституционного Суда стоят в системе правовых источников вслед за Конституцией, на одном уровне с конституционными законами» [125, с. 169]. Очевидно, что навряд ли акты Конституционного Суда АР, в которых

осуществлено толкование норм Основного Закона, будут иметь одинаковую юридическую силу с актами этого же органа, в которых осуществлено толкование положений иных нормативно-правовых актов.

В отношении юридической силы актов толкования конституционными судами норм Основного Закона и законов, ученые высказывают различные точки зрения:

- П. Н. Ткачук считает, что юридическая сила интерпретационных актов выше, чем юридическая сила интерпретируемых актов. Он отмечает, что «юридическую силу решений Конституционного Суда Украины о толковании законов … можно считать выше, чем юридическая сила самого закона. Мотивировать такое заключение можно тем, что осуществляя толкование нормы закона, Суд обязательно ориентируется на соответствующие конституционные положения, проверяет их на соответствие Конституции, базируется на принципе верховенства права. И потому преодолеть результаты официального толкования нормы закона, признать их ненадлежащими невозможно. Разве что законодатель может внести изменения в растолкованную норму или отменить ее» [357, с. 32];

- О.В. Опря считает, что «не может конституционно-правовая норма применяться иначе, чем ее истолковал Конституционный суд. Следовательно, акт суда, содержащий общеобязательное толкование Конституции, имеет такую же юридическую силу, как и высший закон» [266, с. 40];

- В. П. Тихий рассуждает: «Решения Конституционного Суда Украины об официальном толковании Конституции и законов Украины как вспомогательный акт по своей юридической силе размещается (является субподрядным) за актом, который разъясняется, то есть толкования положений Конституции – за Конституцией» [350, с. 42-43]. В.Н. Шаповал утверждает, что «по юридической природе и силе… интерпретационные акты являются своеобразными «подконституционными» (если толкуются конституционные нормы)» [383, с. 83].

Последняя позиция представляется наиболее обоснованной. Также В.Н. Шаповал проводит различие между юридической силой различных актов толкования органа конституционного контроля, отмечая: «По юридической природе и силе… интерпретационные акты являются своеобразными «подконституционными» (если толкуются конституционные нормы) или «подзаконными» (если толкуются нормы законов) правовыми актами» [383, с. 83]. Такого же мнения придерживается Т.Я. Хабриева. Ученая пишет: «по своей юридической силе акты толкования Конституции и конституционного толкования законов имеет силу последних» [363, с. 35]. П.С. Пацуркивский отмечает: «В иерархии правовых позиций Конституционного Суда наивысшее место занимают решения, в которых толкуется Конституция. Конкретизирующие правовые позиции Конституционного Суда, которые толкуют Конституцию, а также правовые нормы, которые содержатся в иных законах, пребывают рангом ниже, однако они в одинаковой мере с первыми правовыми позициями Конституционного Суда обязательны для правопользователей, государства и социума в целом» [276, с. 276]

Председатель Конституционного Суда АР Ф.С. Абдуллаев пришел к выводу о том, что существует «достаточно оснований, чтобы признавать решения конституционных судов источниками права» [399, с. 271]. Применительно к постановлениям Конституционного Суда АР следует согласиться с этим мнением – ведь они обладают практически всеми свойствами источников права, независимо от того, связаны ли они с абстрактным или конкретным контролем.

Наконец, не все постановления Конституционного Суда АР следует признать источниками права – исключение могут составлять лишь постановления связанные со специальным производством. Например, постановления Пленума Конституционного Суда АР: «О даче заключения по проекту Акта референдума Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Конституцию Азербайджанской Республики» от 25 июля 2016 г., либо «Об итогах выборов депутатов Милли Меджлиса Азербайджанской

Республики пятого созыва, проведенных 1 ноября 2015 г.» от 24 ноября 2015 г.

Например, по обращению Сумгаитского Апелляционного суда Пленум Конституционного Суда АР своим постановлением от 31 января 2017 г. по делу «О толковании статьи 54.3 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках» отметил, что в соответствии со ст. 54.3 Кодекса об Административных Проступках Азербайджанской Республики прокурор обладает правом подавать протест на решения или определения, принимаемые судом об административных проступках, только по тем делам где в процессуально порядке предусмотрено участие прокурора [259]. Таким образом, Конституционный Суд АР своим постановлением о толковании нормы Кодекса об административных проступках АР создал единую практику в части участия прокурора в делах по производству об административных проступках, тем самым обеспечил важный конституционный принцип правовой определенности в правовой системе.

В другом своем постановлении от 16 сентября 2014 г. «О проверке соответствия статьи 448.5 Уголовного-Процессуального кодекса Азербайджанской Республики Конституции Азербайджанской Республики» Пленум Конституционного Суда АР счел, что норма, устанавливающая при подаче прокурором протеста 7-ми дневное продление меры пресечения - ареста не соответствует статьям 28 и 49 Конституции АР [257]. Тем самым Конституционный Суд АР лишил юридической силы указанную норму и обеспечил конституционную гарантию на право неприкосновенности личности.

С учетом вышеизложенного, целесообразно рекомендовать внести следующие дополнения в Закон АР «О Конституционном Суде»:

1. Дополнить статью 66 ««Юридическая сила постановлений Конституционного Суда» следующим пунктом: «66.6 Правовые позиции, изложенные в постановлениях Конституционного Суда, носят обязательный характер».

2. Дополнить статью 67 «Порядок вступления в силу постановлений Конституционного суда» следующим пунктом: «67.1 Постановления о толковании нормативно-правовых актов с позиции их соответствия Конституции АР не ограничены в ретроспективном применении»;

3. Дополнить статью 68 «Определения Конституционного Суда» следующим пунктом: «Определения Пленума Конституционного Суда, содержащие требования материального характера, носят обязательный характер».

Наконец, следует подчеркнуть: свойства источника права постановления Конституционного Суда АР сохраняют также по делам, связанным с конкретной конституционной жалобой на судебные акты. Например, в своем постановлении «О проверке соответствия Постановления административно-экономической коллегии Верховного суда от 18 мая 2016 года по жалобе А. Асланова и Л.Себизовой» от 10 марта 2017 г. Пленум Конституционного Суда АР признал указанное решение суда не соответствующим статьям 29 и 73 Конституции АР и статьи 96 Административно-процессуального Кодекса АР. В данном постановлении Конституционный Суд АР отметил ошибочность позиции Верховного Суда АР в части признания страховых агентов в качестве страховой организаций и отсутствие у них права на упрощенное налогообложение [249]. Тем самым данное постановление Конституционного Суда АР не только признало юридическую силу конкретного судебного акта недействительным, но также послужило для последующих судебных споров основанием для единой практики и правовой определённости в применении норм права.

Возможность закрепления в анализируемом Постановлении принципа правовой определенности, который прямо не предусмотрен Конституцией АР, является проявлением влияния лучшего демократического опыта работы органов конституционного контроля, в т.ч. Суда ЕС, на Конституционный Суд АР. В этой сфере заимствование опыта Суда ЕС представляется целесообразным и перспективным.

5.4. Перспективы использования опыта Суда Европейского Союза для усовершенствования элементов конституционного статуса Конституционного Суда Азербайджанской Республики, связанных с организацией его деятельности

Основной Закон Азербайджана наделяет Конституционный Суд полномочиями по толкованию не только Конституции, но и законов АР (ч. IV ст. 130) [157]. Толкование Конституции является достаточно распространенным полномочием для органов конституционного контроля, чего нельзя сказать о толковании законов. По этому поводу в 2012 г. Ф. С. Абдуллаев отметил: «Интерпретация применяемых в конкретном деле положений закона является основной задачей судов общей юрисдикции в их повседневной правоприменительной практике. Однако, учитывая, что национальное законодательство достаточно новое и находится в постоянном совершенствовании, в некоторых случаях возникает необходимость официального толкования положений законов, подлежащих применению» [5, с. 120].

С. Э. Мурадов обоснованно считает, что «современное конституционное законодательство Азербайджана, как и национальное законодательство в целом, представляет собой динамично развивающееся явление» [220, с. 38]. В связи с этим следует отметить, что в настоящее время развитие законодательства продолжается, однако становление правовой системы Азербайджана, как и становление института конституционного контроля в АР, практически завершено. Конституционный Суд АР функционирует достаточно активно. Если в период с 1998 по 2007 г. в среднем принималось по 14 постановлений в год, то в период с 2008 г. по настоящее время – в среднем по 22 (см. Рис. 5.1, зигзагообразная линия). Рисунок 5.1. демонстрирует, что количество дел, рассмотренных Конституционным Судом АР, достаточно

сильно колебалось из года в год, однако начиная с 2010 г. показывает тенденцию к возрастанию (зигзагообразная линия).

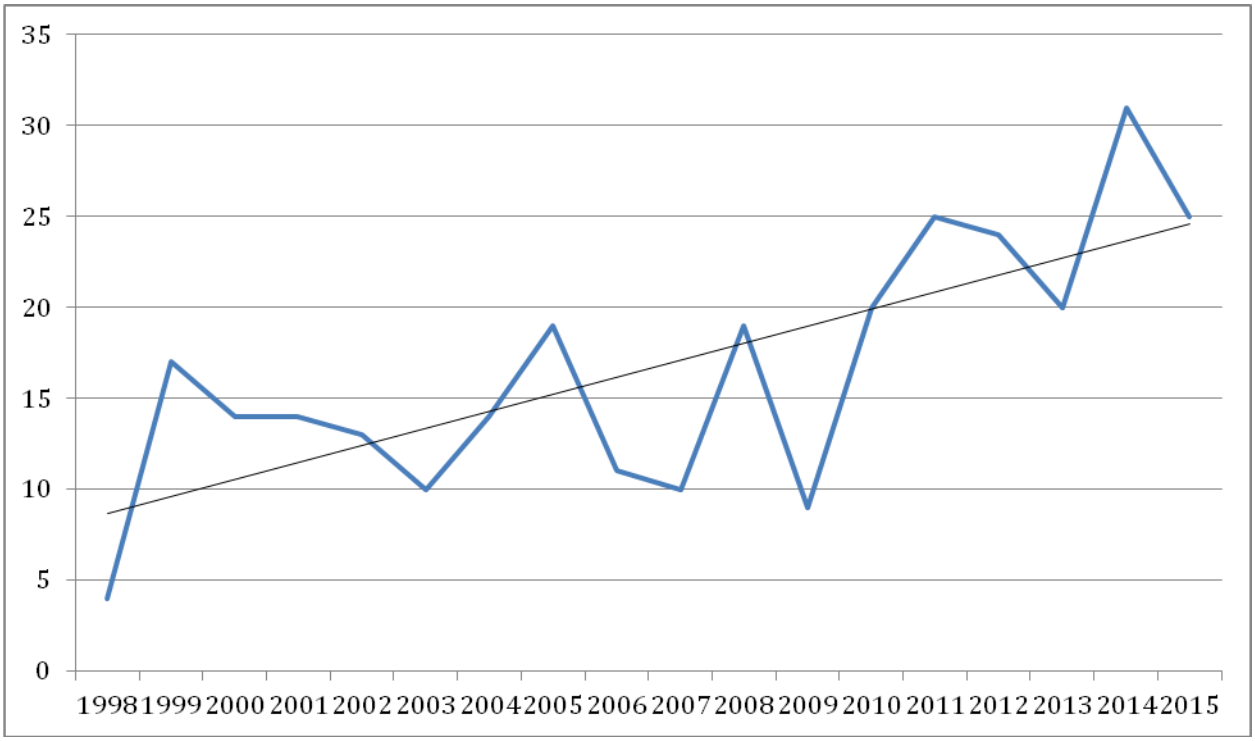

Рис. 5.1. Количество дел, рассмотренное Конституционным Судом Азербайджанской Республики по годам, 1998-2015 гг.

Тренд количества дел, рассмотренных Конституционным Судом АР, убеждает, что тенденция к возрастанию является постоянной и устойчивой, начиная с 1998 г. (соответствующие количественные показатели приведены в Табл. 5.1.). Прямая линия тренда на Рис. 5.1. демонстрирует тенденцию постоянного увеличения количества нагрузки на Конституционный Суд АР, что делает актуальным и необходимым критическое осмысление перечня его полномочий и формулирование предложений о динамике конституционной юрисдикции.

Из Табл. 5.2. следует, что начиная с 2010 г. количество рассмотренных Конституционным Судом АР дел, касающихся толкования законов, имеет стойкую тенденцию к возрастанию. Рисунок 5.2 содержит графическое изображение четырех линий:

ТАБЛИЦА 5.2.

- темная зигзагообразная линия отражает динамику количества конституционных жалоб, рассмотренных Конституционным Судом АР, по годам в течение 1998-2015 гг.;

- светлая зигзагообразная линия отражает динамику количества решений по делам, рассмотренным Конституционным Судом АР в связи с необходимостью толкования законов, в течение 1998-2015 гг.;

- нижняя прямая линия показывает тенденцию увеличения количества конституционных жалоб, рассмотренных Конституционным Судом АР, по годам в течение 1998-2015 гг. (восходящий тренд);

- верхняя прямая линия демонстрирует тенденцию увеличения количества дел о толковании норм законов, рассмотренных Конституционным Судом АР, по годам в течение 1998-2015 гг. (восходящий тренд).

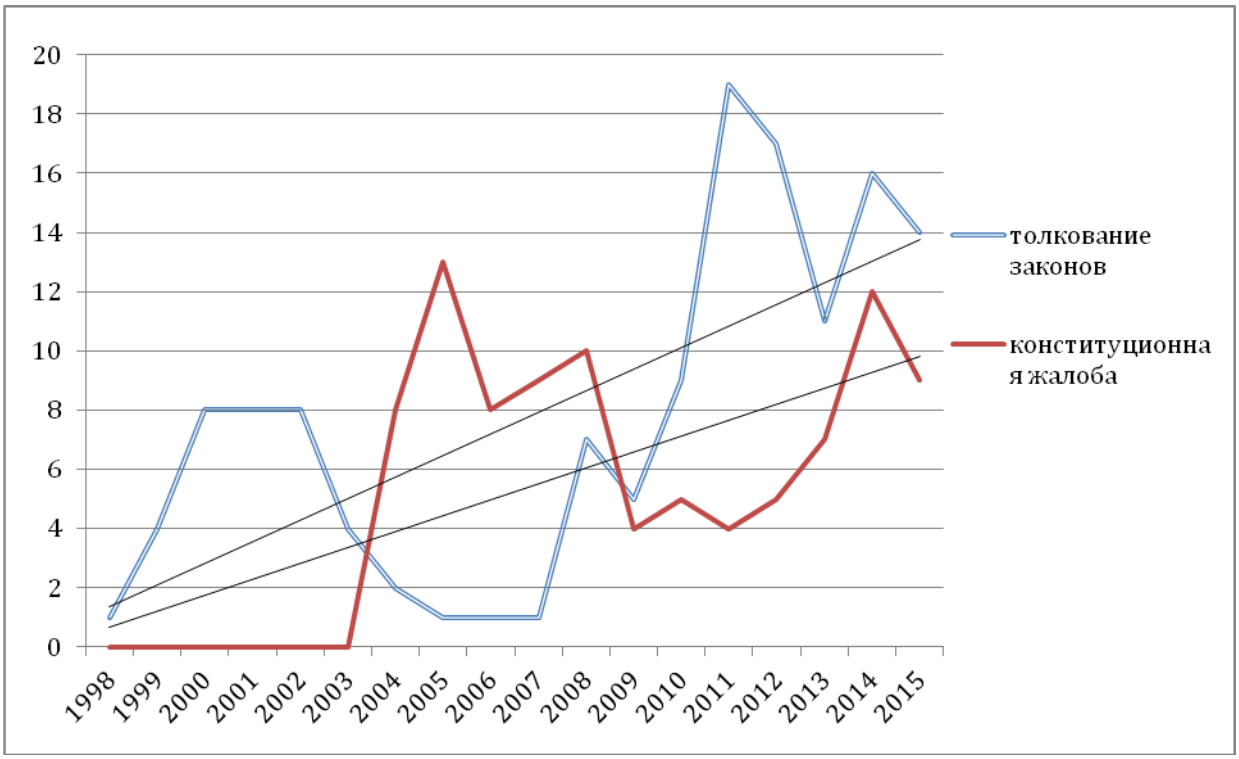

Рис. 5.2. Количество дел о толковании законов и конституционных жалоб, рассмотренных Конституционным Судом Азербайджанской Республики, по годам, 1998-2015 гг.

Анализ показателей из Табл. 5.2. указывает на то, что в период с 2004 по 2008 г. наибольшее количество дел, рассмотренных Конституционным Судом АР, приходилось на рассмотрение конституционных жалоб. Начиная с 2010 г. тенденция изменилась, и наибольшее количество дел, рассмотренных Конституционным Судом АР, ежегодно приходится на толкование законов АР.

Исходя из опыта Суда ЕС и из приведенных статистических данных, динамика конституционной юрисдикции является достаточно актуальной.

Я. Мусил, рассказывая об опыте Конституционного Суда Чехии, отметил: «Объем работы в чешском Конституционном Суде уже продолжительное время является достаточно большим… Высокий уровень загрузки непременно порождает ряд отрицательных последствий, а именно:

- обуславливает затягивание производств; уже сейчас средняя продолжительность рассмотрения дела в Конституционном Суде составляет больше года;

- судьи не имеют достаточно времени для содержательного анализа дел и глубокой аргументации для отслеживания и изучения судебной практики и для углубления профессиональных знаний; понятно, что это может привести к профессиональным изъянам во время принятия решений;

- иногда случается, что разные сенаты или разные судьи в сходных по содержанию делах принимают разные решения, причиной чему может быть недостаточная координация и недостаточный обмен информацией внутри Суда, а также чрезвычайная загруженность судей и персонала» [221, с. 232-233].

Для того, чтобы избежать этих и иных угроз, связанных с перегрузкой единственного органа конституционной юрисдикции, представляется целесообразным изъять из компетенции Конституционного Суда АР толкование законов АР. Учитывая необходимость в толковании законов, следует отметить, что соответствующие полномочия могут быть переданы

одному из двух органов – либо Верховному Суду АР, либо Милли Меджлису АР. Первый вариант более соответствует современной практике зарубежных стран, а второй – историческим традициям толкования нормативных актов Азербайджана. Как правило, при выборе между современной практикой зарубежных стран и национальными историческими традициями приоритет стараются отдавать национальным историческим традициям. Однако в данном конкретном случае следует отметить, что азербайджанские исторические традиции толкования нормативных актов связаны с пребыванием в составе СССР (см. Раздел 1), а следовательно, не являются по своей сути демократическими. Как справедливо отметил В. П. Тихий, анализируя переход от конституционного надзора в УССР и СССР к конституционному контролю в Украине, «сохранение за Верховной Радой Украины функции толкования (разъяснения) законов Украины … подрывало бы стабильность законодательства, делало бы парламент судьей в своем (собственном) деле, чем нарушало бы этот общеправовой принцип» [352, с. 63;366, с. 15-16]. Эти рассуждения справедливы и в отношении возможного осуществления толкования законов Милли Меджлисом АР. Таким образом, целесообразно возложить толкование законов на Верховный Суд АР как на орган, возглавляющий систему судов общей юрисдикции (с учетом опыта ЕС). В этом случае полномочие толкования законов по-прежнему будет принадлежать органу, относящемуся к судебной ветви власти, что не нарушит практическую реализацию принципа разделения власти в АР. Следует отметить, что в отношении Конституционного Суда АР это предложение еще не выдвигалось, хотя в зарубежных странах ученые часто уделяют ему внимание.

Полномочия единственного органа конституционной юрисдикции формулируются с учетом того, что «в каждый конкретный период времени актуализируются те или иные функции … государственной власти. Поэтому и система сдержек и противовесов … может быть построена по-разному. Но

задача у нее одна – создать условия для функционирования государства, которое может быть признано правовым. Основная же черта правового государства – это как ограничение полновластия законодателя рядом требований к содержанию принимаемых им актов, так и недопущение всевластия судов и предупреждение произвола власти исполнительной» [41, с. 34]. При этом следует еще раз подчеркнуть важность четкого разграничения судебных органов общей и конституционной юрисдикции, ведь, как справедливо заметил И. В. Выдрин, «существо разделения властей состоит не в смешении, а в организационном обособлении властных структур, разграничении их компетенции» [57, с. 9].

Итак, исключение полномочия толковать нормы законов из числа полномочий Конституционного Суда АР представляется своевременным и актуальным. При этом следует учитывать еще ряд преимуществ, возникающих вследствие принятия такого решения.

Во-первых, в настоящее время в зарубежных странах полномочия, связанные с толкованием норм законов, характерны для тех органов конституционного контроля, которые не являются единственными органами с подобной юрисдикцией, т. е. входят в соответствующую систему. Это наглядно демонстрирует опыт Суда ЕС: преюдициальные полномочия имеет не только Суд ЕС, но и Общий суд ЕС (созданный не в последнюю очередь для «разгрузки» Суда ЕС). В контексте предлагаемого дальнейшего усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР следует отметить недавний опыт Украины: в 2016 г. из полномочий Конституционного Суда было изъято осуществление официального толкования законов, и в настоящее время ст. 147 Конституции Украины возлагает на Конституционный Суд осуществление официального толкования лишь Конституции Украины (помимо иных полномочий) [162].

Анализируя порядок функционирования Конституционного Суда АР, эксперты Венецианской комиссии подчеркнули, что «особое внимание должно быть уделено тому, чтобы избежать перегрузки конституционного суда. Такой риск существует тогда, как в данном случае, конституционный суд не только рассматривает вопросы конституционности, но и осуществляет толкование законов, что все чаще и чаще является прерогативой судов общей, а не конституционной, юрисдикции» [443, с. 3]. Подобное мнение эксперты Венецианской комиссии сформулировали не только применительно к АР. Они неоднократно выражали его как в документах общего характера («Венецианская комиссия считает, что с учетом вида норм, которые могут быть подвергнуты конституционному контролю, конституционный суд должен отвечать за контроль конституционности норм законов, оставляя контроль за нормами подзаконных актов судам общей юрисдикции, чтобы избежать перегрузок» [464]), так и по отношению к другим странам. Например, в отношении Палестины эксперты Венецианской комиссии резюмировали: «Конституционный Суд не должен осуществлять толкование норм текущих законов, его компетенция должна быть ограничена толкованием конституции. Как правило, толкование норм текущих законов отнесено к компетенции Верховного (Высшего) Суда» [446].

Значительным вкладом Конституционного Суда АР в сфере определения пределов полномочий судебных органов было Постановление «О толковании ст. 420 Гражданско-процессуального Кодекса Азербайджанской Республики» от 28 февраля 2012 г., где было отмечено, что суды свободны в оценке доказательств, однако указания вышестоящей инстанции для апелляционных судов обязательны в части правильного применения нормативных актов [258].

Следует отметить, что нечеткость правовых требований при определении подсудности гражданских и административных дел имеет негативное влияние на эффективность правосудия. Волокита, пересылка исков от одного суда

другому существенно увеличивают сроки рассмотрения дел, что в конечном счета сказывается на невозможности восстановления нарушенного права либо приводит к причинению существенного вреда стороне спора. В подобных случаях Конституционный Суд АР наделен правом оперативно и в кратчайший срок установить единую практику понимания нормы в части подсудности дел в рамках определенной юрисдикции. Это, в свою очередь, позволяет быстро и эффективно восстановить порядок рассмотрения дел в рамках процессуальных сроков.

Еще один пример связан с тем, что в Азербайджанской Республике с принятием Административно-процессуального Кодекса, Закона «Об административном производстве» и созданием административно-экономических судов возникла проблема отсутствия единства в толковании норм, связанных с подсудностью исков. Конституционный Суд АР в своем Постановлении «О толковании ст.87.2 Закона «Об исполнении» указал, что все споры, связанные с действием или бездействием судоисполнителей при исполнении решений судов, должны рассматриваться в административно-экономических судах [260]. В последующих своих постановлениях Конституционный Суд АР раскрыл правовую природу административных споров и определил критерии различия между позитивной и негативной формой административной ответственности, определив правовую природу административных споров, установив единую практику подсудности гражданских и административных споров. В конечном итоге это повлияло на защиту принципа правовой определенности в вопросах подсудности исков в практике общих и административно-экономических судов. Начиная с 2010 г. Конституционный Суд АР ссылался на принцип правовой определенности и отмечал его важность в своих актах более 30 раз.

Таким образом, с целью обеспечения эффективности правосудия суды общей юрисдикции в настоящее время все более и более активно используют

функциональные возможности Конституционного Суда АР как органа конституционного контроля: ведь посредством четко обоснованных и объективно мотивированных решений Конституционного Суда АР достигается обеспечение единообразного понимания вопросов подсудности исков, правовой определенности судебной практики и в конечном итоге конституционность в отправлении правосудия. Однако представляется, что не менее успешно с вопросом толкования вышеперечисленных законов справился бы и Верховный Суд АР, пожалуй, за исключением применения принципа правовой определенности. Выявление этого принципа, заложенного в действующем законодательстве АР, стало примером судейского активизма в работе Конституционного Суда АР, ведь в настоящее время принцип правовой определенности нашел свое отражение в нормативно-правовых актах АР сущностно, но не формально (ни один из актов не содержит упоминание о «принципе правовой определенности», однако толкование их содержания позволяет говорить о его наличии в правовой системе АР).

Необходимость дальнейшего усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР в части уменьшения количества возлагаемых на него полномочий с тем, чтобы этот орган уделял большее внимание выявлению принципов конституционализма и конституционных принципов в Основном Законе и их толкованию, является третьим аргументом в пользу исключения толкования законов из числа полномочий Конституционного Суда АР (М.Ф. Орзих отмечает, что «с учетом фундаментальности конституционного права (относительно других отраслей права) возникает потребность внедрения конституционных принципов в текущее отраслевое законодательство и организационно-правовые модели» [267, с. 6]). Именно эта важнейшая задача в Европейском Союзе в настоящее время возложена на Суд ЕС.

Следует отметить, что компетенция Суда ЕС постоянно эволюционирует. Так, при создании прообраза Суда ЕС – Суда Европейского объединения угля и стали – вряд ли можно было вести речь о том, что этот судебный орган выполняет полномочия, присущие конституционному суду, в т. ч. в части выявления и толкования принципов права ЕС, а впоследствии – принципов конституционализма ЕС и конституционных принципов, содержащихся в нормах первичного права ЕС. Однако с 1986 г. ситуация сильно изменилась – произошло событие, которое К. Ю. Голуб назвал «квинтэссенцией достижений Суда» [71, с. 159]. Суд ЕС в одном из своих решений провозгласил конституционную природу учредительных договоров. Речь идет о решении по делу *Parti ?cologiste "Les Verts" v European Parliament*. Как явствует из названия этого кейса, дело касалось политических партий, точнее нарушения принципа равенства при их финансировании Европейским парламентом. В тексте решения Суд ЕС сделал ссылку на учредительный договор одного из региональных интеграционных объединений, ставших основой ЕС, – Европейского экономического сообщества, нормы которого закрепляют принцип верховенства права (*rule of law*). Обосновывая справедливость иска Экологической партии *"Les Verts"* к Европейскому Парламенту, Суд указал на необходимость соблюдения принципа верховенства права в конфликтной ситуации, что продиктовано его закреплением в «основополагающем конституционном договоре» (*the basic constitutional charter*) [452]. Именно это решение превратило Суд ЕС в «один из двигателей интеграции» [11, с. 79], который «играет ведущую роль в имплементации решений органов ЕС» [11, с. 93], а также способствовало пересмотру номенклатуры полномочий Суда ЕС для динамики его юрисдикции, что повлекло за собой создание судебной системы ЕС. В результате Суд ЕС все больше сосредотачивается на выполнении полномочий, присущих по своей природе конституционным судам. В частности, авторы учебника «Право Европейского Союза» отметили,

что после создания Трибунала Суд ЕС «получил возможность сосредоточиться на разрешении дел, которые имеют для ЕС «конституционный» характер» [286, с. 110-111]. Я. П. Андриенко поясняет, что «в 1989 г., чтобы справиться с … потоком дел, Суд ЕС дополнил Процессуальный регламент и для оперативного вынесения решений по делам попросил Совет создать новый судебный орган. В ответ на этот запрос Совет создал Суд первой инстанции» [11, с. 33], и продолжает, что «это позволило Суду ЕС сосредоточиться на своей основной задаче – единообразном толковании права ЕС» [10, с. 15].

В отличие от Конституции АР, учредительные документы ЕС наделяют Суд ЕС полномочиями по защите определенных принципов конституционализма ЕС и конституционных принципов, содержащихся в нормах первичного права ЕС. Статья 8 Протокола о применении принципов субсидиарности и пропорциональности устанавливает: «Суд Европейского Союза полномочен выносить решения по искам в связи с нарушением законодательными актами принципа субсидиарности, которые согласно условиям, предусмотренным в статье 263 Договора о функционировании Европейского Союза, подаются государствами-членами или передаются ими в соответствии со своим правопорядком от имени своего национального парламента или палаты последнего. Согласно условиям, предусмотренным в упомянутой статье, подобные иски также могут подаваться Комитетом регионов для оспаривания тех законодательным актов, в целях принятия которых Договор о функционировании Европейского Союза предусматривает проведение с ним консультации» [297]. Аналогичное положение закреплено и в отношении принципа пропорциональности.

Следует также отметить, что в ЕС, в отличие от АР, принципы конституционализма ЕС и конституционные принципы, содержащиеся в нормах первичного права ЕС, рассматриваются в качестве одного из источников права, правда, носящего субсидиарный характер (третичная группа

источников). Л. А. Цвигун пишет: «Система права Европейского Союза … представляет собой совокупность норм, закрепленных в «первичных» и «вторичных» источниках. Кроме того, в качестве источника права выделяются принципы, которые прямо не зафиксированы в нормативных источниках, а разрабатываются и формулируются в процессе деятельности Суда ЕС. Таким образом, деятельность Суда ЕС является одной из движущих нормотворческих сил в рамках правовой системы ЕС, что обусловливает актуальность изучения его интерпретационной практики» [374, с. 193]. С выделением принципов конституционализма ЕС и конституционных принципов, содержащихся в нормах первичного права ЕС, соглашаются не все исследователи – некоторые придерживаются той точки зрения, что третичные источники права ЕС – это не принципы, а акты Суда ЕС (в т. ч. те, в которых получили свое закрепление рассматриваемые принципы). М.Ф.Орзих справедливо отмечает, что «конституционализм относится к тем конституционным явлениям, которые возникли значительно раньше, чем сформировались представления о них» [268, с. 110].

Заимствование опыта Суда ЕС в этой части его компетенционной сферы является весьма перспективным для Азербайджана. Это связано с тем, что Конституция АР, как и Основные Законы большинства современных государств, призвана сбалансировать правовые и социальные ценности в обществе, а Конституционный Суд АР – контролировать действия органов публичной власти таким образом, чтобы они не выходили за пределы своих полномочий, выполняя лишь функции, возложенные на них Основным Законом [406, с. 765]. А. Коэн и Н. Буллард *(A. Coan and N. Bullard*) сформулировали: «Конституционный суд контролирует, чтобы все органы публичной власти выполняли свои полномочия таким образом и в таком объеме, как это предписано в Конституции» [406, с. 776-782]. В связи с этим они обращают внимание на то, что важно уделить особое внимание

закреплению в тексте Основного Закона полномочий органа конституционного контроля, а также степени эффективности взаимодействия органа конституционного контроля с иными органами государственной власти [406, с. 786-800].

Г.-У. Чарльз (*G.-U. Charles*) проанализировал действия конституционных судов по осуществлению контроля за конституционностью парламентских выборов, по принятию решений о конституционности законов и пришел к выводу о том, что при разрешении конкретных дел судьи должны отдавать предпочтение не «букве» конституции, а «духу» конституции [405, с. 638-69]. По мнению ученого, судьи органов конституционного контроля при рассмотрении каждого конкретного дела должны исходить из конституционных принципов, имеющих своим источником заложенные в Основном Законе ценности. Конституционные принципы могут на момент рассмотрения того или иного дела уже получить свою конкретизацию, толкование в актах этого органа конституционного контроля (как чаще всего происходит в ЕС) либо быть истолкованы в контексте принятия решения по рассматриваемому делу. Следует отметить, что далеко не во всех государствах – членах ЕС на национальном уровне органами конституционного контроля принципы национального конституционализма (при понимании того, что, как справедливо от метил В. П. Колесник, сущность конституционализма связана прежде всего с правовыми ограничениями власти [137, с. 44]) и конституционные принципы получили свое толкование, особенно если речь идет об их толковании в современном контексте, с учетом особенностей текущей политической, экономической жизни в стране. А. Г. Кузьмин справедливо отметил, что «судебная система … и судебная … практика не могут эффективно функционировать и развиваться без адаптации конституционных конструкций и нормативных положений к непрерывно меняющейся правовой реальности» [175, с. 5]. Это утверждение еще более

актуально по отношению к постсоветским государствам, в т. ч. к Азербайджану.

Совершенно иная ситуация наблюдается в Европейском Союзе. Суд ЕС с 1980-х гг. активно толкует принципы конституционализма ЕС и принципы, закрепленные в учредительных договорах ЕС. Глубина доктринальных толкований этих принципов, их адекватность сути и перспективам европейской интеграции, а также высокий уровень уважения к Суду ЕС в настоящее время привели к тому, что, как уже упоминалось выше, многие ученые ведут речь о том, что не решения Суда ЕС, а именно принципы являются источниками права ЕС.

При этом толкование принципов должно осуществляться исключительно в правовой плоскости. Нередко органы конституционного контроля не могут избежать рассмотрения вопросов, имеющих политический характер, например, в случае необходимости обращения к толкованию либо к проблемам практической реализации принципа разделения властей. Е. В. Юрина, рассматривая опыт Конституционного Суда Российской Федерации, пишет о том, что при его активном участии происходит уточнение модели разделения властей: «то, что модель разделения властей, предусмотренная Конституцией Российской Федерации, представляет собой сегодня, как и то, как она работает, есть в значительной мере результат целенаправленных изменений в правовой системе, результат уточнения указанной модели. В каком смысле используется термин «уточнение модели» разделения властей, и в каких смыслах он вообще применим в рамках рассматриваемой темы? Думается, в двух смыслах. Во-первых, решения Конституционного Суда Российской Федерации, признававшие неконституционными определенные нормативные правовые акты, в ряде случаев обозначали, в каком направлении развитие данной модели нежелательно или недопустимо… Во-вторых, правовые позиции, содержащиеся в решениях Суда…, нередко раскрывали неявный

конституционно-правовой смысл норм конституции…, позволяющий открывать новый смысл (или оттенки смысла) во всей модели разделения властей или в отдельных ее компонентах» [397, с. 5].

Действительно, «категория политики в первую очередь соотнесена с высшими органами государства. Статус этих органов установлен на уровне конституции, в связи с чем правоотношениям с их участием придается политическое качество. Высшие органы государства наделены наиболее значительными полномочиями и реализуют общие функции (например, законотворчество и государственное управление), которые содержательно объединены с категорией политики» [382, с. 60-61]. С учетом этого органы конституционного контроля должны выполнять свои полномочия в этой сфере исходя из принципов национального конституционализма, а не из политической конъюнктуры. Е. Танчев справедливо констатировал, что «Конституционный Суд не может и не должен называться политическим судом. Это будет самоотрицанием, если Суд будет решать дела на политических началах, а не на сугубо правовых» [343, с. 379].

Р. А. Глазунов отмечает интересную тенденцию влияния политики на определенные категории дел, рассматриваемых конституционными судами, на примере Конституционного Суда Российской Федерации. Он пишет: «Необходимо сказать о значении, которое имела правозащитная практика Конституционного Суда для внутренней эволюции самого Суда. При рассмотрении дел данной категории судьи могли вырабатывать общую правовую позицию, лишенную каких-либо политических мотивов и основанную исключительно на праве, в чем и была ее убедительность. Практика по этим делам была подлинной школой беспристрастного и высококвалифицированного правосудия. Этим она выгодно отличается от практики по делам, связанным с разделением властей, где большинство судей так и не смогло преодолеть своих политических пристрастий, где решения

Суда и действия отдельных судей со временем приобретали тенденциозный характер и привели в конце концов к весьма печальному завершению первого периода его работы [67, с. 117]. Вероятно, в связи с этой каденцией Конституционного Суда Российской Федерации В. И. Загретдинов отметил: «В политике конституционные суды играют все более активную роль, что является … свидетельством кризиса демократических институтов» [105, с. 68]. Однако это утверждение не будет являться справедливым по отношению к тем органам конституционного контроля, которые в своей деятельности исходят не из политической целесообразности, а из норм Основного Закона, ведь «в самой конституции воплощается определенная политика государства, стремления разработчиков проекта закрепить те или иные принципы и политические ценности» [169, с. 142-143]. Как справедливо отметил Н. В. Витрук, «конституционный суд занимается политикой, но только в том понимании, что своими решениями проводит политику, выраженную в конституции и законе о конституционом суде» [50, с. 146]. Подытожить приоритетность принципов конституционализма перед политическими установками можно словами М. В. Савчина, который справедливо считает, что «самоограничение в юрисдикции органов конституционной юстиции состоит в отказе от вмешательства в политику» [316, с. 86].

По поводу отсутствия гибкости применительно к толкованию национальными органами конституционного контроля принципов конституционализма и конституционных принципов применительно к текущим политическим событиям Ф. Лендал и Г.фон Сюдов (*F. Langdal and G. von Sydow*) писали: «Конституционализм» (в понимании четкого следования широким принципам, закрепленным в конституционных актах ЕС) способствовал неудаче при ратификации Конституционного договора ЕС государствами-членами [429]. В тех государствах, где на референдумах Конституционный договор ЕС был отклонен, представители органов

публичной власти пояснили это его несоответствием принципам национального конституционализма. Однако такое догматическое понимание этих принципов (без учета ситуации в современном мире, в т. ч. европейских интеграционных процессов) подрывает доверие к ним. Недоверие же к закрепленным в текстах Основных Законов принципам национального конституционализма может вызвать «дефицит демократии».

Специалистов в сфере конституционного контроля нередко привлекает проблема возможности и целесообразности использования потенциала этих органов для внедрение в национальное право прямо отсутствующих в национальном законодательстве принципов конституционализма, существующих в ЕС в целом и в государствах-членах ЕС в частности. В своей монографии «Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса» И.А. Кравец ведет речь о важности выведения Конституционным Судом Российской Федерации принципа пропорциональности из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, хотя он прямо в ней не предусмотрен. Автор делает акцент на том, что принцип пропоциональности «не изобретен российским Конституционным Судом», что в течение долгих лет используется в ЕС с 1970-х годов благодаря Суду ЕС, позаимствовавшему его из немецкого права, и акцентирует внимание на том, что этот принцип получил свое закрепление в учредительных договорах лишь с принятием Договора о Европейском Союзе (Маастрихтского договора) [168, с. 48-49]. Автор ставит вопрос и о рецепции принципа соразмерности из немецкого конституционного права и европейского права в российское конституционное право [168, с. 49]. Он считает этот путь рецепции не только приемлемым, но и предпочтительным, рассуждая: «Думается, в своих решениях Конституционный Суд РФ мог бы использовать метод сравнительного правоведения, который только обогатил бы обоснованность принимаемых

решений. Конечно, в случае использования сравнительного правоведения всегда остается открытым вопрос, насколько для российского или иного конституционного права является обязательным тот или иной правовой принцип. Поэтому Конституционный Суд вправе в мотивировочной части постановления обратить специальное внимание на обоснованность используемого принципа, предложить теоретические аргументы в пользу заимствования или отказа от заимствования определенного правового принципа» [168, с. 49-50]. Следует согласиться с мнением И.А. Кравца.

С этой точки зрения, оценивая последние конституционные реформы в АР 2016 г., А. Коэн и Н. Буллард могли бы отметить: действия, направленные на усиление власти Президента, расширят полномочия главы государства, необходимые для построения демократического Азербайджана. Президенту и органам исполнительной власти в настоящее время принадлежат весьма весомые полномочия и ресурсы, которые они используют на благо развития общества и государства – для нивелирования последствий экономического кризиса, для развития инфраструктуры и др. Действия этих органов имеют высокий уровень поддержки со стороны электората. Используя логику процитированной выше статьи Г.-У. Чарльза, следует отметить, что в такой ситуации расширение полномочий главы государства представляется логичным шагом в направлении практической реализации демократизма как основной конституционной ценности Азербайджана. Практическая реализация дальнейшего демократического развития может и должна быть поддержана Конституционным Судом АР в т. ч. путем доктринального истолкования принципов азербайджанского конституционализма в их современном понимании, с учетом реалий государственной и общественной жизни.

В Конституции Азербайджанской Республики уделяется особое внимание демократии. Она рассматривается в качестве одной из ценностей Основного Закона Азербайджана. Преамбула Конституции АР начинается со слов «Народ Азербайджана», после чего со ссылкой на многовековые традиции

государственности, на принципы Конституционного акта «О государственной независимости Азербайджанской Республики», на желание обеспечить благополучие всех и каждого, утвердить справедливость, свободу и безопасность, на осознание своей ответственности перед прошлым, нынешним и будущим поколениями, на использование своего суверенного права заявлено о принятии на всенародном референдуме Конституции [157]. В ст. 2 Основного Закона АР закрепляется, что «свободно и независимо решать свою судьбу и определять свою форму правления – суверенное право народа Азербайджана» [157]. А в ст. 6 «Недопустимость присвоения власти» конституционные нормы подчеркивают важность демократии для страны: в ней предусмотрено, что «никакая часть народа Азербайджана, никакая социальная группа или организация, никакое лицо не может присвоить полномочие по осуществлению власти. Присвоение власти является тягчайшим преступлением против народа» [157]. Последнее предложение ст. 6 Основного Закона АР следует понимать таким образом, что не только ни одно лицо, ни одна группа лиц, но и ни один орган публичной власти не имеет права выходить за пределы своих полномочий, чтобы не создавать угрозу узурпации власти. Именно с точки зрения правовой оценки конституционности действия органов публичной власти в пределах своих полномочий Конституционный Суд АР может способствовать предотвращению возможной угрозы узурпации публичной власти.

Демократию следует считать не просто конституционной ценностью, а основной конституционной ценностью АР в связи с тем, что Раздел первый Конституции «Общие положения» открывает Глава I «Народовластие», включающая в себя следующие статьи: «Источник власти», «Суверенитет народа», «Вопросы, решаемые путем всенародного голосования – референдума», «Право представлять народ», «Единство народа», «Недопустимость присвоения власти». Если демократия является основной ценностью в АР, то обязанность гарантировать возможность свободного волеизъявления народа на выборах и референдумах, конституционность этих

процессов также является крайне важной. И в этом случае роль Конституционного Суда АР, наделенного соответствующими полномочиями, сложно переоценить. Конституционный Суд АР играет важную роль в том, чтобы охранять и контролировать процесс практической реализации выбора народа Азербайджана – «построить, как выражение воли народа, правовое, светское государство, обеспечивающее верховенство законов» [157].

Конституции государств – членов ЕС также закрепляют демократию как ценность. Преамбула Конституции Франции, например, подчеркивает роль «свободного самоопределения народа» и «новых институтов, основанных на общем идеале свободы, равенства и братства и созданных с целью демократического развития» [160]. Очевидно, что в Основном Законе Франции заложен подход, в соответствии с которым ответственность за демократическое развитие возлагается на государство, иными словами, государство основывается на конституционализме. Конституция Франции 1958 г., как и Основной Закон АР, в ст. 3 устанавливает запрет какому-либо лицу или какой-либо части народа присваивать себе суверенитет, осуществляемый лишь через представителей народа путем референдума. Сравнительный анализ приведенных выше норм конституций Франции и Азербайджана дает основания для вывода о том, что в Конституции Франции 1958 г. этатический позитивизм проявлен значительно больше, чем в Конституции АР (что, несомненно, относится к преимуществам последней).

Из всех государств – членов ЕС наиболее близкое к АР конституционное регулирование демократии как основной ценности в стране демонстрируют нормы Конституции Испании 1978 г. В ней провозглашено: «Испания конституируется в правовое демократическое социальное государство, которое провозглашает высшими ценностями своего правопорядка справедливость, равенство и политический плюрализм. Носителем национального суверенитета является испанский народ, источник государственной власти» [58]. Хотя Конституция своими нормами учреждает демократическое государство, в ее нормах не указывается на обязанность государства защищать демократию как

основную ценность: источником государственной власти признается народ, а Основной Закон признает и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, ее составляющих, и солидарность между ними (государство как бы опосредует передачу власти от народа для ее осуществления перечисленными субъектами).

Обосновав целесообразность динамики конституционной юрисдикции в АР, которая предполагает исключение из числа полномочий Конституционного Суда АР толкование законов, следует сформулировать основные направления его дальнейшего функционирования с учетом опыта Суда ЕС.

Во-первых, судейский активизм судей Конституционного Суда АР в направлении выявления ценностей и принципов, заложенных в Основном Законе, при условии его последовательности, может привлечь внимание к необходимости их более четкого закрепления в Конституции. Например, принципы субсидиарности и пропорциональности достаточно недавно нашли свое закрепление в первичном праве ЕС. С этой точки зрения наблюдается взаимное влияние конституционных актов самого ЕС и его государств-членов. Следует отметить, например, что Конституция Польши 1997 г. в ст. 1 закрепляет следующее: «Республика Польша есть общее благо всех граждан», а в ст. 2 – «Республика Польша есть демократическое правовое государство, осуществляющее принципы социальной справедливости» [159]. Конституция Франции 1958 г. закрепляет в качестве основной ценности девиз «свобода, равенство и братство» [160].

Анализируя текст Конституции АР с точки зрения включенных в него принципов, следует отметить:

- преамбулу, содержащую отсылку на принципы, зафиксированные в Конституционном Акте «О государственной независимости Азербайджанской Республики»;

- ст. 7, провозглашающую, что государственная власть в Азербайджанской Республике организуется на основе принципа разделения властей;

- ст. 10 «Принципы международных отношений», предусматривающую, что «Азербайджанская Республика строит свои отношения с другими государствами на основе принципов, предусмотренных в общепризнанных нормах международного права»;

- ст. 18 «Религия и государство», ч. II которой устанавливает, что «запрещаются распространение и пропаганда религий (религиозных течений), унижающих достоинство личности или противоречащих принципам человечности»;

- ст. 24 «Основной принцип прав и свобод человека и гражданина», в соответствии с которой «каждый с момента рождения обладает неприкосновенными, незыблемыми и неотъемлемыми правами и свободами», и «права и свободы включают также ответственность и обязанности каждого перед обществом и другими лицами»;

- ст. 127, в названии которой содержится упоминание о том, что в ней закрепляются основные принципы правосудия. В самой статье принципом назван лишь принцип состязательности, однако из содержания статьи вытекают также принципы юридического равенства, гласности и др. [157].

До внесения изменений и дополнений в Конституцию АР с целью включения в ее текст принципов национального конституционализма Конституционный Суд АР может взять на себя задачу толкования текста Основного Закона для их выявления. В этом контексте следует вспомнить Конституцию США 1787 г., которая вряд ли могла бы до сих пор эффективно закреплять правовые основы общественных отношений в одном из самых крупных в мире государств, если бы не регулярная активность Верховного Суда США. Фактически Суд ЕС на наднациональном уровне, толкуя учредительные договора, создает нечто подобное «живой конституции» [29] США.

Например, именно путем толкования Конституционным Судом АР норм Основного Закона может быть сформулирован принцип унитаризма как конституционная ценность, вытекающая из ст. 7 Конституции. Именно

унитаризм является основным отличием конституционных ценностей, закрепленных в Конституции АР, от конституционных ценностей, заложенных в учредительные договора ЕС. Конституция АР предусматривает, что «Азербайджанское государство – демократическая, правовая, светская, унитарная республика» [157], в то время как ст. 2 Договора о Европейском Союзе закрепляет, что «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин» [91].

Статистические показатели из Табл. 5.1. свидетельствуют о том, что за весь период своего существования Конституционный Суд АР достаточно редко осуществлял толкование норм Основного Закона АР. Заимствование опыта Суда ЕС в этой сфере сформирует базис для того, чтобы Конституционный Суд АР стал площадкой для защиты конституционных ценностей и принципов национального конституционализма, а также конституционных принципов.

Это тем более важно, что Конституция АР в ч. V ст. 130 закрепляет: «Каждый вправе в установленном законом порядке обжаловать в Конституционный Суд Азербайджанской Республики нормативные акты органов законодательной и исполнительной власти, акты муниципалитетов и судов, нарушающие его права и свободы, для решения Конституционным Судом Азербайджанской Республики вопросов, указанных в пунктах 1-7 части III настоящей статьи, в целях восстановления нарушенных прав и свобод человека» [157]. Однако Конституционный Суд АР не наделен достаточными полномочиями для того, чтобы без привлечения иных органов публичной власти восстановить нарушенные права и свободы человека. В этом он скорее подобен не Суду ЕС (Люксемубургскому суду), а Европейскому суду по правам человека (Страсбургскому суду).

В связи с тем, что на современном этапе развития конституционного контроля государства, использующие его европейскую модель, находятся в поисках эффективного решения обозначенной проблемы, важным представляется качественное изменение содержания постановлений Конституционного Суда АР по вопросам защиты прав человека. Исходя из принципов азербайджанского конституционализма и толкуя нормы Конституции в случае необходимости, Конституционный Суд АР должен не просто (и не только) принимать решения по делу. По примеру Суда ЕС Конституционному Суду АР следует взвешивать все «за» и «против» решения правовых проблем в свете единственной закрепленной в Основном Законе цели государства – обеспечения прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики. Это возможно, если судьи будут уделять большее внимание применению принципов конституционализма и иных конституционных принципов (усиливая доктринально мотивировочную часть постановлений) вместо того, чтобы сосредотачивать внимание на разрешении проблемы прав человека путем разрешения конкретного спора между человеком и органом публичной власти. К преимуществам использования такого подхода при реализации Конституционным Судом АР своей компетенции относится то, что это будет способствовать развитию азербайджанского конституционализма, с уникальным, обусловленным особенностями Азербайджанской Республики перечнем принципов. Толкование этих принципов с учетом как национальных, так и зарубежных современных тенденций их понимания в т. ч. в праве ЕС будет осуществляться Конституционным Судом АР в пределах принадлежащих ему полномочий (ведь сегодняшняя практика конституционного контроля «скорее основана на комплексном и интегративном процессе интерпретации и правоприменения» [367, с. 12]).

Итак, до внесения изменений и дополнений в Основной Закон АР с целью включения в ее текст принципов национального конституционализма именно Конституционный Суд АР, толкуя нормы Конституции, полномочен

выявлять эти ценности и формулировать перечень этих принципов. В своих постановлениях по делам о толковании Основного Закона, о соответствии нормативно-правовых актов органов публичной власти и должностных лиц Конституции, о разрешении споров, связанных с разграничением полномочий между органами публичной власти и должностными лицами, об обжаловании актов, нарушающих права и свободы человека, Конституционному Суду следует уделять большее внимание теоретическому обоснованию принимаемого решения, в т. ч. толкуя Конституцию с точки зрения заложенных в ней ценностей и принципов конституционализма.

Выводы по Разделу 5.

1. К числу элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, связанных с организацией его деятельности, относятся функции и компетенция рассматриваемого органа, организация его работы, а также юридическая сила его актов.

2. Доказано, что функции органов конституционного контроля не являются чем-то постоянным; они изменяются, дополняются, приобретают большее или меньшее значение в общественной и государственной жизни, отражая динамику конституционной юрисдикции. Обобщено, что Конституционный Суд АР реализует контрольную, интерпретационную, арбитражную, правозащитную и церемониальную функции.

3. Исходя из характеристики рассматриваемого органа, данной в предыдущих разделах, сформулировано предложение именовать Конституционный Суд АР не «высшим», а «единственным» органом конституционной юрисдикции в государстве. В связи с этим, ч. 1.1 ст. 1 «Назначение и основные цели Конституционного Суда Азербайджанской Республики» Закона АР «О Конституционном Суде» рекомендовано изложить в следующей редакции: «1.1. Конституционный Суд Азербайджанской Республики (далее – «Конституционный Суд») является единственным

органом конституционной юрисдикции по вопросам, отнесенным Конституцией Азербайджанской Республики к его полномочиям».

4. Констатировано, что компетенция Конституционного Суда АР представляет собой совокупность предмета ведения и полномочий. Компетенция единственного органа конституционной юрисдикции АР устанавливается исключительно Основным Законом, и не может быть ограничена. Отмечено, что в настоящее время единственная статья Основного Закона АР, полностью посвященная анализируемому органу, – статья 130 «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» – начинается с части I, устанавливающей, что «Конституционный Суд Азербайджанской Республики состоит из 9 судей». Таким образом, в Основном Законе АР не устанавливаются особенности юрисдикции Конституционного Суда АР, что вряд ли верно. Исходя из последовательного отстаивания автором позиции о необходимости четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции в Основном Законе АР, в Главе VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики» первую статью следует назвать «Конституционный Суд Азербайджанской Республики – единственный орган конституционной юрисдикции». В ней целесообразно изложить основы компетенции Конституционного Суда АР, закрепленные в настоящее время в п. III–VIII ст. 130 Основного Закона АР.

5. Выявлена логика закрепления полномочий Конституционного Суда АР в Основном Законе АР: а) частично в виде открытого перечня полномочий в п. III-VII ст. 130 (соответствующие дела рассматриваются Пленумом и палатами Суда), б) частично в виде упоминаний об иных, не входящих в перечень, полномочий в ст. 86, ч. I ст. 88, ст. 102, ч. II-III ст. 104, ст. 107 и ст. 153 (соответствующие дела рассматриваются лишь Пленумом Суда). Проанализирована встречающаяся в юридической литературе классификация полномочий органов конституционного контроля в зависимости от их важности на основные и дополнительные. Аргументировано, что эта классификация неприменима к полномочиям Конституционного Суда АР с

учетом чрезвычайной важности каждого из полномочий. Выявлено, что распределение полномочий на две группы связано со степенью распространенности той или иной проблемы, в зависимости от чего палаты участвуют либо не участвуют в рассмотрении дела, но никак не со степенью ее важности. Предложено использовать в качестве основания для классификации полномочий Конституционного Суда АР на две приведенные выше группы субъекта, уполномоченного принимать к производству соответствующие запросы, обращения или жалобы.

6. Констатировано, что нормативная регламентация процесса функционирования Конституционного Суда АР осуществляется как Законом АР «О Конституционном Суде», так и подзаконным актом – Внутренним уставом Конституционного Суда АР; в этих документах имеют место повторы нормативного материала. Эти повторы, а также крайне высокая детализация норм Закона АР «О Конституционном Суде» в части процесса функционирования исследуемого органа была негативно оценена экспертами Венецианской комиссии Совета Европы «За демократию через право». С целью ликвидации этого недостатка, был исследован соответствующий опыт Суда ЕС, а именно проведено сравнение норм Протокола, устанавливающего Статут Суда Европейского Союза (Протокола № 3, в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.) и Регламента Суда ЕС. Выявлено, что в Протоколе № 3 регламентируются лишь такие вопросы, как постоянное функционирование Суда ЕС, за исключением перерыва на судебные каникулы; положения о кворуме, необходимом для принятия судебных решений применительно к существующим организационным формам деятельности Суда ЕС; вопросы представительства в Суде ЕС; краткая характеристика письменной и устной процедур как двух стадий производства в Суде ЕС; подача искового и др. заявлений; истребование Судом ЕС документов, проведение экспертиз, привлечение и допрос свидетелей и экспертов; порядок ведения судебного заседания; полномочия Председателя утверждать перечень дел, назначаемых к слушанию; тайна судебных совещаний; оформление и

разъяснение судебных решений, их пересмотр; порядок решения вопроса судебных издержек; положения об упрощенной процедуре; процессуальные сроки. Все остальные вопросы, связанные с функционированием Суда ЕС, содержатся в его Регламенте.

Исходя из вышеизложенного, рекомендовано в Законе АР «О Конституционном Суде» четыре главы (четвертую «Принципы производства, осуществляемого в Конституционном Суде», пятую «Начало производства в Конституционном Суде», шестую «Конституционное производство», седьмую «Особенности конституционного производства по конституционным делам различных видов») заменить одной главой - «Основы конституционного судопроизводства». Предложено формулировать статьи новой главы достаточно сжато с тем, чтобы они получили свою конкретизацию во Внутреннем уставе Конституционного Суда АР. Кроме того, в Главе первой Закона АР «О Конституционном Суде» рекомендовано оставить следующие статьи, связанные с функционированием этого органа: ст. 7 «Вопросы, рассматриваемые в заседаниях палат и Пленума Конституционного Суда», ст. 8 «Собрание судей Конституционного Суда», ст. 9 «Символы Конституционного Суда, нагрудный знак и удостоверение судьи Конституционного Суда». Подчеркнуто, что речь идет не об уменьшении количества норм, посвященных организации работы Суда ЕС, а лишь об устранении дублирования нормативного материала. Сформулирован вывод о том, что в настоящее время регламентация функционирования Конституционного Суда АР с точки зрения объема нормативного материала является оптимальной. На основании исследования опыта Суда ЕС обосновано отсутствие необходимости принятия Конституционного процессуального кодекса. Аргументами в пользу этого тезиса являются также: а) необходимость предотвратить чрезмерного количества законодательного материала, касающегося организации деятельности исследуемого органа (Внутренний устав не входит в систему законодательства АР); б) преждевременность мнения о том, что в АР

существуют основания для выделения отрасли судебно-конституционного права и процесса.

7. Констатировано, что в Суде ЕС используется четыре процедуры – обычная (аналог обычной процедуры в Конституционном Суде АР), ускоренная (аналог письменной процедуры в Конституционном Суде АР), а также срочная и упрощенная процедуры. Аргументировано, что в процессе функционирования Конституционному Суду АР достаточно двух существующих в настоящее время процедур – обычной и письменной. Такой вывод сделан на основании сравнения статистических показателей о количестве дел, рассматриваемых ежегодно этими органами.

8. Резюмировано: поскольку Конституционный Суд АР компетентен признавать норму права несоответствующей Конституции АР и тем самым постановляет недействительность этой нормы, а также осуществляет толкование Конституции АР и иных нормативно-правовых актов, можно утверждать, что он осуществляет нормотворческую деятельность, однако не во всех случаях. Проанализированы нормы Основного Закона АР, Конституционного Закона АР «О нормативно-правовых актах» и Закона АР «О Конституционном Суде», на основании чего сделан вывод о том, что определения Конституционного Суда АР не облают юридической силой. При этом подчеркивается, что Конституционный Суд АР в своих определениях по прекращению конституционного производства нередко обстоятельно описывал свою правовою позицию, что в определенной степени является обязывающим для судебных органов в части толкования, либо применения нормы.

9. Постановления Конституционного Суда АР отнесены к актам нормативного характера. В отличие от определений, все постановления Конституционного Суда АР обладают юридической силой. Эти акты имеют нормативный характер и распространяются на широкий круг субъектов. Исключение могут составлять лишь постановления, связанные со специальным производством, которые в большей степени напоминают индивидуальный правовой акт (например, постановления Пленума Конституционного Суда АР

«О даче заключения по проекту Акта референдума Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Конституцию Азербайджанской Республики» от 25 июля 2016 г., либо «Об итогах выборов депутатов Милли Меджлиса Азербайджанской Республики пятого созыва, проведенных 1 ноября 2015 г.» от 24 ноября 2015 г.). Сформулировано предложение о внесении изменений и дополнений в Закон АР «О Конституционном Суде»:

1. Дополнить статью 66 «Юридическая сила постановлений Конституционного Суда» следующим пунктом:

«66.6 Правовые позиции, изложенные в постановлениях Конституционного суда АР носят обязательный характер для исполнения»;

2. Дополнить статью 67 «Порядок вступления в силу постановлений Конституционного суда» следующим пунктом:

«67.1 Постановления о толковании нормативно-правовых актов с позиции их соответствия Конституции АР не ограничены в ретроспективном применении»;

3. Дополнить статью 68 «Определения Конституционного суда» следующим пунктом:

«Определения Пленума Конституционного Суда, содержащие требования материального характера, имеют обязательную силу».

10. Резюмировано, что в процессе дальнейшего совершенствования таких элементов конституционного статуса Конституционного Суда АР, как функции и компетенция, целесообразно заимствовать опыт Суда ЕС в сфере передачи толкования законов АР иным органам. Доказано, что полномочия в части толкования нормативно-правовых актов следует передать Верховному Суду АР. Этот тезис сформулирован по итогам изучения опыта функционирования Суда ЕС, а также на основе данных статистического анализа, которые свидетельствуют: а) о существенном возрастании загрузки Конституционного Суда АР (если в период с 1998 по 2007 г. в среднем принималось по 14 постановлений в год, то в период с 2008 г. по настоящее время – в среднем по 22); б) о динамике количества рассматриваемых дел различных видов – в 2004-

2008 гг. наибольшее рассмотренных количество дел составляли конституционные жалобы, однако с 2010 г. тенденция изменилась, и наибольшее количество рассмотренных дел приходится на толкование законов АР; в) о постоянном характере и устойчивости тенденции постоянного увеличения количества нагрузки на Конституционный Суд АР, что делает актуальным и необходимым критическое осмысление перечня его полномочий и формулирование предложений о динамике конституционной юрисдикции. Эта инновация обусловлена необходимостью дальнейшего усовершенствования конституционного статуса Конституционного Суда АР в части уменьшения количества возлагаемых на него полномочий с тем, чтобы этот орган уделял большее внимание выявлению принципов конституционализма в Основном Законе и толкованию как принципов констиуционализма, так и конституционных принципов. Аргументирована важность официального толкования Конституционным Судом АР в их современном понимании, с учетом реалий государственной и общественной жизни принципов азербайджанского конституционализма и принципов, содержащихся в Основном Законе АР.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования осуществлено научно-теоретическое обобщение и предложены новые пути решения научной проблемы конституционно-правовых основ формирования, функционирования и развития Конституционного Суда Азербайджанской Республики. Среди обобщений, итоговых положений, выводов, рекомендаций и предложений, основное исследовательское значение имеют следующие:

1. В современной отечественной науке отсутствуют как комплексные исследования Конституционного Суда АР, так и конституционно-сравнительные исследования национальных органов конституционного контроля с Судом ЕС в части осуществления им конституционного контроля. Важность использования соответствующего опыта Суда ЕС в процессе дальнейшего усовершенствования формирования и функционирования Конституционного Суда АР обусловлена активным участием Азербайджана в проекте Европейского Союза «Восточное партнёрство», целью которого является развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Азербайджаном, Украиной, Молдавией, Арменией, Грузией и Белоруссией. Доказано, что проведенное исследование актуалиризируется вследствие того, что: а) и Конституционный Суд АР, и Суд ЕС не с самого начала своего функционирования использовали практику Европейского Суда по правам человека, однако впоследствии признали ее ценность и необходимость для защиты прав человека в соответствующих правовых системах; б) детальное изучение возможностей сохранения национальной идентичности в сочетании с использованием потенциала как наднациональных институтов, так и международных организаций важно для выстраивании взаимоотношений Азербайджана не только с ЕС, но и с другими международными организациями, членом которых он является.

2. Выявлено, что существование на европейском континенте Европейского Союза в его современных границах, с установленным на территории стран-участниц наднационального политического и наднационального правового порядка, является закономерным результатом более чем полувекового развития; в настоящее время происходит эволюция правовой природы ЕС из конфедеративной в федеративную. С точки зрения конституционного права эти процессы интересны тем, что в результате было создано «право особого рода» (*sui generis*), которое имеет черты как международного публичного права, так и национального права. Черты международного публичного права преобладают в первичных источниках права ЕС (в учредительных договорах), в то время как его вторичные и третичные источники наделены преимущественно чертами источников национального права. Наличие в праве ЕС черт национального права обуславливает существование правовой системы ЕС, в состав которой входит отрасль конституционного права ЕС. Основным источником наднационального конституционного права ЕС является Конституция ЕС, носящая консолидированный характер и состоящая из учредительных договоров и Хартии фундаментальных прав. Полномочия по осуществлению конституционного контроля возложены на возглавляющий судебную систему ЕС Суд ЕС, обладающий как конституционной, так и общей юрисдикцией.

3. Сформулировано, что структура конституционного статуса Конституционного Суда АР – это модель, включающая элементы, связанные с его формированием, внутренней организацией и деятельностью.

4. Доказано, что в нее входят следующие элементы конституционного статуса исследуемого органа, связанные с его: а) формированием - квалификационные требования к судьям Конституционного Суда АР и порядок его формирования; б) внутренней организацией - структура Конституционного Суда АР и правовой статус судей; в) деятельностью, - функции и компетенция Конституционного Суда АР, организация его работы и юридическая сила его актов. Для выявления направлений дальнейшего усовершенствования

конституционного статуса Конституционного Суда АР предложено выделять аналогичные элементы в структуре конституционного статуса Суда ЕС. Проведена поэлементная характеристика конституционного статуса Конституционного Суда АР с учетом перспектив возможного их усовершенствования с использованием опыта ЕС в тех случаях, когда это возможно (например, при анализе требований к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР выявлено, что применительно к этому элементу конституционного статуса исследуемого органа применение опыта Суда ЕС затруднительно в связи с тем, что каждое государство – член ЕС использует для назначения представляющего эту страну судьи нормы национального права, а не права ЕС).

5. Доказано, что место Конституционного Суда АР в системе органов публичной власти при изучении конституционного статуса этого органа следует считать предстатусным элементом. Выявлено, что Конституционный Суд АР относится к судебной ветви власти, однако в Основном Законе АР разграничение конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции осуществлено недостаточно четко. В связи с этим сформулированы комплексные предложения по внесению изменений и дополнений в Конституцию АР: а) дополнить Основной Закон АР Главой VII-I «Конституционный Суд Азербайджанской Республики»; б) закрепить, что Конституционный Суд Азербайджанской Республики является единственным органом конституционной юрисдикции; в) в ст. 125 «Осуществление судебной власти» уточнить, что ее осуществляют суды конституционной и общей юрисдикции; г) закрепить требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей Конституционного Суда АР отдельно от требований, предъявляемых к кандидатам на должности судей судов общей юрисдикции. Закрепление основ конституционного статуса Конституционного Суда АР в отдельной главе Основного Закона АР является позитивной прямой рецепцией опыта регламентации конституционных основ статуса Суда ЕС.

6. Сформулировано предложение из ч. 2 ст. 15 Закона АР «О Конституционном Суде» исключить словосочетание «недопустимостью проявления неуважения к Конституционному Суду или вмешательства в его деятельность». в связи с тем, что эта статья именуется «Независимость судей Конституционного Суда». Предложение обосновано тем, что: а) эта норма непосредственно касается независимости Конституционного Суда АР и имеет лишь косвенное отношение к независимости судей; б) ч. 2 ст. 5 «Независимость Конституционного Суда» этого же Закона содержит практически идентичную норму, а именно: «введение каким-либо лицом по какой-либо причине прямо или косвенно ограничения на конституционное производство, оказание на него воздействия, создание угрозы и вмешательство в него, а также проявление к суду неуважения недопустимы и влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики».

7. Доказана целесообразность повышения с 5 до 10 лет стажа работы по юридической специальности, необходимого для занятия должности судьи Конституционного Суда АР в связи с тем, что минимальный стаж работы по юридической специальности, необходимый для занятия должности судьи в судах общей юрисдикции, составляет 5 лет, с целью последовательной реализации тезиса о целесообразности более четкого разграничения конституционного статуса судебных органов конституционной и общей юрисдикции. Аргументировано, что в настоящее время установленные в Основном Законе АР квалификационные требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда являются четкими и недвусмысленными. Такие оценочные критерии, как безупречная репутация и др. рекомендовано считать факультативными и учитывать в процессе отбора кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР. Для дальнейшего усовершенствования предварительного отбора кандидатов на должности судей Конституционного Суда АР рекомендована позитивная косвенная рецепция

соответствующего опыта Суда ЕС в части создания Комитета экспертов при Президенте АР.

8. Предложено заменить избрание судей Конституционного Суда АР на 15-летний срок избранием пожизненно с целью повышения уровня независимости.

9. Обоснована целесообразность прямой рецепции опыта регламентации правового статуса судей Суда ЕС. В связи с этим в Законе АР «О Конституционном Суде» предложено исключить из ст.11 «Требования к судьям Конституционного Суда»: а) норму о требованиях к кандидатам на должности судей этого органа, изложив ее в отдельной статье; б) одну из гарантий независимости судей Конституционного Суда АР, запрещающую им заниматься определенной деятельности и совмещать работу в исследуемом органе с некоторыми другими должностями, переместив ее в главу о статусе судей Конституционного Суда АР. На материалах сравнительного анализа процессуальных гарантий независимости судей Конституционного Суда АР и Суда ЕС выявлено, что по сравнению с судьями Суда ЕС, судьи Конституционного Суда АР имеют четкий перечень оснований для самоотвода, что не всегда позволяет обеспечивать независимость и беспристрастность судьи при рассмотрении дела. Предложено дополнить ст. 46 «Отвод судьи и самоотвод» Закона АР «О Конституционном Суде» частью 46.3 в следующей редакции: «46.3. Судья Конституционного Суда имеет право подать заявление о самоотводе в случае, если по какой-либо особой причине не может принимать участия в рассмотрении дела». Часть 46.3 текущей редакции Закона после внесения в него этих дополнений будет считаться частью 46.4.

10. Рекомендована прямая рецепция опыта Суда ЕС в части включения в состав Конституционного Суда АР генеральных адвокатов.

11. Доказано, что к функциям Конституционного Суда АР относятся контрольная, интерпретационная, арбитражная, правозащитная, церемониальная. На основании опыта Суда ЕС аргументирована целесообразность передачи Верховному Суду АР полномочий по толкованию

законов и иных нормативных актов с тем, чтобы Конституционный Суд АР осуществлял официальное толкование лишь норм Основного Закона АР.

12. С учетом опыта Суда ЕС сформулировано предложение о целесообразности сокращения в Законе АР «О Конституционном Суде» количества норм процессуального характера с тем, чтобы регламентацию своей деятельности осуществлял Конституционный Суд АР на уровне своего Внутреннего Устава (Регламента). Разработаны соответствующие изменения в Закон АР «О Конституционном Суде».

13. Для определения места особого мнения судьи Конституционного Суда АР в системе актов исследуемого органа рекомендовано изложить ст. 62 «Акты Конституционного Суда» Закона АР «О Конституционном Суде» в следующей редакции:

62.1. «В заседаниях палат Конституционного Суда принимаются определения, а в заседаниях Пленума – решения и определения. Особое мнение судьи Конституционного Судья подготавливается судьей единолично»;

62.2. «Акты Конституционного Суда принимаются в совещательной комнате судей, за исключением особого мнения судьи».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаев Ф. Конституционный Суд Азербайджана как гарант обеспечения конституционной законности [Электронный ресурс] / Ф. Абдуллаев. – Режим доступа: http://www.enu.kz/repository/repository2014/konst-sud-azerbaydzhana.pdf

2. Абдуллаев Ф. Механизм защиты прав человека в Конституционном Суде Азербайджанской Республики / Ф. Абдуллаев // Захист прав людини органами конституційної юстиції: можливості і проблеми індивідуального доступу: матеріали міжнар. конф. / Конституц. Суд України. – К. : Логос, 2011. – С. 280-286.

3. Абдуллаев Ф. Обеспечение верховенства Конституции в постановлениях Конституционного Суда Азербайджанской Республики / Ф. Абдуллаев // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. – 2009. – № 16. – С. 36-40.

4. Абдуллаев Ф. Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики как форма правотворчества [Электронный ресурс] / Ф. Абдуллаев // Конституционный контроль в Республике Беларусь: современные тенденции развития и совершенствования: международная судебно-правовая конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27 июня 2014 г.). – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/news/363

5. Абдуллаев Ф. Практические проблемы осуществления конституционного контроля в Азербайджанской Республике / Ф. Абдуллаев // Azərbaycan Respublikasi Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumati. – 2012. – № 2. – С. 117-121.

6. Абдуллаєв Ф. Вплив прецеденту Європейського Суду на конституційне правосуддя в Азербайджані / Ф. Абдуллаєв // Вісн. Конституційного Суду України. – 2005. – № 6. – С. 90-91.

7. Акт независимости Азербайджана [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf.– С. 3.

8. Алексеев С. С. Государство и право : учеб. пособ. / С.С. Алексеев. – М. : Изд-во Проспект, 2007. – 152 с.

9. Алиев Ш. М. Грамматика конституционализма / Ш. М. Алиев. – Баку : Bestpack, 2016. – 894 с.

10. Андриенко Я. П. Роль Суда ЕС в формировании европейского правового пространства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право / Я. П. Андриенко. – М., 2004. – 22 с.

11. Андриенко Я. П. Роль Суда ЕС в формировании европейского правового пространства : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Ярослав Петрович Андриенко. – М., 2004. – 182 с.

12. Анишина В. И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01, 12.00.02 / Вера Ивановна Анишина. – М., 2006. – 431 с.

13. Арановский К. В. Классификационное положение президентской республики как условие деятельности конституционного правосудия / К. В. Арановский // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 4. – С. 1-9.

14. Аскеров Г. Конституция – это документ, который должен развиваться вместе с обществом / Г. Аскеров, Т. Хаммедов // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. – 2010. – № 10. – С. 13-15.

15. Афанасьева М. В. Методология конституционной науки и практики / М. В. Афанасьева // Проблемы современной конституционалистики. Учеб. пособ. – К. : Юринком Интер, 2012. – С. 69-100.

16. Афанасьева С. И. Конституционно-правовые гарантии принципа независимости судей в Российской Федерации : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / С. И. Афанасьева. – М., 2003. – 24 с.

17. Бабинков А. М. Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Артем Михайлович Бабинков. – М., 2004. – 189 с.

18. Багиров З.М. Проблемы конституционного регулирования институтов непосредственной демократии / З.М. Багиров // Qanun. – 2006. – № 1. – С. 3-5.

19. Базов О. В. Юрисдикція Європейського суду з прав людини : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 – міжнародне право; європейське право / О.В. Базов. – К., 2016. – 22 с.

20. Байрамов С. В. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации как форма реализации конституционного права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / С.В. Байрамов. – М., 2012. – 219 с.

21. Барабаш Ю.Г. Соціальні права громадян та можливості їх захисту Конституційним Судом України / Ю.Г. Барабаш // Публічне право. – 2012. – №1. – С. 15-23.

22. Баранова Ю. О. Методологічні правила порівняльно-правових досліджень : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень / Ю.О.Баранова. – Одеса, 2015. – 24 с.

23. Басангов Д. А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Денис Анатольевич Басангов. – М., 2004. – 161 с.

24. Бастен И. С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники конституционного права России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ирина Сергеевна Бастен. – Челябинск, 2003. – 230 с.

25. Батанов О. В. Муніципальна влада в Україні: проблеми теорії та практики / О. В. Батанов. – Київ: Вид-во «Юридична думка», 2010. – 656 с.

26. Бахрах Д. Н. Административное право России / Д. Н. Бахрах. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 640 с.

27. Белякова С. В. Правовой статус органов судебной власти в механизме Российского государства: общетеоретический аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Светлана Валерьевна Белякова. – Саратов, 2004. – 251 с.

28. Березин Ю. Б. Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Юрий Борисович Березин. – Екатеринбург, 2006. – 234 с.

29. Берлявский Л. Г. Концепция «живой конституции» в Соединенных Штатах Америки / Л. Г. Берлявский // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 2. – С. 15-18.

30. Бернюков А. М. Герменевтичний аналіз тлумачення – застосування права як кінцевого етапу здійснення правосуддя / А. М. Бернюков // Часопис Київського ун-ту права. – 2007. – № 1. – С. 35-40.

31. Бехруз Х. Сравнительное правоведение как учебная дисциплина: современное состояние, некоторые существующие проблемы и пути их решения / Х. Бехруз // Наук. пр. Нац. ун-ту «Одеська юридична академія». – 2010. – Т. 9. – С. 278-286.

32. Бирюков М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора : Учеб. пособ. / М.М. Бирюков. – М. : Статут, 2013. – 240 с.

33. Бисага Ю. М. Модифікація Конституції: теоретичні аспекти / Ю.М. Бисага, А. Ю. Нечипорук // Порівняльно–аналітичне право. – 2013. – № 1. – С. 54-61.

34. Бовсуновська І. Г. Конституційний Суд України як суб'єкт правотворчості / І. Г. Бовсуновська // Часопис Київського ун-ту права. – 2014. – № 1. – С. 104-108.

35. Богданова Н. А. Категория статуса в конституционном праве / Н.А. Богданова // Вестник МГУ. Право. – 1998. – № 3. – С. 3-20.

36. Богданова Н. А. Система науки конституционного права : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Наталья Александровна Богданова. – М., 2001. – 334 с.

37. Бондаренко А. А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в условиях административной реформы : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Антон Алексеевич Бондаренко. – М., 2006. – 205 с.

38. Бондарь Н. Между Сциллой и Харибдой: Конституционный Суд в системе разделения власти / Н. Бондарь // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення: матеріали міжнар. конф., м. Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 239-258.

39. Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста / Н. С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 22-34.

40. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.

41. Борадзов Т. Р. Контроль Конституционного Суда Российской Федерации: принципы и механизм реализации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Тамерлан Русланович Борадзов. – М., 2004. – 189 с.

42. Брежнев О. В. Федеральный судебный конституционный контроль в России / О. В. Брежнев. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2006. – 273 с.

43. Букиккио Дж. Приветственное слово / Дж. Букиккио // Захист прав людини органами конституційної юстиції: можливості і проблеми

індивідуального доступу : матеріали міжнар. конф. / Конституц. Суд України. – К. : Логос, 2011. – С. 225-229.

44. Буробин В. Н. Правовой статус судьи военного суда : дисс. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Виктор Николаевич Буробин. – М., 1996. – 169 с.

45. Бутько О. В. Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ольга Викторовна Бутько. – Краснодар, 2004. – 241 с.

46. В Баку состоялась Международная научная конференция на тему «Конституционное правосудие в XXI веке: особенности и пути развития» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/news/337

47. Васильченко О. П. Принцип рівності прав і свобод людини і громадянина та його ціннісні виміри в конституційному праві України : монограф. / О. П. Васильченко. – К. : Арт Економі, 2015. – 476 с.

48. Вечернин Д. А. Административно–правовой статус федеральных органов налоговой полиции : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Дмитрий Александрович Вечернин. – Екатеринбург, 1999. – 186 с.

49. Витрук Н. Авторитет функции конституционного правосудия в государствах новой демократии / Н. Витрук // Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumatı. – 2002. – № 3. – С. 68-75.

50. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 592 с.

51. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М. : Норма, 2008. – 448 с.

52. Витушкин В. А. Юридическая природа определений Конституционного Суда Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Вячеслав Александрович Витушкин. – М., 2003. – 175 с.

53. Вітвицький В.С. Контрольна влада в Україні: проблеми теорії і практики / В.С. Вітвицький // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2015. – № 4. – С. 89-97.

54. Владимирова Ю.В. Значение возраста работника в трудовом праве России : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Юлия Викторовна Владимирова. - Пермь, 2002. – 202 с.

55. Владиченко С. Про перспективи посилення захисту прав людини засобами конституційного правосуддя в Україні / С. Владиченко // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 3. – С. 32-36.

56. Внутренний устав Конституционного Суда Азербайджанской Республики : утвержден протоколом заседания судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 19 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/laws/64

57. Выдрин И. В. Конституционный Суд Российской Федерации и конституционализация юридической науки / И. В. Выдрин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 7-11.

58. Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование : дисс. ... канд. юридических наук : 12.00.01 / Гаврилов Дмитрий Анатольевич. – Волгоград: 2000. – 235 с.

59. Гагаева Е. А. Влияние европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Е.А. Гагаева. – Челябинск, 2010. – 26 с.

60. Гагаева Е. А. Влияние европейского права на конституционное законодательство государств Восточной Европы : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Екатерина Андреевна Гагаева. – Саранск, 2010. – 223 с.

61. Гаджиев Х. Влияние деятельности Конституционного Суда на развитие законодательства Азербайджанской Республики / Х. Гаджиев // Конституционное правосудие на рубеже веков : материалы междунар. конф., посв. 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации. – М. : НОРМА, 2002. – С. 20-24.

62. Гаджиев Х. Принципы толкования Европейской конвенции по правам человека и их влияние на развитие конституционного права /

Х. Гаджиев // Материалы конф. «Роль Конституции в становлении правовой государственности» (Баку, 11–12 ноября 2005 г.). – Баку: [б. и.], 2005. – С. 19-22.

63. Гаджиев Х. И. Ф. Толкование норм Конституции и закона Конституционными Судами: на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Ханлар Иршад Фаик оглы Гаджиев. – М., 2001. – 276 с.

64. Ганиева Л. Гарантирующая функция Конституции Азербайджанской Республики / Л.Г. Ганиева // Актуальные проблемы государственного и правового устройства. Материалы 11-ой Республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 88-летию общенационального лидера Г. Алиева. – Баку : [б. и.], 2011. – Т. 1. – С. 156-157.

65. Ганя Д. В. Административно-правовой статус органов государственного управления Республики Молдова : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Дойна Васильевна Ганя. – М., 1999. – 189 с.

66. Гафаров З. С. Правовое регулирование труда работников предпенсионного и пенсионного возрастов : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Гафаров Зафир Салехович. – М., 1983. – 173 с.

67. Глазунов А. Р. Конституционный Суд Российской Федерации: практика и перспектива : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Алексей Рудольфович Глазунов. – М., 2008. – 198 с.

68. Глухов А. В. Юридическая природа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации в сфере труда : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01, 12.00.05 / Александр Викторович Глухов. – М., 2009. – 238 с.

69. Головін А. С. Права людини: інтерпретаційна діяльність Конституційного Суду України / А. С. Головін. – К. : Логос, 2012. – 369 с.

70. Голуб К. Ю. Решение Суда Европейских Сообществ как источник права ЕС : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право / К.Ю. Голуб. – М., 2009. – 24 с.

71. Голуб К. Ю. Решение Суда Европейских Сообществ как источник права ЕС : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Кирилл Юрьевич Голуб. – Саратов, 2009. – 212 с.

72. Гордеев И. В. Конституционная юстиция в государствах-членах СНГ : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / И. В. Гордеев. – М., 2007. – 22 с.

73. Гордеев И. В. Конституционная юстиция в государствах-членах СНГ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Гордеев Игорь Витальевич. – М., 2007. – 151 с.

74. Горобец В. Д. Конституционно-правовой статус парламента Российской Федерации : дисс. ...д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Виктор Дмитриевич Горобец. – М., 2000. – 401 с.

75. Григорьева Н. В. Место конституционной юстиции в системе органов государственной власти : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Наталья Владимировна Григорьева. – Чита, 2005. – 174 с.

76. Грицаєнко Л. Європейський Союз як організація *sui generis* / Л. Грицаєнко // Публічне право. – 2011. – № 1. – С. 82-87.

77. Грошевой Ю. М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Юрий Михайлович Грошевой. – Харьков, 1975. – 403 с.

78. Гулиев Р. Конституционный Суд – важнейший институт демократической государственности современного Азербайджана / Р. Гулиев // Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumatı. – 2012. – № 1. – С. 109-112.

79. Гусейнов Л. Роль Конституционного Суда Азербайджанской Республики в имплементации Европейской конвенции о правах человека [Электронный ресурс] / Л. Гусейнов. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-JU%282013%29009-rus

80. Гуцан Н. Ф. Акты конституционной юстициив системе источников российского права : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Наталья Федоровна Гуцан. – СПб., 2009. – 197 с.

81. Дагуев А. В. Виды производств и их особенности в конституционном судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Аслан Витальевич Дагуев. – М., 2009. – 204 с.

82. Дамирли М. А. Методологические правила в методологическом арсенале сравнительного правоведения: понятие, особенности, разновидности / М. А. Дамирли // Вест. ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2015. – № 5. – С. 38-42.

83. Дамірлі М. А. Джерела права Європейського Союзу у світлі його Конституції / М. А. Дамірлі // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. пр. – Одеса, 2005. – Вип. 25. – С. 594-605.

84. Дамірлі М. А. Система порівняльного правознавства як комплексної науки / М.А. Дамірлі // Порівняльне правознавство. – 2013. – № 1-2. – С. 255-265.

85. Данилова Н. В. Французская модель конституционной юстиции и ее рецепция государствами Африки и Азии : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Н. В. Данилова. – М., 2013. – 30 с.

86. Дахова І. І. Конституційно-правовий статус уряду в зарубіжних країнах: порівняльно-правовий аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право / І. І. Дахова. – Харків, 2006. – 20 с.

87. Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики от 30 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 82.

88. Дмитриев В. В. Конституционная юстиция в субъектах Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / В. В. Дмитриев. – М., 2004. – 34 с.

89. Дмитриев В. В. Конституционная юстиция в субъектах Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Владимир Викторович Дмитриев. – М., 2004. – 251 с.

90. Довгань Е. Ф. К вопросу о статусе источников права Европейского Союза [Электронный ресурс] / Е. Ф. Довгань // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 1. – Режим доступа: http://evolutio.info/content/view/1661/232/

91. Договор о Европейском Союзе от 1992 г. с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/teu

92. Договор о функционировании Европейского Союза от 2007 г. с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/tfeu

93. Дробуш І. В. Соціальна функція місцевого самоврядування в Україні та конституційно-правові проблеми її реалізації: моногpаф. / І. В. Дробуш. – Рівне : Овід, 2015. – 540 с.

94. Дудко И. Г. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы: моногpаф. / И. Г. Дудко, Е. А. Гагаева. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 280 с.

95. Дудченко В. В. Герменевтика права: розвиток юриспруденції : навч. посіб. / В. В. Дудченко, В. В. Завальнюк. – Одеса : Фенікс, 2014. – 184 с.

96. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: Учеб. для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. Л. М. Энтин. – М. : Норма, 2005. – 960 с.

97. Ельцов Н. С. Правовой статус территориальных органов юстиции в современной России (теоретический аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства, история правовых учений / Н. С. Ельцов. – М., 2003. – 27 с.

98. Ельцов Н. С. Правовой статус территориальных органов юстиции в современной России: теоретический аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Николай Сергеевич Ельцов. – М., 2003. – 214 с.

99. Ершов С. В. Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 – юридические науки / С. В. Ершов. – М., 2003. – 37 с.

100. Ершов С. В. Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Сергей Владиславович Ершов. – М., 2003. – 163 с.

101. Ерышев А. А. Логика: Курс лекций / А. А. Ерышев, Н. П. Лукашевич, Е. Ф. Сластенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – К. : МАУП, 2000. – 184 с.

102. Жигачев А. В. Защита конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Александр Викторович Жигачев. - Саратов, 2006. – 187 с.

103. Жоган Р. А. Конституційно-правовий статус прокуратури в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право [Электронный ресурс] / Р. А. Жоган. – К., 2010. – 19 с. – Режим доступа: http://www.irbis–nbuv.gov.ua/cgi–bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe

104. Забокрицький І. І. Міжнародно-правові акти як джерела конституційного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право / І. І. Забокрицький. – Ужгород, 2015. – 18 с.

105. Загретдинов В. И. Конституционная юстиция в сфере демократической конкуренции / В. И. Загретдинов // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 68-71.

106. Зайков С. Ю. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сергей Юрьевич Зайков. – М., 2002. – 160 с.

107. Замотаева Е. К. Судебный нормоконтроль как способ разрешения конституционно-правовых споров в Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Е. К. Замотаева. – М., 2005. – 25 с.

108. Захаров В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Владимир Валерьевич Захаров. – Саратов, 2004. – 26 с.

109. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционое право / Владимир Валерьевич Захаров. – Саратов, 2004. - 233 с.

110. Зеленов Р. Ю. Правовые основы процесса принятия решений в системе институтов Европейского Союза : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право / Р. Ю. Зеленов. – М., 2005. – 25 с.

111. Зеленов Р. Ю. Правовые основы процесса принятия решений в системе институтов Европейского Союза : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Роман Юрьевич Зеленов. – М., 2005. – 180 с.

112. Зимин А. В. Конституционный контроль в системе разделения властей: теоретико-правовые аспекты : дисс. ... канд. юрид. наук наук : 12.00.01 / Александр Викторович Зимин. – М., 2002. – 211 с.

113. Зорькин В. Вопросы конституционного развития стран новой демократии / В. Зорькин // Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumatı. – 2005. – № 3. – С. 21-36.

114. Ильин Н. Ю. Конституционно-правовые аспекты интеграции европейских государств : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Николай Юрьевич Ильин. – М., 2002. – 164 с.

115. Имангалиев Р. Н. Проблема принятия Конституции ЕС новый вызов европейской интеграции / Р. Н. Имангалиев, Э. Т. Рангулова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – №1. – С. 206-216.

116. Ишутин И. И. Особенности правового регулирования труда судей в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Илья Игоревич Ишутин. – М., 2004. – 161 с.

117. Кадикало О. І. Тлумачення як функція конституційних судів / О. І. Кадикало // Часопис Київського ун-ту права. – 2009. – № 2. – С. 94-99.

118. Казанков С. П. Правовая природа решений органов конституционного контроля и надзора: теоретический аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сергей Петрович Казанков. – Ярославль, 2006. – 164 с.

119. Каландарли С. Разделение властей как один из основных признаков правового государства / С. Кандарли // Актуальные проблемы государственного и правового устройства. Материалы 11-ой Республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 88-летию общенационального лидера Г. Алиева.– Баку : [б. и.], 2011. – Т. 1. – С. 67-70.

120. Калугина Т. В. Конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: на примере Дальневосточного федерального округа : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Т.В. Калугина. – М., 2010. – 30 с.

121. Калугина Т. В. Конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: на примере Дальневосточного федерального округа : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Татьяна Валерьевна Калугина. – М., 2010. – 359 с.

122. Кальяк А. М. Исполнение решений конституционных судов: вопросы теории и практики: на материалах постсоциалистических государств : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Андрей Михайлович Кальяк. – Томск, 2006. – 219 с.

123. Капустин А. Я. Европейский Союз: интеграция и право : монограф. / А. Я. Капустин. – М. : Изд-во РУДН, 2000. – 436 с.

124. Керимов Г. Б. Некоторые аспекты разделения властей и взаимодействие судебной власти с законодательной и исполнительной властями / Г. Б. Керимов // Qanun. – 2002. – № 11. – С. 65-67.

125. Киреева Е. Ю. Конституционный Суд и конституционное судопроизводство : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Елена Юрьевна Киреева. – Краснодар, 1997. – 181 с.

126. Кириченко Ю. Проблемы судебного конституционного контроля в Украине: анализ и пути их разрешения / Ю. Кириченко // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 377-383.

127. Кирланов Т. Г. Независимость судей – конституционная ценность / Т. Г. Кирланов // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Междунар. науч.-теор. конф., 4-6 декабря 2008 г.: В 2-х т. Т. 2. / Под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. – М. : Российская академия правосудия, 2010. – С. 310-315.

128. Киселева Е. В. Правовое регулирование труда работников старших возрастных групп : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения / Е. В. Киселева. – М., 2011. – 26 с.

129. Киселева Е. В. Правовое регулирование труда работников старших возрастных групп: дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Елена Викторовна Киселева. – М., 2011. – 176 с.

130. Ківалов С. В. Тлумачення Конституційним Судом України правоположень про діяльність Вищої Ради юстиції / С. В. Ківалов // Вісн. Конституційного Суд України. – 2002. – № 3. – С. 71-73.

131. Клеандров М. И. Об обретении судебной властью Российской Федерации финансовой независимости / М. И. Клеандров // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 1. – С. 2-11.

132. Клейменова Е. В. Конституция Российской Федерации в свете основных тенденций развития современной правовой культуры : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Екатерина Владимировна Клейменова. – СПб, 2001. – 205 с.

133. Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / Андрей Александрович Клишас. – М., 2007. – 50 с.

134. Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Андрей Александрович Клишас. – М., 2007. – 571 с.

135. Книпер Р. Экономическое и социальное значение Конституции Азербайджана / Р. Книпер // Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumatı. – 2005. – № 3. – С. 76-84.

136. Кокотов А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 21-24.

137. Колісник В. Механізм конституційного регулювання та його основні стадії в контексті реалізації виборчого права та формування конституційного ладу / В. Колісник // Вісн. Конституційного Суду України. – 2014. – № 5. – С. 44-50.

138. Колісник В. П. Теоретико-правові аспекти подальшого вдосконалення статусу Конституційного Суду України / В. П. Колісник // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи вирішення : матеріали міжнар. конф., м. Київ, 16 травня 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 86-91.

139. Колоколов Н. А Проблемы кодификации судебного права / Н. А. Колоколов // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / Нижегородская акад. МВД России [и др.; под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова]. – Нижний Новгород : Графика, 2009. – С. 1012-1046.

140. Комарова Т. В. Юрисдикція Суду Європейського Союзу / Т. В. Комарова. – Харків : Право, 2010. – 360 с.

141. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : Проспект, 2014. - 296 с.

142. Конституционное право зарубежных стран : учеб. / под ред. А. Р. Крусян, Д. Я. Гараджаева, Н. В. Мишиной. – Харьков: Право, 2015. – 848 с.

143. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 2002. – 832 с.

144. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для студентов вузов / под ред. В. О. Лучина, Г. А. Василевича, А. С. Прудникова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 727 с.

145. Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации. Сравнительное исследование законодательства и судебной практики. Нормативные акты / отв. ред. проф. М. А. Митюков. – М. : Изд-во «Зерцало», 1999. – 480 с.

146. Конституционный Акт о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 84-88.

147. Конституционный судебный процесс : учеб. / отв. ред. М. С. Саликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. – 352 с.

148. Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1937 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 35-51.

149. Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Советской Социалистической Республики 1978 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 53-81.

150. Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики 1921 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 5-17.

151. Конституция (Основной Закон) Азербайджанской Социалистической Советской Республики 1927 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 19-33.

152. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1978 г. в редакции от 1 декабря 1988 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr–rsfsr/1977/red_1977/5478733/

153. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1978 г. в редакции от 14 марта 1990 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr–rsfsr/1977/red_1977/5478736/

154. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1978 г. в редакции от 23 декабря 1989 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr–rsfsr/1977/red_1977/5478735

155. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1978 г. в редакции от 26 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr–rsfsr/1977/red_1977/1549448/

156. Конституция 1995 г. : Президентская библиотека [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 89.

157. Конституция Азербайджанской Республики от 1995 г. с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 90-124.

158. Конституция Испании 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM

159. Конституция Республики Польши от 2 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm

160. Конституция Французской Республики 1958 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf

161. Конституційне право зарубіжних країн / за ред. Н. В. Мішиної, В. О. Міхальова. – Дніпропетровськ : Середняк ТК, 2014. – Т. 2 : Особлива частина. – 336 с.

162. Конституція України // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 142.

163. Коренева Ю. С. Социальная защита судей Российской Федерации в сфере труда и социального обеспечения : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения / Ю.С. Коренева. – М., 2006. – 24 с.

164. Коренева Ю. С. Социальная защита судей Российской Федерации в сфере труда и социального обеспечения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Юлия Сергеевна Коренева. – М., 2006. – 188 с.

165. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб, 1892. – Т. 1. – 402 с.

166. Кошелева В. В. Акты судебного толкования правовых норм (вопросы теории и практики) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Виталия Васильевна Кошелева. – Саратов, 1999. – 210 с.

167. Кравец И. А. Конституционная герменевтика: проблемы определения и роль в правовой системе / И. А. Кравец // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 1. – С. 95-99.

168. Кравец И. А. Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. Учеб. пособ. / И. А. Кравец – М. : Юстицинформ, 2017. – 400 с.

169. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Игорь Александрович Кравец. – Екатеринбург, 2002. – 584 с.

170. Кривова М. В. Организация и юрисдикция Суда ЕС: теория и практика : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право. – М., 2004. – 25 с.

171. Кривова М. В. Организация и юрисдикция Суда ЕС: теория и практика : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Мария Владимировна Кривова. – М., 2004. – 195 с.

172. Крук Ю. Конституция Европейского Союза: история подготовки и причины провала ее ратификации / Ю. Крук // Журнал международного права и международных отношений. – 2009. – № 2. – С. 37-42.

173. Крусян А. Р. Договор в публичном праве Украины / А.Р. Крусян // Договор в публичном праве. Сб. науч. статей. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – С. 52-59.

174. Кузнецова И. С. Иммунитеты и ответственность как элементы конституционно-правового статуса судьи : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация

правоохранительной деятельности; адвокатура / И. С. Кузнецова. – М., 2010. – 33 с.

175. Кузьмин А. Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / А. Г. Кузьмин. – Екатеринбург, 2016. – 56 с.

176. Кулиев Э. Судебная система Азербайджанской Республики / Э. Кулиев // Qanun. – 2001. – № 1-3. – С. 18-21.

177. Курова Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Наталья Николаевна Курова. – Белгород, 2011. – 189 с.

178. Лавренова О. І. Адміністративно-правовий статус державної служби як центрального органу виконавчої влади : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 – адміністративне право і процесс; фінансове право; інформаційне право [Электронный ресурс] / О. І. Лавренова. – Одеса, 2014. – 20 с. – Режим доступа: http://dspace.onua.edu.ua/handle/11300/2041

179. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М. : Формула права, 2008. – 558 с.

180. Лисенков С. Л. Закон «Про Конституційний Суд України»: Попул. комент. / С. Л. Лисенков. – К. : Либідь, 1998. – 103 с.

181. Литвин В. Приветственное слово / В. Литвин // Захист прав людини органами конституційної юстиції: можливості і проблеми індивідуального доступу: матеріали міжнар. конф. / Конституц. Суд України. – К. : Логос, 2011. – С. 217-224.

182. Лунгу Е. В. Конституционно–правовой статус Центрального банка Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Евгения Владимировна Лунгу. – Барнаул, 2005. – 210 с.

183. Лучин В. О. Контитуция Российской Федерации. Проблемы реализации / В. О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

184. Лыгин Н. Я. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике: науч.-практ. пособ. / Н. Я. Лыгин, В. Н. Ткачев. – М. : Статут, 2012. – 526 с.

185. Любченко П. М. Особливості конституційного регулювання відносин у громадянському суспільстві / П. М. Любченко // Державне будівництво та місцеве самоврядування. – 2010. – Вип. 20. – С. 30-39.

186. Мазур Т. В. Некоторые особенности формирования Конституционного Суда в Германии и в России: сравнительно-правовой аспект / Т. В. Мазур // Вестник Брянского государственного ун-та. – 2009. – № 2. – С.110-113.

187. Максимовская И. Н. Конституционный Суд в государственно-правовом механизме России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Иулитта Николаевна Максимовская. – Чебоксары, 2006. – 215 с.

188. Малинчев Б. А. Процессуальные институты в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Борис Александрович Малинчев. – М., 2010. – 190 с.

189. Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества / А. А. Малюшин // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 6-8.

190. Мамедов Н. Ф. Институт судебного конституционного контроля в Азербайджанской Республике / Н. Ф. Мамедов // Вестник Челябинского гос. ун-та. Право. – 2009. – № 7. – Вып. 18. – С. 47-51.

191. Мамедов Н. Ф. К вопросу о компетенции Конституционного Суда Азербайджанской Республики / Н. Ф. Мамедов // Проблемы права. – 2009. – № 4. – С. 58-61.

192. Мамедов Э. Взаимоотношения Конституционного Суда и судов общей юрисдикции (теоретические и практические подходы) / Э. Мамедов // Материалы конф. «Взаимоотношения между Конституционным Судом и

судами общей юрисдикции» (Баку, 9-10 ноября 2006 г.). – Баку: [б. и.], 2006. – С. 169-174.

193. Мамедов Э. Конституционный Суд и суды общей юрисдикции в Азербайджане (теоретические и практические проблемы взаимоотношений) / Э. Мамедов // Кавказ & глобализация. – 2007. – Т. 1 (3). – С. 6-28.

194. Мамедова Д. На пути к правовому государству / Д. Мамедова // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. – 2010. – № 10. – С. 16-18.

195. Мамченко Н. В. Конституция Европейского Союза: проблемы правового регулирования компетенций государств-членов и институтов ЕС / Н. В. Мамченко // Науковий вісн. Ужгородського ун-ту. Серія «Право». – 2013. – Вип. 22. – Ч. 1. – Т. 1. – С. 106-108.

196. Мартынов Е. А. Кандидат на должность судьи: проблемы при отборе [Электронный ресурс] / Е. А. Мартынов. – Режим доступа: http://orl.vkks.ru/publication/7517/

197. Марцеляк О. Правова природа актів Конституційного Суду України та їх роль у розвитку науки конституційного права / О. Марцеляк // Вісн. Конституційного Суду України. – 2015. – № 4. – С. 118-121.

198. Марченко В. В. Конституційно-правовий статус уряду в країнах ЄС (на прикладі Франції, Федеративної Республіки Німеччини, Іспанії) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право / В. В. Марченко. – Харків, 2008 . – 19 с.

199. Матвеев Д. Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Матвеев Дмитрий Юрьевич. – М., 2003. – 167 с.

200. Матвєєва Л. Г. Транзитивність у правовій сфері / Л. Г. Матвєєва. – К. : Юрінком Інтер, 2015. – 328 с.

201. Машаров Е. И. Структура и содержание конституционно-процессуальных отношений : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Евгений Иванович Машаров. – М., 2009. – 154 с.

202. Машкин В. А. Конституционный Суд как институт российского правового государства: становление и развитие : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Виктор Афанасьевич Машкин. – Орел, 2002. – 184 с.

203. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты : курс лекций / А. Н. Медушевский. – М. – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 512 с.

204. Мироненко О. М. Конституційний Суд України: історія і сучасність, доктрина і практика / О. М. Мироненко. – К. : Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького, 2011. – 910 с.

205. Мироновский О. Б. Правовой статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Олег Борисович Мироновский. – М., 2001. – 203 с.

206. Михайлова А. А. Самоотвод судьи в гражданском процессе / А. А. Михайлова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №1. – С. 117-125.

207. Михальчук И. Ф. Конституционно-правовой статус органов государственной власти и местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) – субъекте Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Илья Филиппович Михальчук. – М., 2000. – 150 с.

208. Мишина Е. А. Из американского опыта обеспечения личной независимости судей / Е. А. Мишина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – №4. – С. 119-133.

209. Мишина Н. В. Компаративистское исследование в конституционном праве / Н. В. Мишина // Проблемы современной конституционалистики. Учеб. пособ. – К. : Юринком Интер, 2012. – С. 101–132.

210. Мішина Н. В. Герменевтика у галузі конституційного права України (на матеріалах інституту органів самоорганізації населення) / Н. В. Мішина // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. пр. – Одеса : Юрид. літ-ра, 2009. – Вип. 50. –С. 304-310.

211. Мішина Н. В. Графічні зображення як засіб наглядного наведення статистичних фактів у конституційно-правових дослідженнях / Н. В. Мішина // Розвиток методології сучасної юриспруденції : матер. Третьої міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті проф. О. В. Сурілова (м. Одеса, 12 квітня 2013 р.) / відп. ред. Ю. М. Оборотов. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 189-193.

212. Мішина Н. В. Проблеми доктринального супроводження розвитку конституційної юстиції в Україні / Н. В. Мішина // Вісн. Конституційного Суду України. – 2015. – № 4. – С. 122-126.

213. Мішина Н. В. Статистичний метод у конституційному праві / Н. В. Мішина // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції: тези Другої міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті проф. О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) / за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 140-141.

214. Мішина Н. В. Офіційне тлумачення Конституції України: проблеми і перспективи (на матеріалах інституту органів самоорганізації населення) / Н. В. Мішина // Актуальні проблеми політики : зб. наук. пр. – Одеса : Юрид. літ-ра, 2009. – Вип. 36. – С. 88-93.

215. Мищенко С. Законодательные гаранти независимости судей Конституционного Суда Украины / С. Мищенко // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 312-315.

216. Молотов А. В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / А. В. Молотов. – Тюмень, 2003. – 22 с.

217. Молотов А. В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Александр Владимирович Молотов. – Тюмень, 2003. – 229 с.

218. Мумлева М. И. Правовой статус судьи в Советском государстве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / М. И. Мумлева. – Саратов, 2011. – 26 с.

219. Мумлева М. И. Правовой статус судьи в Советском государстве : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мария Игоревна Мумлева. – Саратов, 2011. – 224 с.

220. Мурадов С. Э. Концепция «живая конституция» как основная доктрина конституционного развития в США в XX в. / С. Э. Мурадов // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. – 2010. – № 2. – С. 38-45.

221. Мусил Я. Актуальные проблемы конституционной юрисдикции в Чешкской Республике / Я. Мусил // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м. Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 230-238.

222. Мырзалимов Р. М. Органы конституционной юстиции в странах Центральной Азии: проблемы теории и практики : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Р. М. Мырзалимов. – М., 2013. – 44 с.

223. Мяловицька Н. Конституційно-правова реформа і методологія науки конституційного права / Н. Мяловицька // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 2. – С. 22–29.

224. Мяловицька Н. Особливості законодавчого регулювання компетенції органів конституційного правосуддя в європейських державах / Н. Мяловицька // Вісн. Конституційного Суду України. – 2015. – № 4. – С. 127-129.

225. Нарутто С. В. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти / С. В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права . – 2014. – № 6. – С. 1096-1107.

226. Нарутто С. В. Принцип состязательности и равноправия сторон как ценностный ориентир эффективной деятельности судебной власти в

интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С. В. Нарутто // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Междунар. науч.-теорет. конф. 4–6 декабря 2008 г.: В 2-х т. Т. 2. / Под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. – М. : Российская академия правосудия, 2010. – С. 226-239.

227. Недбайло П. Е. Методологические проблемы советской юридической науки / П. Е. Недбайло // Методологические проблемы советской юридической науки: материалы науч. конф. Киев, 22 окт. 1964 г. – К. : Наукова думка, 1965. – С. 7-36.

228. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 510 с.

229. Недбайло П. Е. Применение советских социалистических правовых норм : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук / П. Е. Недбайло. – М., 1956. – 29 с.

230. Несмеянова С. Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / С. Э. Несмеянова. – Екатеринбург, 1994. – 18 с.

231. Несмеянова С. Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Светлана Эдуардовна Несмеянова. – Екатеринбург, 1994. – 172 с.

232. Неугодніков А. О. Правовий статус адміністративного суду в Україні: адміністративно-правовий аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Андрій Олександрович Неугодніков. – Одеса, 2006. – 166 с.

233. Никифорова М. А. Верховный Суд США как орган конституционного контроля [Электронный ресурс] / М. А. Никифорова. – Режим доступа: http://war1960.ru/usa/supreme_court.shtml

234. Николаева Т. А. Обращения граждан в органы конституционной юстиции Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой

анализ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Татьяна Альфредовна Николаева. – М., 2008. – 192 с.

235. Новиков А. М. Методология научного исследования / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М. : Либроком, 2010. – 280 с.

236. Новокшонов И. Б. Административно-правовой статус таможенных органов Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Игорь Борисович Новокшонов. – М., 1999. – 204 с.

237. Норхин Д. Т. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве / Д. Т. Норхин. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 256 с.

238. Нотин С. А. Судебная практика в системе источников налогового права: на примере ЕС и Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Сергей Александрович Нотин. – М., 2003. – 198 с.

239. Нудель М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах / М. А. Нудель. Одес. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – М. : Юрид. лит., 1968. – 223 с.

240. Нудель М. А. Конституционный надзор в капиталистических государствах : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / М. А. Нудель. – К., 1969 – 40 с.

241. Нудель М. А. Конституционный надзор в капиталистических государствах. Конспект лекций по гос. праву буржуазных стран для студентов-заочников / М. А. Нудель. / М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Кафедра гос.-правовых дисциплин. – Одесса: [б. и.], 1964. – 49 с.

242. Нуянзин А. Н. Юрисдикция Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, структура, содержание: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Андрей Николаевич Нуянзин. – Архангельск, 2004. – 199 с.

243. О Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики: Постановление Верховного Совета Азербайджанской Республики от 30 августа 1991 г. [Электронный ресурс] // Конституция. Сборник Управления делами Президента Азербайджанской

Республики. – Режим доступа: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_kons.pdf. – С. 83.

244. О дополнительных мерах в области социальной защиты судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики: Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 17 мая 2000 г. № 414 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/cat/4

245. О конституционном надзоре в СССР : Закон СССР от 23 декабря 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 572.

246. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/FCL/Pages/default.aspx

247. О Конституционном Суде : Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/laws/22

248. О нормативно-правовых актах : Конституционный закон Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/laws/24.

249. О проверке соответствия Постановления административно-экономической коллегии Верховного Суда от 18 мая 2016 г. по жалобе А. Асланова и Л. Себизовой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 10 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/381

250. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 10 июня 2015 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе А. Мирзоевой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 8 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/344

251. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 14 октября 2014 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе С. Алекперовой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 3 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/335

252. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 2 апреля 2014 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе Г. Гасанзаде : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 20 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/331

253. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 24 октября 2011 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе И. Шабановой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 27 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/240

254. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 27 апреля 2015 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе В. Алескеровой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/346

255. О проверке соответствия Постановления Гражданской коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 6 октября 2011 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе А. Эфендиевой и Н. Керимовой : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 5 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/253

256. О проверке соответствия Постановления состава суда Верховного Суда Азербайджанской Республики по вновь открывшимся обстоятельствам от 12 апреля 2015 г. Конституции и законам Азербайджанской Республики по жалобе А. Шошанова : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 2 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/323

257. О проверке соответствия ст. 448.5 Уголовного-Процессуального кодекса Азербайджанской Республики Конституции Азербайджанской Республики : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 16 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/309

258. О толковании ст. 420 Гражданского Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики : Постановление Конституционного Суда Азербайджанской Республикиот 28 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constcourt.gov.az/decisions/221

259. О толковании ст. 54.3 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках : Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 31 января 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/decisions/375

260. О толковании ст. 87.2 Закона Азербайджанской Республики «Об исполнении» и статьи 2.1 Административно-Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики : Постановление Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 4 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constcourt.gov.az/decisions/230

261. Об утверждении Порядка выдачи судьям денежного пособия на лечение : Постановление Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 27 августа 2001 г. № 142 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/cat/4

262. Оборотов Ю. М. Від ціннісної характеристики – до формування аксіометрії права і держави / Ю. М. Оборотов // Філософія права і загальна теорія права. – 2012. – №1. – С. 150-158.

263. Оборотов Ю. М. Дослідження цінності держави як актуальний напрям сучасного правознавства / Ю. М. Оборотов // Право України. – 2010. – №1. – С. 44-51.

264. Огляд круглого столу «Науково-доктринальне забезпечення розвитку конституційної юстиції в Україні» (19 червня 2015 р., м. Київ) // Вісн. Конституційного Суду України. – 2015. – № 4. – С. 74-91.

265. Окрема думка судді Конституційного Суду України Шевчука С. В. стосовно Висновку Конституційного Суду України у справі за зверненням Верховної Ради України про надання висновку щодо відповідності законопроекту про внесення змін до Конституції України щодо недоторканості народних депутатів України та суддів вимогам статей 157 і 158 Конституції України // Вісн. Конституційного Суду України. – 2015. – № 4. – С. 54-69.

266. Опря О. В. Конституционные суды в постсоциалистических государствах Восточной Европы: на примере Конституционного Суда Республики Болгарии : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ольга Владимировна Опря. – М., 2002. – 192 с.

267. Орзих М. Ф. Конституция Украины и современные перспективы конституционных преобразований / М. Ф. Орзих // Юрид. вестник. – Одесса. – №2. – 2011. – С. 4-11.

268. Орзих М. Ф. Современный конституционализм: цели и средства конституционной реформы в Украине / М. Ф. Орзих // Юрид. вестник. – Одесса. – №1. – 2005 – С.107-112.

269. Орлова Ю. М. Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право / Ю. М. Орлова. – Казань, 2005. – 25 с.

270. Орлова Ю. М. Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Юлия Михайловна Орлова. – Казань, 2005. – 216 с.

271. Осадчук К. О. Державна влада та її поділ: до перспектив виділення нетипових гілок влади / К. О. Осадчук // Науковий вісн. Ужгородського національного ун-ту. Серія Право. – 2014. – Вип. 29. – Т. 1. – С. 96-100.

272. Осауленко С. В. Адміністративно-правовий статус Кабінету Міністрів України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 – адміністративне право і процесс; фінансове право; інформаційне право / С. В. Осауленко. – Одеса, 2010. – 20 с.

273. Остапенко Е. П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Екатерина Павловна Остапенко. – Владимир, 2011. – 232 с.

274. Остапович И. Ю. Особенности европейских моделей органов конституционного контроля и их участия в законодательном процессе / И. Ю. Остапович // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 77-80.

275. Пастернак С. Н. Конституционное правосудие в странах Центральной и Восточной Европы: на примере Польской Республики : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Светлана Николаевна Пастернак. – Спб., 2010. – 212 с.

276. Пацурківський П. Порівняльний аналіз правових позицій конституційних судів ФРН, Російської Федерації та України з питань оподаткування / П. Пацурківський, Р. Гаврилюк // Проблеми сучасного українського конституціоналізму : зб. наук. пр. на пошану першого Голови Конституційного Суду України, проф. Леоніда Юзькова / Конституц. Суд України, Акад. прав. наук України. – К. : Логос, 2008. – С. 268-276.

277. Переверзева В. А. Профессиональная социализация судьи в современном российском обществе : дисс. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / Виктория Александровна Переверзева. – Ставрополь, 2006. – 183 с.

278. Переплеснина Е. М. Некоторые проблемы совершенствования системы конституционного правосудия в Российской Федерации / Е. М. Переплеснина // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы междунар. науч.-теорет. конф. 4-6 декабря 2008 г.: В 2-х т. Т. 2. / Под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. – М. : Российская академия правосудия, 2010. – С. 239-252.

279. Петренко Д. С. Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации (современные правовые проблемы и перспективы) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Денис Сергеевич Петренко. – М., 2007. – 229 с.

280. Петрова И. В. Конституционный Суд – орган конституционного контроля в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ирина Владимировна Петрова. – М., 2004. – 194 с.

281. Пивоварова А. А. Правосознание и усмотрение судьи : соотношение понятий, роль при назначении наказания : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Анастасия Александровна Пивоварова. – Самара, 2009. – 228 с.

282. Подорожна Т. Основні елементи конституціоналізму в контексті правових позицій Конституційного Суду України / Т. Подорожна // Публічне право. – 2012. – № 3. – С. 28-33.

283. Половченко К. А. Конституционная юстиция в России и Украине (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / К. А. Половченко. – М., 2003. – 26 с.

284. Половченко К. А. Конституционная юстиция в России и Украине (сравнительно-правовой анализ) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Константин Анатольевич Половченко. – М., 2003. – 232 с.

285. Портнов А. В. Правове регулювання конституційного судочинства в Україні: доктрина, субєкти і форми конституційного судочинства, створення

нових процесуальних інститутів : монограф. / А. В. Портнов. – К. : Логос, 2008. – 202 с.

286. Право Европейского Союза : учеб. для бакалавров / под ред. С.Ю. Кашкина. – М. : Проспект, 2014. – 320 с.

287. Право Європейського Союзу : підручн. / за ред. О. К. Вишнякова. – Одеса : Фенікс, 2013. – 883 с.

288. Право Європейського Союзу : навч. посібн. / За заг. ред. Р. А. Петрова. – 3-те вид., змін. та доповнене. – К. : Істина, 2010. – 376 с.

289. Право Європейського Союзу : підруч. / за ред. В.І. Муравйова. – К. : Юрінком Інтер, 2011. – 704 с.

290. Право и институты Европейского Союза : современный этап эволюции: учеб. пособ. / Л. М. Энтин. – 2-е изд., перераб. – М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2016. – 287 с.

291. Привалова Л. В. Правовая природа и правовой статус представительного органа муниципального образования в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Людмила Викторовна Привалова. – М., 2011. – 210 с.

292. Приходько Х. Погляди професора Л. П. Юзькова як методологічна та ідеологічна основа інституціоналізації конституційного процесу / Х. Приходько // Проблеми сучасного українського конституціоналізму: зб. наук. пр. на пошану першого Голови Конституційного Суду України, проф. Леоніда Юзькова / Конституц. Суд України, Акад. прав. Наук України. – К. : Логос, 2008. – С. 44-49.

293. Про Конституційний Суд України : Закон України від 16 жовтня 1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 49. – Ст. 272.

294. Протокол № 30 к Лиссабонскому договору, изменяющему Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества «О применении Хартии Европейского Союза об основных правах к Польше и Соединенному Королевству» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/protoc/30

295. Протокол № 7 о привилегиях и иммунитетах Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/protoc/7

296. Протокол о привилегиях и иммунитетах Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/protoc/7

297. Протокол о применении принципов субсидиарности и пропорциональности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/protoc/2

298. Протокол, устанавливающий Статут Суда Европейского Союза, с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/constit/3#13

299. Пряхина Т. М. Юридическая охрана Советской конституции: (государственно-правовой аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / Т.М. Пряхина. – Саратов, 1991. – 18 с.

300. Пшеничний В. Ідеї вдосконалення окремих демократичних інститутів України / В. Пшеничний // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 4. – С. 11-15.

301. Пшеничнов М. А. Конституция России и международное право : проблемы взаимодействия : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Михаил Александрович Пшеничнов. – Нижний Новгород, 1998. – 209 с.

302. Рабінович П. М. Герменевтика і правове регулювання / П. М. Рабінович // Вісн. Академії правових наук України. – 1999. – № 2. – С. 61-70.

303. Рабінович П. Офіційне тлумачення законодавства: герменевтичний аспект / П. Рабінович, Н. Савчук // Право України. – 2001. – № 11. – С. 22-25.

304. Рабінович П. М. Правотлумачення і герменевтика (за матеріалами практики Конституційного Суду України) / П. М. Рабінович // Вісн. Академії правових наук України. – 2006. – № 4. – С. 13-21.

305. Рабінович П. Проблеми трансформації методології вітчизняного правознавства: досягнення, втрати, перспективи / П. Рабінович // Вісн. Акад. прав. наук України. − 2002. − № 4. − С. 3-14.

306. Рассмазина А. З. Источники права Европейского Союза : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 [Электронный ресурс] / Алина Зориктуевна Рассмазина. – М., 2005. – Режим доступа: http://pravo.news/pravo-evropeyskoe/istochniki-prava-evropeyskogo-soyuza.html

307. Ратушний С. М. Конституційне право ЄС: юридичний нонсенс чи об'єктивна реальність / С. М.Ратушний // Правове регулювання економіки. – 2012. – № 11-12. – С. 451-461.

308. Рзаев С. М. Институт президентства как основной стержень системы государственного управления в Азербайджане / С. М. Рзаев // Право и политика. – 2009. – № 5. – С. 1019-1025.

309. Руднев В. И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Владимир Ильич Руднев. – М., 1997. – 212 с.

310. С начала деятельности в Азербайджане высшего органа конституционного правосудия проходит 15 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.gov.az/news/336

311. Савенко М. Незалежність судді Конституційного Суду України / М. Савенко // Вісн. Конституційного Суд України. – 2001. – № 1. – С. 75-83.

312. Савенко М. Д. Правовий статус Конституційного Суду України : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право [Електронний ресурс] / М. Д. Савенко. – Харків, 2001. – Режим доступу: http://www.irbis–nbuv.gov.ua/cgi–bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe

313. Савенко М. Д. Правовий статус Конституційного Суду України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Микола Дмитрович Савенко. – Харків, 2001. – 189 с.

314. Савенко М. Д. Статус судді Конституційного Суду України / М. Д. Савенко // Вісн. Конституційного Суду України. – 1998. – № 2. – С. 54-61.

315. Савенко Н. Независимость и авторитет конституционной юстиции / Н. Савенко // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 316-324.

316. Савчин М. В. Основні принципи діяльності Конституційного Суду України по тлумаченню Конституції України / М. В. Савчин, Р. В. Марчук // Часопис Київського ун-ту права. – 2009. – № 2. – С. 83-89.

317. Савчин М. В. Установлення конституції та правовий конттинуїтет державності: шляхи реалізації Основного закону / М. В. Савчин // Часопис Київського ун-ту права. – 2006. – № 1. – С. 60-65.

318. Самедов М. Н. Международно–правовые основы деятельности Конституционного Суда Азербайджанской Республики / М. Н. Самедов // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. – 2007. – № 3. – С. 21-29.

319. Самедов М. Н. «Прецедентное право» Европейского Суда и правовая система Азербайджанской Републики / М. Н. Самедов // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. – 2007. – № 2. – С. 5-14.

320. Самедов М. Н. Международный договор и Конституция / М. Н. Самедов // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. – 2006. – № 2. – С. 66-74.

321. Самедов Э. Н. Конституция Азербайджанской Республики 1995 г. – основа национального права Азербайджана / Э. Н. Самедов // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. – 2007. – № 4. – С. 45-53.

322. Самощенко И. С. Диалектика и специальные методы правовой науки / И. С. Самощенко, В. М. Сырых // Керимов Д. А. Методологические проблемы советской юридической науки / Д. А. Керимов, Л. С. Явич, В. Н. Кудрявцев и др. – М. : Наука, 1980. – С.190–210.

323. Сасов К. А. Проблемы реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации: материально-правовые и процессуальные аспекты : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право / К. А. Сасов. – М., 2005. – 32 с.

324. Сасов К. А. Проблемы реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации: материально-правовые и процессуальные аспекты : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Константин Анатольевич Сасов. – М., 2005. – 216 с.

325. Свистунова М. А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии (конституционно-правовой статус Федерального Конституционного Суда) : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / М. А. Свистунова. – М., 2007. – 42 с.

326. Свистунова М. А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии (конституционно-правовой статус Федерального Конституционного Суда) : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Мария Алексеевна Свистунова. – М., 2007. – 198 с.

327. Севрюков Д. С. Организационно-правовой механизм формирования судейского корпуса в РСФСР : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства, история правовых учений / Д. С. Севрюков. – Курск, 2015. – 30 с.

328. Селиванов А. А. Вопросы теории конституционного правосудия в Украине / А. А. Селиванов. – К. : Логос, 2010. – 272 с.

329. Сергеев Д. Н. Конституционное правосудие в России: политико-правовое исследование : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Дмитрий Николаевич Сергеев. – М., 2005. – 150 с.

330. Скомороха В. Незалежність Конституційного Суду України та її гарантії. Бюджетне фінансування як найважливіша гарантія його самостійності та незалежності / В. Скомороха // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 3. – С. 10-23.

331. Скомороха В. Правові форми участі Конституційного Суду України у законотворчості / В. Скомороха // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 1. – С. 47-75.

332. Скомороха В. Судова незалежність (тези) / В. Скомороха // Вісн. Конституційного Суд України. – 2001. – № 1. – С. 71-74.

333. Совгиря О. В. Конституційно-правовий статус Кабінету Міністрів України: сучасний стан та тенденції розвитку / О. В. Совгиря. – К. : Юрінком Інтер, 2012. – 464 с.

334. Стець О. М. Адміністративно-правовий статус Головного управління державної служби України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 – адміністративне право і процесс; фінансове право; інформаційне право [Электронный ресурс] / О. М. Стець. – Одеса, 2011. – 19 с. – Режим доступа: http://www.irbis–nbuv.gov.ua/cgi–bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe

335. Страшун Б. А. Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию. Часть 1 / Б. А. Страшун // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 106-120.

336. Стрижак А. А. Закон України «Про Конституційний Суд України»: наук.-практ. комент. / А. А. Стрижак, Я. В. Рибалко, М. В. Савчин. – К. : Ін Юре, 2009. – 328 с.

337. Стрижак А. Конституционный Суд Украины в системе органов государственной власти Украины / А. Стрижак // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення: матеріали міжнар. конф., м. Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 190-194.

338. Сулейманов Д. А. Конституционно–правовое регулирование института референдума / Д. А. Сулейманов // Qanun. – 2006. – № 3. – С. 3-5.

339. Сулимский С. В. Международно–правовые проблемы развития институциональной системы Европейского Союза после Амстердамского договора : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – международное право; европейское право / С.В. Сулимский. – М., 2003. – 24 с.

340. Сулимский С. В. Международно–правовые проблемы развития институциональной системы Европейского Союза после Амстердамского

договора : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Сергей Викторович Сулимский. – М., 2003. – 185 с.

341. Суродейкина И. В. Юрисдикционная защита прав человека в ЕС: законодательство и практика : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Ирина Владимировна Суродейкина. – М., 2011. – 154 с.

342. Тай Ю. В. Отвод судей как гарантия независимости суда / Ю. В. Тай, Т. Ф. Арабова, В. Ле Бурдон // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 8. – С. 131-147.

343. Танчев Е. Теоретические и практические проблемы прямого и непрямого доступа граждан в Конституционный Суд Болгарии и сравнительные возможности / Е. Танчев // Захист прав людини органами конституційної юстиції: можливості і проблеми індивідуального доступу : матеріали міжнар. конф. / Конституц. Суд України. – К. : Логос, 2011. – С. 370-390.

344. Таран Д. П. Форми захисту конституції на сучасному етапі: порівняльно–правовий аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право / Д. П. Таран. – Харків, 2016. – 20 с.

345. Тароєва В. В. Становлення контрольної влади в Україні / В. В. Тароєва // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. пр. – О., 2007. – Вип. 36. – С. 126-130.

346. Таций В. Конституционный Суд Украины – гарант стабильности конституционного строя, защиты прав человека и гражданина / В. Таций // Захист прав людини органами конституційної юстиції: можливості і проблеми індивідуального доступу : матеріали міжнар. конф. / Конституц. Суд України. – К. : Логос, 2011. – С. 234243.

347. Терюкова Е. Ю. Правовые акты в процессе осуществления конституционного правосудия : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Евгения Юрьевна Терюкова. – М., 1999. – 179 с.

348. Тетюев С. В. Возможность отвода судьи – гарантия беспристрастности состава суда / С.В. Тетюев // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 42-46.

349. Тимченко И. Механизм конституционной юрисдикции в государственном механизме украинского общества / И. Тимченко // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 213-220.

350. Тихий В. Повноваження Конституційного Суду України та правова природа його рішень / В. Тихий // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 4. – С. 38-44.

351. Тихий В. Правова природа, повноваження, рішення та висновки Конституційного Суду України / В. Тихий // Проблеми сучасного українського конституціоналізму : зб. наук. пр. на пошану першого Голови Конституційного Суду України, проф. Леоніда Юзькова / Конституц. Суд України, Акад. прав. наук України. – К. : Логос, 2008. – С. 215-228.

352. Тихий В. Правотлумачення Конституційним Судом України та правова природа його рішень / В. Тихий // Вісн. Конституційного Суду України. – 2001. – № 1. – С. 62-71.

353. Тихомиров О. Д. Юридична компаративістика: філософсько–методологічні засади [Електронний ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 – міжнародне право / О. Д. Тихомиров. – К., 2006. – Режим доступа: http://www.irbis–nbuv.gov.ua/cgi–bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe

354. Тихомиров Ю. А. Споры о компетенции [Электронный ресурс] / Ю. А. Тихомиров // Право и экономика. – 2001. - № 2. – Режим доступа: https://publications.hse.ru/articles/74336069

355. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. - М. : Юстицинформ, 2001. – 354 с.

356. Тихоновецкий Д. С. Судебная практика как источник Европейского права : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Дмитрий Сергеевич Тихоновецкий. – М., 2004. – 152 с.

357. Ткачук П. Конституційний Суд України: теоретико-правові питання діяльності / П. Ткачук // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 4. – С. 23-37.

358. Топорнин Б. Н. Европейское право : учеб. / Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 1998. – 436 с.

359. У справі за конституційним поданням Верховного Суду України про офіційне тлумачення положень частин першої, другої статті 126 Конституції України та частини другої статті 13 Закону України «Про статус суддів» (справа про незалежність суддів як складову їхнього статусу) : Рішення Конституційного Суду України від 1 грудня 2004 р. № 19–рп/2004 // Офіційний вісник України. – 2004. – № 49. – Ст. 3220.

360. Фастовець А. С. Сутність та особливості преюдиціального провадження Суду ЄС : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. С. Фастовець. – К., 2016. – 200 с.

361. Фесенко Л. І. Правовий статус Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ у системі судового устрою : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 – судоустрій; прокуратура та адвокатура / Л. І. Фесенко. – Одеса, 2011. – 20 с.

362. Фомін Ю. В. Особливості формування Європейського адміністративного простору / Ю. В. Фомін // Форум права. – 2011. – № 1. – С. 1059-1064.

363. Хабриева Т. Я. Толкование конституции Российской Федерации: теория и практика : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Талия Ярулловна Хабриева. – Москва, 1997. – 369 с.

364. Хамходера О. П. Адміністративно-правовий статус державної інспекції як центрального органу виконавчої влади : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / О. П. Хамходера. – Одеса, 2014. – 23 с.

365. Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества: введение в конституционное и административное право европейского сообщества / Т. К. Хартли; пер. с англ. и ред.: В. Г. Бенда. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 1998. – 647 с.

366. Хілтон Д. Г. Конституційне судочинство. Американський та український досвід / Д. Г. Хілтон, Б. Футей, В. П. Тихий. – К. : Інститут громадянського суспільства, 1999. – 112 с.

367. Хохрякова О. С. Взаимодействие конституционного и наднационального правосудия в Европе (о Конгрессе Конференции европейских конституционных судов) / О. С. Хохрякова, М. А. Филатова // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 6. – С. 7-15.

368. Худолей К. М. О некоторых вопросах назначения судей конституционных (уставных) судов / К. М. Худолей // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 72-84.

369. Худынцева А. С. Правовой статус судей Международного Суда ООН : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 – международное право; европейское право / А. С. Худынцева. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.

370. Худынцева А. С. Правовой статус судей Международного Суда ООН : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Анна Сергеевна Худынцева. – Екатеринбург, 2006. – 206 с.

371. Хюльсхерстер Ш. Приветственное слово / Ш. Хюльсхерстер // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 203-204.

372. Цараев А. А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура / А. А. Цараев. – М., 2003. – 36 с.

373. Цараев А. А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Арсен Алимбегович Цараев. – М., 2003. – 185 с.

374. Цвигун Л. А. Значение толкования норм права Судом Европейского Союза / Л. А. Цвигун // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 5. Юриспруд. – 2013. – № 2. – С. 193-195.

375. Целыковский И. В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Игорь Владимирович Целыковский. – Белгород, 2014. – 23 с.

376. Целыковский И. В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Игорь Владимирович Целыковский. – Елец, 2014. – 190 с.

377. Цибульский В. В. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Владимир Валентинович Цибульский. – М., 2005. – 180 с.

378. Чебоксаров П. А. Конституционно-правовой статус органов местного самоуправления : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Петр Александрович Чебоксаров. – СПб, 2001. – 188 с.

379. Чернопищук Я. В. Конституціоналізація процесу європейської інтеграції України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституційне право; муніципальне право / Я. В. Чернопищук. – Одеса, 2013. – 22 с.

380. Четвериков А. О. Основные органы Европейского Союза: конституционно-правовой аспект : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Артем Олегович Четвериков. – М., 1999. – 209 с.

381. Чикурлій С. О. Конституційно-правовий статус органів виконавчої влади України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сергій Олександрович Чикурлій. – К., 2008. – 211 с.

382. Шаповал В. Основні характеристики конституційного права (частина перша) / В. Шаповал // Вісн. Конституційного Суд України. – 2003. – № 6. – С. 60-70.

383. Шаповал В. Основні характеристики конституційного права (частина друга) / В. Шаповал // Вісн. Конституційного Суд України. – 2004. – № 1. – С. 77-87.

384. Шаповал В. М. Проблеми розвитку конституційної юрисдикції в Україні / В. М. Шаповал // Вісн. Конституційного Суду України. – 1998. – № 2. – С. 45-53.

385. Шевцов А. Л. Система источников в развитии права Европейского Союза: теоретико-правовое исследование : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Антон Леонидович Шевцов. – Орел, 2007. – 192 с.

386. Шевчук С. Творча роль судді у процесі тлумачення конституції / С. Шевчук // Вісн. Конституційного Суду України. – 2008. – № 4. – С. 100-109.

387. Шеломанова Л. В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Лариса Викторовна Шеломанова. – Орел, 2013. – 157 с.

388. Шемшученко Ю. Конституційний Суд України як орган конституційної юрисдикції / Ю. Шемшученко, Г. Мурашин // Вісн. Конституційного Суду України. – 2006. – № 4. – С. 3-10.

389. Шишкова Н. Хартия основных прав Европейского Союза и вопросы судебной защиты / Н. Шишкова // Адвокат. – 2012. – № 11. – С. 6-8.

390. Шульженко Ю. Л. Конституционный контроль в России / Ю. Л. Шульженко. – М. : Ин-т государства и права, 1995. – 175 с.

391. Щербанюк О. В. Роль Конституційного Суду України в забезпеченні конституційної законності: проблеми та шляхи її вирішення / О. В. Щербанюк // Право і суспільство. – 2014. – № 6.2. – С. 21-27.

392. Эбралидзе Н. Т. Методы правотворчества в ЕС : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Эбралидзе Нона Тамазовна. – Казань, 2004. – 173 с.

393. Эйнуллаев Т. Конституционный нормоконтроль / Т. Эйнуллаев // Qanun. – 2008. – № 7. – С. 23-28.

394. Эндзинш А. Непрерывность деятельности Конституционного Суда как гарантия его независимости / А. Эндзинш // Конституційний Суд у системі органів державної влади: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення : матеріали міжнар. конф., м.Київ, 16 трав. 2008 р. – К. : Ін Юре, 2008. – С. 205-212.

395. Энтин К. В. Право Европейского Союза и практика Суда Европейского Союза : учеб. пособие / К. В. Энтин. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.

396. Энтин Л. М. Актуальные проблемы европейского права [Электронный ресурс] / Л. М. Энтин, М. Л. Энтин, С. А. Трыкалова, И. В. Орина. – Режим доступа: https://books.google.com.ua/books

397. Юрина Е. В. Российская модель разделения властей в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право / Е. В. Юрина. – М., 2008. – 27 с.

398. Яшникова Т. А. Конституционный Суд Российской Федерации: анализ деятельности и проблемы : дисс. …канд. юрид. наук : 12.00.02 / Татьяна Александровна Яшникова. – М., 1994. – 147 с.

399. Abdullayev F. S. Azərbaycan Respublikasında konstitusiya icraatının nəzəri və praktiki problemləri / F. S.Abdullayev. – Bakı : Konstitusiya Məhkəməsinin nəşriyyatı, 2009. – 330 s.

400. Abdullayev F. S. Azərbaycan Respublikası Konstitusiya Məhkəməsinin hüquqi m?vqeləri / F. S.Abdullayev. – Bakı : «Zərdabi LTD» MMC, 2013. – 664 s.

401. Arrebola C. An Econometric Analysis of the Influence of the Advocate General on the Court of Justice of the European Union [Электронный ресурс] / C. Arrebola, A. J. Mauricio, H. Jim?nez Portilla // Cambridge Journal of Comparative and International Law. – Vol. 5. – № 1. – Режим доступа: http://ssrn.com/abstract=2714259

402. Backer L. C. A Constitutional Court for China within the Chinese Communist Party: Scientific Development and the Institutional Role of the CCP / L. C. Backer. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ssrn.com/abstract=1308598

403. Banks M. Myths and truths about the salaries and taxes of EU officials [Электронный ресурс] / M. Banks. – Режим доступа: http://www.brusselstimes.com/magazine2/5828/myths-and-truths-about-the-salaries-and-taxes-of-eu-officials

404. Beckford M. Britain's ?1million bill... for extra EU judges we tried to block: European Court of Justice to double its number of judges to 56 over next four years despite appeal by ministers [Электронный ресурс] / M. Beckford. – Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3347842/Britain-s-1million-bill-extra-EU-judges-tried-block-European-Court-Justice-double-number-judges-56-four-years-despite-appeal-ministers.html

405. Charles G.-U. Democracy and Distortion [Электронный ресурс] / G.-U. Charles. – Cornell Law Review. – Vol. 92. – № 4 (May 2007). – P. 601-678. – Режим доступа: http://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3061&context=clr

406. Coan A. Judicial Capacity and Executive Power [Электронный ресурс] / A. Coan, N. Bullard. – Режим доступа: https://www.virginialawreview.org/sites/virginialawreview.org/files/Coan_Online.pdf

407. Comments On the Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan CDL(2001)114-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL%282001%29114-e

408. Commission of the European Economic Community v Grand Duchy of Luxembourg and Kingdom of Belgium. – Joined cases 90/63 and 91/63: Judgment of the Court of 13 November 1964. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal–content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61963CJ0090

409. Composition of Chambers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_7029/en/

410. Concerning the judicial functions of the Vice–President of the Court: Decision of the Court of Justice of 23 October 2012 (2012/671/EU) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32012D0671

411. Constitution of the Italian Republic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf

412. Court of Justice of the European Union. Annual Report 2015. Judicial Activity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2016-04/en_ap_jur15_provisoire2.pdf

413. Directorate General for Translation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_10742/en/

414. Douglas-Scott S. The European Union and the Human Rights after the Treaty of Lisbon [Электронный ресурс] / S. Douglas-Scott. – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/tablas/r27635.pdf. – P. 645-682.

415. Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan – Draft Interim Report CDL(2001)116-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL%282001%29116-e

416. Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan CDL(2001)111-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL%282001%29111-e

417. Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan: Interim opinion adopted by the Venice Commission at its 49th Plenary Session (Venice, 14–15 December 2001) CDL-INF(2001)028-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2001)028-e

418. Draft Opinion on the Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, 5 March 2002, CDL (2002) 25 rev [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL%282002%29025rev-e

419. Draft Opinion on the Rules of Procedure of the Constitutional Court of Azerbaijan, 14 June 2004, CDL (2004) 057 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL%282004%29057-e

420. Draft Rules of Procedure of the Constitutional Court of Azerbaijan, 8 June 2004, CDL (2004) 067 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL(2004)067-e

421. Əsgərov Z.A. Konstitusiya h?ququ. Dərslik / Z.A. Əsgərov. – Bakı : Bakı Dövlət Universiteti nəşriyyatı, 2011. – 760 s.

422. EU Constitutional Law – Advanced. Department of Legal Studies. Central European University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.ceu.edu/courses/eu–constitutional–law–advanced

423. Eynullayev T. B. Azərbaycanın hüquq sistemində Azərbaycan Respublikası Konstitusiya Məhkəməsi qırarlarının yeri (nəzəri və praktiki məsələlər). H. e. f. d. avtoreferatı [Электронный ресурс] / T. B. Eynullayev. – Режим доступа: http://www.aak.gov.az/avtoref_to_mudaf/pdf_to_mudaf/huq/huq_n_etb_24_04_10.pdf

424. Flaminio Costa v E.N.E.L. Judgment of the Court of 15 July 1964. Case 6-64 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006

425. Garoupa N. Judicial Reputation: A Comparative Theory / N. Garoupa, T. Ginsburg. – Chicago : University of Chicago Press, 2015. – 272 p.

426. Gartland F. EU judges total pay package now more than € 300,000 [Электронный ресурс] / F. Gartland. – Режим доступа: http://www.irishtimes.com/news/crime-and-law/eu-judges-total-pay-package-now-more-than-300-000-1.2491639

427. Guliyev R. Practical Approaches to the Issue of the Execution of the Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan / R. Guliev [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-JU%282009%29011-e

428. Harward Law School Course Catalog. European Union Constitutional Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hls.harvard.edu/academics/curriculum/catalog/index.html?o=65669

429. Langdal F. Democracy, Legitimacy and Constitutionalism [Электронный ресурс] / F. Langdal, G. von Sydow. – Режим доступа: http://www.scandinavianlaw.se/pdf/52-17.pdf

430. Learning the Rules of the Game. Germany Assists Economic Legal Reform in Azerbaijan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/84_folder/84_articles/84_germany.html

431. Levi L. Altiero Spinelli, Founder of the Movement for European Unity / L. Levi // Altiero Spinelli – European Federalist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2007/410673/IPOL-AFCO_ET%282007%29410673_EN.pdf

432. Məmmədov X. Konstitusiya Məhkəməməsinin H?quqi m?vqeləri / X. Məmmədov // Konstitusiya Məhkəməsinin Məlumatı. – 2008. – № 4. – S. 152-165.

433. Mu?oz S. Organisation of the Court of Justice and the Court of First Instance of the European Communities [Электронный ресурс] / S. Mu?oz. – Режим доступа: http://www.cvce.eu/obj/organisation_of_the_community_jurisdictions-en-8032474d-2ac4-4764-b299-5fc0ad597538.html

434. Opinion on Draft Amendments to the Law on the Constitutional Court of Latvia CDL-AD(2009)042. Adopted by the Venice Commission at its 80th Plenary Session (Venice, 9-10 October 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)042-e

435. Opinion on Draft Amendments to the Law on the Constitutional Court, the Civil Procedural Code and the Criminal Procedural Code of Azerbaijan CDL-AD(2007)036. European Commission for Democracy through Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2007)036-e

436. Opinion on possible Constitutional and Legislative Improvements to ensure the uninterrupted functioning of the Constitutional Court of Ukraine CDL-AD(2006)016-e, adopted by the Venice Commission at its 67th Plenary Session (Venice, 9-10 June 2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)016-e

437. Opinion on the amendments to the Constitution of Ukraine. Adopted by the Commission at its 63rd plenary session (Venice, 10-11 June 2005), CDL-AD(2005)015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2005)015-e

438. Opinion on the Constitution of Ukraine, adopted by the Commission at its 30th plenary meeting in Venice, on 7-8 March 1997, CDL-INF(1997)002-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-INF(1997)002-e

439. Opinion on the Draft Constitution of Ukraine. Adopted by the Venice Commission at its 75th Plenary Session (Venice, 13-14 June 2008) CDL-AD(2008)015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2008)015-e

440. Opinion on the Draft Constitutional Law on Introduction Amendments and Additions to the Constitutional Law on the Constitutional Chamber of the Supreme Court of Kyrgyz Republic, CDL-AD(2014)020. Adopted by the Venice Commission at its 99th Plenary Session (Venice, 13-14 June 2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2014)020-e

441. Opinion on the Draft Law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan adopted by the Commission at its 50th Plenary Session, Venice, 8–9 March 2002, CDL-AD(2002)005-e. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282002%29005-e

442. Opinion on the draft law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan CDL-INF(1996)010 by the Venice Commission. Strasbourg, 18 November 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-INF(1996)010-e

443. Opinion on the draft law on the Constitutional law of the Republic of Azerbaijan: adopted by the Commission at its 29th Plenary Meeting 15–16 November 1996 CDL(1996)086-e. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL%281996%29086-e

444. Opinion on the Draft Laws Amending Law № 47/1992 'On the Organization and Functioning of the Constitutional Court of Romania'. Adopted by the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) at its 66th plenary session (Venice, 17–18 March 2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2006)006-e

445. Opinion on the Law on the High Constitutional Court of the Palestinian National Authority CDL-AD(2009)014 by the Venice Commission. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)014-e

446. Opinion on the Rules of Procedure of the Constitutional Court of Azerbaijan, adopted by the Venice Commission at its 59th Plenary Session (Venice, 18-19 June, 2004) CDL-AD (2004) 023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)023-e

447. Opinion Statement of the CFE on ECJ Advocate General Opinions in Tax Matters. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://krdp.pl/files/user/ZAGRANICA/CFE%20Opinion%20Statment_AdvGen%20revPB.pdf

448. Opinions, Reports and Studies on Constitutional Justice. European Comission for Democracy through Law (Venice Comission), Compilation of Venice Comission, Strasbourg, 1 July 2015, CDL–PI(2015)002 Or. Engl./fr. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL–PI%282015%29002–e

449. Organisation of the Community jurisdictions. The Court of Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cvce.eu/en/education/unit–content/–/unit/d5906df5

450. Pacho I. The Advocates–General in the Court of Justice of the European Union [Электронный ресурс] / I. Pacho. – Режим доступа: http://humanrightshouse.org/Articles/16051.html

451. Parti ?cologiste «Les Verts» v European Parliament. Judgment of the Court of 23 April 1986. Action for annulment - Information campaign for the elections to the European Parliament. - Case 294/83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61983CJ0294

452. Pernice I. The Treaty of Lisbon and Fundamental Rights [Электронный ресурс] / I. Pernice – Режим доступа: http://www.judicialstudies.unr.edu/JS_Summer09/JSP_Week_1/Pernice%20Fundamental%20Rights.pdf . – C. 235-256.

453. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action / I. Pernice // Columbia Journal of European Law. – Vol. 15. - № 3/2009. – P. 349-407.

454. Reform of the EU’s Court System. Court of Justice of the European Union. Press Release № 44/15, Luxembourg, 28 April 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015–04/cp150044en.pdf

455. Report by Mr. Kh. Hajiyev (Chairman, Constitutional Court, Azerbaijan), Conference ‘On Human Rights Protection System’, Bishkek, 21–22

November 2002, CDL–JU (2002) 43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL–JU%282002%29043-e

456. Republic of Azerbaijan: Draft Law on the Constitutional Court CDL(2001)110-e [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL(2001)110-e

457. Robinson D. European Court of Justice doubles number of judges [Электронный ресурс] / D. Robinson. – Режим доступа: http://www.ft.com/cms/s/0/562d0236-df97-11e4-a6c4-00144feab7de.htm

458. Rosas A. EU Constitutional Law: An Introduction (Second Edition) / A. Rosas, L. Armati. – Hart Publishing, 2012. – 332 p.

459. Rules of Procedure of the Court of Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2012–10/rp_en.pdf

460. Sch?tze R. European Constitutional Law. 2nd Edition / R. Sch?tze. – Cambridge University Press, 2016. – 552 p.

461. Statistics concerning the judicial activity of the Court of Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2012-06/ra2011_statistiques_cour_en.pdf

462. Steinberger H. Models of Constitutional Jurisdiction. European Comission for Democracy through Law (Venice Comission) [Электронный ресурс] / H. Steinberger. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU%281991%29001-e

463. Study on individual access to constitutional justice, the Venice Commission CDL-AD(2010)039rev by the Venice Commission [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-AD(2010)039rev.aspx

464. Şükürov N. Konstitusiyanın hüquqi mühafizəsi mexanizmində Konstitusiya nəzarətinin növləri və modellərinin ?z?nəməxsus x?susiyyətləri / N. Şükürov // Qanun. – 2015. – № 10. – S. 43-49.

465. The Composition of Constitutional Courts. European Commission for Democracy through Law. Science and technique of democracy, № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-STD(1997)020-e

466. The European Constitutional Law Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cambridge.org/core/journals/european–constitutional–law–review

467. Treaty on European Union, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ MİLLİ MƏCLİSİ

HÜQUQ SİYASƏTİ VƏ DÖVLƏT QURUCULUĞU KOMİTƏSİ

AZ1152, Bakı, Parlament prospekti, 1. www.meclis.gov.az

№ 081/4-173 30 мая 2017-ci il.

В Диссертационный совет Д 41.086.01
Национального Университета
«Одесская Юридическая Академия»

Справка о внедрении

Настоящим подтверждаем, что результаты диссертационного исследования Гараджаева Джейхуна Ясин оглы на тему: «Конституционный суда Азербайджанской Республики: теория и практика» обладают актуальностью, представляют практический интерес и были использованы при разработке проектов законодательных актов.

Автор указанного диссертационного исследования непосредственно участвовал в разработке проектов законов Азербайджанской Республики: «О Конституционном суде», «Об обеспечении прав и свобод лиц, содержащихся под стражей», «О борьбе с бытовым насилием» и других актов разрабатываемых и представляемых на пленарное заседание Комитетом по правовой политике Милли Меджлиса Азербайджанской Республики.

Председатель комитета по вопросам правовой политики и государственного строительства Милли Меджлиса Азербайджанской Республики **Али Гусейнли**

AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASI MİLLİ MƏCLİSİNİN APARATI ÜMUMİ ŞÖBƏ

Приложение 2

Azərbaycan Respublikası
Konstitusiya Məhkəməsi

The
Constitutional Court
of the Republic of Azerbaijan

03/01-465
30.05.2017

В Диссертационный совет Д 41.086.01
Национального Университета
«Одесская Юридическая Академия»

Украина, 65009 г. Одесса, Фонтанская дорога,23

Справка о внедрении

Настоящим подтверждаем, что результаты диссертационного исследования Гараджаева Джейхуна Ясин оглы на тему: «Конституционный суд Азербайджанской Республики: теория и практика» обладают актуальностью, представляют практический интерес и были использованы при разработке проектов Внутреннего Устава, постановлений, определений и проводимых ежегодно обобщений работы Конституционного Суда Азербайджанской Республики.

Председатель
Конституционного Суда
Азербайджанской Республики

Фархад Абдуллаев

Ünvan: AZ 1005, Bakı şəhəri, Gənclər Meydanı,1. Tel:(994 12) 492 88 41; Faks:(994 12) 492 97 66
Address: 1, Genjler Square, AZ 1005, Baku, Azerbaijan Tel:(994 12) 492 88 41; Fax:(994 12) 492 97 66
http://www.constcourt.gov.az

Приложение 3

БАКИНСКИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУД №1
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

AZ1022, г. Баку, Насиминский район,
ул. Н.Везирова, 56
www.courts.gov.az/1bakueconomic

Телефон: +994 12 441-33-90
Факс: +994 12 441-60-90
contact@1bakuaecourt.gov.az

№ S01/23

30 мая 2017 года

В Диссертационный совет Д 41.086.01
Национального Университета
«Одесская Юридическая Академия»

Украина, город Одесса, Фонтанская дорога, 23

Справка о внедрении

Настоящей справкой подтверждаем, что результаты диссертационного исследования Гараджаева Джейхуна Ясин оглы на тему: «Конституционный суд Азербайджанской Республики: теория и практика» обладают актуальностью, представляют практический интерес. Эти исследования и их результаты были неоднократно использованы при подготовке проектов решений административно-экономического суда, установлении подсудности рассматриваемых споров, конституционализации судебной практики и установлении правовой определенности в практике.

Председатель **Р.Рзаев**

Azərbaycan Respublikası 1 saylı Bakı İnzibati-İqtisadi Məhkəməsi

Приложение 4

«ЗАТВЕРДЖУЮ»
Ректор Національного університету
«Одеська юридична академія»
професор Завальнюк В.В.
1 березня 2017 року

АКТ
про впровадження наукових розробок дисертаційного дослідження на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук Д.Я.Гараджаєва за темою: «Конституційний Суд Азербайджанської Республіки: теорія та практика»
у навчальну та науково-дослідну діяльність
Національного університету «Одеська юридична академія»

Акт складено комісією у складі:

Голова: проректор з наукової роботи Національного університету «Одеська юридична академія», д.ю.н., професор Ульянова Г.О.

Члени: проректор з методичної роботи, к.ю.н., професор кафедри організації судових, правоохоронних органів та адвокатури Ю.Є.Полянський, декан судово-адміністративного факультету Національного університету «Одеська юридична академія», к.ю.н., доцент О.В.Тодощак, в.о. завідувача кафедри конституційного права, д.ю.н., професор М.В.Афанасьєва, начальник науково-дослідної частини, к.ю.н., доцент Д.Г.Михайленко.

Комісією було проведено роботу по визначенню фактичного впровадження результатів наукового дослідження к.ю.н., доцента Д.Я.Гараджаєва у навчальний процес та науково-дослідну діяльність Національного університету «Одеська юридична академія».

Комісія розглянула наукові публікації Д.Я.Гараджаєва: Гараджаєв Д. Я. Конституційне право Азербайджанської Республіки / Д.Я. Гараджаєв // Конституційне право зарубіжних країн. Том 2 : Особлива частина / під ред. д.ю.н., проф. Н.В. Мішиної та доц. В. О. Міхальова. – Дніпропетровськ : Середняк ТК, 2014. – 336 с. – С. 4-29; Гараджаев Д. Я. Конституционное право Азербайджанской Республики / Д.Я. Гараджаев // Конституционное право зарубежных стран: учебник / Н.В.Мишина, А.Р.Крусян, Д.Я.Гараджаев и др. – Харьков: Право, 2015. – 848с. - С. 496-528; Гараджаев Д. Я. Человек и гражданин в системе конституционализма / Д.Я. Гараджаев // Актуальные проблемы государства и права. – 1999. – Вып. 6. – Ч. 1.– С.172-179; Гараджаев Д. Я. Реализация международных стандартов прав человека в правовой системе Украины. Круглый стол в редакции: Всеобщая декларация прав человека и Украина (материалы обсуждения) / Д.Я. Гараджаев // Юридический вестник. – 1999. - № 1. – С.73-74; Гараджаев Д. Я. К вопросу о правовом статусе

конституционных судов / Д.Я. Гараджаев // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. – 2015. – № 18. – Т.1. - С. 38-40; Гараджаев Д. Я. Право на свободу совести и религии: проблемы правового ограничения в свете европейских стандартов / Д.Я. Гараджаев // Актуальні проблеми політики. Збірник наукових праць. - Одеса, 2007. - С.148-156; Гараджаев Д. Я. Конституционный контроль в системе конституционализма / Д.Я. Гараджаев // Юридический вестник. - 2015. - № 4. - С. 40-45; Гараджаев Д. Я. Конституционный контроль в обеспечении принципа правовой определенности / Д.Я. Гараджаев // Юридический вестник. - 2015. - №3. – С.253-259; Гараджаев Д. Я. О предпосылках использования сравнительного метода в конституционно-правовых исследованиях / Д.Я. Гараджаев // Прикарпатський юридичний вісник. – 2016. – Вип. 4. - С. 23-27; Гараджаев Д. Я. Методология сравнительных исследований органов конституционного правосудия / Д.Я. Гараджаев // Конституційно-правові академічні студії. – 2016. - № 1. – С. 100-108; Гараджаев Д. Конституционный Суд Азербайджанской Республики: теория и практика : монографія / Д. Гараджаев. – Одесса : Издательский дом «Гельветика», 2016. – 400 с.

За результатами проведеної роботи комісією встановлено:

1. Теоретичні та практичні питання теми дисертації Д.Я.Гараджаєва досліджувалися у межах науково-дослідної теми кафедри конституційного права «Конституційна реформа та модернізація в умовах інтеграційного розвитку України», що пов'язана з планом наукових досліджень Національного університету «Одеська юридична академія» на 2016–2020 рр. «Стратегія інтеграційного розвитку України: правовий та культурний вимір» (державний реєстраційний номер 0116U001842); науково-дослідної теми кафедри конституційного права «Конституційна модернізація та реформування в Україні», що пов'язана з планом наукових досліджень Національного університету «Одеська юридична академія» на 2011–2015 рр. «Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку української державності та права» (державний реєстраційний номер 0111U000671); науково-дослідної теми кафедри конституційного права «Конституційна модернізація та реформування в Україні», що пов'язана з планом наукових досліджень Одеської національної юридичної академії на 2006–2010 рр. «Традиції та новації у сучасній українській державності і правовому житті» (державний реєстраційний номер 0106U004970).

2. Сформульовані у наукових працях висновки та пропозиції щодо формування та функціонування органів конституційного контролю застосовуються під час проведення лекційних та семінарських занять з навчальних дисциплін "Конституційне право України", "Конституційне право зарубіжних країн", "State Law of Foreign Countries", "Constitutional Status of NGOs in Ukraine".

3. Положення про формування та функціонування органів конституційного контролю, а також про можливість застосування досвіду Суду ЄС для подальшого удосконалення конституційного статусу цих органів доповідалися на конференціях «Зона вільної торгівлі Україна - Європейський Союз та європейська інтеграція: правові та економічні аспекти» (8 червня 2007 р.), «Правовые системы современности» (27 квітня 2012 р.); «Правове життя сучасної України» (16-17 травня 2012 р.); «Правове забезпечення ефективного виконанння рішень і застосування практики Європейського суду з прав людини» (20-21 вересня 2013 р.); «Правові та інституційні механізми забезпечення розвитку держави та права в умовах євроінтеграції» (20 травня 2016 р.), які були проведені в Національному університеті "Одеська юридична академія".

Голова комісії: Ульянова Г.О.

Члени комісії: Полянський Ю.Є.

Афанасьєва М. В.

Тодощак О. В.

Михайленко Д.Г.

Таблица 5.2.

Количество дел, рассмотренное Конституционным Судом Азербайджанской Республики по годам, 1998-2015 гг.

Год	Конституционные жалобы	Толкование конституции	Толкование законов	Утверждение результата выборов	Проверка конституционности нормативных актов	Проверка полномочия органов власти	Заключения по изменениям в Конституцию	Иное	Всего
1998			1	3					4
1999			4	3	6	1		3	17
2000			8	1	5				14
2001			8	3	2			1	14
2002			8		4		1		13
2003		1	4	2	3				10
2004	8		2		3			1	14
2005	13	1	1	1	1			2	19
2006	8		1	1				1	11
2007	9		1						10
2008	10		7	1			1		19
2009	4		5						9
2010	5		9	1	5				20
2011	4		19		2				25
2012	5		17		2				24
2013	7		11	1	1				20
2014	12		16		3				31
2015	9		14	1	1				25